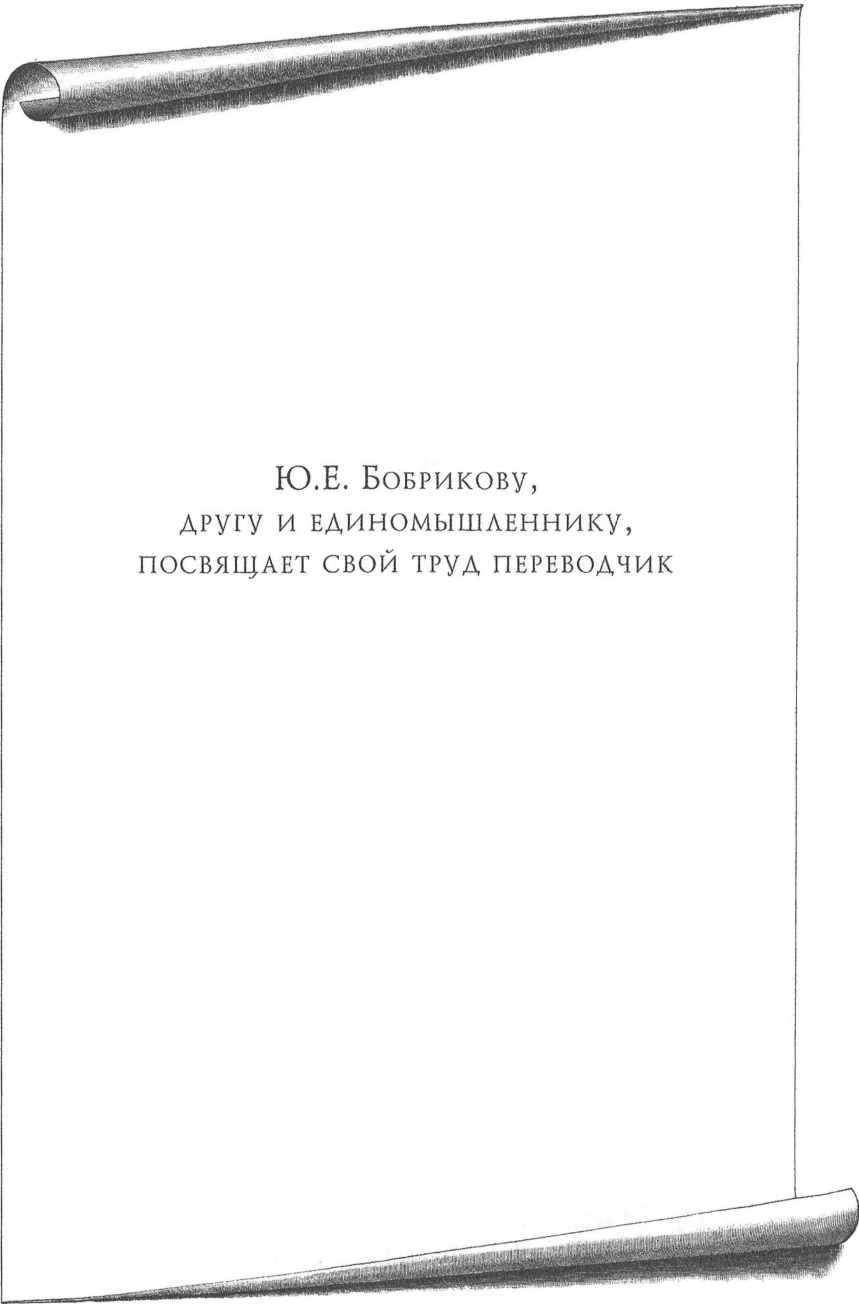
The background is a collage of various historical maps and documents. At the top left, there's a map of a city with a grid-like street pattern, possibly from the 17th or 18th century. To its right is a document with text in English, mentioning 'The Father of the Nation' and 'The Founder of the Republic'. Below the top left map is another map showing a fortified area with a river. To the right of that is a document with a circular seal and text. At the bottom, there's a large, detailed map of a city with many buildings and a river, with labels like 'NORTHHEIM' and 'GOTTINGEN'.

Кавалер
Антуан де Вилль

**ОБЯЗАННОСТИ
ГУБЕРНАТОРА
КРЕПОСТИ**

A black and white illustration of a scroll. The scroll is unrolled, showing a white rectangular area in the center. The top and bottom edges of the scroll are rolled up, creating a dark, textured border. The text is centered on the white area.

Ю.Е. Бобрикову,
другу и единомышленнику,
посвящает свой труд переводчик

DE
LA CHARGE
DES
GOUVERNEURS
DES PLACES

Par MESSIRE ANTHOINE DE VILLE
Chevalier:

OU' SONT CONTENUS TOUS LES ORDRES
qu'on doit tenir pour preparer les choses necessaires dans une place,
tant pour la conserver, comme pour la deffendre, & pour
s'empescher de toute sorte de surprises;

UN DISCOURS FACILE POUR RECONNOISTRE TOUS
les deffauts des places, & pour y sçavoir remédier,

UN ABREGE' DE LA FORTIFICATION, OU' IL EST
traitté en quoi consiste se perfection, & tous ce qu'un Cavalier & un
homme de Commandement en doit sçavoir, pour en discourir, &
pour s'en servir:

DE PLUS Y EST ADIOUSTE' UN TRAITTE'
de Parties de guerre.



A' PARIS,
Chez Matthieu Guillemot, ruë Saint Iacques,
au coin de la ruë de la Parcheminerie.

M. DC. XXXIX.
AVEC PRIVILEGE DU ROY

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

МЕССИРА АНТУАНА ДЕ ВИЛЛЯ,
кавалера, —

КНИГА, СОДЕРЖАЩАЯ ВСЯКОГО РОДА ПРАВИЛА,
которые надлежит соблюдать, дабы обеспечить крепость всем
необходимым для поддержания боеспособности,
а равно обороны и отражения любых нападений;

ОБЩЕПОНЯТНОЕ РУКОВОДСТВО К ВЫЯВЛЕНИЮ
и устранению всех недостатков крепости;

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ФОРТИФИКАЦИИ
с изъяснением достоинств таковой, а также знаний, которыми
должен обладать дворянин и человек, облеченный командованием,
дабы судить о крепости и нести в ней службу, а сверх того

ТРАКТАТ О МАЛОЙ ВОЙНЕ.



В ПАРИЖЕ

у Матьё Гиймо, улица Сен-Жак,
на углу улицы Пергаментщиков.

М. ДС. XXXIX
С ПРИВИЛЕГИЕЙ КОРОЛЯ



Антуан де Виль в возрасте 31 года.

Гравюра Ж. Давида
по портрету работы Артемизии Джентилески,
1627 г.



Кавалер АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

**ОБЯЗАННОСТИ
ГУБЕРНАТОРА
КРЕПОСТИ**

Перевод с французского
Я.С. Семченкова

Москва
Грифон
2016

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вилль, Антуан, де

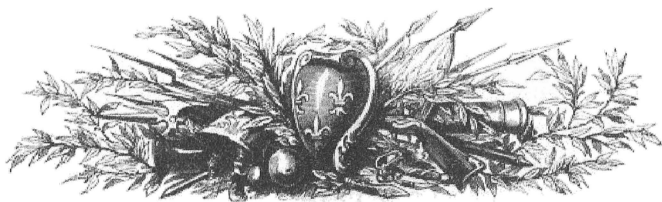
- В 45 Обязанности губернатора крепости мессира Антуана де Вилля, кавалера, — книга, содержащая всякого рода правила, которые надлежит соблюдать, дабы обеспечить крепость всем необходимым для поддержания боеспособности, а равно обороны и отражения любых нападений; общепонятное руководство к выявлению и устранению всех недостатков крепости; краткое изложение фортификации с изъяснением достоинств таковой, а также знаний, которыми должен обладать дворянин и человек, обремененный командованием, дабы судить о крепости и нести в ней службу, а сверх того трактат о малой войне / Кавалер Антуан де Вилль; Пер. с франц., прим. и коммент. Я.С. Семченкова. — М.: Грифон, 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-98862-292-5

Впервые на русском языке издается интереснейший исторический источник периода Тридцатилетней войны (1618–1648), принадлежащий перу выдающегося французского военного инженера кавалера Антуана де Вилля (ок. 1596 — ок. 1656/57) и детально рассматривающий теорию и практику фортификации Нового времени, вопросы политического и хозяйственного управления укрепленным городом, организацию гарнизонной службы, а также стратегию и тактику осадной войны. Современник и сподвижник знаменитого кардинала Ришелье, Антуан де Вилль принимал участие во многих военных кампаниях и осадах своего времени, внес крупный вклад в развитие фортификационной науки и военно-инженерной мысли в целом, а некоторые аспекты его литературного и научного наследия (например, Трактат о малой войне) сохранили известную актуальность до наших дней.

Для специалистов в области военной истории и любителей военно-исторической литературы.

УДК 94(44)03
ББК 63.3(4Фра)51-3



НАСТАВЛЕНИЕ БУДУЩЕМУ ГУБЕРНАТОРУ

От издательства

Книга, которую досточтимый читатель держит сейчас в руках, интересна и своим содержанием, и необычной судьбой. Она шла к русскому читателю очень долго — без малого четыре столетия, а впервые увидела свет во Франции еще при жизни знаменитого кардинала Ришелье, в 1639 г., когда Европа сражалась на полях «первой мировой» Нового времени — Тридцатилетней войны. Франция — во многом благодаря государственным талантам Ришелье — вышла из войны в числе победителей, надолго заняла одно из первенствующих мест в концерте европейских стран, а достижения на международной политической арене стали прочным фундаментом ее авторитета и во многих других областях, в том числе на поприще военной и военно-инженерной мысли. Вторая половина XVII в. богата литературой, которая принадлежит перу французских авторов и посвящена теории и практике военного дела и обучению различным военным профессиям.

Книгу «Обязанности губернатора крепости...», которую мы представляем вниманию читателя, можно по праву назвать одним из важнейших сочинений этого направления. Ее автор — кавалер Антуан де Вилль — известный военный инженер своего времени, посвятивший жизнь науке фортификации и осадной войны. Книга, представляющая собой добротное практическое пособие по осадной войне, так или иначе затрагивает все вопросы, в которых должен разбираться военный наместник укрепленного города той эпохи, — от проектирования крепостей до продовольственного снабжения гарнизона и горожан, от подготовки к обороне до выработки условий капитуляции. Однако, на наш взгляд,

содержание книги гораздо шире — и губернатора крепости, каким его хочет видеть де Виль, пожалуй, можно сравнить с правителем-сувереном...

Невольно вспоминается другая книга — трактат «Государь» («Il Principe») флорентийца Никколо Макиавелли, в котором рассматривается методология использования власти, а также навыки и свойства характера, необходимые правителю. Если вспомнить, что де Виль, изучая фортификацию, несколько лет провел в Италии, поддерживал отношения с видными деятелями политики, науки и культуры и, вероятно, неплохо знал итальянский язык, то параллель между «Государем» и «Губернатором...» (а книгу он, к слову сказать, посвятил кардиналу Ришелье, своему покровителю) прослеживается вполне явственно: Макиавелли стремился создать образ идеального государя, де Виль — губернатора.

Некоторые главы «Губернатора...», особенно те, которые касаются проектирования и строительства крепостей, могут показаться при чтении чересчур растянутыми и скучными. И все же обратим внимание: каждая строчка написана, как тогда говорили, *de actu et visu* — по опыту и наблюдениям, каждое техническое предложение выверено до мелочей.

И пусть эпоха крепостей давно прошла, однако подробные объяснения автора доньше представляют собой настоящий кладезь специализированной информации, которая не только пополнит копилку знаний современных военных историков, но и может послужить базой для нового направления военно-исторической реконструкции — моделирования инженерных сооружений прошлого. У читателя появится возможность поставить себя на место инженера-фортификатора XVII в., а также почувствовать себя первооткрывателем технических новаций, которые в наши дни либо совершенно забыты, либо, наоборот, кажутся неоспоримыми, а возможно, по праву исследователя XXI в., внести свою лепту в их толкование и применение.

Нельзя не коснуться и еще одного аспекта восприятия книги. «Губернатор...» — труд научный, но всем, кто открыл для себя историю Франции благодаря романам Александра Дюма-отца, он не может не напомнить о некогда прочитанных «Королеве

НАСТАВЛЕНИЕ БУДУЩЕМУ ГУБЕРНАТОРУ

Марго», «Графине де Монсоро», «Трех мушкетерах» и «Виконте де Бражелоне»: де Вилль вновь говорит нам о шпагах и мушкетах, кулевринах и «добрых протазанах», бастионах и осадах, эки и ливрах. Благодаря этим хорошо знакомым атрибутам эпохи мы быстро забываем, что с автором «Губернатора...» нас разделяет несколько веков, и, углубляясь в изучение старинного ученого трактата, не ощущаем себя совсем уж безнадежными дилетантами. Да и сам Антуан де Вилль, так напоминающий шевалье д'Артаньяна, глядит со своего портрета на фронтисписе лукаво и взыскующе, будто герой еще одного увлекательного романа, а отнюдь не автор серьезного сочинения о крепостях.

Следует отдать должное переводчику, чей долгий, кропотливый и, можно без преувеличения сказать, самоотверженный труд предоставил нам возможность прочесть «Обязанности губернатора крепости...» на русском языке. Кроме того, Я.С. Семченков подготовил подробные примечания к книге и подробную библиографию, включающую и список источников, и справочную литературу. Иллюстративный материал воспроизведен без изъятий по французскому изданию «Губернатора...» 1639 г. Слова, выражения и указания, взятые в квадратные скобки, в оригинале отсутствуют и включены в текст для лучшего его понимания.

Примечания, представляющие собой блок статей со сплошной нумерацией и отнесенные в конец книги, призваны не только объяснить современному читателю специальные фортификационные и военные термины, но и указать на неявные смысловые связи в тексте предлагаемой книги, а также на авторские отсылки к другим источникам.

Надеемся, что книгу Антуана де Вилля оценят и специалисты-историки, и любители военно-исторической литературы.

*Д.Н. Бакун, кандидат исторических наук,
главный редактор издательства «Гриффон»*



ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА...

Предисловие переводчика

О кавалере Антуане де Вилле (ок. 1596 — ок. 1656/57), французском военном инженере, имя которого не обходит упоминанием ни один научный труд, посвященный истории бастионной фортификации, нам, в сущности, известно не так уж много. Дошедшими до нас сведениями мы обязаны исключительно его собственным книгам и переписке. По-видимому, первый критический опыт описания его жизни и литературного наследия — это относительно небольшая статья в одиннадцатом томе справочника *Biographie universelle ancienne et moderne* А.Г. Мишо (1814).

Несколько лет спустя двухтомник *Biographie toulousaine*, вышедший в родном городе де Вилля Тулузе, опубликовал расширенный вариант этой статьи, но из пяти ее колонок едва ли одна включает сугубо биографические сведения. Остальные заняты перечислением сочинений автора, сравнительным обзором принципов, которых он придерживался в фортификации, похвалами его военным знаниям, литературному дарованию и, конечно же, таланту художника. (Антуан де Вилль сам чертил и гравировал технические схемы к своим книгам, а каждый планшет украшал прихотливыми буколическими сценами, видами старинных замков и живописных руин, благодаря чему узкоспециальные трактаты становились одинаково интересными не только практикам в области фортификации, но и любителям гравюр.)

Статьи в энциклопедических изданиях последующих десятилетий XIX в. (например, в *Encyclopédie moderne, ou Dictionnaire abrégé des hommes et des choses* (1828), *Biographie universelle ou*

Dictionnaire historique... (1841) и др.) не добавили в жизнеописание де Вилля никаких новых фактов, — более того, по сути, являясь сокращенными перепечатками из *Biographie toulousaine*, внесли изрядную путаницу в датировку переизданий его книг, а *Grande Encyclopédie* М. Бертело ухитрилась даже назвать местом его рождения Тулон вместо Тулузы. Довольно много места уделено де Виллю в книге *Aperçu historique sur les fortifications, les ingénieurs et sur le corps de génie* А.-М. Огойя, но и она умалчивает о таких важных вехах его судьбы, как служба Венецианской республике и переписка с Галилео Галилеем. Лишь исследования французских историков XX–XXI вв. — И. Брюана, Э. Верен и, конечно же, Ж.-Ф. Перно из Коллеж де Франс, посвятившего де Виллю несколько специальных публикаций, помогли упорядочить разрозненные сведения о жизни этого выдающегося фортификатора, математика, военного писателя, а главное — расцветить его портрет свежими красками.

Он был потомком дворянской семьи из Дофине, обосновавшейся в Лангедоке в конце XV в. Где и у кого он получил образование, поставившее его впоследствии в один ряд с корифеями европейской инженерной науки, к сожалению, неизвестно. Можно лишь предполагать, что отрочество ему пришлось провести в иезуитском коллеже: впоследствии в одном из своих писем к Галилею он вскользь, но довольно едко упомянет, что «потратив три года на обучение философии у иезуитов, обнаружил в себе еще больше невежества и тупоумия, нежели прежде... С годами мой ум окреп, — продолжает он, — и я убедился, что вся эта философия братьев-монахов, иезуитов и иже с ними — не что иное, как надуманное словоблудие, не позволяющее прийти к осмысленному решению или отыскать истину»¹. Неприятие досужих мудрствований де Вилль, насколько можно судить по тону его книг, пронес через всю жизнь, а о тех людях, которые воспринимают науку как занятие сугубо кабинетное, неизменно отзывался с пренебрежением и насмешкой, не щадя порой даже своих учителей и предшественников.

¹ Цит. по: *Vérin, H. Galilée et Antoine de Ville: un courrier sur l'idée de matière // Largo Campo di Filosofare, Eurosymposium Galileo / J. Montesinos & Carlos Solis. Madrid: éd. Orotavia, 2001. P. 309* (пер. Я.С. Семченкова).

Около 1621 г., согласно семейной традиции, — а скорее всего, из тех же соображений, что побуждали отпрысков небогатых дворянских родов искать славы и достатка на поле брани, де Вилль вслед за своим старшим братом Лораном поступил в армию. Начало его карьеры на службе у французского короля вряд ли можно назвать успешным: война, которой суждено было охватить всю Европу и продолжаться целых тридцать лет, тогда лишь разгоралась и покамест не затрагивала Францию, а участие в походах против гугенотов, отстаивавших свою религиозную и политическую свободу в Сен-Жан д'Анжели, Монтобана и других городах Юга, позволило ему разве что познакомиться с осадной войной воочию. Осада Монтобана, как повествует *Biographie toulousaine*, «могла бы предоставить ему возможность отличиться, окажись он в чине, соответствовавшем его талантам, — однако он был кавалеристом и почти не принимал участия в атаках»². Можно с уверенностью сказать, что он состоял на королевской службе и всю кампанию следующего года — в своих книгах он упоминает, что участвовал в блокаде Ла-Рошели, осадах Руайяна, Клерака, Негрепелиса, и, как следует из контекста, числился уже не по кавалерии, но сумел ли поверить свои знания опытом на соответствующей должности — в точности не известно. К 1624 г. относится его упоминание о пребывании в Голландии, сражавшейся за независимость от испанского владычества. Как бы то ни было, все эти годы не прошли для него даром: он не только изучал на практике фортификационные разработки своих предшественников, но и неустанно анализировал их эффективность, а впоследствии подверг частичной критике даже Жана Эррара (1554–1610), первого теоретика фортификации во Франции, на наследие которого, насколько можно судить, первоначально опирался.

Около 1625 г., после того как Франция из-за резко осложнившихся отношений с Мадридом была вынуждена заключить антииспанский союз с Савойей и Венецией, де Вилль перешел на савойскую службу — возможно, по примеру или даже по протекции Лорана, к тому времени достигшего солидных чинов в одном из полков герцога Карла-Эммануила. Под командованием марки-

² Цит. по: *Biographie toulousaine*. Paris: éd. L.G. Michaud, 1823. Т. II. Р. 492 (пер. Я.С. Семченкова).

за Франсуа-Дамаса де Сен-Рерана он принимал участие в осаде города Вольтаджо и обороне крепости Верруа в Северной Италии. Герцог не преминул по достоинству оценить отвагу и инженерные способности молодого француза и в награду за заслуги возвел его в кавалеры савойского ордена Свв. Маврикия и Лазаря (1626).

Незадолго до перехода Карла-Эммануила в стан противников Франции де Вилль, желая расширить свои познания в области фортификации и полиоркеттики, а также обобщить опыт, полученный во время осад и сражений, на время оставляет военную службу и предпринимает поездку по Италии. Удостоенный орденой ленты, увенчанный военными лаврами, снискавший репутацию инженера-практика, де Вилль к этому времени уже довольно известен, чтобы рассчитывать на успех своей первой книги, черновые наброски которой перевозит с собой из города в город. Начатая, насколько можно судить, за несколько лет до этой поездки, книга постоянно пополняется новыми материалами, и хотя издана будет не в Италии, однако ее фронтиспис впоследствии украсит гравированное изображение автора — копия портрета, написанного Артемизией Джентилески в Риме.

В первой половине 1630-х гг. де Вилль инспектирует и модернизирует крепости во владениях Венецианской республики (именно к этому времени относится его переписка с Галилеем, начавшаяся в связи с выходом новой книги Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира...»), затем — в Папском государстве, на реке По, восстанавливает крепостные укрепления Мантуи и Бергамо. Известно также, что во время пребывания в Италии он посетил остров Мальта и оценил эффективность местных фортификационных сооружений.

После вступления Франции в Тридцатилетнюю войну де Вилль спешит на родину, которой грозит опасность. Он присоединяется к армии, обороняющей области Пикардии и подступы к Парижу, в 1636 г. руководит сооружением циркумвальной линии вокруг занятого испанцами города Корби, в 1637 г. — инженерными работами на осаде крепости Ландреси в Испанских Нидерландах, в 1638 г. находится под стенами Кателе, в 1639 г. — Эсдена в Артуа, получает место в военном совете при кардинале Ришелье и, благодаря покровительству кардинала, которого

впоследствии назовет *auctor et director verus totius obsidionis*³, по некоторым сведениям, удостоивается генеральского чина⁴.

Документальных сведений о дальнейшей жизни де Вилля не сохранилось, неизвестен в точности даже год его кончины. В начале 1640-х гг., а возможно, и после заключения Вестфальского мира (1648) он, предположительно, занимался инспектированием и обустройством крепостей в Артуа и Пикардии. Почти двести лет спустя, в мае 1827 г., по решению муниципального совета города Тулузы в зале Прославленных городской ратуши (Капитолия) был установлен бюст Антуана де Вилля работы Н.-Ф. Берне.

Литературное, научно-историческое и эпистолярное наследие Антуана де Вилля, которое, как говорилось выше, послужило основным источником, позволяющим восстановить вехи его биографии, довольно обширно и хотя охватывает преимущественно инженерное дело и фортификацию, но отнюдь ими не ограничивается. Так, описания зданий, сделанные им во время поездок по Италии, свидетельствуют о его живом интересе к светской архитектуре, в письмах к Галилею он касается вопросов математической механики, в своих сочинениях о фортификации часто цитирует историков классической древности, обнаруживает отнюдь не кабинетные знания о практике гарнизонной службы и даже анонсирует намерение написать отдельную книгу, посвященную оружию и военной технике. Будучи на венецианской службе, помимо исследования о римских сооружениях города Пулы в Истрии (*Descriptio portus et urbis Polæ antiquitatum*, 1633) де Виль выпускает две небольшие работы: о ловле тунца на Адриатическом

³ Истинный зачинатель и руководитель всех осад (*lat.*).

⁴ Данные о пожаловании Антуану де Виллю чина полевого маршала (фр. *maréchal de camp*) — младшего из генеральских чинов в армии старой Франции, источниками не подтверждаются; по крайней мере, в фундаментальном справочнике второй половины XVIII в. *Chronologie militaire* Ф. Пинара, где, в частности, перечисляются все офицеры, носившие этот чин, имя де Вилля не упомянуто. Полевым маршалом, видимо, его впервые назвал мэр Тулузы Г.-И. де Монбель в торжественной речи по случаю открытия бюста де Вилля в здании ратуши 19 июля 1827 г. Сам де Виль, судя по заглавиям его книг, всегда титуловал себя лишь кавалером (савойского ордена Свв. Маврикия и Лазаря). Ср.: Augoyat, A.-M. *Aperçu historique sur les fortifications, les ingénieurs et sur le corps de génie en France*. Paris: éd. C. Tanera, J. Dumaine, 1860. Т. I. P. 38.

побережье (*Thynnorum piscationis descriptio curiosa, figuris æneis accuratissimis illustrata*, 1633) и истории ежегодных кулачных боев в Венеции (*Pyctomachia Veneta seu pugnorum certamen Venetum ab Antonio de Ville equite Gallo*, 1634).

Тем не менее известность ему принесла именно первая книга, к которой он приступил, по-видимому, еще в начале 1620-х гг.: «Фортификация кавалера Антуана де Вилля, содержащая метод укрепления любых крепостей, как регулярных, так и иррегулярных, где бы они ни находились, а равно мостов, дорог, протоков рек и морских портов, правила сооружения всякого рода фортов и цитаделей и общедоступный способ ее начертания на местности, преподанная согласно всем современным требованиям, что применены в лучших крепостях Европы, и поверенная синусами и логарифмами». Она получила привилегию короля 1 августа 1628 г., когда автор — возможно, по приглашению кардинала Ришелье, своего будущего покровителя, — находился при осаде Ла-Рошели, и увидела свет в том же году или же в первые месяцы 1629 г.

«Фортификация...», вышедшая *in folio*, что объясняется необходимостью размещения в тексте более чем полусотни детализированных схем и рисунков, состоит из трех больших разделов (или книг, согласно терминологии самого автора), каждый из которых, в свою очередь, подразделяется на несколько частей и включает по нескольку десятков глав. Первый, самый большой, раздел посвящен теории бастионной системы, проектированию и строительству новых, а также усовершенствованию старых оборонительных сооружений, второй — науке осады и, наконец, третий — правилам обороны крепостей. За основу изложения прикладной бастионной фортификации де Виль взял принцип Эррара о разделении крепостей на регулярные и иррегулярные, т.е. правильные или неправильные геометрически. Структура первого раздела «Фортификации...» также близка той, которой придерживался Эррар, в *Fortification réduite en art et démontrée*, — и все же взгляды обоих инженеров существенно расходятся. Эррар, то ли по природному перфекционизму, то ли в силу выбранной для себя концепции — довести строительство крепостей до чистого искусства, — тяготел в своих фортификационных формах к максимальной геометрической стройности.

А де Виль, не раз повторявший, что на свете нет ничего совершенного, стремился учитывать не только условия местности, но и, прежде всего, организационные и финансовые реалии. Например, при модернизации иррегулярных крепостей, в тех случаях, когда его предшественник предлагал срывать, а затем кардинально перестраивать целые участки главной крепостной ограды, де Виль ограничивался возведением отдельно стоящих внешних построек или же, в крайнем случае, — дополнительных бастионов. Однако, практик и реалист, он был далек от вульгарного упрощительства и пренебрежения базовыми принципами. Не случайно его ставшая знаменитой фраза «Государь, который вознамерился строить крепость, должен закрыть глаза и открыть кошелек» имеет и продолжение: «...и не забывать ни о чем, что способно доставить его дитищу благоустроенность и силу»⁵.

В работе над книгой де Виль чуждался пространных рассуждений и излишнего мудрствования. Однако, сознавая, что все равно не избежит придирчивого разбора со стороны своих более маститых и искушенных собратьев по цеху, старался педантично подкреплять свою позицию по разным проблемам фортификации примерами из собственного военного опыта и полезными наблюдениями, сделанными в Нидерландах и Италии, а раздел об осаде заполнил ссылками на античных историков — прием отнюдь не новый, но в XVII в. беспроегрешный: авторитеты древности тогда еще были вне всякой критики.

Книга, увидевшая свет в тот период, когда каноны строительства, обороны и осады крепостей только формировались, и впрямь не могла не вызвать острых споров — их отголоски впоследствии не раз будут звучать в сочинениях де Вилля. Из отповедей, которые де Виль дал в дальнейшем своим оппонентам, можно заключить, что негативные оценки исходили в основном от ревнителей так называемой голландской системы фортификации, которая была своего рода модной новацией своего времени. Однако утверждать, будто он отдавал бесспорное предпочтение классической итальянской системе, — неверно: де Виль был последовательным поборником слияния главных принципов обеих этих систем, призывая

⁵ Цит. по: *De Ville, A. Les fortifications de chevalier Antoine de Ville...* Lyon: éd. Irenée Barlet, 1628. P. 44 (пер. Я.С. Семченкова).

к отказу и от традиции, которой уже противоречило развитие технических средств и методов осады, и от бездумного копирования чужих образцов. Так, в частности, откликаясь на дискуссию о проектировании крепостей, он утверждает: «Центр надо возводить по итальянскому образцу, а внешние постройки — по голландскому; если сопрячь оба эти способа, то в наши дни, мне кажется, не сыщется крепости более совершенной»⁶. Он отстаивал лишь те идеи, в действенности которых убедился на практике, и «Фортификация...» в этом смысле — итог его собственных знаний и опыта, а отнюдь не компилятивный кабинетный трактат.

Невзирая на порядочный объем — около четырех с половиной сотен страниц, набранных мелким шрифтом, — и обилие мудреных, на первый взгляд, технических чертежей с россыпью буквенных обозначений, книга читается довольно легко, благодаря живому языку и особой манере изложения, присущей автору. Кажется, что де Вилль ведет лекцию в аудитории — начиная с разъяснения простейших понятий *ab ovo*⁷, постепенно переходит к специальным вопросам и, наконец, к проблемам и вариантам их решения. Благодаря такой подаче материала и повторы, акцентирующие внимание на ключевых моментах, и экскурсы автора в историю, делающие «лекцию» ярче и познавательней, и обоснования с доказательствами, которые, как правило, представляют собой не менее интересный экскурс, отнюдь не мешают восприятию сути. В каждой строке сквозит острый, быстрый ум, изложение продумано до мелочей, едва возникшие у читателя вопросы тотчас получают исчерпывающий ответ. Недаром один из придворных поэтов короля Людовика XIII посвятил де Виллю следующее двустишие:

Се Антуан де Вилль, французский дворянин,
И мысль его парит, а не влачится⁸.

⁶ Цит. по: *De Ville, A. De la charge des gouverneurs des places par messier Antoine de Ville, chevalier. Paris: éd. Matthieu Guillemot, 1639. P. 70* (пер. Я.С. Семченкова).

⁷ *Ab ovo* (лат.) — буквально «от яйца», с азав.

⁸ *Antonius e Villa Gallus Eques,*

Elatus Genio, nullus aqualis. — Латинское посвящение на книгу «Обязанности губернатора крепости», принадлежащее перу поэта и составителя анаграмм Тома Биллона (ок. 1617–1647), пер. Я.С. Семченкова.

Об успехе «Фортификации...» можно судить по тому, что в течение последующих десятилетий она переиздавалась целых пять раз — в 1636 и 1666 гг. в Париже, в 1641 г. — в Лионе, в 1672 и 1675 гг. — в Амстердаме, а в XVIII в., когда были подробно изучены и проанализированы главные тенденции крепостного строительства, даже была признана своего рода программным сочинением, изложением «системы кавалера де Вилля» — именно так впоследствии охарактеризует вклад автора в науку укрепления городов известный французский военный теоретик и математик Гийом Леблон (1704–1781). Оригинальную *систему* де Вилль, конечно же, не создал и никогда не претендовал на лавры новатора, а лишь описал наиболее рациональные и эффективные, с его точки зрения, принципы фортификации, полиоркеттики и обороны крепостей. Главная его заслуга — в *систематизации* идей своих предшественников и современников. В условиях становления фортификации как науки он стал не только одним из первых исследователей военно-инженерного наследия прошлого, но и наметил пути его практической модернизации, свел воедино перспективные фортификационные идеи и отказался от заведомо ошибочных или устаревших. Вот почему можно по праву утверждать, что бастионная фортификация обязана де Виллю своим развитием не меньше, нежели его прилежному последователю, величайшему деятелю фортификации маршалу де Вобану, под именем которого известна в истории.

В первые годы участия Франции в Тридцатилетней войне один за другим вышли из печати отчеты де Вилля об успешных осадах занятых испанцами крепостей в Пикардии и Артуа — *Obsidio Corbiensis* (1637), *Siège de Landresy* (1637) и *Siège de Hesdin* (1639). Тогда же была написана и опубликована вторая и последняя из его крупных работ — «Обязанности губернатора крепости» (*De la charge des gouverneurs des places*), которая и предлагается здесь вашему вниманию в русском переводе.

«Губернатор...» — по сути, попытка переработать «Фортификацию...» в практическое пособие по осадной войне, упростить этот объемный трактат если не до уровня служебной инструкции, то, во всяком случае, справочника для тех, кому поручена оборона крепостей. Ведь осадная война приобретала все большее

значение, ее средства и методы постоянно совершенствовались, потребность в военных кадрах «крепостной» специализации была велика как никогда, — однако на командные должности в гарнизонах по-прежнему назначались полевые офицеры (даже кавалерийские), не имевшие необходимого в этом случае опыта и нуждавшиеся в обучении новой специальности.

Поэтому де Вилль почти полностью вымарывает из текста пространные ссылки на античных авторов, выводит за рамки своей «учебной программы» синусы, логарифмы, квадратные корни и геодезические построения, а сложные вопросы объясняет буквально на пальцах — подход рациональный и, к слову сказать, очень подходящий для объяснения основ бастионной фортификации и осадного дела современным читателям, особенно в России, где, как известно, строительство крепостей по ряду причин не получило такого развития, как в Западной Европе. За основу он взял первый и третий разделы «Фортификации...», но, хотя второй раздел, посвященный собственно осаде, был целиком выпущен, новая книга, увидевшая свет in folio в 1639 г., все же получилась почти такой же объемной — в частности, потому, что автор, откликаясь на насущные запросы тактики, включил в текст трактат о малой войне, то есть диверсионно-разведывательных рейдах в тыл противника, базой которых служили крепости, а действующей силой — войска гарнизона. Кроме того, в «Губернаторе...» уделено больше места караульной службе, вопросам войскового снабжения, различным хозяйственным аспектам, управлению городом и гарнизоном, введена большая и очень любопытная глава «О том, как надлежит командовать солдатами в зависимости от их нации» и т. д. Вообще, по числу затронутых тем «Губернатор...» выходит далеко за рамки, заданные «Фортификацией...», и представляет интерес не только для тех, кто занимается историей крепостей, но и для любителей военной истории в целом. Около года спустя «Губернатор...» был опубликован в карманном формате, более соответствовавшем военному справочнику, переиздавался в 1655 и 1656 гг. и последний раз — во времена де Вобана, в 1674 г., когда Франция сражалась на фронтах Голландской войны.

На русский язык книга «Обязанности губернатора крепости» переводится впервые. Работа над переводом продолжалась

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

довольно долго, около двух лет, так как была сопряжена с серьезными сложностями, касавшимися, прежде всего, обращения к специализированной иностранной литературе XVII–XVIII вв. — как правило, труднодоступной и требующей не только отдельного перевода, но и критического осмысления. Кроме того, известную проблему представляли точное соотнесение оригинальных французских терминов и названий с теми, которые исторически утвердились в русском языке, и адаптация для современного читателя некоторых понятий, до настоящего времени фактически не входивших ни в лексикон отечественной военной науки, ни в русский язык вообще.

Разумеется, с самого начала было ясно, что текст первой половины XVII в., даже такой доходчивый, как у де Вилля, не может обойтись без примечаний и комментариев — и это послужило причиной включения в настоящее издание подробного справочного аппарата. Основными источниками при его составлении послужили военные и языковые словари XVII–XVIII вв.: *Dictionnaire militaire portatif, contenant tous les termes propres à la guerre* Ф.-А. Обера Ла Шене де Буа, *Dictionnaire français, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue française* С.-П. Ришле и *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts* А. Фюретьера. В русском переводе «Губернатора...» были сохранены все оригинальные планшеты со схемами и пояснительные таблицы в тексте, гравированные рукой автора, а также исправлены замеченные опечатки; фортификационные термины, за исключением немногих, представляющихся в наши дни чересчур архаичными или не употреблявшихся прежде в русском языке и поэтому переработанных или введенных в научный оборот на страх и риск переводчика, даны в соответствии с *Ручным словарем для инженеров...* М. Руже, *Фортификацией* А.З. Теляковского, *Энциклопедией военных и морских наук* Г.А. Леера, *Фортификационным словарем* В.Ф. Шперка и некоторыми другими справочниками, приведенными в списке источников и литературы.

Я.С. Семченков,
январь 2016 г.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
МОНСЕНЬОРУ КАРДИНАЛУ
ГЕРЦОГУ ДЕ РИШЕЛЬЕ¹



Монсеньор, ныне, когда слава вашего преосвященства распространилась по всему свету, когда всяк докучает вас изъявлениями своего почтения, когда любой, кто наделен какими-либо достоинствами или знаниями, норовит преподнести вам, человеку, стоящему на высшей ступени добродетели и учености, опыты своего пера в качестве неперменной дани, я окажусь несчастнейшим из смертных, если, будучи всецело у вас в долгу, не потщусь засвидетельствовать нижайшую благодарность и полное признание обязательств, которые перед вами имею, и не повергну к вашим стопам собственный труд. Дерзаю предлагать столь малый дар, зная наверняка, что, будь он и поизряднее, он все же никогда не станет в ряд ни с теми дарами, что вам подобают, ни с моей признательностью, — точно так же, как конечное не сравнится с беспредельным: все, что у меня есть, дали мне вы, я уповаю на вас, и сим лишь возвращаю вашему преосвященству малую толику того, чем вы меня благодетельствовали. Примите же, монсеньор, то, что принадлежит вам по праву, и дозвоьте опубликовать под эгидой вашего прославленного имени сей трактат об управлении крепостями, ибо вы — совершеннейший пример среди тех, кто когда бы то ни было стоял у кормила власти: это известно всей Европе, этим восхищается остальной мир. Что до меня, то, удостоенный службы у столь выдающегося государственного министра, я настолько счастлив, что, снизойди вы до моей самонадеянной попытки описать дело, которому посвящена вся моя жизнь, не стал бы и желать ничего лучшего.

Ваш нижайший, покорнейший и преданнейший слуга

Антуан де Вилль



К ЧИТАТЕЛЮ

Я оказался бы чересчур самонадеян, если бы считал себя свободным от критики, которая всенепременно касается тех, кто представляет итог своего труда публике. Люди, кажется, по своей сути устроены так, чтобы прекословить друг другу, и очень часто, безо всякой причины, в силу дурного настроения, ядовитой зависти или желания прослыть более учеными, нежели автор, критикуют чужие сочинения. Пишущему нипочем не избегнуть порицания читающих, но писать, потакая всем подряд, собирать воедино все суждения об одном и том же предмете — дело никчемное, да и невозможное. Чтобы дать некоторое удовлетворение тем, кто внемлет разумным доводам, хочу ответить на возражения, каковы могут быть мне предъявлены, и прежде всего, — что я-де опускаю многое из того, что надлежало бы знать: например, в чем губернатор крепости зависит от губернатора провинции² и какие распоряжения должен от него получать; какую власть он имеет над королевским лейтенантом крепости³; как королевский лейтенант провинции⁴ должен держать себя с губернатором крепости; как далеко простирается власть губернатора над офицерами гарнизона, в каких пределах он может карать их за провинности, волен ли отрешать от должности либо арестовывать; если в каком-либо войсковом подразделении есть собственный суд, будут ли его постановления действительны в гарнизоне; каковы полномочия губернатора по отношению к офицеру короны⁵, принцу или маршалу⁶, находящимся в крепости без специального королевского поручения, вправе ли он приказывать им; если крепость располагает и пехотой, и кавалерией,

какому из этих родов войск надлежит отдавать предпочтение. Перечисленных вопросов, а равно и других, подобных им и возникающих изо дня в день, я не касаюсь потому, что в каждой крепости они разрешаются по-своему, смотря насколько знатен человек, отдающий либо исполняющий приказы, как он блюдет себя и до какой степени устраивает государя. Так будет, пока государь сам не решит вдруг все поменять, и возникни у меня желание высказаться по этому поводу, всяк, кого занимает сей предмет, найдет мои соображения дурными, — именно поэтому я предпочту не говорить ничего. Мне возразят еще, что порядки, которые я изложил, никак нельзя соблюсти все без изъятия. Соглашусь: повсеместно следовать им невозможно, да и ни к чему, ибо устав, заведенный в военной крепости⁷ на границе, не подойдет для большого города⁸ в глубине государства, а в мирные дни нет нужды заниматься вещами, которые пригодятся лишь во время войны. И тем не менее описать эти порядки надлежит как они суть, во всей полноте, дабы при случае подходящим можно было последовать, а избыточными — пренебречь. За руководство к действию следует принимать правила елико возможно превосходные, ибо лучше пребывать в безопасности, чем постоянно чувствовать себя уязвимым, знать все от корки до корки, а не только малую часть, располагать большим, нежели испытывать нехватку в необходимом, — и проще сохранить, чем отыскивать заново. Я прекрасно знаю, что многим не по нраву придется то или иное мое суждение, однако прошу их, прежде чем меня порицать, обратиться к практике или, если это невозможно, — к сведущим людям: ручаюсь, что не сказал ничего, в чем не был бы решительно уверен и чему не видел подтверждения в результате. В делах важных, которые должны основываться на опыте, я чуждаюсь новизны и прихотей: в силу разнообразия обстоятельств, а паче того случайностей, которые нельзя предусмотреть, итог их чреват серьезными ошибками, а ум не способен вывести никакого твердого заключения из того, что относится к предмету лишь опосредованно. Чтобы иметь верное представление о вещах материальных, геометрии с ее построениями недостаточно: для этого существует одна лишь наука — та, что преподана опытом: на ней мы основываем рассуждения, в ней ищем отправные точки

и в вопросах военных обязаны руководствоваться ею еще более, нежели во всех прочих. Когда мы судим о тождестве либо различии стоящих перед нами задач с теми, что уже рассматривались ранее, то опираемся на свои знания и интуицию и вынуждены принимать во внимание натуру людскую, время, место и все прочие условия, которые и влекут за собой расхождения в конечном результате, и в этом подоплека такого положения, при котором к одной и той же цели можно идти разными путями. Поэтому не след удивляться, что об одном предмете существуют несколько мнений и что написанное никогда не удовлетворит всех до единого. Засим прошу тебя, друг читатель: если отыщешь что-либо несогласное с твоим мнением, не осуждай огульно всю книгу: не стоит хулить здание из-за одного плохо обтесанного камня. На свете нет ничего совершенного, и я, приблизившийся к совершенству гораздо менее, чем кто бы то ни было, отнюдь не считаю, что свободен от некоторых ошибок, за которые прошу меня простить. Мною двигало лишь желание сослужить тебе службу, а на это сердиться не пристало, и труд, который я тебе представляю, ты волен принять или отвергнуть.



ГЛАВА I

О ВЫБОРЕ ГУБЕРНАТОРА И КАЧЕСТВАХ, КОТОРЫМИ ЕМУ НАДЛЕЖИТ ОБЛАДАТЬ

Губернатор представляет в крепости особу короля. Верность, бдительность и отвага губернатора — залог безопасности крепости, ее населения и окрестных областей. Я считаю, что должность сия — одна из важнейших в государстве, и, если рассматривать значимость таковой, принимая во внимание местоположение крепости, осмелюсь поставить губернатора вровень с генералом⁹ или даже выше, ибо от стойкости иных крепостей зависит судьба целой провинции, а иногда и доброй части государства, и утрата одной из них может нанести не меньше урона, чем утрата армии: ведь армию после сражения можно вновь объединить, восполнить и, паче того, отведя ее силы в близлежащие города, продолжать защиту своей страны, — но куда трудней заполучить обратно надежную крепость, если ею овладел враг. Вот почему, подбирая губернатора для такой крепости, государь должен выказывать великое тщание и, дабы не обмануться, хорошо знать его, быть уверенным в его преданности и достоинствах, которыми тому пристало обладать.

В военные крепости и пограничные города не стоит назначать лиц могущественных и пользующихся большим влиянием, ибо королю придется им потакать, соглашаться со всем, чего они ни пожелают, и ожидать мятежа, едва у них явится малейший повод к недовольству¹⁰. Нам довольно часто доводилось видеть и читать, сколько раз смутьяны, требуя уступить их притязаниям, захватывали власть в укрепленных городах, — но сей замысел удался бы им куда легче, будь они там губернаторами!

Люди низкого звания, если только они не наделены какими-либо похвальными достоинствами или не доказали свою преданность долгими годами службы, — хуже и опасней прочих, ибо превыше всего ставят наживу, и стоит противной стороне посулить им больше, нежели они рассчитывают получить от собственного господина, — то сдадут крепость, а точнее говоря, продадут.

На людей средней знатности можно полагаться с большей уверенностью, ибо они чужды преступлениям, о которых мы говорили. Они не обладают влиянием, достаточным для того, чтобы возглавить заговор или устроить мятеж, и, даже если таковые случатся, не смогут их поддержать. И совершить измену им будет не так-то просто, а по-всякому рассудив, они откажутся от этого низкого порыва, как бы ни были им увлечены: ведь у них есть семья, имущество, дом, родственники, друзья, — и нужно лишиться чувств и рассудка, чтобы променять все нажитое и привычное на зыбкие посулы, предаться врагу, обрекши себя бесчестьем и отказавшись от всех благ, дотоле столь доступных, вместо того чтобы сохранить все, что имеешь, и верно служить своему государю.

Я считаю, нужно изучить, каково было их поведение и какую жизнь они вели прежде, — невозможно ведь долгое время подавлять свою натуру до такой степени, чтобы ни разу не выдать истинных наклонностей. Тот, кто всю жизнь был человеком чести, вряд ли изменит себе, оказавшись на этой должности. И наоборот: субъекту, который то и дело совершает дурные поступки и имеет скверный характер, не удастся, подвернись случай, удерживать свои пороки в шорах притворства: мы всегда возвращаемся к своей сущности и не можем постоянно таить ее.

Наиболее предпочтительны те, кто не раз доказывал свою преданность и проявил себя с лучшей стороны на многих [других] должностях. Мы знавали людей, которые вначале, благодаря притворству, сумели настолько хорошо запрятать свою действительную натуру, что прослыли храбрецами и, пустив в ход наглость ради своего выдвижения и хвастовство, чтобы подороже продать свое вранье, заполучили губернаторство в важных крепостях, — однако, будучи осажденными, позорно сдались, и пусть даже поплатились за это головой, однако крепость для государя была потеряна. Вот почему лучше верить делам, а не словам и никогда

не полагаться на тех, кто пускает пыль в глаза и держится заправским бахвалом.

Если губернаторская должность жалуется людям пожилым в качестве награды за былую службу, не след назначать их в пограничную крепость, — ибо там их ждет не покой, а труды: на границе нужны люди, полные сил, неустоимые в заботах о безопасности своей крепости и края и отважные в бою. Тот, кто хочет соответствовать этой должности, не должен спать ночами напролет: ему надлежит держать солдат и горожан в строгости, без усталости следить за ними и то и дело обходить дозором стены¹¹. Поэтому человеку в преклонном возрасте лучше поручить крепость, расположенную вдали от границ, в ней хлопот и тягот гораздо меньше.

Кроме качеств, присущих будущему губернатору по природе, необходимо рассмотреть и те, что были приобретены им в учебе и усвоены благодаря личному опыту. Ему положено знать, в чем состоят его обязанности, ибо куда как нелепо жаловать губернаторство особам, которые ничего не смыслят ни в гражданском управлении¹², ни в военном командовании, а должность занимают, чтобы изучить ее на практике. Шаг сей крайне рискован, ведь промахи, которые совершаются во время такой практики, непоправимы и чреваты весьма тяжелыми последствиями. Чтобы понять, выдержит ли кандидат испытания, которые так дорого стоят, следует, прежде чем удовлетворить его притязания, убедиться, обладает ли он суммой всех необходимых знаний. Однажды услышанного или где-то прочитанного недостаточно — нужно видеть все своими глазами, самому участвовать в разных осадах, либо обороняясь, либо атакуя (я бы выбрал атаку, ибо в этом случае и то и другое становится намного понятнее, нежели при обороне). Впервые оказавшись в осажденной крепости, человек пребывает в сильном смятении, повсюду сталкивается с трудностями и не знает, на что решиться; любое предприятие врагов страшит его, ибо он не знает, чего от них ждать. При виде сильной армии, сжимающей кольцо со всех сторон, множества орудий, что грохочут непрерывно, и траншей¹³, которые (по крайней мере, в первые дни) прокладываются с поразительной быстротой, он вынужден думать, будто его крепость атакуют иначе, нежели все остальные,

будто противостоять столь суровому напору невозможно, — и, вместо того, чтобы начать обдуманную оборону, решает, что выполнил свой долг и может сдаться: примеры, которым мы были свидетелями, дают мне право так говорить. Напротив, человек, повидавший не одну осаду, не сомневается, что лучшие подразделения неприятельской армии погибнут у него на глазах, что гром пушек не причинит ему никакого вреда, что передовые траншеи весьма уязвимы для вылазок¹⁴, и никогда не озадачится происходящим, ибо предвидит то, что должно произойти, ну а если случится что-либо противное его планам, то опыт и ум подскажут ему верный путь. Одним словом, он точно знает, как будут действовать враги, на что они могут пойти, какое сопротивление он способен им оказать, до какой крайности может и обязан держать оборону, — и что сдастся, лишь когда предпримет все усилия, которые надлежит предпринять человеку чести.

Слагаемые военного ремесла, которые полагается знать губернатору, перечислять было бы слишком долго. Чтобы люди, сведущие в этом деле меньше меня, могли узнать и изучить их, я и написал настоящий трактат.

О храбрости я не упоминаю, ибо, мне кажется, нет нужды повторять, что человеку, претендующему на губернаторскую должность, пристало быть храбрым; храбрость столь же неотъемлема от губернатора, как шпага — от солдата, и, когда говорят «губернатор», подразумевают «храбрец». В то же время достоинство сие не должно простирается в нем до обеих крайностей, представляющих собою пагубные недостатки. Для того, кто получает чужие приказы и обязан лишь выполнять их, говорю я, храбрости никогда не бывает много, чем он храбрее — тем лучше; однако человек, которому единственному принадлежит вся полнота командования, а особенно губернатор крепости, отнюдь не волен кидаться в бой очертя голову: если он не думает о последствиях, если, пренебрегая преимуществами времени и места, велит что ни день совершать вылазки и сам неизменно в них участвует, то вскоре погубит лучших своих солдат, останется с врагом один на один, и крепость будет обречена. Так пусть же накрепко усвоит: на то он в крепости и поставлен, чтобы беречь и защищать ее изо всех сил; пади она из-за его трусости либо, напротив, тщеславного

желания выказать свою удаль, — вина все равно ляжет на него, а государь понесет урон и в том, и в другом случае. Губернатору положено быть хладнокровным, уверенным в себе, никогда не терять присутствия духа, подавая пример остальным, выказывать храбрость там, где это необходимо, обороняться, пока есть возможность, и беречь себя не меньше, чем свою крепость. А пожелай он сражаться до конца, пусть гибель его станет последним усилием обороны, последним подвигом во благо крепости.

А вот еще несколько пороков, от которых должен быть свободен любой порядочный человек, а губернатор — в особенности. Первейший порок — нечестивость, ибо тот, кто не признает Бога, не получает от Него призрения, а если крепость не хранима Богом, то людям охранять ее и подавно незачем. Нетерпима и скупость, потому что скупец наверняка примется притеснять и горожан, и весь окрестный край, экономить на солдатском жалованье, заслужит ненависть народа и будет всеми покинут либо столкнется с неповиновением. Кроме того, весьма опасно, если он продажен: движимый корыстью, самым сильным из своих чувств, он не погнушается взятками, когда ему их предложат, и легко согласится сдать город ради наживы, ибо ни о чем другом более и думать не может.

Не менее отвратительно и пьянство, поскольку человек, когда пьян, теряет рассудок, и окажись губернатор атакованным в это время — крепость падет. Когда случается, что он привержен такой страсти и имеет обыкновение в ней совершенствоваться, то все с удовольствием ему подражают, что весьма нетрудно, — ведь большинство имеет склонность к вину, а остальные приучаются за компанию, — так что враг, проведав об этом, может дожидаться какого-нибудь праздника и, заранее зная, что губернатор, гарнизон и даже горожане напьются, нападет и захватит их, не встретив сопротивления. Не один город был взят из-за этого порока, и не одна армия — разбита наголову, так что доверять крепость человеку, который не блюдет самого себя и что ни день предает пагубе лучшие слагаемые своей натуры — разум и здравый смысл, — нипочем нельзя.

Губернатор должен быть сведущ в военном законодательстве (которому посвящен трактат, написанный моим покойным

братом¹⁵⁾ и разбираться в гражданском управлении, дабы отдавать надлежащие приказы, карать солдат сообразно совершенным провинностям, выпускать необходимые постановления, надзирать за соблюдением таковых, а равно разрешать споры, которые вспыхивают либо среди солдат, либо между солдатами и горожанами. По правде сказать, почти все дела, которые находятся в ведении губернатора, — военные, и ему нужно лишь приспособить их под себя. Что же касается дел гражданских, то, если у него неостанет навыков, ему на помощь всегда придут люди, понаторевшие в юриспруденции. К ним же мы отсылаем и читателя, ибо вопросы управления, что военного, что гражданского, напрямую ни к охране, ни к обороне крепости не относятся.

Пусть губернатор дорожит своей крепостью как самым сокровенным, что есть на свете и от чего зависят его честь и жизнь, и, вступая в должность, помнит, что если лишится крепости, то и жить ему незачем. Он должен пещься о крепости, точно о себе самом, и постоянно думать, как лучше содержать, оснащать и снабжать ее. Ему надлежит предусмотреть все, что бы ни случилось во время войны, а к осаде подготовиться заблаговременно, хотя бы в том и не было надобности, памятуя, что даже один [выигранный] день может значить для него очень много. Дурной обычай — браться за обустройство и снабжение крепостей, лишь когда те окажутся перед угрозой неприятельского нападения: в спешке едва ли возможно завершить дело, на которое обычно уходит добрых несколько лет тяжелого труда. Следовательно, подготавливаться к осаде нужно заранее, и, на мой взгляд, самое постыдное оправдание, которое может привести для себя губернатор или иной человек, облаченный единоличным командованием, когда застигнут врагом врасплох, — «А кто мог об этом подумать?»; раз уж он занял столь ответственную должность, то обязан предвидеть любые неожиданности, — иначе она ему не по плечу.

Если перечислять все качества, которые пристали губернатору, глава сия выйдет слишком длинной — довольно сказать, что лишним не будет ни одно. Могут спросить: раз уж к губернаторам предъявляются такие строгие требования, где взять столько безупречных людей, чтобы назначить в каждую крепость, — их не сыскать, — и, паче того, как узнаешь, действительно ли они

таковы или только притворяются? Я отвечаю: когда пишешь о чем-либо, стараешься исходить из требований идеальных, и каждый волен придерживаться лишь тех, что сочтет для себя приемлемыми. То же касается и внутренних порядков, о которых пойдет речь в дальнейшем: конечно же, их не стоит насаждать во всех крепостях подряд, да и вряд ли получится, ибо всякой вещи — свое место, другого не дано, — и тем не менее порядки эти будут приведены целиком и без изъятий, дабы каждый к своему удовлетворению мог выбрать среди них подходящие. Итак, если мы наделяем губернатора, о котором говорим, полным набором превосходных качеств, это значит, что он идеален и его можно назначать в любую крепость, какую ни возьми, — но, когда какого-нибудь качества недостает, ему трудно будет исполнять свои обязанности надлежащим образом. Добавим еще, что одни назначения бывают поважней других и, следовательно, способности губернатора должны соответствовать объему и значимости его полномочий.

Закончу я на том, что ни один армейский военачальник, как мне кажется, не завоеует большей славы и почета, нежели губернатор, противостоящий осаде в доброй крепости. В полевом сражении многое, как известно, зависит от переменчивого счастья, каковое чаще всего и уравнивает шансы обеих армий. К тому же ни одна, ни другая не подчинены единому командованию, да и у того, кто ведет осаду, командование тоже всегда разобщено: ведь если атаки предпринимаются на разных участках, то и предводитель у каждой свой. И наконец, всегда предполагается, что тот, кто намерен вести осаду, имеет для этого достаточно сил и любая осажденная крепость в конце концов должна быть взята; если этого не случится, он заслужит куда больше осуждения, чем снискал бы почестей, овладев ею, — ибо неудача прямо противоречит тому, что планировалось, и наводит на мысли о его нерадивости, тогда как победа, столь тщательно подготавливавшаяся, ожидаема. Губернатор же держит всю оборону в своих руках и, каков бы ни был ее итог, за все отвечает сам, а успех обороны зависит, главным образом, от его знаний и опыта и лишь в малой степени — от счастливого стечения обстоятельств. И когда осажденные защищаются столь умело, что вопреки общим ожиданиям,

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

точно по волшебству, принуждают противника снять осаду, и когда крепость продолжает сражаться, хотя уже никто не верит, что она выстоит, — то и другое равно припишут его талантам и отваге. Вот почему я считаю, что губернатор, который выдержал большую осаду, надолго сковал неприятельские войска, нанес им урон, уберегши при этом собственных солдат, свою крепость и государственные земли, добудет больше славы, чем тот, кто выиграл полевое сражение.



ГЛАВА II

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ГУБЕРНАТОРА И О ТОМ, ЧТО ЕМУ ПОЛАГАЕТСЯ ЗНАТЬ В ЦЕЛОМ

Есть губернаторы провинций, а есть губернаторы крепостей. Первые подобны вице-королям, власть их весьма велика и простирается не только на крепости, но и на всю область губернаторства. Мы, впрочем, будем говорить не о них, а лишь о губернаторах [укрепленных] городов и о том, в чем заключаются обязанности этих губернаторов, что они должны знать и делать. За пределами Франции существуют, в свою очередь, должности губернатора города и губернатора [городской] цитадели¹⁶, — ибо иноземцы никогда не отдают и город и цитадель во власть одного человека, — только двух разных, и подбирают таких, которые питают взаимную неприязнь, а если это не удалось — стараются возжечь ее, чтобы один следил за другим. Но во Франции такого недоверия не существует, ибо мы сильнее преданы своему государю, поэтому губернатор города является, по обыкновению, и губернатором цитадели.

Собственно, обязанности губернатора — это попечение о крепости и ее оборона: вот два слагаемых, вокруг которых сосредоточено все, что надлежит ему знать. Эти слагаемые подразделяются на ряд других, а именно: на гражданское управление, сиречь сохранение доброго порядка среди жителей города; военное управление, то есть обеспечение дисциплины и благоразумного поведения солдат в отношениях между собой, со своими командирами, а также с горожанами; наставления в военном деле, или же войсковые занятия, во время которых солдат учат, что они должны делать в мирное время и в случае войны либо осады, — а что им

запрещено. Таковы обязанности, которые касаются людей, находящихся в подчинении губернатора, — дальше идет крепость: он должен знать ее превосходно, вплоть до малейших изъянов, если таковые найдутся, а равно разбираться в средствах для их исправления; соответствующее руководство, изложенное в [моей] «Фортификации»¹⁷, ему надлежит затвердить не только ради устранения имеющихся недостатков, но и на случай осады, когда приходится возводить новые укрепления (обо всех этих укреплениях, как внешних, так и внутренних, и о каждом из них мы поговорим особо), противостоять атакам и осадным работам противника. Затем — черед оружия, наступательного и оборонительного: надлежит знать, какого и сколько необходимо в крепости, где полагается его хранить и как с ним управляться. Далее следуют еда и питье, то есть провиант, включающий многие продукты, которые мы перечислим ниже, — а кроме того, военные запасы — расходные, такие как порох, фитиль и свинец, — и длительного использования, к примеру инструмент и т.п.; наконец — остальные запасы, не относящиеся к войне напрямую, нечто среднее, что и провиантом не является и военному делу не присуще, но без чего на войне не обойтись, — бревна, доски, материя для одежды, кожа для различных нужд, лекарства, технические средства разного назначения и многое другое.

Однако знать все это и даже располагать вышеописанными запасами губернатору недостаточно: даже когда приготовления его преизбыточны, они пропадут втуне, не умея он ими пользоваться. Поэтому он должен быть сведущ в военном искусстве, — но, так как любое из направлений военного искусства простирается едва ли не до бесконечности, пусть изучит лишь те, что касаются охраны и обороны крепости. Охрана подразумевает надлежащий порядок, позволяющий уберечь крепость от внезапных нападений (совершаются они по-разному, как мы впоследствии расскажем), а оборона — умение дать отпор неприятелю, который пытается взять нас открытой силой. Обо всем мы поговорим подробно, но прежде хотели бы составить план того, о чем шла речь, дабы придерживаться в нашем рассказе определенной логики и не упустить ничего, что положено знать губернатору крепости.



ГЛАВА III

ЧТО ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ГУБЕРНАТОР, ВСТУПАЯ В КРЕПОСТЬ

Не стану долго говорить здесь о формальностях, которые должен соблюсти губернатор, вступая в крепость и принимая свое губернаторство, — они известны всем. Ему надлежит лишь предъявить полномочия, полученные от короля, своему предшественнику или же, если тот не присутствует лично, — лейтенанту и остальным командующим, считая, что король обо всем позаботился, — а коль скоро особа, управлявшая крепостью прежде, не желает подчиниться, — применить силу или, когда этого недостаточно, прибегнуть к помощи короля. Оказавшись в крепости, губернатор должен вступить в права должности, занять предназначенную для него квартиру, прогнать тех людей, которые не пользуются королевским благоволением или, если это в его власти, — тех, которые не по нраву ему самому, назначить других — по предпочтению короля или по собственному выбору, — и выполнять все остальное, на что уполномочен.

Затем ему предстоит проверить численность [гарнизона]: пусть затребует у комиссара¹⁸ или контролера¹⁹ список личного состава, соберет всех солдат и офицеров и заставит пройти перед собой в строю, дабы понять, годятся они для службы или не годятся, хорошо ли вооружены, а на завтра или же в другой день, который сочтет подходящим, — займет их военными упражнениями и оценит, как соблюдается дисциплина.

Ему надлежит произвести смотр всем кордегардиям²⁰, справляясь, сколько солдат определяют в каждую из них, на каких постах обычно находятся часовые²¹ и какова установленная

частота дозоров²²; узнать, каким порядком открывают и закрывают ворота, наряжают и сменяют караул²³, расставляют караульных и часовых, как обычно действуют при тревоге и соблюдают ли в крепости правила, каждое из которых мы впоследствии опишем.

Потом он обходит крепость по контуру²⁴ стен изнутри и снаружи, тщательно изучая ее сильные и слабые стороны, — причем производит осмотр не единожды, а несколько раз, дабы запечатлеть в уме ее внешний вид и фигуру²⁵, досконально узнать ее недостатки, если таковые найдутся, и определить средства к их исправлению, дабы донести о состоянии крепости королю и как можно скорее привести ее в порядок, — ибо, пока она в чем-либо уязвима и нуждается в улучшении, губернатор не должен знать покоя.

Кроме того, ему следует взглянуть, сколько на стенах орудий, годны ли они для стрельбы, установлены ли в тех местах, где им положено быть для обеспечения надежной обороны, и исправны ли их лафеты²⁶.

После этого пусть пройдет по магазинам²⁷, посмотрит, достаточно ли там боеприпасов, опробует эти боеприпасы, дабы испытать их качество; проверит, хранятся ли они в таких местах, где можно их сберечь и защитить, и радеют ли о них те, кому сие положено по службе, — достойные ли они люди, хорошо ли смыслят в своем деле и как с ним справляются, — а также убедится, что ядра для пушек и пули для мушкетов — нужного калибра²⁸.

Подобным же образом ему следует осмотреть чердаки, погреба²⁹, магазины с инструментом и прочими необходимыми вещами и учинить всему опись, дабы, опираясь на нее, доложить королю о действительном положении дел в крепости при своем вступлении в должность и испросить то, чего не хватает. Опись эта составляется при нем, а также в присутствии комиссаров или контролеров, находящихся в крепости, и подписывается капитанами и гарнизонными начальниками. Он должен включить в нее сведения не только о провианте, но и о военных запасах, в том виде, какими их нашел, а кроме того — о [ручном] оружии, артиллерийских орудиях и лафетах, отметив их состояние

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

и недостатки, о численности и личных качествах солдат и офицеров [гарнизона] и, конечно же, о боеготовности крепости на тот момент, когда ее принял: так он будет избавлен от ответственности за ее изъяны и сможет ходатайствовать о поставке всего недостающего. В противном случае, случись несчастье, прощения он не дождется, и повинна будет лишь его голова.



ГЛАВА IV

О ТОМ, КАКИЕ ПОРЯДКИ ГУБЕРНАТОР ДОЛЖЕН ЗАВЕСТИ В КРЕПОСТИ, ДАБЫ УПРАВЛЯТЬ ГОРОЖАНАМИ

Хотя губернатор и должен заботиться о гражданском управлении, сиречь о делах, касающихся жителей города, случается, однако, что оно не принимается во внимание — или же в качестве такового рассматривается обеспечение крепости и солдат. С населением завоеванных крепостей нужно обходиться строже, нежели с изначальными подданными короля, ибо первых надлежит считать заведомыми врагами, держать которых в повиновении можно лишь силой, а вторых — людьми, рожденными для защиты своей родины, своего города и для службы королю — природному и законному. Поэтому среди последних не пристало насаждать ни порядков, ни обычаев, разнящихся с теми, которые сохранялись издавна. Случись же какое беззаконие либо склока между солдатами и горожанами по поводу постоя, провианта или чего-либо подобного, — пусть губернатор вершит суд, но сперва составит справедливый кодекс для всех известных ему проступков и обяжет ту и другую стороны немедленно доносить ему о таких. Раздоры между солдатом и горожанином в силу тех или иных причин — дело всегдашнее, и губернатору следует выслушивать обоих, а порядки завести такие, чтобы ни тот ни другой против них не возражали. Об этих порядках я распространяться не стану, ибо определяются они, главным образом, взглядами самого губернатора и зависят от людей, с которыми он имеет дело, городских обычаев, исконных привилегий, дарованных горожанам, а также

законов и ордонансов³⁰, изданных ранее королями, губернаторами провинций и его собственными предшественниками. Таким же образом, учитывая обстановку и время года, а также обязанность горожан обеспечивать солдат постоем и домашней утварью, должен он назначать и цены на продукты. Как именно ему пристало обходиться с солдатами, а самим солдатам — с горожанами, определенно сказать нельзя, ибо взаимоотношения эти переменятся в зависимости от города и сложившихся обстоятельств; что же до обычного гражданского права, то оно повсеместно изложено в уже изданных законах и кодексах. Он может даже собрать наиболее почтенных горожан и главных гарнизонных начальников, чтобы те, выслушав и истцов и ответчиков, вынесли решение, которое сочтут справедливым.

Обнародовав кодексы, он должен требовать неукоснительного их соблюдения и от горожанина, и от солдата. Горожанин, пренебрегши чем-либо, дает солдату повод учинить самовольство, ведущее к беспорядку, ибо солдат дерзок на руку и не потерпит, чтобы горожанин забывал о своих обязанностях, а имея на своей стороне силу и будучи грубым по натуре, — запросто затеет драку. За свои проступки солдату пристало отвечать по всей строгости. Допустив малейшую несправедливость в отношении горожан или кого-нибудь еще, он не должен избегнуть примерного наказания: видя, что за него не заступаются или, напротив, относятся к его выходкам терпимо, он забирает себе столько воли, что становится совершенно несносным, и, уж если так поведется, искоренить сие зло невозможно. Поэтому губернатору лучше держать солдат под особым надзором, за провинности наказывать незамедлительно и, если небесспорна вина горожанина, приписать ее солдату — уже потому, что в делах бездоказательных, которые можно толковать и так и сяк, разумно предположить, что скорее солдат притесняет горожанина, нежели горожанин — солдата. Кроме того, если солдаты знают, что отделаются малым порицанием, то начнут вести себя тысячу крат наглее и вообразят, будто им все позволено. Тем не менее не стоит ожесточаться против солдат до такой степени, чтобы не принимать их сторону, даже когда они правы, — иначе это плохо кончится: губернатора несправедливого никогда не смогут уважать, и, паче того, горожане, искони ненавидящие солдат,

станут в конце концов притеснять их так сильно, что доведут до бунта. Поэтому пусть он блюдет закон, но на людях всегда проявляет больше строгости к солдатам, а если знает, что виноват горожанин, — крепко отчитает его с глазу на глаз и пригрозит строго покарать, если тот примется за старое. Тот, кто интересуется военными законами и наказаниями, может прочесть книгу, написанную о сем предмете моим покойным братом.

Засим следовало бы рассказать, как обращаться с жителями покоренного города или же с населением, которому нельзя вполне доверять, — но поскольку мы намерены рассмотреть эту тему в главах о внезапных нападениях, изменах и восстаниях³¹, то в настоящей главе касаться ее не станем.



ГЛАВА V

КАКИМ ВОЕННЫМ УПРАЖНЕНИЯМ ГУБЕРНАТОР ДОЛЖЕН УЧИТЬ СОЛДАТ ГАРНИЗОНА

Если включить в этот трактат все военные упражнения, какие существуют, лишь им одним придется отвести увесистый том. Но так как в большинстве своем они предназначены, дабы готовить солдата к полевым сражениям, а в крепости бесполезны, то для рассказа о тех, которые нам пригодятся, будет достаточно и нескольких слов.

Первое и самое главное, что надлежит усвоить солдату, — он обязан повиноваться командиру, относиться к ним с почтением, а отданные приказы — исполнять точно, быстро и добросовестно, как только может.

Упражнения для солдат заключаются в занятиях с оружием и строевой подготовке.

Оружие — это шпага³², мушкет³³ и пика³⁴. Об алебарде³⁵, протазане³⁶ и подобных им видах оружия я умолчу, ибо они — особого назначения и полагаются лишь некоторым чинам. То же касается и шпаги: как с нею обращаться, рассказывать здесь ни к чему, поскольку пустить ее в ход, чтобы защититься или напасть на врага, сумеет, кажется, любой. В битвах, когда одно войско сходится с другим, от искусного фехтования нет никакого проку: ловчей выкажет себя тот, кто разит клинком напропалую. Лишь пикинерам³⁷, управляющимся одновременно и с пикой, и со шпагой, пристало обладать известной сноровкой: с ними-то и нужно заниматься, дабы они научились владеть обоими видами оружия.

Мушкетеру³⁸ полагается знать, как носить мушкет, заряжать его и производить выстрелы. С каждым новобранцем ротные

сержанты должны сперва заниматься отдельно, дабы тот, когда придет время строевых упражнений, уже знал все приемы назубок и не мешал остальным.

Пикинер должен знать, как носить пику и как пускать ее в ход: то и другое делают по-разному, смотря какие упражнения придется выполнять в строю. Опять-таки, сержантам предстоит обучать солдат вне строя, ибо пика с ее длинным древком — изрядная помеха, и, чтобы обращаться с нею, требуется навык и сноровка, — иначе батальон³⁹ придет в расстройство. Не стану говорить, сколько существует способов носить и применять пику, — они и так слишком известны; да и губернатору ни к чему уделять внимание предмету столь малозначащему: он не обязан обучать им каждого, ему достаточно проверить, хорошо ли они усвоены, дабы в противном случае потребовать возобновления занятий.

Строевая подготовка нужна, чтобы придавать нашему батальону различные формы, располагать войска для сражения при атаке и в обороне, принаравливать походную колонну к условиям местности, а также во всех прочих обстоятельствах, вынуждающих переменять строй, который положен солдатам обычно. Приемов перестроения батальона совсем немного, однако в крепости, где вам предстоит вести бой лишь из укрытия, в одном и том же месте и одним и тем же способом, они едва ли понадобятся. Оборону крепости от полевого сражения отличают вылазки да защита брешей⁴⁰ с ретраншементами⁴¹, но об этом мы поговорим в свой черед. Итак, я кончаю рассказ и о военных упражнениях, и о всякого рода приемах составления батальонов и отсылаю читателя к уже написанным на сей счет руководствам, в том числе к тому трактату, который опубликовал во время моего предыдущего досуга⁴². И даже если солдату наука эта не так уж и нужна, тем не менее она отменно пригодится знатным юношам, которых часто посылают в крепости постигать военное ремесло, — тем паче что, изучая предмет столь благородный, они избегают праздности и привыкают к труду.



ГЛАВА VI

О БДИТЕЛЬНОСТИ, КОТОРУЮ ДОЛЖЕН ПРОЯВЛЯТЬ ГУБЕРНАТОР ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОИМ СОЛДАТАМ И ИХ КОМАНДИРАМ

Должность губернатора столь важна, а обязанности требуют столь тонкого подхода, что, какую бы бдительность он ни выказывал, ее никогда не будет слишком много: ведь задача его — беречь и защищать крепость и быть готовым к любым неожиданностям, способным обречь ее на поражение.

Ему не след принимать к себе солдата, не узнав прежде его нацию⁴³, провинцию и местность, из которой тот родом, и не расспросив подробно, как называется округа, откуда он пришел, служил ли в другом месте, с какими людьми знаком, почему хочет поступить именно в этот гарнизон и рассчитывает ли остаться в нем надолго, — затем, путем разных уловок, выяснить, действительно ли новичок намерен нести службу или явился шпионить, и, когда тот окажется среди своих товарищей, устроить так, чтобы они разговорили его и присмотрелись, не сделает ли он чего подозрительного.

Пусть губернатор, едва вступив в крепость, постарается составить верное впечатление о солдатах и офицерах гарнизона, понять натуру и наклонности каждого. Это будет совсем несложно, если он прибегнет к следующему, весьма полезному способу: подарит свое расположение кому-нибудь из тех, кого сочтет наиболее любопытными и охочими пересказывать новости, и, ведя разговоры то с одним, то с другим, выведает, насколько остальные преданы

службе, хорошо ли выполняют свои обязанности, как относились к предыдущим губернаторам. Когда же речь идет о завоеванной крепости либо о гарнизоне, который не слишком надежен, нужно проверить их еще более тщательно и попытаться узнать, блюдут ли они верность государю, — ведь накануне восстания, бунта или осады на это не останется времени, и, после того как крепость падет, гроша ломаного не будут стоить оправдания, что гарнизон-де состоял из одних лишь изменников, которые, не желая обороняться, сдались врагу. Чтобы узнать, что представляет собой гарнизон, губернатору незачем ждать такого исхода: пусть доищется, кто на что способен, как только примет свою должность, — а для этого, не скупясь ни на подарки, ни на деньги, ни на обхождение, привлечет к себе нескольких человек из тех, кому доверяет, и, улещивая по-всякому, соблазняя хорошим столом и выпивкой, вытянет из них все, что им известно, или даже сделает соглядатаями и заставит следить за каждым шагом, каждым чихом остальных, вскрывать и читать письма, которые те получают или пишут сами, а потом, запечатав, возвращать, не вызывая ни у кого подозрения (поэтому губернатору неплохо бы знать, как можно вскрывать письма и снова их запечатывать, — но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз). Иногда он может сказать в кругу своих офицеров — но только без наигранности и в подходящий момент, — будто раздражен против короля и министров, пожаловаться, что, невзирая на свои заслуги, не снискал ни наград, ни почестей и что столь неблагодарная служба ему наскучила, — и наблюдать при этом, какая фраза вызовет у окружающих сочувствие, как они себя поведут и что ответят, — ибо невозможно представить, чтобы хоть кто-нибудь не выдал себя словом или жестом. Того, чья верность вызвала сомнения, можно испытать еще раз, подослав к нему верного человека, дабы тот, словно бы замышляя некие козни, предложил ему денег и стал упрашивать уйти со службы. Приказав иным часом подать ложную тревогу, губернатор может убедиться, чего стоят люди, которым предстоит защищать крепость, и как они исполняют свои обязанности. Наконец, ему не след допускать, чтобы в гарнизоне преобладали ненадежные солдаты: пусть те, на кого можно положиться, составляют в нем по крайней мере две трети. Для губернатора нет

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

ничего важней этих предосторожностей, и соблюдать их он обязан возможно тщательней, — ибо внутренний враг, находящийся подле нас, куда опасней внешнего, и защищаться от того, в ком мы врага не подозреваем, стократ трудней, нежели от явных врагов. Мы немало повидали и крепостей, сдавшихся по недостатку бдительности, и тех губернаторов, которые были опозорены до конца дней, поплатились головой или навсегда лишились свободы: так пусть же остальные держатся настороже и избегнут предательства.

Когда открыт заговор, надлежит подавить его, но о том, как это сделать, мы подробно разберем в следующих главах⁴⁴.



ГЛАВА VII

СКОЛЬКО СОЛДАТ НУЖНО В КРЕПОСТИ

На этот вопрос так прямо не ответишь. Одни держатся расхожего мнения, будто солдат потребуется столько, сколько геометрических шагов⁴⁵ насчитывает контур крепости. Другие полагают по двести солдат на каждый бастион⁴⁶, но такой подсчет, как мне кажется, ничего не даст: а вдруг бастионов не будет вовсе или же речь пойдет об иррегулярной крепости⁴⁷ — как в этом случае определить численность гарнизона? Кроме того, нельзя не учитывать, где именно расположена крепость, удобно ли подавать ей помощь, находимся ли мы в состоянии войны или мира, близко ли подступил враг, какова его численность и насколько крупными силами располагает [наше] государство. Чтобы ответить, мы должны рассмотреть каждое из перечисленных обстоятельств и, прежде всего, подсчитать, какое число солдат понадобится крепости в мирное время и какое — в ходе войны.

Итак, чтобы точно определить количество солдат, необходимых для обычной охраны крепости в мирное время, нужно подсчитать, сколько в крепости должно быть кордегардий и сколько положено выставять часовых. Наименьшее число кордегардий — по одной возле каждого ворот, одна — у сборного места⁴⁸, сиречь площади в центре города, либо перед ратушей⁴⁹, и еще одна — при квартире губернатора. Рассчитывая численность солдат, нужно помнить, сколько из каждой кордегардии должно отряжаться часовых, дозоров и офицеров. Количество часовых зависит от фигуры крепости и [протяженности] ее контура. Нельзя, чтобы часовые находились на слишком большом рассто-

нении один от другого: им положено видеть друг друга или, во всяком случае, слышать, что происходит между постами: хорошо, если они будут стоять через каждые сто — сто двадцать шагов (я имею в виду — геометрических). Когда крепость — с бастионами, ставят по меньшей мере одного часового на каждый бастионный шпиц⁵⁰ и по одному — на каждую куртину⁵¹, а когда бастионы изрядно велики, то троих, не считая поста на куртине: одного — на шпиц и по одному — к краям обоих фасов⁵². Отсюда вы можете определить, сколько часовых выставляет одна кордегардия и, соответственно, вся ваша крепость. Вот пример: у меня в крепости четыре кордегардии; из каждой мне полагается отряжать по пять часовых, а посты сменять шесть раз, так что выходит тридцать солдат. Кроме того, от каждой кордегардии нужны хотя бы четыре дозора, включающие солдат, свободных от часовой службы, а также сержантов⁵³, капралов⁵⁴ и ланспасов⁵⁵. Вкупе это составит не менее шестидесяти человек и, соответственно, двухсот сорока — для ежедневного заступления в караул. Названное число нужно утроить, дабы они имели два дня отдыха, — и получится, что для обычной охраны крепости с четырьмя кордегардиями требуется семьсот двадцать человек. В мирное время и в тех крепостях, за которые опасаться нечего, приведенное число уменьшают, так как к шпицу бастиона и на куртину выставляют лишь по одному часовому, а во время войны — увеличивают, не только ради нарядов на часы, но и для отпора врагу в случае нападения, и сообразно устраивают больше кордегардий — кроме ворот, еще и при всех бастионах. Приведу необходимую численность: для защиты города Амьена⁵⁶, к примеру, нужно пять тысяч солдат, его цитадели — две тысячи, а чтобы держать оборону Корби⁵⁷ — три. Из этого можно заключить, что за сила потребуется в других крепостях: около четырех или пяти сотен человек на бастион. Если бастионы отсутствуют, то подсчеты следует основывать на протяженности контура крепости и на таком количестве бастионов, которое понадобилось бы для его укрепления.

Численность [солдат] увеличивается и уменьшается согласно характеру окружающей местности: ибо если крепость вдается в море, стоит над обрывом, у озера, среди болот, через которые

не пробраться, или возведена на берегу какой-нибудь большой реки, — то есть когда ее местоположение и выигрышность названных мест обеспечивают защиту от любого нападения, — во всех этих случаях можно ограничиться лишь обычными постами часовых и кордегардией, в которой размещают столько солдат, сколько необходимо для наряда на часы. Тем не менее нужно иметь в виду, что ни один участок в крепости, будь то даже самая крутая, самая высокая скала из всех известных, никогда не должен оставаться без часового, — ибо люди изобретательные найдут способ взобраться куда угодно, когда им никто не мешает. Подтверждением служит участь тех, кто был захвачен врасплох со стороны таких участков, поэтому оные следует, по крайней мере, обезопасить от внезапного штурма.

Для крепости, особенно иррегулярной, которой в силу ее местоположения требуются внешние постройки⁵⁸ изрядных размеров и передовые караулы немалой численности, людей пристало побольше. Надобно прикинуть, где именно в ней можно поставить кордегардии, определить на каждую кордегардию человек по сто — больше или меньше, смотря по величине центра⁵⁹, — и, как обычно, утроить это число.

В регулярных крепостях защита внешних построек не требует существенного увеличения численности солдат — ведь, в то время как обороняются передовые укрепления, центр остается в безопасности. Так, например, осаждая крепость с шестью бастионами, столькими же теналями⁶⁰ и демилюнами⁶¹ при теналях, противник наверняка не сумеет добраться до бастионов, не взяв прежде теналей, — иначе, оказавшись меж двух участков обороны⁶², будет уязвим сбоку или сзади, чего, во избежание крупных потерь, не допустит ни в коем случае и, самое большее, захватит демилюну, расположенную перед тенью. Таким образом, одни и те же люди, сражаясь на переднем крае, защищают и укрепления, расположенные глубже в тылу, а когда потребуется — отступают под их прикрытие. Разумеется, [людей] потребуется чуть больше, чтобы выставлять часовых на бастионы, — ибо без часовых и, соответственно, без кордегардий центр крепости оставлять нельзя никогда, какими бы мощными ни были внешние постройки и как бы надежно они ни охранялись.

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

В крепостях, которые могут пользоваться постоянной помощью извне, — скажем, стоящих на море, но не окруженных водой полностью, — или же в таких, к которым неприятельская армия подступила с одной стороны, а наша — с другой, солдат для обороны должно быть не больше, чем обычно.



ГЛАВА VIII

О ВООРУЖЕНИИ, НЕОБХОДИМОМ ДЛЯ КРЕПОСТИ

Основное и наиболее мощное вооружение, которое необходимо для крепости, — пушки⁶³ и им подобные орудия на колесных лафетах, то есть полупушки, четвертные пушки, кулеврины, фальконеты⁶⁴, петрарии⁶⁵ и т.п. Затем — мушкеты, пики, алебарды, протазаны и т.д. (шпаги я не называю, так как они неотъемлемы от солдат). Все это — оружие наступательное. Оборонительное же — суть кирасы⁶⁶, каски-горшки, сиречь морионы или салады⁶⁷, и рондаши⁶⁸. Вопрос заключается в том, сколько понадобится каждого вида вооружения для успешной защиты крепости.

Имей кто-нибудь возможность обеспечить крепость столькими орудиями, сколькими пожелает, то на бастионах с двумя фланками⁶⁹ ему надлежало бы разместить по четыре орудия — два на нижнем и два на верхнем фланках, а когда бастионы изрядно велики, — то по шесть, и по столько же, определив наиболее выигрышные позиции, — на верху каждого бастиона. Таким образом, крепость с шестью бастионами о двенадцати фланках должна располагать семьюдесятью двумя [орудиями] на фланках и тридцатью шестью — на бастионах, всего ста восемью. Куда больше мне довелось увидеть в Миланском замке⁷⁰: при тех же самых шести бастионах, помимо пушек, установленных на фланках и бастионных фасах, он располагает еще ста семьюдесятью на галереях⁷¹, так что общее число его орудий составляет свыше двух с половиной сотен. Мне кажется, это чересчур. К тому же если не беречь эти орудия про запас, словно в арсенале или магазине, а пустить в ход, то непонятно, как ими распорядиться, — разве что

вооружить всю провинцию или, в крайнем случае, армию, коль в том явится нужда, а если крепость морская — то военные корабли. Не стану, впрочем, рассуждать обо всех этих невиданных запасах, поясню лишь, какие орудия и в каком количестве понадобятся нам, чтобы надлежаще оборонять саму крепость.

Возьму для примера крепость такого же контура, как, скажем, Компьень⁷², то есть о восьми или девяти бастионах. Мне бы хотелось располагать в ней восемью—десятью крупнокалиберными тридцати- или тридцатишестифунтовыми орудиями, которые предстоит использовать для разрушения больших осадных построек противника, расположенных в опасной близости и стесняющих меня, либо установить на контрбатареях⁷³. Орудия эти пускают в ход лишь в крайнем случае, ибо они потребляют много боеприпасов, а коль скоро лишатся в бою лафетов, то после починки будет нелегко и очень накладно устанавливать их на новые. Применять их следует лишь против тех построек, с которыми иначе не справиться, ибо для подавления более слабых вполне подойдут другие [орудия] — более поворотливые, не столь уязвимые для обстрела и расходующие гораздо меньше боеприпасов.

Кулеврин мне достало бы трех или четырех: они хороши, чтобы угостить ядрами эскадрон неприятельской кавалерии, показавшийся вдали, и отогнать его прочь, а в остальном вряд ли чему послужат, ибо предназначены исключительно для дальней стрельбы; огонь их весьма неточен и достигает цели разве что случайно, так что земляным осадным постройкам, находящимся на значительном расстоянии, они не повредят. Но если при отражении нападения с суши кулеврины едва ли принесут пользу, то приморскую крепость, которая наверняка подвергнется осаде и с земли, и с моря (иначе ее не возьмешь), я бы снабдил десятком, дюжиной, а возможно, и большим количеством этих орудий, лишь бы им хватило места, и установил их на кавальерах⁷⁴ и иных возвышенных позициях: благодаря своему дальнему огню кулеврины не позволяют приблизиться [неприятельским] кораблям, пробивают их сквозь оба борта, крушат и пускают на дно — поэтому противнику нужно будет либо иметь флот побольше, либо держать корабли на порядочной дистанции друг от друга — но тогда сквозь их строй легче пройти подмоге.

Также я бы хотел иметь в своей крепости не менее трех, а лучше четырех десятков орудий под ядро⁷⁵ в двадцать или двадцать четыре фунта⁷⁶. Вооружить ими следует по меньшей мере три фланка — ибо враг обычно предпринимает три атаки — и установить по четыре [орудия] на каждый, итого двенадцать, прочие — разместить на фасах бастионов или на куртинах для защиты внешних построек и стрельбы по осадным постройкам врага, и по одному — на остальных фланках, а если есть кавальеры, то и на них. Могут спросить, почему я не вооружаю все фланки единообразно. Даю ответ: очевидно, что противник не может атаковать везде и сразу и мне, чтобы перекатить пушки с одного фланка на другой, понадобится куда меньше времени, чем ему — чтобы прокопать траншеи: эту переброску нетрудно произвести за одну ночь. Конечно, губернатора, который вооружит фланки равномерно, названные хлопоты не коснутся, но делать это необязательно. В мирное же время, дабы обезопасить себя от внезапного нападения, я бы выставил орудия на все фланки, но только в меньшем количестве.

В крепости, я считаю, весьма необходимы фальконеты, и лучше, если их будет три-четыре десятка — шести-, восьми- и десятифунтовых: они хороши для стрельбы по кавалеристам или пехотинцам при любой атаке, а еще — когда те окажутся где-либо на отдалении от своих траншей. Завидев двух-трех человек сразу, либо кого-нибудь одного, но представительного, приметного одеждой или окруженного свитой, — из фальконетов можно бить и почаще, ибо выстрел, который попадет в цель и поразит военачальника или какую-либо важную особу, — участь, постигшая, как мы видели, многих знатных людей, а не так давно и одного генерала армии⁷⁷, — способен избавить крепость от осады. Орудия эти удобны тем, что очень маневренны и потребляют мало боеприпасов.

Для обороны внешних построек отменно хороши и короткоствольные орудия такого же калибра: установленные на фланках, они легко поражают цель на небольшом расстоянии. Что до меня, то в этом случае я бы воспользовался совсем короткими пятнадцатидвадцатифунтовыми пушками, лишь бы дальность их стрельбы не была менее ста — ста двадцати шагов — максимального

расстояния, позволяющего защищать тенали, демилюны и иные внешние постройки.

Изю всех орудий, подходящих для обороны внешних построек, я не нахожу лучших, нежели железные либо чугунные петрарии со съемной каморой⁷⁸, наподобие корабельных. Устанавливаются они на любой позиции, набиваются железным ломом, который при выстреле с близкого расстояния ранит много народу и производит в рядах атакующих величайшее смятение, быстро перезаряжаются благодаря готовому заряду, не раскаляются, поскольку заряд помещен в камору, — да и отступить с ними можно когда угодно. Мне бы понадобились полтора-два десятка таких орудий и по дюжине зарядов на каждое, дабы во время [неприятельской] атаки палить почаще. С их помощью хорошо оборонять не только внешние постройки, но также контрэскарп⁷⁹ и даже брешь и вести огонь по врагу, идущему на приступ.

Еще в крепостях исключительно необходимы аркебузы или мушкеты с крюком⁸⁰. Пусть даже атакующие первых рядов облачены в противомушкетные доспехи⁸¹ и прикрываются рондашами, защита их не устоит против мушкета с крюком, заряжаемого пулей в четыре унции⁸² весом, и, когда они получают сполна, у остальных пыла поубавится. Таких флейт лучше запастись сотни три, чтобы заставить врага, идущего на штурм, поплясать как следует.

Что касается мушкетов, то помимо тех, которые положены солдатам обычно, нужно иметь и запасные в изрядном количестве. Если, к примеру, вашу крепость защищают три тысячи мушкетеров, то в ее магазинах должно быть шесть тысяч мушкетов: запас, думается мне, никогда не повредит, и, окажись он даже слишком велик, им, при случае, можно выручить еще одну крепость, подвергшуюся осаде. Гарнизонный мушкет, хочу заметить, должен быть мощнее и массивнее полевого. Причин тому несколько: во-первых, солдатам не приходится преодолевать с ним большие расстояния; во-вторых, при стрельбе его опирают на парাপет⁸³, а не на сошку; в-третьих, доспехи штурмующих слишком прочны (или, во всяком случае, должны быть таковыми), чтобы их можно было прострелить из обыкновенного мушкета. По числу мушкетов требуется и принадлежность для них, сиречь

бандельеры⁸⁴ и заряды. Мушкетов надлежит иметь по меньшей мере вдвое против пик, ибо пики в крепостях служат только для обороны брешей.

То, что было сказано о мушкетах, касается и пик: они должны быть мощнее, чем полевые, и их, как и мушкеты, следует держать про запас — но не более чем вполовину, ибо пика в крепости используется не так часто, как мушкет: за нее берутся, лишь когда доходит до рукопашной. Мой совет — держать под рукой особо длинные и крепкие пики с крючком пониже острия, дабы с их помощью цеплять и повергать наземь тех, кто идет в полном доспехе на приступ или в разведку боем⁸⁵.

Также понадобятся и сослужат отменную службу алебарды, протазаны и схожее с ними древковое оружие, а еще рондаши, тесаки⁸⁶ и т.д. Особенно хороши рондаши: во время ближнего боя ими прикрываются, отталкивают врага и сооружают из них подобию нового парапета, — но, если они не выдерживают мушкетный выстрел, грош им цена.

Кроме доспехов, полагающихся всякому для обычной защиты, нужны будут и противомушкетные, общего пользования (я не думаю, в отличие от некоторых, что в крепостях таковые бесполезны). Их надлежит хранить в магазинах и выдавать либо самым храбрым из солдат, вызвавшимся оборонять внешние постройки или брешь, либо иным комбатантам, о которых губернатору надлежит печься всемерно — ибо пример одного из них придаст отваги многим. Когда есть люди, готовые встать грудью на передовой, довольно сыщется и таких, кто пойдет за ними, — вот почему нельзя допускать, чтобы эти смельчаки рисковали собой понапрасну. Нужно приказать им облачиться в доспех, даже принудить, если они того не захотят, ибо их жизнь и безопасность — суть жизнь и безопасность всех остальных. Итак, в магазинах было бы неплохо иметь комплекты доспехов для защиты передней части тела от мушкетного огня, состоящие из нагрудника, набедренников и каски-горшка, — сотни по две или сверх того, и по меньшей мере столько же рондашей, тоже противомушкетных. Больше — лучше: никогда не след переживать, что оружия и боеприпасов в избытке. Часто можно видеть крепости, сдавшиеся из-за нехватки какой-нибудь мелочи, но почти

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

никогда — такие, где после осады осталось многое из того, что было припасено.

Четыре или пять сотен мушкетов с колесцовым замком⁸⁷ либо ружей⁸⁸ окажутся как нельзя кстати для вылазок во время дождя и в сырую погоду, ибо иметь боеспособное оружие, тогда как враг не может воспользоваться своим, — знатный козырь.

Наконец, для обороны бреши я бы держал про запас еще шесть тысяч мушкетов, в том числе тысячу совсем коротких, в два или два с половиной фута и калибром поболее дюйма⁸⁹, заряжаемые россыпью пистолетных или аркебузных пуль. Итальянцы называют их *pestoni*⁹⁰ и используют наряду с прочими.



ГЛАВА IX

КАК ГУБЕРНАТОР ДОЛЖЕН ЗАБОТИТЬСЯ О ХРАНЕНИИ ВООРУЖЕНИЯ

Все это вооружение нужно приготовить заранее и держать наготове, пока не понадобится. Губернатору же пристало следить за тем, как его хранят, дабы оно не потерпело урона, не пришло по небрежению в негодность и, чуть что, могло быть пущено в ход.

Литые пушки не портятся и не ржавеют⁹¹, поэтому большой уход им ни к чему. Это правда, — но верно также и то, что без лафетов они стрелять не могут, а лафеты, как и пушки, положено содержать в исправности. Поэтому большую часть пушек убирают в магазины, предварительно сняв с лафетов, дабы сэкономить место, а те немногие, что остаются на лафетах и готовы защищать крепость, устанавливают на фланках под сводом, когда таковой есть; если его нет — изготавливают для лафетов защитные двускатные кожухи из сосновой доски, хорошо просмоленной снаружи. Собранные на одних лишь крючках, такие кожухи легко снимаются; их опирают на лафетную ось, чтобы можно было катить орудия вместе с ними, или же прямо наземь, — хотя все-таки предпочтительней, когда кожухи установлены на оси. Нужно следить, чтобы колеса не уходили в землю: для защиты от сырости под них подкладывают несколько деревянных брусков (тогда как платформы⁹² я бы строил, лишь когда в них возникнет потребность⁹³). В [крепостях] Италии на стенах почти не увидишь орудий без такого укрытия.

Когда я говорю о пушках, то подразумеваю и все остальные орудия на колесном лафете.

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

Запасные мушкеты держат в магазинах, каковым положено быть достаточно сухими. При наличии окон, позволяющих хорошо проветривать магазины, а на зиму закрывающихся рамами с парусиной, мушкеты можно также хранить в ящиках, тщательно проложив соломой, и осматривать каждые полгода, а те, которые поржавели, — чистить. В городах, управляемых должным порядком, иным людям назначают жалованье за регулярную чистку оружия.

Бандельеры развешивают на деревянных решетках⁹⁴, которые время от времени встряхивают, чтобы избавиться от пыли.

Таким же образом полагается содержать и чистить прочие виды вооружения, как наступательного, так и оборонительного. Пики, чтобы они не покривились, укладывают связками и оставляют [храниться] не на земле, ибо так они испортятся от сырости, а только на козлах; острия пик, наряду с остальным оружием, необходимо отчищать от ржавчины.



ГЛАВА X

О БОЕПРИПАСАХ, НЕОБХОДИМЫХ В КРЕПОСТИ

Боеприпасы суть — порох, ядра, пули, фитиль⁹⁵, фейерверки⁹⁶ и все ингредиенты, которые служат для их изготовления. Порох — самый важный из боеприпасов: он бывает крупнозернистый, то есть предназначенный для пушек, и мелкозернистый, которым заряжают мушкеты.

Всегда будем исходить из того расчета, что в крепости, как говорилось нами раньше, примерно девять бастионов. Я беру орудия общим числом пятьдесят; каждое стреляет раз по десять в день — стало быть, пятьсот выстрелов ежедневно. Если опосредованно приравнять друг к другу малые и большие орудия, понадобится, скажем, фунтов десять пороху на один выстрел, — следовательно, пять тысяч фунтов, сиречь пятьдесят квинталов⁹⁷ в день. На три месяца, то есть на сто дней, выйдет пять тысяч квинталов, но поскольку палить по пятьсот раз в день в течение трех месяцев — дело для крепости невиданное, стоит ограничиться половиной, а другую половину оставить про запас или пустить в ход, если осада, против ожидаемого, затянется дольше.

Что же касается мушкетов, мне думается, для них будет достаточно ста тысяч [фунтов], то есть тысячи квинталов; подобным же образом можно держать пятьдесят тысяч на необходимый расход, а другие пятьдесят — про запас, на крайний случай. Для тысячи солдат, вооруженных мушкетами, подсчет можно произвести и так: если каждый израсходует по полфунта пороху в день, это составит пятьсот фунтов, а на сто дней — пятьдесят тысяч.

Сюда же я отношу порох, который потребуется для изготовления фейерверков, закладки мин⁹⁸, снаряжения гранат⁹⁹, бомб¹⁰⁰ и заряжания мортир¹⁰¹.

Надлежит иметь запасы селитры, серы, угля, смолы, воска, жира, масла и всякой москоти¹⁰², необходимой для составления фейерверков. О фейерверках мы здесь говорить не станем, ибо они требуют особого трактата, который я когда-нибудь напишу, если Господь пожелает, чтобы обещание, данное мной в книге о фортификации, было исполнено.

Ядра нужны в соразмерном количестве: если пушкам положено производить в день пятьсот выстрелов, столько же понадобится и ядер; чтобы стрелять в течение трех месяцев, или ста дней, необходимо пятьдесят тысяч. Это касается всех калибров, однако малые орудия расходуют куда больше ядер, нежели крупнокалиберные: так, например, фальконеты по сравнению с пушками — вдесятеро, остальные — соответственно.

Для мушкетных пуль потребуется пятьсот квинталов свинца: четверть составляют готовые пули, а остальной металл, чтобы отливать таковые по мере необходимости, хранится в виде чушек.

Что до фитиля, то на весь срок, о котором мы говорили, я полагаю, будет достаточно пятидесяти тысяч фунтов.

Помимо всего перечисленного понадобятся бомбы, чтобы метать их в галерею¹⁰³, брешь или в [неприятельские] ложементы¹⁰⁴ напротив стен. Поскольку управляться с ними хлопотно и будет чудом, если они угодят-таки в цель, прок от них небольшой. Понадобится их сотен пять.

Что касается ручных гранат, то мне бы потребовались три или четыре тысячи, бронзовых либо чугунных — остальным, например глиняным, грош цена, а от стеклянных пользы еще меньше. Дабы граната, падая, производила должный результат, следует поместить ее в глиняный горшок таких размеров, чтобы она могла войти, и вокруг, между нею и стенками горшка, оказалось бы свободное место; когда она, надлежащим образом снаряженная, уже находится внутри, промежутки засыпают добрым порохом, горшок накрывают тряпкой, обматывают концами фитиля и поджигают их, прежде чем метнуть горшок во врага. Падая наземь, горшок разбивается, фитили поджигают порох, а порох — гранату.

В число боеприпасов входят и всякого рода фейерверки — огненные копья¹⁰⁵, огненные горшки¹⁰⁶, [огненные] колеса¹⁰⁷, трут¹⁰⁸, зажигательные бочонки¹⁰⁹, бревна-катки¹¹⁰, раскаленные и начиненные ядра¹¹¹, а также множество иных приспособлений, из которых под рукой, на случай внезапного нападения, следует держать лишь некоторые: изготавливать фейерверки в большом количестве я бы не советовал, так как состав их со временем портится; лучше иметь хороший запас ингредиентов для их составления.

Для каждого орудия нужны запасные лафеты и дерево для их починки, на тот случай, если они будут разбиты. Заодно следует иметь и готовый железный прибор¹¹² для лафетов, а также [само] железо, чтобы выковывать новые детали или исправлять старые. Равно не обойтись и без прочей орудийной принадлежности — совков для пороха¹¹³, шуфл¹¹⁴, банников¹¹⁵, канатов, воротов¹¹⁶, веревочной снасти¹¹⁷, рычагов¹¹⁸ и всего, что необходимо для установки пушек на лафеты, заряжания, наведения на цель и стрельбы. Кроме того понадобятся обитые медью заслонки из толстых досок, выдерживающие мушкетный огонь, с круглым вырезом для надевания на ствол пушки возле запального отверстия, и со щелью, куда канонир¹¹⁹ смотрит, когда целится, оставаясь неуязвимым для пуль. Дабы уберечь канониров, нелишне будет заpastись и заслонками другого назначения — теми, которыми загораживают амбразуры¹²⁰, после того как пушка выстрелила.

Для восстановления разрушенного парапета необходимы мешки, корзины или плетенки [с землей]. Той же цели служат и габионы¹²¹: их используют для защиты открытых участков, наваливают перед брешью и в иных местах, пострадавших от неприятельских орудий. Еще для этого дела отменно пригодятся бочки, да и плетеные ограды подойдут наилучшим образом.

Придутся кстати крепкие деревянные щиты — не только, чтобы прикрываться ими, когда ложементы разрушены бомбами или орудийным огнем, но и для всякого иного применения, подсказанного необходимостью.

Фашины¹²² хороши для закладки брешей, исправления разрушенных построек и даже возведения новых.

Во время осады найдется довольно применения древесине. Ее понадобится много и всякого рода — массивных древесных

стволов, бревен, брусьев, толстых досок, которые служат для строительства, ибо в крепости не обойтись без возведения различных укреплений, изготовления новых лафетов для пушек, [военных] машин, прикрытий, частоколов и прочих сооружений.

Затем нужны всевозможные инструменты и приспособления — например, формочки для отливки пуль, мотыги, лопаты, кирки, тачки, носилки, заплечные корзины, кузова, кожаные ведра и багры для тушения огня, множество железных шострапов¹²³ о четырех остриях, чтобы разбрасывать перед брешью; толстые дощатые настилы, утыканные гвоздями острием вверх и укладываемые внутри бреша; колья с крючками на концах для постройки частоколов; цепи, на которых спускают фейерверки; петарды¹²⁴ с мадрильными досками¹²⁵, предназначенные для разрушения галерей; железный лом, которым заряжают петрарии, — старые цепи, обрубки толстых гвоздей, куски железа — вообще все, что при выстреле из орудия может нанести врагу урон; латунная проволока, чтобы изготавливать пули, соединенные одна с другой¹²⁶; котлы для варки селитры, а также разогревания масла, которое льют на врага при помощи больших черпаков, насаженных на конец пики, — и изрядное число иных вещей подобного рода, описанных более подробно в моей книге о защите крепостей¹²⁷.

Кроме того потребуется инструмент, необходимый плотникам, каретникам, каменщикам, кузнецам-оружейникам для изготовления и ремонта орудийных лафетов, обустройства и восстановления ложементов, приведения в порядок разрушенных стен, починки старого оружия и выковывания нового.

Чтобы заниматься всем этим, нужны люди, каждый из которых сведущ в своем ремесле, — толковые саперы¹²⁸ для прокладки контрмин¹²⁹, а равно и мин, колья скоро таковые понадобятся; составители фейерверков, канониры, умельцы выделять селитру и порох, каретники, плотники, каменщики, кузнецы-оружейники и прочие мастера, полезные в военных делах, ибо все перечисленные средства и запасы — суть мертвый груз, когда нет людей, способных придать им форму и содержание, не говоря уже о том, что сырье портится и пропадает, если не заботиться о его сохранности и обновлении.

Еще не обойтись без свинца, железа, стали, красной, сиречь чистой, меди, латуни или бронзы, камня, извести, кирпича, песка, дерева — вообще всего, что понадобится для строительства, изготовления или восстановления всего вышеописанного.

Все, что было сказано нами насчет хранения оружия, в не меньшей мере относится и к боеприпасам. Каждому из них отводится подходящее место — порох, к примеру, надлежит хранить не в одном, а в нескольких магазинах, которые далеко отстоят от огневых позиций, защищены как можно надежней и расположены возле крепостного вала — при куртине, или горже¹³⁰; эти магазины не должны иметь окон, через которые можно бросить огонь, — отверстия же, проделанные для доступа света, следует забрать ставнями, которые обиты с внешней стороны железными листами или, еще лучше, выкованы из цельного железа, без деревянных частей. То же самое касается и дверей, и я бы всегда делал их двойными. Изнутри весь магазин нужно обить сосновой доской, а бочки с порохом — держать на подкладинах, чтобы уберечь от сырости. В Италии того, кто входит в пороховой магазин, по обычаю заставляют снимать шпагу, шпоры и все железо, что на нем: поистине, когда хочешь избегнуть беды, прежде уже случавшейся, ни одна предосторожность не будет лишней.

Чтобы убедиться, что порох не испортился, его, как мы уже говорили, проверяют и испытывают каждые полгода, в крайнем случае — год, и, если он в самом деле испорчен, велят изготовить новый.

Селитру тоже надлежит держать в сухом месте, но не настолько далеко, как порох; то же касается и иных смесей, которые, в отличие от пороха, не воспламеняются с такой легкостью.

Каковы бы ни были обстоятельства, никогда нельзя позволять, чтобы в места хранения пороха вносили огонь — ни открытый, ни заключенный в фонаре, — это должно быть строжайше запрещено.

Остальные инструменты и припасы полагается держать в отведенных им магазинах, на своих местах и по порядку, дабы, явись нужда, не пришлось искать то одно, то другое: ничто в крепости не радует так, как порядок, когда всякая вещь хранится в должном месте и ни с чем не выходит морочки.

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

Пушечные ядра раскладывают по калибрам, каждый калибр отдельно, а поверх пишут вес; никогда не следует хранить их без разбора, ибо это чревато большим замешательством, особенно во время внезапного нападения.

Точно так же поступают и с мушкетными пулями, хотя калибр у них почти всегда одинаков. Достаточно будет двух калибров: одного обычного, а другого [по крупнее,] — для обороны брешей. Хранить пули нужно в специально отведенных местах и таким же порядком, как остальные боеприпасы.

Губернаторы в большинстве, как я замечаю, все труды и искания свои посвящают единственно совершенствованию фортификационных сооружений. Но этого, на мой взгляд, недостаточно — ведь обо всем, что мы рассказали, надлежит печься не меньше, нежели о самой крепости, иначе та не продержится и дня. Впрямь, когда, посетив внушительную крепость, видишь отменно вооруженных и обученных солдат, а затем убеждаешься, что и магазины ее, согласно преподанным нами правилам, заполнены до краев, содержатся как следует и располагаются в нужных местах, — твоему ликованию нет границ, и ты ничуть не сомневаешься, что губернатор, у которого такой порядок, — человек многоопытный, мудрый и наперед знающий, что ему необходимо.

В одночасье такие приготовления не сделать, но губернатор должен собрать все, что ему понадобится, постепенно и рачительно сберечь, — и если он изначально задумал обустроить надежную и обеспеченную крепость, то со временем своего добьется. Пусть стремится приложить к этому все силы, дабы снискать почет и уважение, а не поступает подобно иным людям, которые, ничему не учась, только изобретают способы, как отхватить у короля денег, растратить их на солдат и утеснить ради наживы окрестное население, а о крепости думают в последнюю очередь и если производят в ней какие-нибудь улучшения, то лишь для вида и из желания выклянчить монету. Все их мысли — о выгоде, которую можно извлечь из губернаторской должности, и ни о чем более, но стоит лишь напасть врагу — и мы видим, что они не знают, куда кинуться, во всем встречают разлад, теряют свои крепости, честь, а иногда и голову или же обрекают себя на позор до конца дней.



ГЛАВА XI

О ПРОВИАНТЕ, НЕОБХОДИМОМ В КРЕПОСТИ

Солдаты, даже будучи хорошо вооруженными и обученными, не смогут оборонять крепость, если им нечего будет есть. Поэтому провиант необходим не в меньшей степени, а даже больше, чем все остальное.

Провиант вообще — это еда и питье. И то и другое бывает разного рода, но основные продукты — это хлеб и вино.

Начнем с хлеба и расскажем, сколько его понадобится. Предположим, в крепости — пять тысяч ртов, потребляющих хлеб в течение года. На каждого человека в год нужно немногим более двух сетье¹³¹ зерна по парижской мере; запаса ради возьмем три сетье, — стало быть, пяти тысячам человек полагается пятнадцать тысяч сетье.

Что до вина, то я исхожу из расчета, что человек выпивает по пинте¹³² в день — следовательно, на год каждому потребуется примерно мюид¹³³ с третью; таким образом, пяти тысячам человек будет нужно шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть мюидов, или, округляя, — семь тысяч. Сказанное насчет вина распространяется также на пиво, сидр¹³⁴ и все прочие напитки. Уксус употребляют и в пищу, и на военные дела¹³⁵. Еще он весьма необходим для охлаждения орудий, а сверх того — как лекарство против многих болезней.

Вот два главных продукта; далее черед мяса — свежего и соленого. Свежее бывает — бычачье, коровье, баранье, свиное, а также куриное и другой домашней птицы. Для скота нужны сено, солома, овес и, кроме него, иные виды зерна, которые, как водится, идут на корм. Говядину или свинину можно засолить, дабы

хранить подольше, не забывая притом о прокорме животных. Свежее мясо предназначается для питания больных и раненых, а шкуры — на [изготовление] фейерверков. Еще не обойтись без соленой рыбы — трески, сардины, сельди, лосося и остальных пород, обычно подаваемых к столу. Для приготовления мяса и рыбы требуются соль, коровье и растительное масло, сало, разный сыр и, прежде всего, вдоволь воды — колодезной либо сохраняемой в резервуарах, которые нельзя разрушить. Запасам воды губернатору надлежит уделить особое внимание, так как на источники, которые подведены по акведукам¹³⁶, надеяться не стоит: враг наверняка разрушит их или попытается отравить. Любые сушеные злаки, прежде всего рис и ячмень, [тоже] подойдут, поскольку долго не портятся и весьма питательны. Хороша и зелень, которую хранят в высушенном виде, — например, чеснок и лук, — а равно и фрукты — виноград, фиги, орехи, фундук, сливы и т.п., которые можно сушить в печи. Всяк продукт должен храниться отдельно, ибо для общих магазинов¹³⁷ довольно зерна с сухарями, либо вина, пива или сидра, а если там держать еще и овощи, это будет чересчур.

Засим нужны мельницы для зерна, приводимые в движение при помощи воды или ветра — хороши и те и другие, лишь бы враг не смог их разрушить, — а сверх того конные или ручные жернова¹³⁸. Кроме того, потребуются хлебопекарная утварь, печи, а следовательно, — дрова, уголь либо торф, чтобы топить печи, обогрывать жилье и кордегардии.

Поскольку одежда служит не один день, для ее пошива необходима материя, а для выделки белья — полотно, но особенно понадобятся готовые башмаки и сапожная кожа, ибо обувь быстро снашивается, в ней чаще нуждаешься, а обходиться без нее весьма затруднительно. Кроме того, потребны также головные уборы.

Больным и раненым будут нужны лекарства всякого рода и, разумеется, лекари и аптекари, чтобы составлять и приготавливать таковые.

Свечи и масло для ламп используют не только в кордегардиях, где без них не обойтись, но и в любом жилье.

Если у вас есть кавалерия, что для крепостей дело обычное, — следует запастись фураж¹³⁹, то есть сено, овес и солому. Запас его определить очень легко: на каждую лошадь — по две охапки сена,

охапка соломы и четыре пикотена¹⁴⁰ овса в день: исходя из числа имеющихся лошадей и того времени, в течение которого вы рассчитываете продержаться, вы и должны будете произвести расчет.

Точно так же в крепости подсчитывают количество корма для остальных животных, о которых мы говорили, — быков, коров, свиней и т.п., — покуда те не забиты: всем им вы запасааете корм на тот срок, в течение которого намерены их сохранять.

Наряду с тем, что сказано нами насчет заботы губернатора о боеприпасах, мы предупреждаем, что не в меньшей степени ему положено радеть и о хранении провианта — держать зерно в амбарах, куда не проникает ни яркий солнечный свет, ни сырость, ворошить время от времени, а если ясно, что оно вот-вот пропадет, — израсходовать его или продать. Однако, сколько зерна в крепости убудет, столько же он должен и запасти, непременно поставив об этом в известность государя или министров. Столь же часто губернатору пристало обновлять и муку, портящуюся еще быстрее, чем зерно, особенно летом, а для этого назначать осмотр или проверять запасы самому, дабы избавиться от них, прежде чем они придут в совершенную негодность.

То же самое относится и к питью. Его хранят в добрых погребах обычным порядком: летом следят, не принялось ли оно киснуть, чтобы заменить емкости и не позволить ему окончательно испортиться, — или же продать, пока не пропало.

Лучший провиант для запасов, мне кажется, — это сухари. Им не понадобится ни мельниц, ни жерновов, храниться они могут долго, что весьма выгодно, — а ведь зерно придется молотъ, и мука может затухнуть. Кроме того, для выпекания хлеба не обойтись без печей и дров, тогда как сухари полностью готовы — ни соль, ни вода, ни огонь не нужны. Недостаток сухарей — лишь в том, что по истечении двух лет их нужно либо доесть, либо заменить: ни солдаты, ни горожане питаться ими не приучены — никто не согласится, и непонятно, как с этим запасом поступить: даже если он останется в высшей степени сытным и здоровым, употреблять его сподручно разве что в приморских крепостях¹⁴¹.



ГЛАВА XII

КАК ГУБЕРНАТОРУ ОПРЕДЕЛИТЬ НЕДОСТАТКИ КРЕПОСТИ

Казалось бы, нельзя судить о недостатках крепости, пока не поймешь, как она устроена, поэтому вначале следует описать фортификационные сооружения, а уж потом толковать об их изъянах. Тем не менее, подчиняясь естественному порядку — сперва узнать, в чем беда, а уж затем изыскивать против нее средства, — мы расскажем в этой главе об уязвимых местах крепости и о том, как их определяют.

Враг, до того как подступить к крепости, должен стать лагерем¹⁴² и, прежде всего, использовать в этих видах преимущества [местности], когда удастся таковые найти, — а те, кто обороняется, — в свою очередь, попытаться ему помешать, и первый недостаток, на который следует обратить внимание, — суть окружающие крепость расселины, низменности, ущелья, овраги и иные участки, где противник способен безопасно пройти и закрепиться. Недостаток этот, впрочем, наименее значим из всех, можно даже сказать, — скорее выигрыш противника, нежели недостаток крепости: ведь если осаждающие довольно далеко, они не причинят большого вреда, а выгоды их — разве что большая защищенность да меньшее расстояние от лагеря до траншей.

Дороги, защищенные в силу естественных причин, расселины или низменности, которые доходят до самого контрэскарпа, — куда вреднее, тем более что враг сможет пользоваться ими, не покидая траншей, и получит даром все, на что иначе положил бы великие труды, жертвуя людьми и теряя время. И несовершенство крепости, едва ли не самое серьезное, — когда он может безопасно подобраться к самым нашим постройкам.

Окружающие крепость дома, стены, деревья, изгороди, вообще все, что стодится врагу для укрытия, когда он роет свои подступы¹⁴³, — недостаток не менее существенный, чем предыдущий, поэтому губернатор и его должен держать в голове, чтобы исправить.

Когда крепость окружена господствующими высотами, это тоже изъян, — и чем труднее его исправить, тем он серьезнее. Высоты эти бывают разные. Не слишком много вреда от тех, что находятся на почтительном расстоянии — свыше тысячи или даже восьмисот геометрических шагов. Мое мнение таково, что и при двухстах шагах между ними и крепостью они не смогут вам угрожать: опыт нескольких осад, в которых я участвовал, убеждает меня, что такие высоты хотя и нагоняют страх на обывателей, но урон наносят разве что крышам домов. А вот отлогие высоты, расположенные поблизости от контрэскарпа и спускающиеся к нему, исключительно опасны, ибо с них крепость открывается как на ладони, и врагу нетрудно будет разместить там батареи и мушкетеров для подавления наших оборон, паче того — занять такие позиции, откуда удобнее разрушать крепость; к тому же преимущество возвышения дает ему возможность афилировать¹⁴⁴ (то есть простреливать по всей длине фасов) наши укрепления, а любую вылазку — смести одним-единственным залпом. Опаснее же прочих — высоты, открывающие ваши тылы, но прежде всего — те, с которых можно расстреливать в упор ваши фланки либо столь же важные оборонительные участки, обеспечивающие защиту других участков: если лишиться этих оборон, то позиции, находившиеся под их прикрытием, будут захвачены в ходе неприятельской атаки. Есть еще возвышенности, которые отделены от крепости рекой, — благодаря им осажденных удастся потревожить, но отнюдь не принудить к сдаче. Есть такие, что срезаны над крепостью отвесно, и крепость словно возведена у подножия высокой крутой горы, — с них можно разве что сбрасывать камни, иного преимущества они не предоставляют. Все это — суть недостатки, из которых одни поддаются исправлению, а другие — нет; тому, как их исправить, мы посвятим следующую главу.

Изучив окрестности и местоположение крепости, то есть окружающий ее природный ландшафт, губернатор должен

обратить внимание на рукотворные преграды, устроенные для ее защиты, и прежде всего — на контрэскарп, передовой рубеж оборонительных сооружений, которые ее опоясывают. Следует взглянуть, есть ли он вообще, и, если его нет, считать это изъяном — первым из тех, что присущи центру крепости, но легко-исправимым. Необходимо также убедиться, что контрэскарп возведен в соответствии с планом и размерами, приведенными нами ниже: тот, который им не соответствует, — слаб. Особо надлежит проверить, не простреливается ли контрэскарп вдоль — очевидное упущение, с которым, впрочем, сталкиваешься почти всегда, — и, что еще хуже, не уязвим ли он с тыла. И, конечно же, куда как несовершенны нефланкируемые¹⁴⁵ контрэскарпы.

После полагается осмотреть ров¹⁴⁶ за контрэскарпом: достаточно ли он широк, глубок, простреливается ли по всей длине и фланкируется ли со стороны крепости или внешних построек, — ибо нефланкируемому рву грош цена.

Чем ближе к крепости, тем большее внимание следует уделять выявленным изъянам. Итак, если у крепости нет внешних построек, участь ее незавидна — как у человека, который идет с голыми руками против оружия, — ибо тогда все свою силу враги обрушат прямо на центр и ничто их не остановит. Поэтому крепость без внешних построек никуда не годится, какой бы ни была надежной сама по себе. Под внешними постройками я подразумеваю [здесь] тенали, демилюны, кронверки¹⁴⁷ и все прочие, расположенные за рвом, по ту сторону от центра крепости. Надлежит убедиться, достаточно ли они высоки, чтобы доминировать над контрэскарпом, находящимся перед ними, фланкируются ли центром, — ибо фланковая защита пристала любым внешним постройкам, за исключением теналей, которые фланкируют себя сами, — и не преобладают ли над крепостью, поскольку в этом случае окажутся для нее пагубны: стоит врагу овладеть ими, против них не будет защиты. Они должны выдерживать орудийный обстрел, то есть иметь парапеты восемнадцати футов толщины. Внешние постройки возводятся, как правило, из земли, однако те, что одеты кладкой, будут не хуже. Нужно взглянуть, не осыпались ли они, легко ли придать им прежнюю высоту или заново облицевать камнем, коль скоро кладка разрушена. Предвратные постройки, со стороны

которых можно ждать внезапного нападения, полагается обнести понизу штурмфалом¹⁴⁸ либо частоколом¹⁴⁹, препятствующим неприятельской атаке, — остальные же могут обойтись и без штурмфала. Внешние постройки ни в коем случае не должны быть настолько выдвинуты вперед или отстоять от крепости так сильно, чтобы мушкетный выстрел не доставал до самых отдаленных, — ибо, как мы говорили, крепость обязана поддерживать их огнем, а если, в силу обстоятельств, их возвели на большем расстоянии, необходимо, чтобы они фланкировали себя сами: ни одна не может оставаться без фланкового прикрытия, либо собственного, либо из крепости. Демилюнам ни к чему быть чересчур острыми, — пусть их угол составляет, самое большее, градусов семьдесят; если он будет острее, на демилюне совсем не останется места для солдат, которым надлежит ее оборонять. Вместе с тем и слишком тупой угол не годится: лучше, когда он не превышает девяноста градусов, ведь чрезмерно развернутые демилюны получают меньше защиты со стороны крепости, тогда как при прямом угле, сохраняя ту же самую длину фасов, становятся вместительней, нежели при любом другом. Что же касается теналей, то шпильцы их полубастионов¹⁵⁰ — всегда острые. О размерах демилюн и теналей мы поговорим в следующих главах, [а пока] достаточно знать, что, если угол чрезмерно тупой или чрезмерно острый, это недостаток. Перед каждой из внешних построек должен быть ров — сухой или наполненный водой, смотря по характеру окружающей местности.

Затем полагается проверить те постройки, которые суть — центр крепости, и первое, на что падает наш взгляд, — это контрэскарп. При нем должны быть гласис¹⁵¹, парапет, банкет¹⁵² и прикрытый путь¹⁵³; их размеры мы приведем позднее. Контрэскарпу надлежит обладать теми же качествами, которые мы перечислили, говоря о внешних постройках. Необходимо, чтобы откос рва, то есть, собственно, контрэскарп, был достаточно высок, не менее пятнадцати футов от дна рва до прикрытого пути. Пусть откосы рва, когда он без воды, будут срезаны настолько круто, чтобы со дна по откосу нельзя было взобраться наверх, и пусть внутри рва не сыщется ни одного участка, который не фланкировался бы со стороны центра крепости, — в противном случае это недостаток.

Особо нужно удостовериться, что все углы [контрэскарпа], расположенные против центра куртин или же бастионных шпицев, имеют подъемы¹⁵⁴ для выхода на прикрытый путь, как для кавалерии, так и для пехоты; отсутствие таких подъемов, довольно часто отмечаемое во многих крепостях, — серьезный изъян, ибо, во время вылазки, вы либо вовсе не сумеете выбраться из рва, либо будете вынуждены сделать большой крюк с риском быть обнаруженными, — а если противник вас потеснит, придется спрыгивать прямо в ров, а при отступлении нет ничего хуже.

Ров, окружающий крепость, имеет огромную важность, и следует обратить внимание, достаточно ли он глубок или же, напротив, мелок, широк или узок, заполнен ли водой или сух, удастся ли врагам отвести из него воду и возможно ли преодолеть его без труда. Если он неглубокий, чересчур узкий, а если в нем вода, — когда ее слишком мало, и она едва прикрывает дно, — одним словом, если его легко форсировать, — это все недостатки, но наихудший среди них — когда ров недосыгаем из крепости и не фланкируется ею, а паче того — выведен углом в середину куртины, так что его участок напротив фаса бастиона не открывается [противоположному] фланку, и противник, закрепившись при названном фасе, не терпит никакого урона от фланкового огня. Посему необходимо убедиться, простреливается ли ров целиком — и не только какими-либо постройками в самом рву, но, прежде всего, фланками. Если во рву есть участки, которые загораживает та или иная постройка, — это изъян, как и в том случае, когда шпиц бастиона слишком глубоко вдается в ров и не позволяет простреливать его с противоположного фланка; и то и другое надлежит исправить. Очень плохо, когда мост к воротам возведен в виде каменного свода или покоится на массивных опорах, заслоняя ров перед фасом бастиона от огня соседнего фланка. Короче говоря, ров должен быть таким, чтобы его трудно было перейти и чтобы он фланкировался противостоящими бастионами.

За рвом начинается центр крепости, первый и самый серьезный недостаток которого — наличие нефланкируемых участков, ибо грош цена любому участку обороны, лишенному фланковой поддержки. Коль скоро фланкирующий участок отстоит от фланкируемого далее чем на мушкетный выстрел — это почти то же

самое, как если бы фланковой поддержки не было вовсе: одно другого не лучше; поэтому ни одна линия защиты¹⁵⁵ не должна превосходить по протяженности досягаемость мушкетного огня. Если фланкирующий участок настолько уязвим, что враги без труда могут подавить его, то многого он не стоит. Необходимо, следовательно, чтобы все фланки выдерживали орудийный обстрел и, кроме того, предоставляли [собственным] пушкам достаточное пространство для отката. Фланки не должны быть слишком маленькими, ибо они — защита крепости, так что их теснота — это изъян. Плохо, когда они непомерно высоки и ведут огонь сверху вниз, не нанося врагу, преодолевающему ров, большого урона. Низкие следует надежно оградить парапетами, дабы те, кто держит внутри оборону и управляется с артиллерией, находились под защитой и в безопасности. Еще лучше, если фланки устроены и внизу и сверху — и даже тремя уровнями, один над другим, лишь бы не мешали друг другу. Крепость только выиграет, когда фланки расположены ступенями, один глубже другого, и не перекрыты сверху. Те, которые замкнуты сводами, нигде не годны: артиллерийская прислуга задохнется в них от дыма, а неприятельские пушки обрушат своды своим огнем, так что и фланк, подвергшийся обстрелу, и тот, что над ним, будут подавлены. Фланки, защищенные орильоном¹⁵⁶ или плечом прямоугольной формы, — лучше тех, которые полностью открыты, поскольку противник никогда не сможет разрушить их до конца и, следовательно, подобраться вплотную к бастиону, форсировав ров при помощи галереи. Однако плечо не должно отгораживать их настолько, чтобы они вели огонь лишь вдоль куртины: ведь фланки предназначены для обороны противоположного бастионного фаса и если не смотрят на него, то почти бесполезны. Прямоугольное плечо предпочтительней круглого — оно дешевле обходится, обеспечивает лучшую защиту, поскольку солдатам легче занять на нем позиции и вести огонь, и весь фас дает врагу более мощный отпор. На всяком фланке необходимо место для артиллерийских орудий и мушкетеров, так что прикрытую треть фланка отводят артиллерии, а две другие трети — стрелкам. Парапеты фланков ни в коем случае нельзя возводить из камня или иного материала, дающего осколки, — только из доброй, жирной,

хорошо утрамбованной земли, потому что эти сооружения терпят от орудийного обстрела сильнее прочих, а ограда в виде каменной кладки не только легко разлетится, но и поубивает осколками тех, кому поручена главная защита крепости. Итак, фланки — важнейший элемент фортификации и потому должны быть обустроены безукоризненно.

Всякий бастион включает полугоржи¹⁵⁷, фланки, фасы, а также угол, образованный фасами. Мы поговорили о фланках — скажем же и об остальных элементах. Полугоржи должны быть умеренно велики, потому что маленькие изрядно уменьшают площадь бастиона, не позволяя заглубить в него нижний и верхний фланки, чересчур большие — удлиняют линию защиты, ограничивая возможности обороны, а фланки вынуждают строить более тесными. К обстоятельному разговору об этом мы вернемся при изъяснении фортификации, а пока отложим его. Бастионные фасы не должны быть очень длинными: длинней обычного их возводят либо когда линия защиты слишком протяженная, либо когда бастионы совсем лишены поддержки со стороны куртины, либо когда фланки маловаты, — и все это суть изъяны. Никуда не годятся и те, которые чересчур коротки, ибо в этом случае бастион непременно очень мал и для обороны неудобен: солдат он вместит всего ничего; взорвись даже самая слабая мина — на нем уже не окопаться; попади внутрь бомба — и он будет разрушен до основания, так что фасы средней длины — предпочтительней. Остается сказать об углах бастионов: острые — плохи, но тупые — гораздо хуже. Острые делают крепость тесной, образуют не в меру узкий шпигц, на котором во время обороны никто не поместится. Шпигц этот может быть легко разбит, а фасы, пусть даже довольно длинные, отнюдь не придадут бастиону просторности, так что несовершенства, присущего малым бастионам, не избежать. Тупые — еще уязвимее, зато прямые — выше всяких похвал. Некогда бытовало мнение, что тупые углы — наилучшие, но это — заблуждение, которое мы в свое время развенчаем. Мир прекрасен тем, что все его идеалы заключаются в умеренности, а любые крайности — ущербны: мы можем доказать это даже на примере бастионных углов. Итак, бастион средних размеров предпочтительнее, нежели слишком большой или слишком маленький. То же самое

касается и куртин: мы, придет черед, покажем, что и чересчур длинные ничего не стоят, и совсем короткие плохи.

Пусть в крепости будут и потайные ходы, позволяющие безопасно и незаметно для врага достигать внешних построек, дабы охранять и защищать их, а равно предпринимать вылазки.

Что касается одежды вала¹⁵⁸, то лучшая — та, что сложена из мягкой каменной породы, к примеру известняка или песчаника. Однако у этих пород есть изъян: они впитывают воду, разрушающую их в морозное время, и служат недолго. Больше подойдет кирпич, самый же негодный материал — тот, что разбивается на осколки. Если бы земля, не одетая камнем, могла держать достаточно отвесный наклон, ей не было бы равных. Но поскольку она осыпается и вал в конце концов можно будет запросто преодолеть в любом месте, если не исправлять обрушения из года в год, — без одежды никак не обойтись. Опять же, любые стены возводятся, чтобы обеспечить горожанам безопасность, и каменная кладка по всему контуру необходима для того, чтобы никто не смог покинуть город или проникнуть внутрь, пользуясь покатостью крепостного вала. Ради той же цели на склонах вала, возведенного из одной лишь земли, вкапывают деревянные штурмфалы, а внизу, на берме¹⁵⁹, там, где это нужно, — высокий частокол; когда того или другого нет — это упущение. Кладке, дабы удерживать землю вала, положено быть довольно толстой — футов пятнадцати—двадцати в толщину у основания, десяти—пятнадцати — в верхней части, а высотой, от рва, — туазов¹⁶⁰ пять, а иногда и более, смотря по характеру местности. Она ни в коем случае не должна быть настолько низкой, чтобы ее можно было преодолеть при помощи лестниц, и, если ей присуще это несовершенство, она слаба, как и все низкие, либо с перепадами или другими изъянами, участки. Преимуществам кладки мы еще уделим место, а здесь станем говорить лишь о недостатках.

Парапеты, которые необходимы защитникам крепостей как прикрытие во время боя, возводятся из земли и должны выдерживать орудийный огонь; когда крепостной вал ими не опоясан, — это очевидное упущение. Если они сложены из камня, то, равным образом, едва ли на что-нибудь годятся, ибо осколки губят больше народу, нежели ядра. Несоразмерно тонкие и подавно ничемны. Чтобы устоять против орудийного огня, парапеты, как уже

говорилось, должны иметь толщину не менее шестнадцати—восемнадцати футов. Для удобства стрельбы парапет вала должен быть с банкетом (хотя насчет банкета существуют разные мнения: кто-то настаивает на высоких парапетах, кто-то — на низких) и иметь откос наружу, позволяющий целить поверх парапета по самому дну рва. Между названным парапетом и тем, что над эскарпом¹⁶¹, положено пролегать пути, предназначенному для движения дозорных и еще для того, чтобы при орудийном обстреле обломки кладки и парапета не ссыпались в ров.

Валу надлежит быть изрядно широким — настолько, чтобы по нему в любое место можно было подкатывать пушки и стрелять из них: пусть толщина его составляет от двадцати пяти до тридцати футов, а сам он будет из доброй земли и с удобными подъемами по всей длине. Все прочие — несовершенны, но еще хуже — когда они не опоясывают крепость целиком, ибо ни один участок в крепости не должен оставаться беззащитным против [огня] неприятельской батареи.

Нужно, чтобы ворота были защищены от внезапного нападения при помощи какой-нибудь внешней постройки, например демиллюны, — ведь когда к ним ведет один-единственный вход¹⁶², оборона ничего не стоит, как и в том случае, когда в каждом входе — не больше одного запора. Если на входе — только одни ворота или один подъемный мост либо входов два или сверх того, но находятся они впритык друг к другу, — это никуда не годится, и пресловутый недостаток тем более серьезен, когда входы расположены на прямой линии и анфилируются одним выстрелом. Если между воротами совсем нет кордегардий или же эти кордегардии слабо защищены; если все, что заперто, можно без труда обойти стороной, а иных преград впереди не будет; если можно достичь ворот, минуя мост и не преодолевая рва, — все это крупные изъяны обороны. Никуда не годны также ворота, не фланкируемые крепостью. Те, что расположены во фланках, а равно и в бастионных фасах — плохи, ибо место им — посреди куртины. Мосты и их опоры должны быть из дерева; сделанные в виде арок или же покоящиеся на каменных быках — не подойдут, так как препятствуют огню с фланков. Короче говоря, от ворот, к которым легко подобраться и захватить, проку немного.

Отметим, что всем внутренним постройкам, находящимся ближе к центру крепости, надлежит быть более высокими в сравнении с теми, которые отстоят от него на большее расстояние. Скажем, первая из построек, контрэскарп, — самая низкая; если за ним помещается тень, ей положено быть выше контрэскарпа; демилюна, возведенная при тени, обязана господствовать над нею, равно как парпет крепости — над всеми названными укреплениями, ну а с высоты кавальера все они должны открываться впереди как на ладони. Отдельные постройки тоже всегда располагаются ступенчато, тем ниже, чем дальше от центра, и коль скоро враг овладеет самыми отдаленными, то будет незащищен перед остальными, — и наоборот: будь дальние выше, получит преобладание, которое использует против крепости.

Пусть между валом и [городскими] домами пролегает просторная улица, именуемая плацдармом: в случае тревоги она будет служить сборным местом для солдат. Когда дома примыкают к валу вплотную, — это плохо по многим соображениям, которые мы впоследствии приведем.

Участок, анфилируемый со стороны какой-либо возвышенности и не защищенный траверсами¹⁶³, — никуда не годен: этот недостаток во избежание крупных потерь следует устранить.

В тех крепостях, которые пересекает река, необходимо позаботиться о добрых частоколах, цепях и иных заграждениях при входе и выходе ее течения, — ибо проточины, если их надежно не запереть, весьма уязвимы перед внезапными нападениями. Кроме того, следует проверить, хорошо ли зарешечены стоки и не может ли человек пробраться по ним внутрь; если перегородки при их горловинах нетрудно выломать, стоки тоже будут представлять известную опасность во время нападений.

Морской крепости при порте надобны либо форты¹⁶⁴ с цепями, позволяющими запирасть и открывать доступ в порт, дабы ни один неприятельский корабль не мог к нему приблизиться, либо крепкая и высокая ограда со стороны моря, а равно фланки, платформы и кавальеры с хорошими пушками, простреливающими прилежащие воды. Ворота же, обращенные к порту, должны быть надежнейше защищены при помощи герс¹⁶⁵, опускных брусев¹⁶⁶, частоколов и иных приспособлений, поскольку противник, чтобы

захватить такую крепость врасплох, может атаковать скрытно и внезапно. Когда перечисленных видов защиты нет, — это тоже изъян, и нужно постараться его исправить.

Равным же образом крепостям, построенным над топями и болотами, негоже, уповая на свое местоположение, обходиться со стороны болот даже без флангов. Неплохо, когда ограда у подножия опоясана крепким и высоким частоколом, так как зимой, когда все замерзает, довольно легко предпринять атаку на те участки, которые лишены фланговой обороны. Что до меня, то, на мой взгляд, в крепости должен фланкироваться любой участок, хоть на краю пропасти, — и коль скоро он предназначен не только для наблюдения, фланговая оборона ему так или иначе понадобится. Впрочем, для тех мест, по которым [неприятелю] несподручно бить из пушек, довольно будет и простого парапета, прикрывающего от мушкетного огня, да и слишком вместительные фланки в этом случае ни к чему — ведь на орудийный выстрел к ним, как правило, не подобрешься, — стало быть, участкам, которые можно взять лишь внезапным приступом, вполне достаточно таких оборонительных построек, как реданы¹⁶⁷.

Наконец, чтобы хорошо разбираться в недостатках крепости, нужно понимать, каковы ее преимущества. Все, в чем преимущества терпят неполноту или ущемление, — суть недостатки. Вообще надлежит усвоить ряд универсальных принципов, ни у кого не вызывающих возражений, а любые противоположные суждения отринуть как безусловно ошибочные. Принципы эти таковы:

- пусть в крепости не будет ни одного нефланкируемого участка;

- пусть центр крепости господствует надо всеми фортификационными сооружениями или постройками за пределами вала¹⁶⁸ и фланкирует их;

- пусть парапеты фланкирующих и фланкируемых участков выдерживают орудийный обстрел;

- пусть все парапеты и укрытия будут облицованы мягкой [каменной] породой, не дающей осколков;

- пусть ни в крепости, ни вокруг нее не будет ни единой постройки, к которой можно подступить, не преодолевая рва;

— пусть все постройки за валом будут тем ниже, чем дальше они от центра, но господствуют над теми, которые впереди них;

— пусть косая оборона¹⁶⁹ при отсутствии прямой никогда не признается за полноценную;

— пусть считается недостатком, когда все оборонительные участки расположены слишком высоко и позволяют стрелять вниз не иначе, как перегнувшись через парашет;

— пусть ни одна из линий защиты не простирается далее чем на мушкетный выстрел — особенно это касается той, которая проходит от фланка до шпигула бастиона, ибо она — главная и от нее зависит мощь крепости.

В остальном надлежит руководствоваться принципами, о которых трактует фортификация, и чем сильнее они отклоняются от нее, тем меньше от них пользы. То же самое можно сказать о начертании укреплений, характере местности и прочих обстоятельствах, которые нам предстоит описать подробно в главах, посвященных фортификации¹⁷⁰.

Хочу предупредить губернатора вот о чем: дабы хорошо понять недостатки крепости, ему стоит побывать при нескольких осадах и самому убедиться, какие возможности открываются перед атакующими. Также будет нелишним, если толковые люди, с которыми губернатор знаком лично, соблаговолят осмотреть проездом его крепость и высказать свое мнение о ней, — а он внимательнейшим образом выслушает их доводы, а еще лучше — запишет, возвратясь к себе на квартиру, со временем сопоставит все суждения и возьмет на заметку наиболее дельные: именно так подчас и обнаруживаются изъяны, на которые годами не обращали внимания. Вот почему полезно спросить стороннего совета, хуже не будет: если предложение стоящее, его принимают, если нелепое — отбрасывают. И еще: пусть губернатор почаще обходит крепость и ее окрестности, рассуждая, как бы действовал сам, окажись он перед ее стенами, что предпринял бы на месте врага, — и неизменно считает, будто врагу все недостатки крепости известны не хуже, чем ему самому. А поскольку враг и впрямь может их знать, всегда следует исходить из того, что нападет он в наиболее уязвимом месте, и укрепляться так, чтобы сделать ему хуже, — то есть определить изъян и исправить его.



ГЛАВА XIII

ПОЧЕМУ ГУБЕРНАТОР, КОТОРОМУ ПРЕДСТОИТ ИСПРАВЛЯТЬ НЕДОСТАТКИ КРЕПОСТИ, ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ФОРТИФИКАЦИЮ

Хотя фортификация описана мною подробно и повторять одно и то же, казалось бы, ни к чему, я полагаю, тем не менее, что губернаторам исключительно важно разбираться в ней — по крайней мере, чтобы распознавать и исправлять недостатки своих крепостей, — и поэтому приведу здесь свой рассказ в сжатой форме, не потакая ни той ни другой крайности — ни нетерпимой, сиречь полному неведению предмета, ни зряшней, то есть стремлению затвердить множество не идущих к делу уроков. Невежды считают, что все премудрости, относящиеся к их профессии, — обуза, и губернатору положено лишь отважно сражаться и больше ничего, — как будто его должность не требует ни знаний, ни командирского таланта, а одного лишь безоглядного удализма: но тогда лучшими губернаторами становились бы солдаты. Отвага и впрямь должна быть присуща всякому, кто носит шпагу, однако человека толкового отличают знания и опыт — суть качества, приобретаемые в учении и совершенствуемые на практике. Знания помогают справляться с трудностями, и виденными, и испытанными на себе, — но поскольку, даже побывав во многих сражениях и осадах, всего не узнаешь, надлежит подвергнуть произошедшие события разбору, извлечь урок из ошибок и неудач, отдать должное верным действиям, вспомнить преимущества, которых удалось добиться, а затем сравнить свои выводы с преподанными нам научными принципами и определить, как

первые соотносятся со вторыми. Вот как рождается великий талант управления [крепостью], который позволяет нам преодолевать не только те трудности, с которыми мы уже сталкивались, но и с любыми другими, пусть даже и ранее неизвестными.

Равно стоит заметить: человек, который отправляется на войну, не разумея в военном ремесле, многого не добьется, ибо большую часть времени пребывает в неведении, что и зачем делается. А есть и солдаты, всю жизнь не расстающиеся с оружием, много чего повидавшие, но все же не смыслящие, что такое война. Стало быть, ни знания без опыта, ни опыт без знаний не способны дать достаточное представление о военном деле, особенно если речь идет об осаде и обороне крепостей — вещах, в которых знатым людям, надеющимся занять должность повыше, ныне пристало разбираться прежде всего. Ведь полевых сражений мы ныне почти не даем — тем более что укрепленные города избавляют от такого способа [ведения войны], — и ни одна сторона не может принудить другую к битве, если противник, располагая на каждом шагу местами для отступления и укрытия, того не желает. Весьма редко случается, что враги, даже столкнувшись в поле лицом к лицу и имея одинаковые силы и намерения, решат дать сражение одновременно. А крепости между тем осаждаются и обороняются постоянно. Следовательно, разбираться в фортификации для губернатора отменно полезно, и знать эту науку он должен не хуже, чем врач — строение человеческого тела. Говорить о ней я буду без педантизма и никчемного пустословия, до которых обычно горазды знатоки, и коснусь лишь того, в чем должен быть сведущ дворянин и человек военный, перво-наперво — подлинных ее принципов, ибо большинство сочинений на сей счет — всего-навсего разглагольствования, чреватые для тех, кто к ним обращается, только потерей времени и обременением ума.



ГЛАВА XIV

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРТИФИКАЦИИ

Общее назначение фортификации, ради которого она и была изобретена, — действенная оборона, это хорошо известно всякому. Конечная же задача фортификационных сооружений, сиречь причина, по которой их возводят так, а не иначе, — в том, чтобы любой участок в крепости *фланкировался*, то есть пользовался огневой поддержкой со стороны. Итак, «фланкируемый» — значит, «обороняемый»; «обороняемый» — значит, достигаемый для выстрелов из пушки или мушкета. Отсюда возникает вопрос: на каком расстоянии, пушечного или мушкетного выстрела, должен находиться обороняемый участок от обороняющего? Правильное и наиболее распространенное суждение — мушкетного; оно подробно рассмотрено в моей книге¹⁷¹, и здесь, следовательно, мы тоже принимаем за данность, что по начертанию фортификация должна быть такой, чтобы защита любого ее участка соответствовала дальности мушкетного огня. Какова же, спрашивается, эта дальность? Отвечаю: наибольшая — сто восемьдесят шагов, средняя — сто пятьдесят, или же сто двадцать пять туазов (о самой малой, в сто двадцать шагов, то бишь сто туазов, я умолчу, ибо она не пригодится); речь идет о добрых гарнизонных мушкетах, подобных тем, из которых вели огонь при помощи сошки, но несколько лет назад усовершенствовали и уменьшили в весе, справедливо рассудив, что такие легче будет носить и применять в полевом бою. Меня, ясное дело, спросят, какую из этих дистанций следует предпочесть, дабы не ошибиться. Среднюю, в сто двадцать туазов, говорю я, приняв ее за константу для всех обороняемых фасов крепости. Поскольку названная дистанция мо-

жет обороняться постройками разного рода — входящими углами, теналями, полубастионами и т.д., о которых мы расскажем в главе об иррегулярной фортификации, — остается еще выяснить, какие из них наилучшие. Общее мнение сходится в том, что это — бастионы, включающие горжи, фланки, фасы и углы и разделенные отрезком [ограды], который именуется куртиной¹⁷². Против бастионной системы как таковой ни у кого возражений не возникает, однако ведется большой спор о размерах и соотношении ее элементов. Отсюда и бесконечное многообразие комбинаций, обусловленное сопряжением разных составляющих, каждая из которых, в зависимости от фантазии, увеличивается или уменьшается. Итак, мы предлагаем затвердить следующие выводы:

- хороша та система фортификации, при которой крепость фланкируется постройками, находящимися на заданном расстоянии одна от другой;

- самые отдаленные фланкируемые участки не могут отстоять от фланкирующих более чем на сто двадцать — сто пятьдесят туазов;

- размеры и форма бастионов, а соответственно длина куртин, горж, фланков и фасов, соотносятся с пресловутой дистанцией в сто двадцать — сто пятьдесят туазов.

Таким образом, чтобы приобрести желаемые преимущества, надлежит вычислить оптимальное соотношение элементов, памятуя, что чем лучше крепость фланкируется, тем она сильнее и что основное предназначение фортификации — фланковая оборона.

Задачу, которая не имеет никаких определенных условий, могущих служить отправной точкой рассуждений, решить весьма трудно, ибо на любое ваше предложение найдется другое — лучшее или худшее, — которое может быть обосновано с тем же самым успехом (речь не идет о случаях, когда некая исходная величина, например прямой угол для бастионного шпица, задана). Я, например, рассматривал различные пропорции, но, убедившись, что едва ли не каждый отстаивает собственную, выбрал средний вариант — тот, с которым, как я видел, соглашается большинство и который, мне кажется, лучше соответствует действительности элементов фортификации, — и взял за основу сторону фигуры, сиречь первую из заданных линий. Ведь очевидно, что система

фортификации предполагает объект, подлежащий укреплению, то есть какой-либо город. Следовательно, нужно представить себе очертания города, еще не обнесенного укреплениями, а поскольку разговор наш — о фигурах, то нарисовать себе ту фигуру, по линиям которой будут возведены укрепления. Метод же тех, кто закладывает и состыковывает ее при помощи линий или отрезков, проведенных от одного бастионного шпица до другого, смешон и прямо противоположен законам логики, поскольку в нем принимается за данность то, что требует вычисления и вычисляется то, что дано. Для объяснения предположим, что мне нужно обнести укреплениями шестиугольник и я откладываю линию, составляющую расстояние между двумя бастионными шпицами. Чтобы дать этой линии правильную длину, мне следует, идя от обратного либо путем множества проб, вычислить и найти линию защиты или сторону фигуры, на которых основывается измерение, удлиняя или укорачивая расстояние между шпицами бастионов до тех пор, пока линия защиты или сторона фигуры не будет найдена без константы дальности мушкетного выстрела, — либо первым делом отложить линию защиты или сторону фигуры и уже потом определить, каково расстояние от одного бастиона до другого. Таким образом, я предлагаю построение, полностью противоречащее здравому смыслу, требую вычислять данное и принять за данность продукт вычисления, а это совершеннейший вздор. Если сказать проще: при построении шестиугольника предлагается задать отрезок между бастионными шпицами в двести два шага длины и основывать фортификацию на нем. Я интересуюсь: почему именно в двести два шага? Мне отвечают: чтобы линия защиты составляла сто пятьдесят шагов. Спрашиваю снова: а как узнать, при каком соотношении та составит сто пятьдесят шагов? Ответ будет: высчитать. Стало быть, длина этого отрезка зависит от линии защиты и нас, вопреки всякому порядку, заставляют искать уже заданную величину, чтобы узнать расстояние от одного бастионного шпица до другого, то есть ставят следствие впереди причины! Это не что иное, как самодурство, стремление заморочить голову, заставить трепетать перед своей наукой слабые умы, которые, не пытаясь добраться до сути, почитают священнодействием все, что не в состоянии постигнуть, не ищут первопричин и не дают себе

заботы разобраться, труден ли предмет изучения сам по себе или же трудность проистекает из их невежества. Итак, я утверждаю: подобные построения никуда не годятся. Пустое занятие — искать кружным путем то, что можно найти не сходя с места. Чтобы любой участок в крепости фланкировался на мушкетный выстрел, именно дальность мушкетного выстрела и надлежит принять за отправную величину.

Столь же недопустимы построения, которые основываются на диаметре описанной вокруг фигуры окружности, ибо на вопрос, почему он такой длины, мне [опять-таки] ответят: чтобы линия защиты простиралась на столько-то, а между тем отталкиваться следует как раз от линии защиты, ибо она определяет все прочие размеры.

Еще нелепей начертание, задающее [вначале] фас бастиона и отношение его длины к продолжению линии защиты, — ведь, помимо уже перечисленных несообразностей, этот метод предполагает, что размеры тех или иных элементов фортификации должны соотноситься с фасом и целиком от него зависеть, хотя фас, наименее существенный для порядка построения, полагается намечать в последнюю очередь. К тому же он — уязвимее остальных составляющих, постоянно терпит урон, нуждается во фланкировании, и атаки предпринимаются именно на него.

Многие наугад проводят линию, на которой откладывают угол бастиона, а затем переходят к остальным элементам. Но этот способ отличается от всех названных разве что на первый взгляд: ведь угол-то задается бастионным фасом, то есть величиной неизвестной, и, следовательно, необходимо сперва найти ее. Короче говоря, все вышеописанные приемы — не что иное, как искажение естественного порядка, заставляющее самую простую вещь казаться непостижимой, не говоря уже о том, что ими очень трудно пользоваться на местности. Раз уж фортификацию изучают для применения на практике, то отчего не изложить ее соответствующим образом? Вот почему подобных построений следует избегать: они никчемны и грешат против логики.

Было бы вредным и излишним приводить примеры многих других построений — и предлагающихся ныне, и таких, которые можно изобрести, переменяя либо сопряжение, либо величину

элементов. Я расскажу лишь о наиболее рациональных, когда первой задают линию защиты и, отталкиваясь от нее, выстраивают соотношение частей, — ибо от линии защиты, от ее протяженности, собственно, и зависят прочие величины. Но так как существует еще одна линия, тождественная или сопоставимая с линией защиты по длине и предшествующая ей в естественном порядке, нам понадобится вначале заложить ее, дабы с большей легкостью производить построения и на бумаге, и на местности. Линия эта — *сторона фигуры*, которая почти всегда — по крайней мере, для пятиугольников, шестиугольников и последующих фигур — равна линии защиты, а если отличается, то ненамного или к нашему же выигрышу. Поэтому именно ее мы и возьмем за основу построения, а поскольку, возвращаясь к сказанному, подразумевается, что раз уж укрепления возводят, то обносят ими тот или иной город, необходимо знать, какой именно, — это и будет искомая фигура.

Вот, кажется, я представил достаточно доказательств, что наиболее простой способ возводить укрепления — тот, при котором [вначале] определяют фигуру, а в фигуре — сторону, от которой зависит соотношение остальных частей. Прежде всего, стало быть, нужно дать стороне фигуры правильную длину: это, как говорилось выше, сто двадцать или сто пятьдесят туазов, расстояние мушкетного выстрела. Сторона фигуры включает две полугоржи и куртину. Каждая полугоржа — я принимаю ее за одну шестую стороны фигуры — составит двадцать или двадцать пять туазов, а куртина, соответственно, — восемьдесят или сто. Однако, прежде чем углубляться в подробности, расскажем о начертании фигур и определении размеров их частей.



ГЛАВА XV

О НАЧЕРТАНИИ ФОРТИФИКАЦИИ И О ЛИНИИ ЗАЩИТЫ

Чтобы построить на бумаге фигуру регулярного начертания, нужно определить, сколько в ней должно быть сторон, начертить круг, расцезь его на такое же количество частей и соединить отрезками точки пересечения одну за другой, как показано на схеме 1 [см. рис. 1]. Это и будет фигура, которую вам предстоит укрепить: кто-то именует ее полигоном, кто-то — полиплевром¹⁷³, но я, чтобы избежать смешения языков, стану использовать общеупотребительные французские слова, ибо пишу сейчас по-французски, хотя одинаково владею и французским, и греческим, и латынью, и многими другими языками. Каждую из сторон, к примеру AB , нужно разделить на шесть отрезков, из которых CB , ближайший к углу, наметит одну полугоржу [бастиона], а BD — другую. Точно так же вам следует отложить полугоржи на прочих сторонах фигуры. По краям полугорж из точек C и D , при помощи перпендикуляров, равных по длине полугорже CB , вы восставляете фланки CE и DF , продлевая их таким образом до точек E и F , и соединяете их линией EF . Из центра окружности H через угол фигуры вы проводите прямую GH произвольной длины, пересекающую отрезок EF на две равные части в точке I , измеряете одну из половин IF и откладываете ее длину на прямой, идущей из центра, от точки I до точки G . Затем вы соединяете точку G с концами отрезков E и F отрезками GE и GF — это будут фасы бастиона. Шпиц бастиона, сиречь оборонительный угол (прямой), получит буквенное обозначение EGF , линия защиты — GK , прямые фланки — CE и DF , косой фланк — KL , линия, имену-

емая капиталю¹⁷⁴, — BG, куртина — KC. Чтобы узнать размеры каждого из элементов, следует прибегнуть к масштабированию, задав одному из них определенную длину, но об этом разговор будет позже. Таково начертание гексагона — фигуры с шестью углами и шестью бастионами. О других же фигурах, где бастионов больше или меньше, мы расскажем в свой черед.

Чтобы наметить ров, отложите перед бастионным фасом длину полугоржи CB и проведите линию VM, параллельную фасу и отстоящую от бастиона на расстояние, которое равно длине полугоржи, — это и будет ширина рва. То же самое произведите и в отношении других фасов, пока названные линии не сойдутся в точках V (против середины куртины) и M (против бастионного шпица). На расстоянии четырех или пяти туазов от линии VM проведите параллельную ей линию O: вместе с линией VM она образует начертание прикрытого пути. Если вы, отложив от нее восемь или десять туазов, проведете еще одну параллель, то эта последняя определит положение гласиса, иначе именуемого эспланадой¹⁷⁵. Внутри крепости обозначьте линию P, параллельную контуру вашей фигуры и отстоящую от нее на четыре туаза, — это будут парапеты эскарпа и дозорный путь одновременно. Линия Q, проведенная параллельно стороне фигуры AB и находящаяся от нее на расстоянии, равном длине полугоржи, очертит вал с его парапетом.

Теперь, чтобы узнать размеры каждой части, вы задаете масштаб и делаете это так: проводите вонне вашей фигуры отрезок RS, имеющий такую же длину, как линия защиты GK, или же, для облегчения привязки к местности, — как сторона фигуры AB, разбиваете его на сто двадцать или сто пятьдесят делений, по числу туазов, составляющему дальность мушкетной стрельбы, и обозначаете цифрами каждое десятое деление — вот и готова линейка, при помощи которой можно определить размеры любой из частей. К примеру, вам предстоит узнать длину бастионного фаса: поставьте ножки циркуля на точки E и G и перенесите этот отрезок на линейку — вы найдете, что он равен сорока восьми туазам. Чтобы установить, насколько велик полудиаметр фигуры, раскройте циркуль от B до H: станет понятно, что он равняется длине всей линейки, то бишь стороне фигуры, — однако, если речь

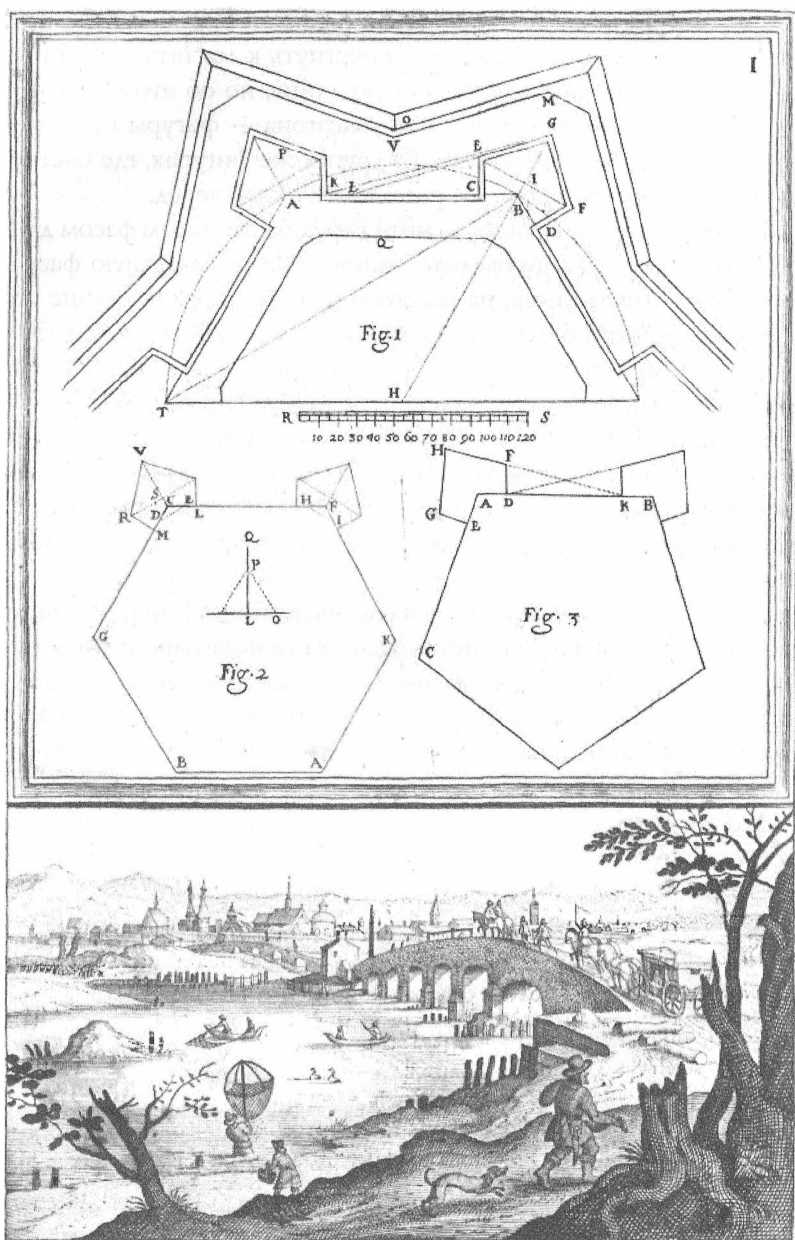


Рисунок 1

пойдет о восьмиугольнике, циркуль захватит сверх линейки еще сорок шесть туазов, и, следовательно, полудиамер составит сто девяносто шесть туазов, и т.д. Этот метод послужит нам не хуже самых точных в мире вычислений, основанных на синусах¹⁷⁶, логарифмах¹⁷⁷ или алгебре, ибо при той протяженности укреплений, которая пристала большой крепости, погрешностью в один-два фута или [даже] в туаз в конечном счете можно пренебречь.

Чтобы использовать описанный мною метод на местности с тем же успехом, что и на бумаге, вам прежде следует вычертить план как можно более точно — ведь эта точность позволяет соблюсти правильные пропорции элементов, которые вам предстоит наметить на земле. Иному человеку не обойтись без буссоли¹⁷⁸, пропорционального циркуля¹⁷⁹ или сложных инструментов такого же рода, но в них нет ни малейшей нужды, ибо куда более верными окажутся построения, произведенные с помощью обычных веревок. Если вам нужно задать, к примеру, правильный шестиугольник, взгляните на схему 2 [см. рис. 1]. Окружность, как на бумаге, чертить ни к чему — для этого потребовалось бы широкое поле, совершенно ровное, без единого дома, дерева, куста и тому подобных препятствий, а оно едва ли отыщется, — достаточно лишь угла, образуемого сторонами фигуры, который мы изобразим на бумаге, на стене или где-нибудь еще, да еще шестиугольника либо другой необходимой вам фигуры, начерченной в возможно большом масштабе. Если речь идет о шестиугольнике, то обе стороны угла (AB и AT на схеме 1) вы разбиваете по собственному выбору на десять, двенадцать, двадцать или более долей и подсчитываете, сколько этих долей уместится в хорде TB . Разделив каждую из сторон, скажем, на десять, вы найдете, что хорда равняется семнадцати долям с небольшим — следовательно, вам понадобятся три веревки: две по десяти туазов длины и одна — семнадцати с одной третью. Приступая к разметке, вы должны определить место, наиболее подходящее для угла фигуры, и обозначить таковое пикетом C . К пикету вам следует привязать концами обе веревки в десять туазов, а затем пустить в направлениях E и D двоих помощников, дав каждому в руки другие концы, а также по одному концу веревки в семнадцать туазов DE . Будучи хорошо натянутыми, веревки образуют треугольник CDE ,

который вы заставляете поворачивать в ту или иную сторону, дабы придать фигуре надлежащее расположение, а когда фигура получит правильную ориентацию, велите обоим помощникам прикрепить концы туго натянутых веревок к пикетам D и E . Затем вы отмеряете от пикета C , вершины угла фигуры, расстояние в сто двадцать туазов, двигаясь по прямой через пикет E , установленный одним из ваших людей, и, как только сто двадцать туазов пройдены, обозначаете это расстояние пикетом F ; таким же образом ваши помощники ставят пикет G в направлении CD . Получив, следовательно, угол GCF и две стороны фигуры — CG и CF , вы идете к пикету F , отмечающему сто двадцать туазов, и используете его точно так же, как и первый из ваших пикетов (C): закрепляете на нем концы веревок в десять туазов, а ваших помощников, которые держат противоположные концы, а также веревку в семнадцать туазов HI , отправляете в стороны I и F — так, чтобы один шел по линии FC , на которой сто двадцать туазов уже были отложены, а другой — туда, куда ему остается идти, до тех пор пока все три веревки, FH , FI , HI , не натянутся. У конца веревки в десять туазов, в том направлении, которое пока не размечено, вы велите установить пикет I , а на точку H , уже обозначенную в построении, лишь ориентируетесь. Далее, от пикета F , где вы находитесь, вам надлежит отмерить линию в сто двадцать туазов FK , проходящую через I , в конце ее поставить пикет K — вершину другого угла фигуры — и продолжать те же действия, пока не будет размечена вся фигура $ABGCFK$. Если под конец вы обнаружите погрешность — туазом больше или туазом меньше, — не удивляйтесь, ибо в точности размеры не соблюсти, однако исправьте ее как можно старательней. Затем пикеты на концах веревок в десять туазов, то есть D , E , H , I , следует убрать, а те, что обозначали вершины углов G , C , F , K , A , B , — оставить и соединить их один за другим бороздами, прочерченными на земле, — это и будут стороны фигуры. Чтобы задать полугоржи, отложите с обеих сторон каждого из углов отрезки по двадцать туазов CM и CL , отметив их концы пикетами M и L . Для построения прямого угла фланка велите отмерить с той и с другой стороны от пикета L отрезки в четыре туаза LO и LY и прикрепить на обоих их концах по десяти туазовую веревку, после чего, взяв каждую за конец,

шагайте вперед точно из середины, пока веревки не натянутся с обеих сторон, и установите в точке их соединения пикет P . Затем, от пикета L , ограничивающего полугоржу, проведите прямую через пикет P , отложив на ней двадцать туазов — длину фланка LQ : закрепленный пикетом Q , отрезок этой прямой становится перпендикуляром к стороне фигуры CF . То же самое вам надлежит повторить и для построения фланка MR . Когда фланки построены, вы измеряете отрезок между пикетами R и Q , находите его центр S , проводите через него от вершины угла фигуры C прямую CV , перпендикулярную отрезку RQ , и откладываете на ней отрезок, равный SQ , чтобы получить точку V . Точка V , следовательно, будет шпикцем бастиона, а отрезки RV и QV — фасами. В таком же порядке надлежит планировать и остальные бастионы. Вы можете также задать прямой угол при помощи треугольника, сложенного из веревок в три, четыре и пять туазов, однако результат будет тем же самым. Таким образом, имея хороших помощников, вы с одними лишь веревками разметите фигуру фортификации куда точнее, нежели при помощи иных инструментов.

Чтобы построить правильный пятиугольник, нужно рассечь окружность на пять частей и последовательно соединить точки сечения при помощи отрезков AB , AC и т.д., то есть сторон фигуры (схема 3 [см. рис. 1]). Каждую сторону вам предстоит разбить на шесть долей, из которых AD будет обозначать одну полугоржу, а AE — другую, затем — наметить фланки DF и EG , равные по длине полугорже. Далее, проведя прямую между точкой K , где противоположный фланк стыкуется с куртеной, и точкой F — оконечностью фланка, вы продлеваете ее на расстояние FH — это и будет бастионный фас. Точно так же вы задаете фас GH и элементы остальных бастионов.

Построение прямоугольника также не представляет затруднений, хотя в этой фигуре некоторые планируют полугоржу длиннее фланка — к примеру, двадцать туазов против пятнадцати или шестнадцати, — и угол бастиона получается слишком острым, чего я не одобряю. Все остальное — как для пятиугольника.

При построении треугольника вы разбиваете сторону на восемь долей, две из них отдавая полугорже, а одну — фланку. Укрепить эту фигуру можно и другими способами, но все они

мало чего стоят, поскольку и сама она весьма несовершенна и без крайней нужды прибегать к ней не следует.

Несовершенство трех последних фигур — в том, что их бастионы нельзя сделать прямоугольными. Тем не менее цитадели, как правило, возводят в виде пятиугольника, ибо он, сообщая им должную площадь, достаточно вместителен для гарнизона и позволяет держать в повиновении город, а это, собственно, и есть основное назначение цитадели. Кроме того, бастионы пятиугольника очень просторны и не так уж остры.

В своей «Фортификации» я весьма обстоятельно рассматриваю, какой надлежит быть линии защиты, а именно на пушечный либо на мушкетный выстрел должна она простираться¹⁸⁰, — и делаю категорическое заключение: на мушкетный, дальность которого обыкновенно составляет сто пятьдесят или, самое большее, сто восемьдесят шагов, то есть сто двадцать — сто пятьдесят туазов. Иные критики, стремясь выказать свою многоопытность, твердят, будто моя линия защиты длиннее мушкетного выстрела, ибо прочли у меня, что ее можно продлевать до ста пятидесяти туазов (но нипочем не хотят вспоминать о ста двадцати туазах — расстоянии, которое я также привожу). Я отвечаю им: мушкеты, особенно те, которым для стрельбы полагается сошка, — а такими пользовались еще в течение нескольких лет после того, как я написал свою книгу, и они должны быть в гарнизонах, — стреляют, сохраняя силу поражения, на расстояние свыше ста пятидесяти туазов. Но эти господа объясняют, что стрельба из таких мушкетов наносит противнику мало урона, а в качестве причины, по которой не согласны с названной протяженностью линии защиты, ссылаются на голландцев — у них-де она меньше, — воображая, будто Голландия явила чудо фортификации, тогда как остальной мир в этой науке ничего не смыслит, и будто бы всему, что хотя бы на волос разнится с размерами, принятыми в Голландии, грош цена. Однако я сам видел, как стреляют из мушкетов в Голландии, и убедился, что они — такие же, как наши, и порох к ним — такой же, как у нас, так что ехать в Голландию, чтобы поверить дальность мушкетного огня, как мне кажется, незачем. Если голландские мушкеты не отличаются дальнобойностью, то причины тому — холода и влажный климат тамошних краев или какое-либо иное

злополучие. Нужно сказать, что в слишком холодных или сырых странах, таких как Голландия, линию защиты и впрямь закладывают более короткой, так как сообразуются с дальностью мушкетной стрельбы, — но я не знаю, с какой стати следовать тому же примеру во Франции, коль скоро у нас мушкеты стреляют дальше. При обстоятельном рассмотрении нельзя не обратить внимание, что в большинстве крупных голландских крепостей внешние постройки не предоставляют слишком длинную защиту, а во всех остальных крепостях мы почти не видим ни королевских размеров¹⁸¹, то есть самых больших, ни средних, а лишь малые. Скажу больше: насколько внешние постройки в Голландии превосходят итальянские, настолько же центр в Италии лучше голландского, и в тех итальянских крепостях, каковым повсеместно отдают в Европе первенство, — Лукке¹⁸², Ливорно¹⁸³, Урбановом форте¹⁸⁴, Пальманове¹⁸⁵, Казале¹⁸⁶ и многих других, — линия защиты превышает сто восемьдесят туазов, причем последняя из поименованных крепостей доказала, что *способна обороняться* при таком расстоянии. И еще: разве всяк, побывавший при осаде, не согласится, что несметно народу гибнет за пределами этой дистанции? Мне возразят, что это случайность, шальные пули. Я спрашиваю: а не для того ли устроены фланки, чтобы защищать ров и бастион; и когда враг предпринимает атаку, наступает ли он гуськом или тесной толпой — то есть стреляют ли по нему прицельно или все же наугад, лишь бы попасть в толпу, — и, паче того, могут ли [лишние] тридцать туазов повредить стрельбе по целой ораве атакующих? Пребывать во мнении, будто в наступающего врага следует тщательно целиться, точно в утку, — значит тешить себя вздором. Мне скажут, будто бы сила выстрела на таком расстоянии окажется недостаточной, — но, если этим выстрелом можно пробить пикинерские латы и уложить наповал того, кто их носит, хотелось бы знать, какой еще силы требовать; я считаю, большего и желать нельзя. Один выстрел — один убитый: лучше довольствоваться таким результатом, нежели тщиться нанизать на одну пулю семейных-восьмерых зараз либо продырявить противомушкетный доспех. Пусть господа, которые мне перечат, наденут пикинерские кирасы и дадут палить в себя с названного расстояния — и если потом смогут сказать, что выстрелы-де не настолько мощные,

чтобы ранить или убить, я признаю свою неправоту. И вот мое заключение: опровергать то, что основано на опыте и легко проверяется, глупо. Линию защиты всегда следует соотносить с мушкетным выстрелом, будь то сто пятьдесят туазов, сто двадцать, сто или, если кому угодно, еще меньше, а элементы фортификации — основывать на заданной дальности стрельбы, соблюдая те построения и пропорции, о которых мы уже говорили и будем говорить впоследствии.

Я поместил здесь эти рассуждения ради доказательства, что люди, которые пытаются оспаривать длину линии защиты, приведенную в моей «Фортификации», не имеют для того никаких оснований, кроме стремления поступить наперекор, и хотел переубедить их примерами, доводами и опытом. Уверен, случись им участвовать в осаде, они уже не усомнятся, что дальность мушкетной стрельбы гораздо больше, и не захотят подойти к крепости, чтобы это проверить. Им надлежит усвоить, что фортификация зиждется не только на домыслах и голой теории, но, прежде всего, на практическом опыте, и даже если мушкет бьет на несколько туазов дальше или ближе, то сила поражения окажется той же самой и в целом может не зависеть от его досягаемости — пусть лишь останется на всей дистанции выстрела одинаковой и позволит уложить любого, кто приблизится на это расстояние. Когда мы говорим о крепости королевских размеров, сиречь такой, которая наделена всеми возможными преимуществами — и большими бастионами, и множеством фланков, и внушительным количеством оборонительных участков, — то подразумеваем, что такой крепостью трудней овладеть, — ибо очевидно: чем больше фланков, тем крепче оборона. Возразить нечего — это показывает нам опыт. Я не знаю никого, кто с пренебрежением отнесся бы к перечисленным мною выше крепостям и счел бы слабыми все прочие, возведенные по таким же правилам, — это было бы ошибкой. И те полководцы, которые покорили немало крепостей с короткой защитой, оказались бессильными против твердынь, возведенных согласно пресловутым размерам. Однако не стану более тратить слова, ибо невозможно дать удовлетворение тем, чье единственное желание — злословить, и убедить тех, кто не воздает должное очевидным доказательствам.



ГЛАВА XVI

О ГОРЖАХ И ПОЛУГОРЖАХ

Я разделил сторону фигуры на шесть частей — спрашивается, почему? Отвечу: среди различных мнений я выбрал то, которое вызывает наибольшее одобрение, имеет много сторонников и чуждо крайностям, присущим суждениям иных особ. Кроме того, я принял во внимание, что в глубину полуторж подают верхние и нижние фланки. Для устройства каждого из флангов необходимо по меньшей мере десять или двенадцать туазов [глубины]: три отводится на парапет нижнего фланка, четыре — на орудийную площадку¹⁸⁷ и три — на заглубление верхнего фланка; вкуче с запасом на откат орудий это и будут те самые десять—двенадцать туазов, которые каждый фланк занимает в полуторже. Таким образом, если задать полуторжу в двадцать туазов, у нас останется свободными еще восемь, а если в двадцать пять — то тринадцать. Допустимы и размеры, скажем, в шестнадцать или двадцать шесть туазов: они тоже предоставляют достаточно места для подъема на бастион, отката орудий верхних флангов и, помимо прочего, — хотя это наименее важный из всех доводов, — возведения ретраншемента.

Другая причина — в том, что протяженность горжи определяет длину фаса и размеры бастиона в целом. Если каждую из полуторж задать в двадцать туазов, то длина фаса будет сорок пять или около того, в зависимости от фигуры [фортификации], а если в двадцать пять — фас увеличится примерно до пятидесяти, и бастион, следовательно, предоставит довольно площади, чтобы разместить на нем необходимое для обороны число солдат, — ибо таковое, как мы говорили, доходит до пятисот. При шестистах же один только караул будет насчитывать двести человек и,

соответственно, на бастионы такой величины можно послать свыше двух тысяч, не считая тех, которых надлежит отрядить на другие участки по контуру крепости, — и еще останется место под ретраншемент. Итак, фасы должны быть в меру длинными, дабы и сам бастион, который ими образован, получил порядочную вместимость.

Дабы убедиться в преимуществе предлагаемого размера, полезно рассмотреть две крайности. Коль скоро полугоржа совсем короткая, скажем туазов двенадцать—пятнадцать, нам не удастся встроить в нее верхний и нижний фланки, как рассказывалось выше, ибо они окажутся чересчур тесными для передвижения [людей] и отката орудий, сам же бастион — недостаточно большим, чтобы дать нашим солдатам вдоволь простора для обороны и насыпать ретраншемент, ну а взорвись мина или попади внутрь бомба, на нем не останется места ни для отступления, ни для защиты. Стало быть, короткую полугоржу надлежит признать никудышной, но, удлини мы ее до сорока или пятидесяти туазов, это повлечет другие напасти: придется, ни в чем не выигрывая, либо укоротить фланки, либо сделать поострее бастионный угол, либо увеличить расстояние между бастионами, то есть допустить весьма серьезные изъяны. В чем заключается слабость острых бастионов, мы объясним чуть позже; что же касается уменьшения площади фланков, то оно недопустимо: укрепления тем совершеннее, чем лучше фланкируются, а их форма — чем действенней она обеспечивает фланковую оборону, поэтому умалять ее преимущества ради удлинения фасов, то бишь элементов, как уже упоминалось, самых уязвимых, атакуемых в первую очередь и существующих словно бы во вред фортификации, — очевидная нелепость; их пристало не удлинять, а, скорее, укорачивать, если это не наносит ущерба иным составляющим. Последний недостаток — чересчур длинная линия защиты — самый пагубный, ибо, как было показано, таковая должна простирается не более чем на мушкетный выстрел, и всякий бастион, у которого она длиннее, — никчемен. Следовательно, и преизбыток, задающий полугорже слишком большой размер, и недобор, который ее умалет, вредны.

Иные охотники помудрствовать рассуждают: не лучше ли разделить сторону фигуры на пять долей и одну из них принять

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

за длину полуторжжи либо задать полуторжжу в две доли из одиннадцати, в четыре из двадцати трех — проще говоря, в двадцать один, двадцать два, двадцать три туаза и т.д.? Я отвечаю, что соглашусь с этим, если мне докажут, почему девятнадцать или двадцать один туаз предпочтительней, чем двадцать или двадцать четыре, или чем двадцать шесть лучше пятнадцати. Ведь выбери я, в свою очередь, девятнадцать, двадцать один, двадцать четыре или двадцать шесть туазов, точно так же последует вопрос, почему мне не по нраву двадцать или двадцать пять. Стало быть, на любые возражения я смогу сказать лишь одно: мой способ кажется мне наилучшим для применения и за него — глас большинства, а поскольку, за отсутствием точных данных, нужно в конце концов на каком-либо остановиться, я отдаю первенство тому, который далек от крайностей и больше соответствует нашей задаче, а нарочно изыскивать тонкости, не заключающие в себе ничего определенного, — вздор.



ГЛАВА XVII

О ФЛАНКАХ

Существует два вида фланков, различающихся по своему назначению. Я именую их косыми и прямыми, а иные [авторы] — первыми и вторыми. Фланк, начинающийся в том месте, где продолжение линии защиты пересекается с куртиной, не доходя до [прямого] фланка, я сам называю *косым*¹⁸⁸, ибо он дает косопримечательный огонь; кое-кто — первым, так как и впрямь оборона берет начало от него, а иные — вторым, поскольку он не слишком важен. Другому же я даю имя просто фланка, или *прямого фланка*¹⁸⁹, — потому что он смотрит прямо на противоположный бастионный фас и фланкирует его, а с куртиной образует прямой угол. Называть фланки можно как угодно, лишь бы было понятно, о каком именно идет речь.

Я определяю фланкам двадцать или двадцать пять туазов длины, как и полуторже. Причина — та же самая: размер сей — общепринятый, не слишком большой и не слишком маленький по отношению к тем, которые обычно задают, и удобный в применении. Во избежание недоразумений предупрежу, что все мои построения и размеры хороши лишь для крупных и сильных крепостей, а не для фортов, чья величина по тем или иным причинам гораздо меньше. Предлагаемый размер весьма практичен: если разделить фланк на три части и одну из них, как водится, отдать прикрытому фланку, сиречь артиллерийской площадке, то при двадцати туазах длина ее составит шесть и две трети туаза, а при двадцати пяти — восемь с третью, то есть в первом случае на ней поместится два орудия, а во втором — три. Для шести туазов с двумя третями длина эта распределится следующим образом: полтуазы со стороны первой амбразуры, по восемь футов отверстия для

каждой амбразуры и полтуазы со стороны куртины; оставшиеся три туазы придутся на мерлон¹⁹⁰, то есть на отрезок парапета между амбразурами. Когда длина прикрытого фланка насчитывает восемь туазов с одной третью, можно, как и в предыдущем случае, отступить на три фута с каждой стороны, оставить про запас четыре туазы на два мерлона, или отрезка парапета, а оставшиеся туазы поделить между тремя амбразурами. Две другие трети [общей длины], составляющие шестнадцать туазов с двумя третями, будут заняты стрелковыми позициями мушкетеров и прикрывающим выступом фланка.

Никогда не следует устраивать фланк слишком коротким — это прямо противоречит тому принципу, что чем лучше крепость фланкируется, тем большими достоинствами обладает; хуже, следовательно, будет та, у которой фланки коротки. Скажут: когда прямой фланк намечают маленьким, то косой при этом задают побольше, однако на вопрос, не лучше ли укоротить прямые фланки, чтобы сделать косые повместительней, или же дать прямым фланкам максимально возможную длину, а без косых и вовсе обойтись, ответить весьма сложно. Как упоминалось выше, общепринятая практика для крепостей со многими бастионами — сохранять оба фланка; я приводил тому множество оснований в своей «Фортификации»¹⁹¹, но в любых обстоятельствах предпочел бы, прежде всего, иметь прямой фланк порядочных размеров. Мы уже говорили, основываясь на признаваемых всеми изначальных принципах, что наилучшая форма фортификационных сооружений — та, что с бастионами. А для чего возводить бастионы, как не для закладки прямых фланков, — не ради же фасов, от которых обороне никакого проку! Коль скоро самой фортификации нарочно придаются такие очертания, стало быть, прямые фланки для нее важнее. Скажут также, что протяженность косого фланка равняет его по силе с прямым; объясню [см. рис. 2] если прямой фланк BD будет равен двадцати пяти туазам, а AD — двадцати, то, теряя пять туазов прямого фланка AB , мы приобретаем косой фланк AC в десять туазов, — таким образом, хотя и сказано, что косой фланк не так хорош, как прямой, но, подразумевается, лишь в том случае, когда тот и другой одинаковы по длине. Однако если CA превосходит AB в два раза или более, то может мериться

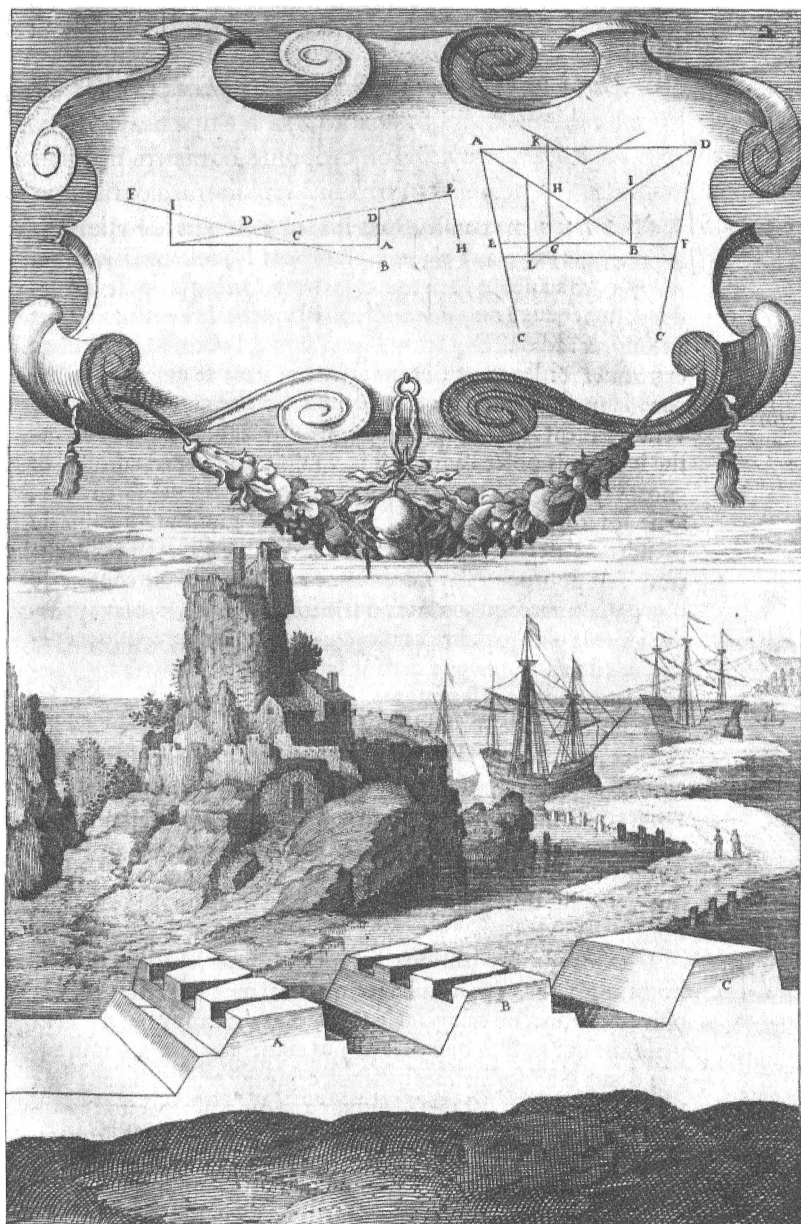


Рисунок 2

силой с прямым разве что в ущерб прочим преимуществам, которые можно извлечь из такой конструкции. Фланк *СА* устраивают отнюдь не для того, чтобы он был лучшим, а, как говорилось прежде, по иным, вынужденным, причинам — ибо, без сомнения, косому фланку никогда не тягаться с прямым: косой *СА* изначально несовершенен, а [прямой] *АВ* — превосходен, так что ставить их в один ряд или мерить один с другим по действенности никогда не следует. Дабы показать, что приведенные суждения основываются на общих принципах, заменим бастионы *DEH* и *FI* входящим углом *FGE*: по крайней мере, если угол *G* прямой, не возникает никаких сомнений, что фас *FG* на всем своем протяжении целиком фланкирует фас *GE*, и оба фаса, устроенные во всю длину линии защиты, то есть в сто двадцать или сто пятьдесят туазов, будут шестикратно превосходить по длине прямой фланк, каким его обыкновенно задают. И тем не менее более сильной признают ту крепость, что построена по бастионной системе, с фланками, составляющими шестую часть линии защиты, а не ту, которая укреплена при помощи входящих углов, хотя бы фланкирующие фасаы и оказались у нее в шесть раз длиннее. Следовательно, прямые фланки лучше косых, даже если уступают им в длине. И поскольку фасаы бастионов, обращенные друг к другу под большим углом, не считаются взаимно фланкируемыми, а косой фланк *СА* открывается в сторону фаса *FI* еще более косо, нежели фас *DE*, стало быть, фланк *СА* должен цениться несравненно ниже, чем *DE*, и, выходит, выгодней устроить целый фланк *BD*, а не закладывать *DA* с таким расчетом, чтобы предусмотреть место для *СА*. Фланк этот, если сделать его слишком большим, имеет и другие серьезные недостатки, отмеченные в моей «Фортификации», и я возвращаюсь к тому, о чем говорил прежде: следует, согласно приведенным мною размерам, отвести достаточно места для прямого фланка, а косому отдать все, что останется. Всяк волен держаться того мнения, которое его удовлетворяет; я же, со своей стороны, ограничусь тем, что приведу свои соображения насчет обоих фланков, позволив читателю судить, какой из них лучше, а в заключение все же повторюсь, что отдаю должное опыту, общепринятому правилу устраивать и тот и другой фланки и, безусловно, науке и практике. Опыт преобладает над умозаключениями, и, кажется, в этом

случае умозаключения также уступают первенство опыту, ибо о вещах, дотоле неизвестных, судят по итогам находок и проб. Мы, к примеру, и не догадывались, что пушки средней по отношению к калибру длины стреляют дальше, нежели короткие или чересчур длинные, пока не убедились в этом на деле, — равно и фортификация складывается и совершенствуется постепенно, избавляясь от выявленных недостатков, и получает одобрение после того, как будет испытана.

Поскольку фланк — важнейший элемент фортификации, остановлюсь на нем поподробнее и покажу, как устраивать косые фланки, буде в них явится нужда, и в чем заключаются ошибки при построении прямых.

Эррар¹⁹², которого считают первым, кто писал о фортификации во Франции, в своей конструкции закладывает одни лишь прямые фланки, а без косых обходится вовсе, однако погрешность его в том, что в многосторонней фигуре полуторжи и бастионные фасы выходят при этом непомерно длинными, а куртины — очень короткими, и фланки не увеличиваются пропорционально горжам. Все это суть недостатки одного порядка, ибо сделать фас длиннее, чем нужно, и укоротить куртину — значит увеличить наиболее слабый, постоянно атакуемый участок и уменьшить тот, что сильнее прочих и никогда не подвергается атакам, — а удлинить полуторжу вместо того, чтобы добавить вместимости фланку, — значит без толку задать избыточный размер одному элементу, а другой, от которого и зависит мощь фортификации, оставить как есть: поэтому такое построение не годится.

Чтобы показать вышеназванные изъяны, возникающие из-за отсутствия косо́го фланка, привожу здесь конструкцию, в которой фланки и полуторжи приобретают почти что равную длину и задан один лишь прямой фланк, но максимальной величины. Я всегда исхожу из того, что бастионный угол — прямой, ибо считаю таковой наиболее совершенным и, в отличие от прочих элементов, которые не имеют никаких определенных начал, позволяющим производить обоснованные расчеты. Начну с линии защиты АВ, равной по длине мушкетному выстрелу; от АВ, проводя линию АС произвольной длины, откладываю угол ВАС величиной сорок пять градусов; точно так же произвольно протягиваю

луч AD и задаю угол CAD в половину угла стороны той фигуры, которая подлежит укреплению, — например, двенадцатиугольника, как в данном случае; через точку B провожу прямую BE , параллельную AD , так чтобы EF равнялась AB , и откладываю на ней отрезки EG и BF одинаковой длины; на линии EF восставляю из точки G перпендикуляр GH , продлевая его до тех пор, пока он не пересечет AB . Чтобы покончить с линией EF , задаю от точки F угол CFE , равный [углу] CEF , и тяну линию CF до пересечения с DA в точке D . Затем остается провести линию между точками D и G и поднять из точки B фланк BI до пересечения с DG . Равным образом строятся и другие части фигуры. При таком начертании, основой которого служит линия защиты, сторона фигуры EF у вас будет такой же длины, как и линия защиты GD , и фланк — прямым, насколько возможно, — но все же оно несет в себе серьезные изъяны. Прежде всего, полугоржа EG и, соответственно, фас $АН$ становятся чересчур длинными — просчет, как мы отметили в предыдущей главе, весьма крупный. Затем — ров получается не в меру широким: вдоль всей куртины и близ фланка в сторону точки K ширина его составит около шестидесяти туазов: преизрядный труд при рытье, не говоря уже о том, что, когда вынутая земля пойдет, как и полагается, на возведения главной крепостной ограды, вал окажется настолько толст, что заметно уменьшит площадь крепости. Последнее и самое важное: бастионы сильно раздаются, становясь едва ли не в пятую часть больше, нежели в том начертании, где фланку и горже определены наши размеры (KL), так что, заложив одни лишь прямые фланки, вы умаляете преимущества вашей крепости, делаете линию защиты слишком протяженной за счет расстояния LG . Следовательно, вместо того, чтобы закладывать одни только прямые фланки, лучше обеспечить прямому фланку подходящую длину, а оставшуюся — отдать под косой. Вот чему научил нас опыт прежде всего, и пример сей мы решили привести здесь, дабы всяк ясно понимал причины, вследствие которых укреплениям придают такие пропорции и форму.

Теперь остается рассказать, какова же эта средняя длина, позволяющая заложить и косой, и прямой фланки. Удобней всего, говорю я, приравнять ее к длине полуторжи или шестой части

[стороны] фигуры: доводы мои находят подтверждение в общем одобрении, повседневном опыте и в практическом применении этого участка обороны: будь он в двадцать, а лучше в двадцать пять туазов, на нем поместятся три орудия, а две оставшиеся трети займут мушкетеры — именно такое вооружение фланка я считаю долженствующим и именно такую длину — превосходной. Хулители найдут, что возразить против этих размеров, но, думается, не согласятся со мной даже в том случае, если я возьму их собственные, — ибо, как мы говорили, задача с неопределенными условиями не имеет точного решения, и, будь одна величина чуть больше, а другая чуть меньше, подходящими могут считаться обе; выбирать же следует ту, которая ближе прочих к правилам или принципам, взятым нами за основу, ту, что удобней и более соответствует предназначению того или иного элемента. Итак, я стану держаться названной длины фланка — в шестую часть стороны фигуры, — пока мне обстоятельно не докажут, что его надлежит задавать длиннее или короче.

Что касается прямых фланков, то я, смотря по их расположению, различаю верхние и нижние, а по внешней защищенности — прикрытые и открытые. Поговорим же обо всех. В прежние времена фланки устраивали ярусами, два или три друг над другом, и перекрывали сводами. Опыт показывает, что фланки такой конструкции никуда не годятся из-за множества присущих им недостатков, — однако об этих недостатках мы упоминали в другой главе, поэтому не станем касаться их сейчас. Нельзя не признать, впрочем, что умножение фланков придавало крепости большую [огневую] мощь. Результат сей, которого добивались разве что устройением очень длинного фланка, можно без особых затруднений воспроизвести, устроив один над другим несколько фланков, целиком открытых, — так, чтобы первые, самого нижнего уровня, выдавались наружу посильнее, а остальные — уходили в глубину полуторжи. Благодаря такой конструкции вместо одного фланка можно сделать целых три — они изображены в профиль на сопутствующем рисунке¹⁹³: первый, самый низкий, представляющий собой фоссебрею¹⁹⁴ (обозначен буквой А), второй, называемый нижним фланком (В), и третий, верхний, подаваемый назад дальше прочих (С) [см. рис. 2].

Все заграждения, сиречь парапеты, названных фланков надлежит возводить из доброй, крепко утрамбованной земли, не смешанной ни с камнями, ни со щебнем, ни с каким бы то ни было иным осколочным материалом, — так как они, как и любые другие, должны обеспечивать солдатам защиту. Помимо названных фланков можно предусмотреть еще два — пресловутый косой фланк, который представляет собой часть куртины и открывается в сторону фаса противоположного бастиона, и кавальер, который иногда насыпают [на куртине] чуть позади и используют в качестве пятого фланка. Думаю, крепость, имеющая по столько фланков на каждый бастион, будет превосходна — ибо невозможно представить, чтобы противник подавил все эти фланки и форсировал ров, оставшись несокрушенным. Следует принять за истину: твердыня, располагающая всеми этими фланками, будет куда надежней, нежели прочие, где таковых меньше, — ведь, согласно главному принципу [фортификации], крепости тем сильнее, чем лучше они фланкируются. Я ничего не говорю о кофрах¹⁹⁵, то бишь фланкирующих постройках, возводящихся непосредственно во время осады, — это не элементы фортификации, а лишь сверхштатная защита на крайний случай, которую можно назвать шестым фланком. Мы еще опишем ее в главе, касающейся обороны¹⁹⁶.

Нижние фланки превосходны, потому что их трудно подавить огнем; верхние принуждают врага насыпать брустверы траншей, батарей и иные укрытия более высокими. Так или иначе, все фланки приносят крепости пользу, а врагу — урон, поэтому чем их больше, тем лучше, лишь бы только они не мешали друг другу: предпочтительней та фортификация, которая обеспечивает лучшее фланкирование.

Завершая разговор о фланках, рассмотрим, какие из них выгодней — прикрытые, то есть такие, у которых две трети длины выдаются вперед, прикрывая оставшуюся треть, или открытые, иначе сказать, заданные на всем протяжении прямой линией. Прикрытые фланки я считаю несравненно лучше прочих, и разрушить их, понятное дело, трудней, чем открытые. Таким образом, если мы признаем, что фланки — важнейшие элементы крепости, то должны сделать их по возможности мощнее, но, поскольку предназначены они лишь для того, чтобы простреливать

ров и фланкировать фас противоположного бастиона, ни к чему выдвигать их слишком далеко, лишая защиты. Когда говорят, что мушкетеры не могут занять на плечевом выступе позиции для стрельбы, это справедливо, лишь если он возведен в виде закругленного орильона, но коль скоро плечевой выступ — прямоугольной формы, они ведут огонь безо всякого труда, как с открытого фланка. Что же касается моего опыта, то я убедился: всякий раз противник, оказавшись перед прикрытыми фланками, сталкивался с огромными трудностями при их подавлении и переходе через ров, а иногда и вовсе не мог продвинуться дальше рва. Итак, наибольшие усилия в крепостях прилагают для обороны контрэскарпа и рва, а фланки как раз для нее и предназначены. Поэтому их надлежит прикрывать и беречь, а защиту более отдаленных подступов обеспечивать иными средствами. В дальнейшем мы поговорим и о многих других преимуществах прикрытых фланков.

На каждом прикрытом фланке понадобится ход, позволяющий выбираться на дно рва незаметно для противника. Ход этот служит не только для вылазок и выхода караульных на внешние укрепления, но также и для спуска к фланку нижнего уровня, а равно и к кофрам, которые выкапывают во рву на случай штурма. Без таких ходов нельзя ни выйти в ров, ни, разумеется, оборонять его.

Иные хулители твердят, будто прикрытый фланк никуда не годен, и ссылаются на то, что в Голландии его делают открытым: чтобы рассуждать на сей счет, им, точно [новым] пифагорейцам¹⁹⁷, довольно и того, что так поступает Голландия. Я встречал многих из них — они и ногой не ступали в Голландию, видели тамошние земли и города разве что на картах, а фортификационные сооружения — в книгах Мароуа¹⁹⁸ и прочих сочинителей, бывавших на войне не чаще, чем они сами. Но поскольку они вообразили или где-то услышали, будто Голландия превзошла всех в искусстве войны, то считают, что в любом случае довольно привести эту страну в пример — и возражения отпадут сами собой; что голландские авторы — признанные знатоки и не могут ошибаться в своих суждениях, а остальные, коль скоро не следуют урокам Голландии, ничего в войне не смыслят. Я повидал Голландию и не стану утверждать, будто там нет порядка, а военная подготовка

не находится на должном уровне, — однако это вовсе не означает, что другие народы знают военное ремесло хуже голландцев, и если на практике следуют ему не настолько точно и допускают ошибки, то отнюдь не по недостатку знаний, а в силу иных причин. Когда государь одновременно является и главнокомандующим¹⁹⁹, ему куда как легко отдавать приказы, какие он сам пожелает, и самолично следить за их исполнением; однако такому под стать управлять какой-нибудь провинцией, а отнюдь не королевством; приводить к повиновению край, который не покинешь без разрешения, а не великую свободную державу; держать в узде и страхе народ, исполненный благоразумия и умеренности, но не повелевать людьми иного характера — воинственными, страстными и бесшабашными. Его власть придется по душе мещанам и городским старшинам, однако ему никогда не смирить принцев и им подобных особ: будь он даже одинаково сведущ в [военном] командовании, но все-таки не поступит так из-за несхожести уклада государств, их местоположения и нрава подданных. Прежде чем ставить какой-либо обычай в пример другим, говорю я, возвращаясь к моей фортификации, его нужно всесторонне изучить. Так же следует подходить и к вопросу, почему голландцы не прикрывают свои фланки, — да потому что не могут, ибо возводят их из [голой] земли! Но если бы голландцы строили во Франции или в Италии и одевали свои крепости, то делали бы фланки прикрываемыми, иначе те оказались бы слабы, — и если бы господа спорщики дали себе труд хорошо подумать, то поняли бы, что голландцы (хотя они об этом и не говорят), зная, в чем заключается слабость центра их крепостей, и изобрели внешние укрепления как раз для того, чтобы ее преодолеть. Подкреплю свое мнение опытом: когда осаждающие захватывают контрэскарп голландской крепости, считается, что она побеждена, ибо вся ее мощь сосредоточена не в центре, а во внешних постройках; в крепостях же с более сильным центром, например итальянских, такому не бывать. Я всегда беру за основу опыт: маркиз Спинола²⁰⁰ завоевал в Голландии несколько крепостей — овладев контрэскарпом, он безо всякого труда забирал и все остальное. Однако тому же маркизу Спиноле так и не удалось покорить Казале — и хотя в этой крепости во все нет внешних построек, зато центр очень силен, а фланки столь

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

надежно защищены, что осаждающий ничего не мог с ними поделать, в то время как они неоднократно разрушали [огнем] его галерею, не давая форсировать ров. О тех уроках, что были преподаны нам осадами последних войн²⁰¹, я и не говорю: овладев внешними постройками в несколько дней, мы после этого так и не смогли взять сами крепости. Из этого следует вывод: центр надо возводить по итальянскому образцу, а внешние постройки — по голландскому; если сопрячь оба этих способа, то в наши дни, мне кажется, не сыщется крепости более совершенной.

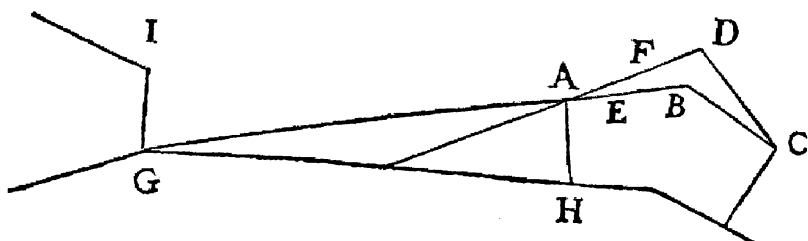


ГЛАВА XVIII

О ШПИЦЕ, ТО ЕСТЬ ФЛАНКИРУЕМОМ УГЛЕ БАСТИОНА, И О БАСТИОННЫХ ФАСАХ

Для городов, укрепленных при помощи фигур с шестью и более углами, а также для всех иррегулярных укреплений, у которых углы при сторонах равны углам названных фигур, я в своем начертании задаю прямоугольный бастион. Причины изложены мной весьма обстоятельно²⁰², добавляю лишь, что тупой и острый углы — суть пагубные крайности, и я, как и во всех остальных случаях, считаю наилучшей среднюю величину. В самом деле, откажись я от девяноста градусов, мне нелегко будет определиться с величиной угла, и пусть даже я предпочитаю острый угол, но не знаю, на каком именно остановиться, ибо, кажется, принять его за восемьдесят девять градусов столь же справедливо, как и за восемьдесят восемь, а восемьдесят восемь градусов ничуть не хуже восьмидесяти семи и т.д. В тех искусствах и науках, которым дано описание, следует выбирать идею наиболее совершенную, ибо при воплощении она так или иначе подвергнется изрядному искажению, и если в правилах кроется какой-либо изъян, то на практике он усугубится еще более. Вот почему я выбираю прямой угол как наиболее подходящий. Чтобы не возвращаться к обоснованиям, которые я приводил на сей счет в другой главе, ограничусь тем, что в двух словах постараюсь доказать по крайней мере странность в мышлении тех, кто упорно придерживается упрощенных и отживших принципов, не желая следовать здравому смыслу. В крепостях, где возможны и тупоугольные, и прямоугольные бастионы, предпочтительней, говорю я, остановиться на прямоугольных, — более того, если уж

возникла охота отклониться от прямого угла, то лучше задать его острым, нежели тупым. Если даны два бастиона, у которых все элементы, кроме угла, равны и подобны, какой же угол будет наилучшим — тот, который добавит бастиону вместимости, или же тот, который его уменьшит? Равным образом, бастион, способный дольше выдерживать огонь неприятельских батарей, бесспорно, превосходит тот, что уступает ему в этом качестве, и если врагам сложнее закрепиться при бастионе, то бастион сей надежней в сравнении с тем, подле которого им легко найти укрытие. Опять же, как гласят основы фортификации, эффективно фланкируемый бастион надлежит предпочесть плохо фланкируемому. Итак, если я докажу, что прямоугольный бастион обеспечивает все эти преимущества, а тупоугольный — напротив, отвергает их, заключение будет очевидным: прямой угол лучше тупого.



Возьмем тупоугольный бастион ABC и прямоугольный ADC , у которых горжи и фланки одинаковой длины [см. чертеж]. Очевидно, что прямоугольный бастион ADC окажется вовне тупоугольного и вберет его в себя, то есть будет больше по размеру. При такой величине, выдаваясь гораздо дальше, он, как из этого равным образом следует, способен дольше выдерживать обстрел, ибо за то время, пока подвергается разрушению мыс $ABCD$, тупоугольный бастион разнесут наполовину, — но, если угол прямой, эту часть, которая грозит тупоугольному бастиону с самого начала, можно отсрочить. Далее: если противник разрушит фас AB на участке E и обоснуется у подножия бастиона, то окажется недостижимым для фланка G , который сможет вести огонь по этому фасу разве что по касательной; но будь угол прямым, противнику,

чтобы не угодить под обстрел фланка G , придется прежде углубиться в толщу FE , и чем ближе к шпигу он атакует, тем теснее должен будет вжиматься в бастион, ища убежища. Наконец, ясно видно, что бастион с тупым углом фланкируется одним лишь фланком GI , тогда как прямоугольный — еще и отрезком [куртины] GH , который, возникни такая нужда, позволит обойтись и без прямого фланка. Итак, прямоугольный бастион вместительнее тупоугольного, лучше выдерживает обстрел, не дает врагам легко окопаться, да и фланкировать его сподручней — значит, он лучше.

Некоторые и донныне держатся того заблуждения, что бастионы надлежит атаковать со шпигу — тактика, по опыту безуспешная, — и задают их тупоугольными, ибо воображают, будто притупленный шпигу дольше выдерживает огонь батарей. Но это ошибка куда серьезней: орудия наводят либо на шпигу, либо на фас — и очевидно, что пушка, когда бьет по шпигу, причиняет бастиону тем больший урон, чем больше угол стремится к развернутому, тогда как при прямом или остром угле ядра наверняка не попадут в бастион, а пройдут вскользь и отскочат, — а если метит в фас, то, [разумеется,] поразит их безотносительно, прямой или тупой угол они образуют, однако разница в том, что тупой, как мы только что объяснили, уязвимее перед обстрелом и придает бастиону меньшие размеры. Таким образом, доводы в пользу тупого угла несостоятельны. Следует отметить, что самые сильные батареи — те, которые устанавливаются против фаса и ведут огонь по нему под прямым углом, и прямоугольный бастион, в отличие от остроугольного и тупоугольного, противостоит им всем корпусом²⁰³.

Объясню также, почему приближение к острому углу предпочтительней, нежели к тупому: угол задают острым, чтобы добавить бастиону вместимости, увеличить на нем число стрелковых позиций, осложнить [противнику] подступ к его подножию и повысить сопротивляемость бастиона обстрелу (если только огонь не направлен против шпигу), при тупом же угле все эти достоинства умаляются настолько, насколько угол больше. Но поскольку атака на бастионный шпигу бесполезна, то и уязвимость этого шпигу ничем нам не грозит. Довольно лишь не кидаться в крайности и не задавать угол бастиона в сорок или пятьдесят

градусов — ибо любое преимущество будет уничтожено просчетами, которые рождаются при попытках возвести бастион, сильно отклоняющийся от средних размеров и [соответственно,] от совершенства. Итак, говорю я, бастионы с углом от семидесяти градусов и больше — приемлемы, а такие, чей угол приближается к девяноста градусам, — превосходны.

Кое-кто скажет, пожалуй, будто из моих рассуждений вытекает, будто бастионы прямоугольной фигуры лучше, чем у десятиугольника, имеющего тупой фланкируемый угол. Отвечаю: вывод сей неуместен — приведенные построения рассчитаны только для фигур, которые позволяют задавать и прямые и тупые углы, а поскольку в случае с прямоугольником это невозможно, стало быть, мои построения к нему не относятся. Более того, я держусь мнения и доказываю, что коль скоро в той же фигуре, например десятиугольнике, угол можно задать и прямым, и тупым, то выгоднее выбрать прямой, так как он обладает существенными преимуществами, — однако из этого отнюдь не следует, будто бастионы прямоугольника лучше: ведь их *непрерывно* придется задавать такими, какие они суть, не выигрывая ни одного из отмеченных нами преимуществ. Не относится к моим построениям и крепость, для которой невозможны ни прямой, ни тупой углы — ибо я приводил в пример лишь такие фигуры, которые допускают и тот и другой.

О фасах я распространяться не буду — их длина всегда задана полугоржами, фланками и бастионным углом и составляет от сорока пяти до пятидесяти-шестидесяти туазов. Рассказывая о полугоржах, мы уже объясняли, в чем состоят достоинства и недостатки бастионов в зависимости от того, длинны фасы или коротки, так что повторяться не станем.

Из всего сказанного в предыдущих главах читатель может заключить, что волен дать укреплениям столько начертаний, сколько пожелает, — даже если речь идет лишь о бастионной системе, — и преисполнится тщеславием или, скорее, дерзостью подобно тем людям, которые считают, будто изобрели нечто особенное: раз уж другие предлагают новое начертание, то и для него это не составит никакого труда. Но так как фигура, укрепленная по бастионной системе, включает сторону полигона, диаметр,

линию защиты, куртину, полугоржу, фланк, бастионный фас, угол бастиона и капитал, пусть он убедится, какое количество сочетаний можно составить из этих девяти элементов, если изменять только их порядок, не касаясь величин, — то есть сперва взять один, какой захочется, и сопрягать с ним по очереди все остальные, затем проделать то же самое с другим и т.д. 362 880 — вот сколько начертаний он получит при простой перестановке, — а если изменит размер одного какого-нибудь элемента или же всех [по очереди], то сможет варьировать свои фантазии до бесконечности, и пожелаю я порассуждать о каждой, мне, подобно прочим [авторам], не избежать поношения. Всяк, сведущий в комбинировании [частей], со мной согласится: это — бесплодная прихоть. А ведь существует и еще одна возможность посещать беспредельный хаос — допустить в соотношении элементов иррациональности: Евклид²⁰⁴, как вам хорошо известно, приводя тринадцать видов иррациональностей²⁰⁵, утверждал, что может вывести из медиали²⁰⁶ бессчетное множество таковых. Некоторое время и я размышлял, не поместить ли в своей книге с дюжину разных начертаний фортификации, но потом рассудил, что этак не добьюсь ничего, кроме насмешек: лучше уж выбрать одноединственное — то, что кажется мне наиболее подходящим, — и путем доказательств и доводов практического порядка, опираясь на основополагающие и общепризнанные максимы, объяснить, из чего складываются достоинства фортификации того или иного начертания, развенчав таким образом заблуждения тех, кто считает, будто фортификация состоит лишь в точном знании числа градусов и минут в углах да размеров каждого элемента вплоть до футов и дюймов. Тем, кто далек от поименованной науки, говорю: это не что иное, как никчемный педантизм и потеря времени, и человеку, облеченному командованием, нет нужды вникать до тонкости в мелкие детали вычислений, доказательств и изысканий, никогда не учитываемые на практике. Губернатору достаточно разбираться в фортификации настолько, чтобы, как уже говорилось, составить мнение о качествах своей крепости, понимать преимущества ее расположения, правильно оценивать обстоятельства и время, экономить вверенные ему деньги и соразмерять все свои действия с теми силами, которыми он

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

располагает или на которые может рассчитывать. В кабинете эту науку не постигнуть — необходимы практика и опыт. Авторы, отдающихся военному делу не меньше, чем сочинительству, найдется немного — в большинстве своем они тяготеют к умствованиям и дидактике, а вовсе не к пользе, каковая поистине — начало и суть вещей; я же в своих книгах ставлю ее во главу угла и не касаюсь ничего безвыгодного и неосуществимого.



ГЛАВА XIX

О ПРОЧИХ ВНУТРЕННИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ КРЕПОСТИ

Изрядно углубившись в эти рассуждения, я боюсь, как бы вместо сжатой и емкой инструкции не сочинить длинный и нудный трактат. Смиренно в том каюсь, но прошу позволить моему вдохновению достичь конца выбранного пути и призываю читателя не нарушать этих планов и не высказывать неудовольствия и досады: как бы то ни было, я урезаю и сокращаю свою книгу, насколько могу, и тем более рассчитываю на снисхождение, что пишу ее, дабы услужить людям, которые благосклонно принимают мое усердие и мои труды во благо наставления несведущих.

Прежде мы говорили о фигуре [фортификации], теперь расскажем, как нужно возводить эту фигуру — использовать [одну лишь] землю или [дополнительно] одевать кладкой. Земляная вышла бы лучше одетой, если бы, подобно последней, держала малый уклон и могла быть сколь угодно высокой. Но поскольку она подвержена осыпям и нуждается в постоянном исправлении, изрядной высоты ей не придашь, так что предпочтительнее выбрать кладку. Наилучшая кладка — та, что [при попадании ядра] дает меньше осколков и меньше разрушается. Именно такие свойства присущи кирпичу, поэтому кирпичная одежда вала признается самой надежной. Толщина ее определяется качеством земли и в нижней части составляет обычно двадцать футов, с уклоном в один фут на [каждые] шесть, восемь или десять футов высоты. Уклон этот устраивают, чтобы кладка, таким образом, надежней удерживала землю позади себя. Присовокупим еще, что в верхней части, там, где давление земли слабее, кладка испытывает меньшее

напряжение, нежели у основания, поэтому делать ее одинаковой толщины что внизу, что сверху — излишне. Надежности ради ее снабжают контрфорсами²⁰⁷, вдающимися в глубь насыпи, — они отменно хороши для вящего упрочения контрмин или их рукавов²⁰⁸. Полости же, которые некогда устраивали в толще вала, никуда не годятся, более того, как свидетельствует наш опыт, — чрезвычайно вредны, о чем мы уже говорили в нашей книге²⁰⁹.

За кладкой идет [собственно] вал, для строительства которого используют землю, выбираемую из рва. Ему дают такую высоту, чтобы он господствовал над всеми постройками снаружи от него. Наиболее высокие валы — от двадцати до двадцати пяти футов; толщина их пропорциональна ширине рва, ибо такой толщины будет достаточно и для парапета, и для банкета за ним — коль скоро таковой решено заложить, — а оставшегося пространства хватит для отката орудий. Свыше названной толщину делают разве что для употребления излишков земли, вынутой из рва и из-под основания кладки, — иначе неизвестно, куда эту землю девать. Поэтому высота вала, как правило, определяется шириной рва, а поскольку внешний контур [крепости] шире внутреннего, то избыток земли служит для наполнения бастионов; кроме того, вдоль куртины ров вдвое шире за счет длины флангов, и, чтобы возвести бастионы подходящего размера, земли будет довольно. Однако следует иметь в виду, что [при рытье рва] мы во многом зависим от характера местности: ведь ни посреди топи, ни на возвышенности, вокруг которой обрывы сами по себе достаточно глубоки, ни в скальной породе много не нароешь, да и на морском побережье выкопать глубокий ров не удастся — стало быть, земли окажется маловато, если только не привозить ее из других мест. Поэтому достаточно будет возвести вал, ширина которого поверху составит восемь или десять туазов, а уклон будет естественным для земляной насыпи, то есть равным высоте вала. Таким образом, три туаза отводится парпету, один — банкету, а четыре оставшиеся — пушкам и пространству для их отката: вот верный размер, подходящий во всех случаях, когда земли, которая необходима для [строительства] крепости, недостает.

На валу располагаются парапеты — их всегда возводят из одной лишь земли, а не из камня или каких-либо иных материалов,

дающих осколки. Толщина парапетов должна составлять от восемнадцати до двадцати футов, но если в какой-нибудь крупной крепости, имеющей мощную оборону куртины, их заложат двадцатипятифутовыми, то будет только лучше. В другом месте, говоря о королевских крепостях, я уже объяснял²¹⁰, чем они отличаются от обычных: их возводят такими большими, насколько это возможно для крепостей, и каждой задают пропорциональное соотношение элементов. И хотя обычный двадцатифутовый парапет защитит от орудийного обстрела любую крепость, однако в королевских крепостях его пристало утолщать, дабы он мог подольше выстоять. Равным образом, чем крупнее крепость, тем длиннее у нее должны быть горжки и косые фланки. Крепостям же небольшим и с немногими бастионами такие преимущества ни к чему — поэтому в одних крепостях эти размеры уменьшают до необходимых, которые им под стать, а в других — увеличивают, чтобы сделать крепость помощней, а потому — получше. Высота парапетов с внешней стороны вала, как считают некоторые, должна быть восьми или девяти футов, чтобы прикрывать на валу не только пехоту, но и кавалерию. Однако мы уже доказывали, что возведение парапетов такой высоты бессмысленно²¹¹, ибо кавалерии, идет ли речь о дозоре или обороне, наверху делать нечего. Чаще всего их возводят шестифутовыми, с банкетом шириной футов в шесть-семь и высотой — в полтора-два. Я закладывал их в четыре с половиной или же пять футов без банкета и думаю, что хороши и те и другие: всяк волен остановиться на той высоте, которую сочтет наиболее подходящей, смотря по расположению крепости и характеру ее окрестностей.

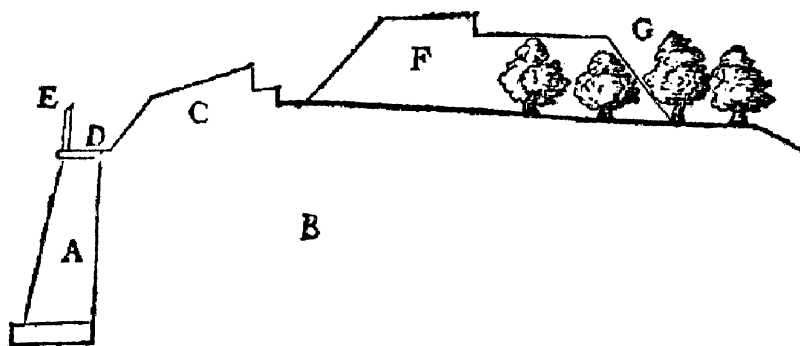
Перед парапетом оставляют путь, предназначенный для дозоров, а также для того, чтобы парапет, когда будет разбита одежда вала, тотчас не осыпался вниз. Ширина этого пути — от шести до десяти футов; он должен быть защищен или отгорожен еще одним парапетом — маленьким, кирпичным, высотой в четыре фута и толщиной в полтора-два, который служит лишь одной цели: не дать дозорным сверзиться в ров. Для обороны он бесполезен, поэтому во время осады его обрушивают или позволяют обрушить врагу.

Кавальеры — суть земляные насыпи на валу, возвышающиеся над парапетом. Квадратные, продолговатые или овальные по

форме, двенадцати—пятнадцати туазов длины и восьми — ширины, они возводятся на краях куртины — там, где та примыкает к полуторжам, — и предназначаются для фланкирования фаса противоположного бастиона. Эти постройки ведут дальний огонь, наносят врагу урон в траншеях и на батареях, вынуждают его возводить осадные сооружения более высокими, а когда он захватывает какую-либо из внешних построек — обнаруживают его и обстреливают, пользуясь преимуществом возвышения. Я отнюдь не отвергаю их — напротив, считаю сильными, когда они расположены именно таким образом, — лишь бы им сопутствовали фланки и иные элементы фортификации, описанные нами выше. Без кавальеров не обойтись и в приморской крепости — с них можно палить на очень большие расстояния, и дистанция поражения такова, что ядра неизменно достигают [неприятельских] кораблей — был бы точен прицел; постройки, не слишком возвышенные над землей, для такой стрельбы не годятся.

Деревья на валу — ради благоустройства, украшения города, отрады населения; во время осады они же суть — дрова для обогрева, варки зерна и мяса, древесина для [изготовления] пушечных лафетов, механизмов и иного применения.

Плацдармы, устраиваемые между валом и [городскими] домами, служат для сбора и построения солдат по тревоге и приведения войск в боевую готовность. Благодаря плацдармам дома не примыкают к валу, что обеспечивает безопасность дозоров, караулов и крепости в целом.



ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

Все вышеописанное представлено на профиле [см. с. 118]: буква *A* обозначает каменную кладку, *B* — вал, *C* — парапет вала, *D* — дозорный путь, *E* — парапет дозорного пути, *F* — кавальер; *G* — деревья.



ГЛАВА XX

О ПОСТРОЙКАХ ВОВНЕ КРЕПОСТНОГО ВАЛА²¹²

Постройки эти бывают двух видов: одни как бы продолжают центр крепости — ров, фоссебрея, контрэскарп, прикрытый путь и гласис; другие — отстоят от него, располагаются отдельно ото всех перечисленных и обобщенно называются внешними — демилюны, горнверки²¹³, сиречь тенали, кронверки и т.п.

Рвы должны быть шириной от пятнадцати до двадцати туазов, иногда, смотря по характеру грунта, — до двадцати пяти. Наиболее частая ширина рвов — шестнадцать—двадцать туазов, по глубине же наилучшие — от пятнадцати—двадцати до двадцати пяти футов. Мне доводилось видеть и глубже: преодолеть такие, овладев контрэскарпом, было сложнее всего; устроены они были в мягкой каменной породе, которую нетрудно углублять, и держали ее безо всякого откоса. Если потребуется вырыть их столь же глубокими в земле, то из-за своих отлогостей они окажутся либо чересчур тесными внизу, либо непомерно широкими у поверхности, а там, где земля сухая или рыхлая, — выйдут еще хуже.

Сухие рвы по сравнению с теми, которые наполнены водой, всегда предпочтительней для крупных крепостей, так как облегчают совершение вылазок и позволяют заложить больше оборонительных построек²¹⁴. Врагу куда трудней форсировать ров без воды, если осажденные исполнены решимости отчаянно защищаться. Для малых крепостей, каковы замки и форты, наилучшими признают рвы, наполненные водой, — в свое время мы подробно объясняли почему²¹⁵.

Под контрэскарпом в широком смысле слова иногда понимают откос рва, прикрытый путь с парапетом, гласис и [собственно] ров, если таковой есть, однако подобное толкование, как и ряд других, искажает суть, ибо на деле контрэскарп — это откос рва [и только]. Иногда его одевают кладкой, но чаще — нет: первое обыкновение, насколько мне кажется, предоставляет по сравнению со вторым очевидное преимущество. Следует иметь в виду, что при контрэскарпах обоего вида необходимы подъемы, чтобы на прикрытый путь могли всходить не только пехотинцы, но и кавалерия, когда крепость ею располагает. Подъемы эти устраиваются против середины куртин или бастионного шпица и ведут на площадку, которая во время осады служит для сбора войск перед вылазкой²¹⁶.

На краю рва находится прикрытый путь, именуемый также коридором: это полоса земли в три или четыре туаза шириной. Со стороны поля она защищена парапетом высотой в семь или восемь футов, который переходит в гласис, отлого спускающийся в поле. Гласис сей носит еще название эспланады и должен простираться [вперед] на шесть—десять туазов. Чтобы солдаты могли вести огонь поверх парапета, на прикрытом пути закладывают пару банкетов шириной в три фута и высотой — в полтора-два; наряду с парапетом их иногда одевают кладкой, однако одежда эта — совершенное излишество, ибо влечет [дополнительные] затраты, а толку от нее никакого: ведь служит она единственно тому, чтобы со временем земля не осыпалась на прикрытый путь, а поскольку прикрытым путем пользуются лишь при угрозе осады, то его насыпь легче [единожды] восстановить, чем постоянно следить за состоянием одежды.

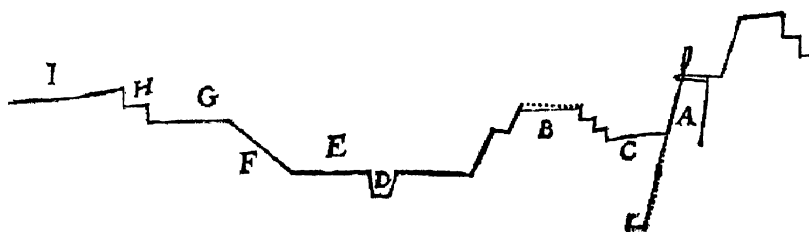
Посередине большого рва прокапывают другой, маленький. Если большой ров сух, то маленький, если это возможно, заполняют водой, и даже если в большом вода, на дне его устраивают еще один — итальянцы называют его кюнетой²¹⁷. Он служит двум задачам: создать противнику побольше трудностей при форсировании рва, а также воспрепятствовать внезапным нападениям и подведению мин. Закладывают этот ров трех или четырех туазов ширины и, по возможности, поглубже, чтобы [грунтовые] воды стояли в нем на уровне пяти-шести футов.

Фоссебрею — внешний [оборонительный] контур, идущий понижу главной крепостной ограды и ненамного удаленный от нее, — возводят во рву, у основания одежды. По начертанию фоссебрея бывает разной, однако закладывается с таким расчетом, чтобы все ее элементы взаимно фланкировались — подобно центру, от которого она, во избежание осколков, должна отстоять по меньшей мере на шесть туазов, особенно если речь идет о крепостях, одетых кладкой. На этом расстоянии насыпают противоположный парпет — по одному мнению, такой же высоты, как и парпет прикрытого пути, а согласно другому — ниже. Иногда контур сей сложен из одной только земли, а иногда — одет. Изображенный на схеме профиль показывает, что представляет собой фоссебрея и какими должны быть все остальные элементы, упоминавшиеся ранее; различные начертания, придаваемые фоссебрее, подробно описаны в «Фортификации»²¹⁸.

Некогда фоссебрея имела большое значение, чего нельзя сказать о ней в наши дни. Я, по правде говоря, вижу в фоссебрее пользу разве что при фланках — ведь когда атакуется бастионный фас, ее участки перед куртиной бесполезны, так как не могут его фланкировать, а те, что располагаются возле самого фаса, лишены защиты от минного подкопа, а равно и от неприятельских батарей, стрельба с которых обрушивает вниз столько осколков и обломков кладки, что осажденные наверняка будут вынуждены оставить фоссебрею и без иных усилий [со стороны врага]; если избавить ее от этого недостатка, она может противостоять осаждающим, пока те — за контрэскарпом. Что же касается фоссебреи перед фланками, то таковую я считаю весьма полезной и необходимой, ибо она препятствует форсированию рва и обороняет бастионный фас, и покуда враг не подавит этот фланк нижнего уровня, что крайне сложно, то не получит возможности ни перейти ров, ни направить атаку против фаса. Я бы заложил фланковую фоссебрею совсем низкой, лишь восемью или девятью футами выше дна рва, чтобы ее трудно было разрушить и чтобы она не мешала обстрелу с фланков верхних уровней. Парпету ее надлежит выдерживать артиллерийский огонь, иметь амбразуры для пушек и банкету для мушкетеров, а позади — площадку, достаточную для отката установленных там орудий. Если он

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

выдвинут слишком далеко и уязвим со стороны поля, то должен быть возведен из одной лишь земли, без одежды, чтобы люди на фоссебрее не пострадали от осколков. Предлагаемый профиль [см. ниже] представляет вышеописанные строения по порядку и высоте: *A* — одежда вала, *B* — фоссебрея; *C* — полоса земли между ними; *E* — большой ров, *D* — малый ров, или кювета²¹⁹; *F* — контрэскарп; *G* — прикрытый путь; *H* — парапет прикрытого пути; *I* — гласис, или эспланада.





ГЛАВА XXI

О ДРУГИХ ПОСТРОЙКАХ ВОВНЕ ВАЛА, КОТОРЫЕ ИМЕНУЮТСЯ ВНЕШНИМИ

Внешние постройки для крепости очень важны. Ту крепость, которая их лишена, нельзя назвать хорошо защищенной: она подобна безоружному человеку — пусть даже крепкому и сильному, но неспособному долго выстоять против вооруженного врага и получающему раны от любого его выпада. Внешние постройки — суть оружие крепости, сказать больше, — солдаты, которые обязаны вступать ради нее в бой, подвергая себя опасности; они всегда на страже, и к крепости, обороняемой ими, не подступиться.

Первые, наиболее распространенные, — демилюны, отдельные постройки, которые некогда именовались равелинами²²⁰. Как в регулярных, так и в иррегулярных крепостях их почти всегда возводят перед воротами и довольно часто — против середины куртин. По форме демилюна — треугольник, основание которого — [внешний] край рва; две других стороны — фасы, образующие шпиг, сиречь обороняемый угол. Длину фасов задают, самое меньшее, в тридцать пять туазов, но они могут простирались до пятидесяти и даже до шестидесяти, смотря по надобности и условиям местности (речь об этом пойдет в главе об иррегулярных постройках). Обороняемый угол определяют в семьдесят–девяносто градусов или же, в крайнем случае, делают его тупым. Высота демилюны в передней части, считая от бермы или банкета, то бишь собственно от поверхности земли либо горизонта поля, должна составлять от десяти до двенадцати футов, а парапета с внутренней стороны — шесть футов. Парапет возводят таким образом,

что при своей противоположной толщине в восемнадцать—двадцать футов он либо переходит в гласис, либо получает покатый срез снаружки и спереди оказывается фута на три ниже, чем с внутренней стороны. За парапетом закладывают банкет шириной в четыре фута и высотой — в полтора-два. Рву надлежит быть восьми—десяти туазов в ширину и десяти—двенадцати футов — в глубину. Еще при демилюнах бывает контрэскарп, состоящий из прикрытого пути, парапета и гласиса. [Предлагаемый] профиль показывает соотношение всех названных размеров [см. рис. 3].

По начертанию демилюны бывают разными; та форма, о которой мы говорили, обозначена [на схеме буквой] А. Иные снабжены фланками. Одни фланки закладываются путем усечения фасов: нужно заметить, что в этом случае либо фланки должны целиком находиться внутри большого рва, либо ров демилюны — оканчиваться строго параллельно ее фасу²²¹, дабы вся демилюна фланкировалась со стороны крепости. Ошибка в расположении демилюн подобного вида — дело довольно обычное; на схеме В показано, какими им надлежит быть. У других, как видно на схеме С, фланки сооружены вовне фасов — постройки такой конструкции чрезвычайно редки, по крайней мере при крепостях, и коль скоро решено задать фланки именно так, им надлежит быть совсем низкими. Случается, две сомкнутые демилюны присоединяют к куртине (схема D); эта форма также встречается нечасто, поскольку проще возвести теньяль, однако может найти применение на тех участках, которые не позволяют подать постройки вперед.

Все перечисленные виды демилюн обычно возводят из земли, но иногда одевают и кладкой, чтобы сделать более долговечными. Я бы предпочел одежду — по крайней мере, на тех, что расположены перед воротами: постройки, обороняющие ворота, нужно постоянно содержать в боевой готовности. Демилюны, насыпанные из одной лишь земли, полагается выстлать хворостом, плотно втоптать его, а затем покрыть дерном. Откос им придают в треть или в половину от высоты, но доходит и до двух третей, если земля суховата. Я не одобряю слишком пологий откос: тот сильнее подвержен разрушению из-за дождя и льда, да и взойти на него легче; кроме того, чтобы придать демилюне должную

высоту, придется насыпать ее очень толстой у основания, потратив на это больше времени. Внутреннюю сторону парапета, а вместе с ней и банкет также следует выложить дерном, а тыльной стороне вала — придать естественный уклон, то есть сделать откос равным высоте. Обратите внимание: снаружи необходимо оставить четыре или шесть футов под берму — иначе говоря, полосу ровной земли при подошве насыпи, не позволяющую земле скатываться в ров, а постройке, соответственно, обрушиваться. Если земля не слишком хороша, берму устраивают пошире, а иногда — выстилают склон дерном от самого дна рва.

Предвратные демиллюны, не одетые кладкой, следует обнести штурмфалом, врытым двумя с половиной или даже тремя футами ниже парапета. Колья должны быть не менее четырех дюймов толщиной, возвышаться фута на три-четыре и уходить в землю на такую же глубину. В нижней части, у самого дерна, их скрепляют между собой, прибавая поперек широкую доску или тесину, а остриями немного наклоняют вперед, как показано на схеме профиля.

Ни в коем случае нельзя располагать демиллюну в таком месте, где ее ров не открывается со стороны крепости, а фасы — не фланкируются центром. Пусть фланкирующий участок выдерживает орудийный огонь и не слишком возвышается над демиллюной — иначе из-за парапета будет виден разве что ее шпиз, и стрелять придется сверху вниз, в одну точку, а такому фланкированию грош цена. К тому же толстые парапеты, поднятые столь высоко, не позволяют обнаружить противника, когда тот форсирует ров: сие преизрядное упущение я отметил в крепости, которая слывет одной из лучших во Франции²²².

Тенали, иначе называемые горнверками, ныне все строят примерно одинаково, и едва ли сыщется инженер, который не сумеет их возвести, возникни такая нужда. Предоставив бумажные вычисления покоям и кабинетам, мы сейчас расскажем, как задавать начертание теналей на местности. Размеры их зависят от особенностей участка, который им отведен, — от шестидесяти до ста и даже ста двадцати туазов по фронту. Неодинакова и форма: у одних, к примеру, — и это наилучшая конструкция — стороны параллельны (схема А), у других — суживаются, а у третьих —

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

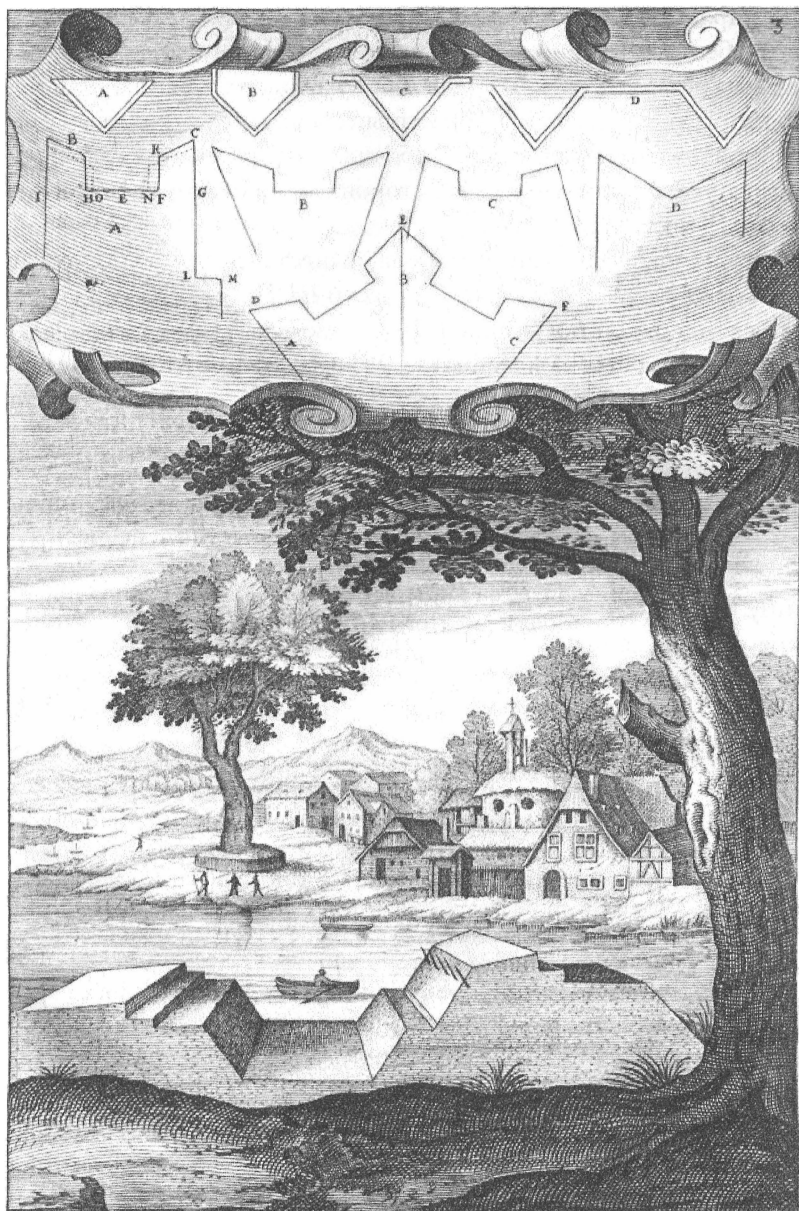


Рисунок 3

расширяются к основанию (схемы В и С); они могут быть с фланками, без фланков либо в виде простого входящего угла (схема D); последние, впрочем, оставляют желать лучшего: причина — та же, по которой укрепления, возведенные согласно бастионной системе, предпочтительней любых прочих. Наш рассказ — о построении тенали с параллельными сторонами, ибо такое построение сгодится и для всех остальных.

Итак, пусть GI — ширина тенали, шестьдесят, девяносто или сто туазов. Разделив ее на четыре части IH , HE , EF и FG , отдаем по четверти каждой полугоржке IH и FG , две четверти — куртине и в четверть же ставим длину фланка KF ; линию защиты намечаем из фланка H . При таком построении полубастионы выходят очень маленькими. Другой способ — разделить всю ширину GI на пять частей, отвести куртине NO две части, полугоржам NG и IO — по полторы, а фланк задать в половину [длины] полугоржки. Еще один метод — трехчастное деление GI , при котором треть приходится на одну полугоржку, треть — на вторую, треть — на куртину, а фланку назначается длина в полтрети, — представляется мне неподходящим, ибо задает полубастионы слишком острыми, а куртину — очень короткой. Из этих конструкций лично я выбрал бы ту, которая предполагает деление на пять частей, — однако всяк вправе остановиться и на иной, по собственному предпочтению, и может даже изобрести новую, если ни одна из приведенных его не устроит, — ибо дать точное соотношение величин и доказать, что оно-то и есть наилучшее, будет весьма затруднительно.

Кронверки — это тенали, дополненные бастионом. Их возводят для обороны уязвимых участков значительной протяженности — там, где простой тенали недостаточно. Кронверк, если внимательно взглянуть на него, — не что иное, как пара соединенных теналей: на схеме видно, что $ADBE$ — это одна тень, а $EBCF$ — другая. Обе линии, AB и BC , вы можете разделить таким же образом, как и GI в предыдущем примере, получив вместо четырех полубастионов лишь два с прибавлением одного целого бастиона, который стоит двух половинных. Стало быть, построение кронверка не нуждается в долгих объяснениях; размеры его вала, парапета, бермы, рва, контрэскарпа, прикрытого пути и гласиса — те

же самые, что и у демилюны, поэтому профиль, который мы здесь поместили, относится именно к ней.

Необходимо отметить, что высота названных построек варьируется в соответствии с характером местности, где их возводят, а также с учетом того, насколько возвышен центр крепости. Но кроме [общего] мнения и опыта, которым мы могли бы руководствоваться, иных правил на сей счет не существует.

Действительность внешних построек возрастает многократно, если возводить демилюны при теналях — или, что кажется мне более выигрышным, впереди их фронта либо перед каждой из куртин кронверка. При этом, впрочем, неизменны принципы, о которых мы уже говорили: все постройки воздвигаются ступенчато, тем выше, чем ближе к крепости; самые отдаленные из них должны оставаться в досягаемости мушкетного выстрела и любая — обороняться из крепости, если только речь не идет о таких, которые возведены ради защиты какой-нибудь высоты, переправы, низины, постройки или, по иным соображениям, [за пределами названного расстояния]. В этом последнем случае по сторонам тенали следует предусмотреть фланки длиной в пятнадцать–двадцать туазов, обозначенные на рисунке [буквами] LM [см. рис. 3].

Демилюны всегда стоит располагать против середины куртины; тенали, однако, некоторые возводят перед бастионным шпирцем — но я считаю, что в сравнении с куртинными они все-таки проигрывают.

Кронверки чаще всего насыпают с тем расчетом, чтобы они занимали господствующее положение или преграждали какие-либо подступы, поэтому соотношение с условиями местности для них важнее, нежели близость к крепости. Но хотя они достаточно мощны и способны обороняться самостоятельно, при их возведении обращают внимание, чтобы они с обеих сторон, как и тенали, фланкировались крепостью. Кронверки чаще придаются иррегулярным крепостям, нежели регулярным, тогда как тенали с демилюнами — и тем и другим в равной степени.

Здесь можно было рассказать и о постройках моей собственной конструкции, однако я предпочитаю, чтобы идеи, относящиеся к делам военным, исходили от кого-нибудь другого, — ибо

негодую на прихоти, избегаю их и всегда критически отношусь к тому, чего сам не испытал на опыте.

Остается прояснить тот вопрос или, скорее, грубое заблуждение, не потребуются ли для обороны крепости, обладающей внешними постройками, более крупные силы. Ответу: не большие, чем для той, которая этих построек лишена: ведь в мирное время еще не завели обычая их защищать, да и с началом войны туда посылают лишь нескольких часовых. При осаде же, пока ведется оборона внешних построек, центр остается в безопасности, — и теми же самыми силами, что определены для крепости в целом, можно защищать и внешние постройки, ибо у них, как и у центра, ни фронтов, ни фланкирующих участков не прибавится. Если, к примеру, в шестиугольной фигуре шесть демилюн или шесть теналей, то для обороны каждой из них солдат понадобится столько же, сколько и для бастиона, — и враги, как бы ни умножали свои атаки, не смогут подобраться к бастиону, пока не возьмут внешние постройки, которые его прикрывают и фланкируют. Итак, осажденным для обороны внешних построек хватит тех же самых сил — придется разве что добавить часовых на бастионы и немного солдат в кордегардии, — но следует также прикинуть, сколько их понадобится и каковы будут потери, если защищать все пространство, которое занимают наружные укрепления, не из укрытий, а при помощи вылазок, вынуждая противника, прежде чем тот подступит к крепости вплотную, потерять еще больше времени.

В целом же хороши те внешние постройки, которые довольно велики и вместительны. Тесные никуда не годятся: ведь когда они разрушены и открыты врагу, их защитникам придется рассчитывать только на свое оружие, и если, к тому же, эти постройки не вмещают довольно солдат, то обороняющихся с атакующими уравнивает разве что узкий фронт. Но даже окажись фронт узким настолько, что атакующим придется толкать друг друга, обороняющиеся, дабы успешно отразить их натиск, должны быть сплочены и велики числом. Для достойного отпора надлежит еще подумать о месте для укрытия и о ретраншементе вместо разрушенного парапета. В постройках малых размеров, когда парапет обращен в руины, убежища не найти, и если внутрь забросят бомбу —

погибель неминуема: ни прятаться, ни отступать некуда. Наконец, всякая небольшая постройка — что западня²²³: серьезного сопротивления в ней не окажешь, а урон понесешь большой. Такая обычно сдается на шпагу, ибо первые же [неприятельские солдаты], взойдя на нее и удачно метнув фейерверк, обратят обороняющихся в панику и без труда заставят сложить оружие. Стало быть, внешние постройки всегда надлежит возводить достаточно просторными, чтобы на них хватило места и для стрелковых позиций, и для ретраншементов, и для укрытий, без которых нельзя оборонять брешы. И не стоит измышлять, к примеру, что тень, выдвинутая на приличное расстояние, потребует для обороны больше солдат, нежели та, чья куртина ближе ко рву: дело не в атакуемых сторонах, а во фронте: число защитников зависит от его длины.



ГЛАВА XXII

ОБ ИРРЕГУЛЯРНОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

Без иррегулярной фортификации обойтись нельзя — ведь чаще приходится усовершенствовать старые крепости, нежели строить новые. Ей необходимо уделить внимание еще и потому, что мы, елико возможно, стремимся приблизить ее к регулярной, почитая последнюю за совершенный образец, — и даже если центр не имеет регулярного начертания, большинство его элементов должны походить на те, которые служат для обороны регулярных крепостей.

Иррегулярный многоугольник укрепляют двояко: либо закладывают ряд взаимно фланкирующих построек на контуре его ограды, делая их, по возможности, подобными тем, которые используются в регулярных крепостях, либо, что бывает чаще всего, ограничиваются внешними постройками, которые требуют меньше времени и затрат. Мы расскажем и о тех, и о других.

Вначале мы говорили, что фортификация предполагает ту или иную фигуру. Итак, фигура — это площадь, очерченная линиями, которые образуют углы, и, стало быть, в фортификации мы рассматриваем не что иное, как линии с углами (я имею в виду первичный чертеж, определяющий фигуру и длины, — ибо в дальнейшем, для выработки плана строительства и возведения совершенной крепости, понадобятся предметные и основательные объяснения).

Как и в случае с разными начертаниями регулярных крепостей, из которых нужно было остановиться на самом подходящем, я размышлял, смогу ли найти для усовершенствования иррегулярной крепости способ легче и лучше того, который

описал, однако, перебрав многие, так и не встретил иного, столь же удобного для применения и поэтому буду говорить только о нем, отринув все остальные.

Когда дана линия порядочной длины, подлежащая укреплению, на ней закладывают бастионы — столько, сколько поместится. Количество их узнают, разбив эту линию по всей длине на отрезки, равные дальности мушкетного выстрела: сколько отрезков, столько и бастионов. К примеру, когда длина составляет шестьсот туазов, то, принимая досягаемость стрельбы за сто пятьдесят, вы получите пять бастионов, в том числе по одному на каждой из оконечностей [линии], — но если на оконечностях расположить лишь по половине бастиона (А и О), а другие две половины (В и F) — на примыкающих линиях, то для всей оставшейся длины потребуется три бастиона — С, D и E при расстоянии в сто пятьдесят туазов от капители до капители [см. рис. 4]. Пожелай мы сократить расстояние между капиталями до ста двадцати туазов, на линии уместится четыре бастиона, не считая крайних. Если [укрепляемая] линия длиннее на двадцать, сорок или шестьдесят туазов, то, чтобы избежать излишней протяженности линии защиты, прибегают к увеличению полуторж каждого бастиона — задают, скажем, тридцать или сорок туазов вместо двадцати пяти. Когда линия насчитывает лишь пятьсот восемьдесят туазов, число бастионов оставляют тем же самым, но могут укоротить каждую из четырех куртин, распределив между ними недостающие двадцать туазов; таким же образом поступают при длине линии вплоть до четырехсот восьмидесяти туазов, когда придется ужаться на один бастион — то есть оставляют три между крайними, при расстоянии в сто двадцать туазов от капители до капители. Если протяженность линии четыреста шестьдесят туазов, вы убавляете длину куртин и поступаете так вплоть до длины в четыреста пятьдесят туазов, при которой сможете заложить между крайними бастионами лишь два средних, с капиталями, отстоящими друг от друга на сто пятьдесят туазов. В отношении меньших линий, вплоть до трехсот шестидесяти туазов, вы действуете одинаково: окажется линия четырехсот двадцати туазов — задайте между капиталями по сто сорок. Линия в триста шестьдесят туазов с двумя средними бастионами требует, чтобы от капители до капители

насчитывалось сто двадцать туазов; это расстояние вы можете тем же способом уменьшать и дальше. При трехстах туазах длинная линия подлежит укреплению не иначе, как при помощи двух бастионов по краям и одного — в центре; при двухстах сорока бастионы будут отстоять друг от друга на сто двадцать туазов. Если укрепляемая линия составляет только двести туазов, следует задать расстояние между капиталами лишь в сто туазов — при этом полугоржи могут быть куда шире, нежели в регулярных укреплениях. Что же касается фланков, то их длина, даже когда бастионы находятся в ста туазах друг от друга, неизменно должна составлять от шестнадцати до двадцати — двадцати пяти туазов. Я бы отвел и фланку, и полугорже по двадцать туазов, так как бастионы, расположенные вдоль прямой линии, не получатся при этом острыми, но сохраняют те же размеры полугорж, фланков и фланкируемых углов, что и на исходящем угле [фигуры], фасы же окажутся куда короче. Можно даже задать полугоржи в тридцать и сорок туазов, ибо фасы получатся ненамного длинней.

Когда линия насчитывает меньше двухсот туазов, вы можете заложить лишь два бастиона по краям, но так, чтобы горжи оказались на ней полностью [см. рис. 4]. Например, если расстояние между a и b — всего-навсего сто восемьдесят туазов, то я задам на линии ab горжи ad и cb по сорок или сорок пять туазов каждую, а оставшиеся сто или девяносто — отведу под куртину. Фланки ae и bf я сделаю перпендикулярными прилежащим линиям. Коль скоро углы a и b равны углу шестиугольной фигуры или же превосходят его, вам нетрудно будет наметить бастион с прямым углом: вы проводите отрезок ge и, найдя его середину i , прочерчиваете из нее полуокружность ehg , внутри которой, от краев фланков, протягиваете фасы eh и hg , — но, разумеется, когда прилежащие линии достаточно длинны, а угол a равен углу шестиугольной фигуры или больше такового. Если ни то ни другое условия не соблюдены, вы просто задаете фасам eh и hg оборону со стороны обращенных к ним фланков c и k .

Если [укрепляемая] линия короче ста семидесяти туазов, вы уменьшаете либо горжи, определяя их в сорок туазов, либо куртину и точно так же поступаете с длиной всех линий вплоть до ста пятидесяти туазов: при этой длине вы, наметив на концах по

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

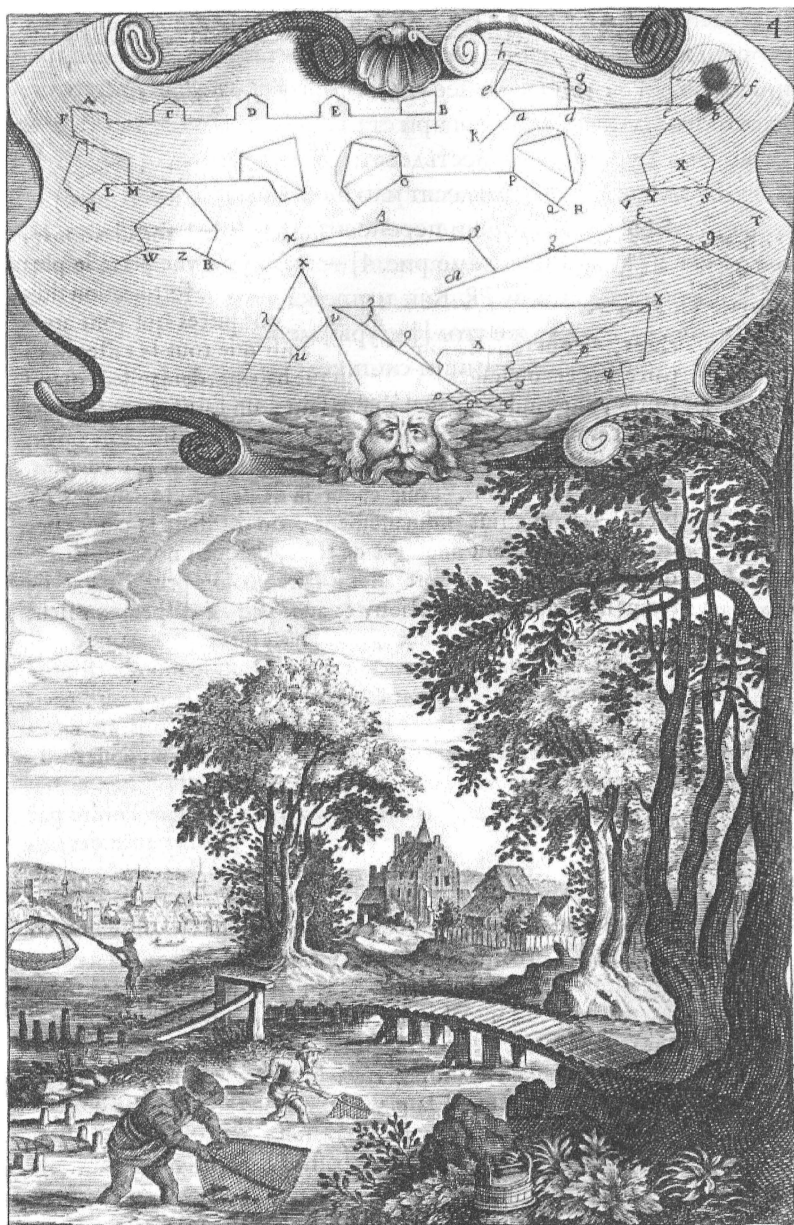


Рисунок 4

бастиону, откладываете полугоржи NL и LM как обычно, с каждой стороны угла [фигуры], отмерив им по двадцать пять туазов. На линиях протяженностью менее ста двадцати туазов вы также устраиваете только два бастиона; при ста туазах — задаете полугоржи в двадцать, а куртину — в шестьдесят, а когда линия составляет всего лишь девяносто, восемьдесят или шестьдесят туазов — целиком отдаете ее куртине, а горжи переносите на смежные с ней стороны фигуры: так, OP [на схеме рис. 4] — это куртина, а PQ — горжа на прилежащей линии PR . Как и прежде, вы строите бастион с прямым углом; когда же угол [фигуры] меньше, чем у шестиугольника, или прилежащие линии слишком коротки, — то с острым. Если линия составляет от шестидесяти до сорока туазов, вы закладываете на ней горжу YS , а фланки восставляете перпендикулярно на смежных сторонах фигуры: бастион выйдет прямоугольным, ибо линии YV и ST , будучи продолженными, пересекутся в точке X и дадут угол, который по величине будет равен углу шестиугольной фигуры или превысит таковой. Наконец, при линии, насчитывающей менее сорока или тридцати туазов, вы определяете, на какой из смежных сторон фигуры вам будет удобней заложить полную, сорока- или пятидесятитуазовую горжу: когда, к примеру, WZ не превышает тридцати туазов, то для закладки целой горжи WR я забираю еще десять или двадцать со стороны ZR ; остальные элементы бастиона выстраиваются как обычно.

Если обе смежные линии $\alpha\beta$ и $\beta\gamma$ слишком коротки, из них делают одну $\alpha\gamma$, которую укрепляют, смотря по ее длине, — так, как говорилось выше; когда они довольно протяженные, скажем туазов по сто восемьдесят ($\delta\epsilon$ и $\epsilon\theta$), и вы не знаете, как их укрепить в соответствии с вышеописанной инструкцией, разбейте их на три отрезка $\delta\zeta$, $\zeta\theta$ и θ , не менее ста двадцати туазов каждый, и укрепите, руководствуясь нашими советами, так, как вам удобно. С прочими длинами поступайте соответственно, придерживаясь принципов фортификации и примеров, которые мы привели.

Как мы уже отмечали, углы [фигуры], меньшие по величине, нежели в шестиугольнике, не могут дать прямоугольный бастион, если образующие их линии — правильной длины; при этом невозможно и построение косого фланка. Когда угол чрезмерно острый, как у равностороннего треугольника $\lambda\kappa\nu$, лучше

превратить его во входящий $\lambda\mu\nu$, а не устраивать на нем бастион, ибо тот выйдет слишком заостренным и никуда не годным. Такие углы достаточно сильны сами по себе, ибо чаще всего встречаются в стесненной местности, где разворачиванию укреплений препятствует обрыв или болото.

До сих пор мы говорили о сторонах фигуры, выступающих наружу, — теперь остается рассказать о тех, что вдаются в крепость. Углы, образованные ими, считаются очень сильными, поскольку враг, когда направляет атаку на один из фасов, становится уязвим с тыла благодаря другому, а если намеревается штурмовать с угла, подставляется под огонь обоих, и неприятельские траншеи будут в любом случае подвергаться продольному обстрелу. Поскольку эти стороны превосходно фланкируют друг друга, особенно когда входящий угол прямой или меньше прямого, то [бастионами] их никогда не укрепляют. Если же угол шире, внутри него, как представлено на следующей схеме, размещают постройку, именуемую платформой²²⁴, с длиной фланка в шестнадцать–двадцать туазов и полуторжи — в двадцать — двадцать пять. Платформа устраивается потому, что при тупом входящем угле фасы фланкируются косо и оборона из-за этого плоха. Сим фланкам с их выступами, обозначенным на схеме буквой π , хорошо дать прикрытие со стороны оконечностей фасов входящего угла — возвести там полубастионы с горжей в сорок туазов и фланком, отнесенным на смежную линию $\chi\psi$, — в двадцать. Ни фланк, ни фас [полубастиона] никогда не устраивают внутри входящего угла: фас в этом случае будет плохо фланкироваться, а фланк и вовсе окажется ничемным, ибо, как видно по обозначениям на той же схеме, огонь вести сможет лишь против [самой] крепости. Если расстояние от фланка ν до шпица полубастиона χ превышает досягаемость мушкетной стрельбы, необходимо удлинить полуторжу $\sigma\pi$ и подать ее ближе к φ , чтобы φ была удалена от χ не более чем на выстрел; когда этот изъян наблюдается и с другой стороны, поступают точно так же. Будь фасы, составляющие входящий угол, непомерно длинны, их можно укрепить реданами η и θ , расположив те на расстоянии шестидесяти туазов один от другого и задав им фланки в десять–двенадцать туазов. Эти реданы довлеют для обеспечения наилучшей обороны, так как входящие углы обыкновенно

планируются близ обрывистых участков, где нельзя заложить выдвинутые укрепления, а эти участки сильны сами по себе. Если характер местности таков, что постройку π насыпать невозможно, то ее заменяют прикрытыми фланками ρ и τ , предусмотрев в них нижний и верхний ярусы. Но когда пресловутые углы встречаются на ровной местности, я бы предпочел замкнуть их линией $\xi\chi$ и возвести по углам обычные бастионы.

Полубастионы строят также на тех участках, которые ограничены рекой, или же там, где иначе река разрезала бы бастион пополам, через полугоржу и шпиц. Кроме того, ими замыкают контур укреплений для городов с цитаделями²²⁵, потому что оканчивать его бастионом нельзя: фланк, расположенный против цитадели, ни на что не годен, а вести огонь способен только по ней; куртина как завершение столь же неудобна, тем более конечный бастион окажется в этом случае слабо защищенным. Полубастионы называются так потому, что имеют только один фас и один фланк, хотя по размерам могут быть подчас не меньше целых бастионов. Чтобы задать полубастионы не слишком острыми, нужно приложить немало труда, поэтому возводятся они лишь в тех местах, где без них никак не обойтись.

Бастионы в настоящем наставлении мы предлагали использовать везде, где возможно. Нам прекрасно известно, что вместо них можно заложить и иные постройки, — однако те не будут настолько же действенны, да и описание всех средств, при помощи которых укрепляют города, вышло бы слишком скучным.



ГЛАВА XXIII

КАК ВОЗВОДИТЬ ВНЕШНИЕ ПОСТРОЙКИ ПРИ ИРРЕГУЛЯРНЫХ КРЕПОСТЯХ

Все сказанное нами выше об иррегулярной фортификации относится к тем крепостям, центр которых имеет более или менее регулярное начертание. Описанные постройки должны быть одеты кладкой, как и остальной контур, к которому они принадлежат. Но поскольку закладываются они на долгие времена и требуют основательных трудов и крупных трат, то чаще, особенно если мирные дни на исходе, города укрепляют иным способом: в любой подходящий час, когда можно использовать труд крестьян в порядке барщинной отработки²²⁶ или контрибуции²²⁷, не вводя в большой расход при обычной в этих обстоятельствах стесненности в средствах, — возводят внешние постройки, сиречь земляные укрепления, о которых мы писали прежде. Сооружение их обойдется дешево и не составит труда: за материалом далеко ходить не нужно, так как, кроме земли, дерна и хвороста, ничего не понадобится; времени строительство займет не так уж много, да и опытные рабочие ни к чему — сгодится всяк, будь то мужчина или женщина, старый или малый: вот почему, возникни нужда в укреплении города, возводить внешние постройки выгоднее, нежели совершенствовать крепостные валы.

В предыдущей главе, где речь шла об укреплении контура при помощи бастионов, я рассматривал [укрепляемые] линии в порядке убывания их протяженности — и стану придерживаться того же порядка изложения, говоря о демилюнах и прочих постройках.

Когда крепость ограждена простым контуром, лишенным каких бы то ни было взаимно фланкируемых сооружений, ее трудно

оборонять при помощи одних только отдельных построек, — ведь противник может пройти между этими постройками, особенно между двумя демилюнами, если те находятся далеко одна от другой, — или же завладеет какой-нибудь из них и, за неимением флангов, способных ему помешать, без труда форсирует ров и возьмет крепость. Поэтому, когда в качестве укреплений крепости вместо бастионов применяются демилюны, то последние, как и бастионы — об этом мы уже говорили, — необходимо возводить не дальше чем на расстоянии мушкетного выстрела друг от друга, а лучше — еще тесней, ибо они намного слабее бастионов. Чтобы во время неприятельской атаки шпиц одной демилюны оборонялся фасом другой, я бы, пожалуй, задал это расстояние не более чем в шестьдесят—восемьдесят туазов (это и составит около ста двадцати — ста сорока туазов от шпица до шпица).

Итак, количество демилюн должно соответствовать длине [укрепляемой] линии. Начнем, как и прежде, с линии в шестьсот туазов. Чтобы узнать, сколько демилюн следует на ней разместить, разобьем ее на отрезки по сто двадцать или, самое большее, по сто пятьдесят туазов: при ста пятидесяти выйдет четыре отрезка — соответственно, вы закладываете на этой линии три демилюны, не считая двух крайних; при ста двадцати вы получите четыре средние демилюны и две угловых. Если определена линия менее шестисот, но до четырехсот восьмидесяти туазов — вы всегда сможете возвести три демилюны между двумя крайними, сократив расстояния между ними. При линии длиной в четыреста восемьдесят туазов вам нужно будет задать отрезки по сто двадцать туазов; при пятистах двадцати туазах демилюны будут отстоять друг от друга на сто тридцать — таким образом, вы пропорционально уменьшаете или увеличиваете расстояние между демилюнами, не выходя за сто пятьдесят туазов и не стесняя его менее ста двадцати. Когда линия короче четырехсот восьмидесяти туазов — скажем, четыреста пятьдесят, и длина отрезков составляет сто пятьдесят туазов, вы закладываете три демилюны, не считая угловых; при протяженности линии от четырехсот восьмидесяти до четырехсот пятидесяти туазов вы можете поместить на ней как две демилюны на порядочном расстоянии друг от друга, так и три, существенно укоротив таковое. Если линия нисходит от четырехсот

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

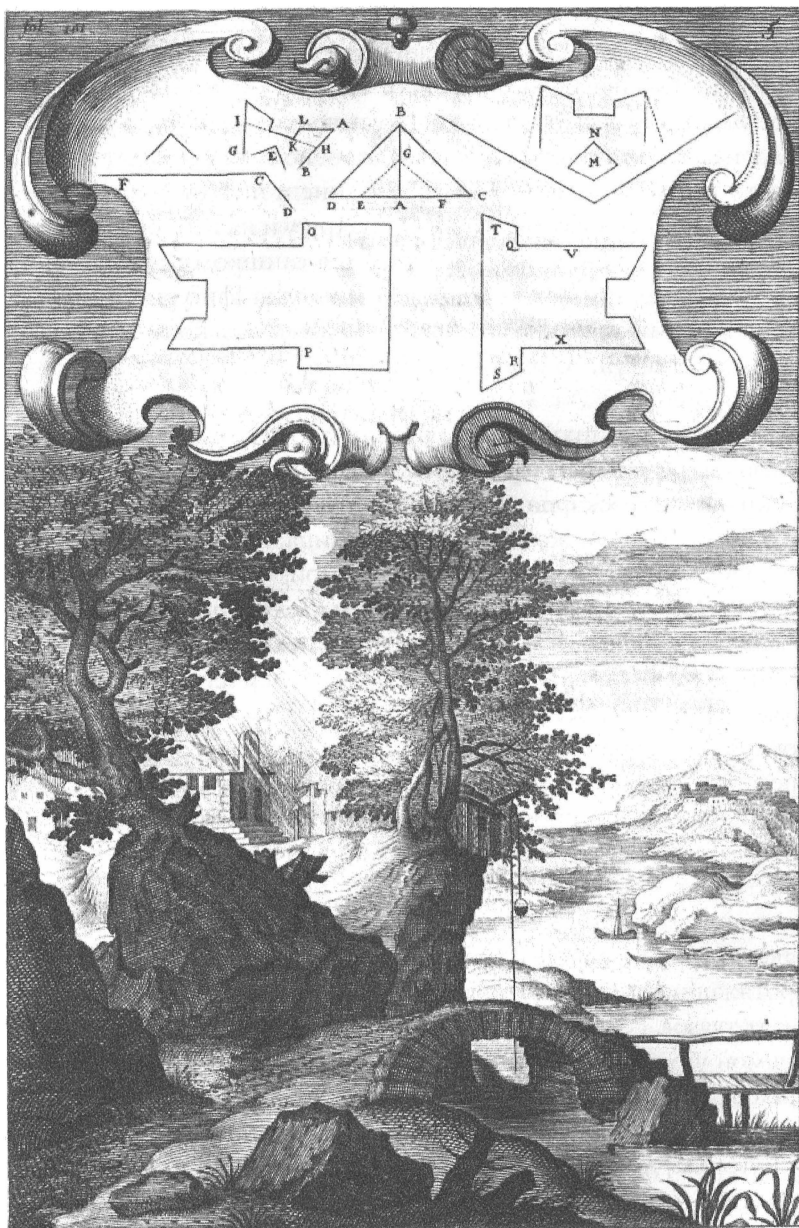


Рисунок 5

пятидесяти до трехсот туазов, то, сообразно тому, насколько она коротка, вы неизменно намечаете две демилюны между двумя угловыми, уменьшая расстояния от одной до другой. Когда линия составляет от трехсот до двухсот туазов, ее укрепляют тремя демилюнами, одной между двух других, — но если в ней нет и двухсот, то три демилюны — одна в середине и по одной на каждом краю — будут сильно прижаты друг к другу и на ней не поместятся, а при двух линия защиты окажется слишком протяженной. В этом случае, при умеренной величине угла [фигуры], придется сделать обе крайние демилюны побольше, — а коль скоро угол этот изрядно туп, то одну придвигают к другой на необходимое расстояние.

Прежде чем продолжить, расскажу о начертании демилюн, которыми укрепляют вышеназванные линии [см. рис. 5]. Разметив по краю контрэскарпа отрезки, то есть расстояния от капитали до капитали — или же от шпица до шпица, ибо это одно и то же, когда демилюны расположены на прямой, — вы обозначаете конец каждого отрезка пикетом А. Затем следует определить длину фасов; я отмеряю им по пятьдесят туазов, ибо прекрасно вижу, что не пройдет и нескольких лет, как этот размер начнут применять везде, где возможно: ведь еще недавно, когда им отводили лишь тридцать — тридцать пять туазов, считалось, что к нынешнему времени они увеличатся до сорока — сорока пяти. Так, прибавляя в длине, фасы, наверное, дорастут и до шестидесяти-восьмидесяти туазов, но, следуя выбранному методу, я останавлиюсь на пятидесяти. Число это я возвожу в квадрат, получаю 2500, затем беру половину, то есть 1250, и извлекаю из нее квадратный корень, равный тридцати пяти с небольшим: такова длина полугоржи АС; протяженность же всей горжи DC составит, таким образом, семьдесят туазов. Если вы не сильны в квадратных корнях, постройте прямой угол DBC при помощи двух одинаковых по длине линий DB и BC, соедините их отрезком DC, а затем разбейте DB либо BC на пятьдесят долей и подсчитайте, сколько таких долей содержит [полугоржа] АС: как и в предыдущем случае, выйдет чуть больше тридцати пяти. Этот способ послужит вам не хуже самых точных вычислений. Итак, на большой прямой линии, которая обозначает сторону фигуры, подлежащей укреплению, вы откладываете

от точки *A* к точкам *C* и *D* по тридцать пять туазов, потом строите прямой угол *САВ* с вершиной в точке *A*: если вам нужно, чтобы шпиц [демилюны] был прямоугольным, вы задаете длину *АВ* равной *АС*, а когда хотите сделать его острым или тупым — удлиняете либо укорачиваете ее на несколько туазов. Для построения пресловутого прямого угла следует выбрать какую-нибудь подходящую вам меру, отложить ее от точки *A* в стороны *F* и *E*, взять две веревки, каждую чуть подлиннее расстояния *FE*, закрепить концами в точках *F* и *E* и, держа другие два конца, шагать строго по прямой из центра, а когда ваши веревки равномерно натянутся — связать их и отметить искомую точку пикетом *G*. Далее, придерживаясь направления, заданного точками *A* и *G*, велите отложить на линии *АВ* столько туазов, сколько понадобится: так, отрезок *АВ* составит с *DC* прямой угол и, смотря по расстоянию до точки *B*, которую также надлежит обозначить пикетом, будет длиннее или короче. Наконец вы напрямую соединяете точку *B* с точками *C* и *D* при помощи борозд в земле — и начертание демилюны готово. Не стоит забывать, что с наружной ее стороны необходимо наметить параллельными линиями будущий ров, а между ним и скатом будущей насыпи предусмотреть расстояние в шесть футов, то есть берму: я говорю это для людей неопытных — остальных же прошу извинить меня за столь докучливые прибавления.

Когда демилюны уже обозначены вплоть до окончания стороны фигуры, то при чрезмерно тупом [прилежащем] угле их можно и дальше намечать по прямой, — однако если тот равен или уступает углу восьмиугольника, то демилюна, как нетрудно увидеть на схеме [см. рис. 5], будет фланкироваться слишком косо и, чтобы получить хоть какую-то защиту от крепости, должна быть изрядно заострена, — так что я предпочел бы ей тенью. Тенью я дам такое начертание, чтобы ее боковые стороны ради лучшей их обороны суживались в сторону крепости и образовывали прямые углы с линиями контура фигуры — ибо, как мы уже отмечали, крепость всегда должна обеспечивать внешним постройкам фланкирование — и как можно более прямое. Из предлагаемой схемы ясно, что сторона тенью *АВ* перпендикулярна стороне фигуры *CD* и хорошо фланкируется ею, а если возвести демилюну, то ее фланкирование со стороны фаса окажется не в меру косым.

Если бы речь шла о бастионе, то при укреплении [линии] D мы бы перенесли его полугоржу на ту сторону, где расстояния между оборонительными постройками слишком велики; точно так же можно передвинуть и тень — ближе к CD либо FC , смотря какая из сторон в этом нуждается.

Чтобы начертить тень, вы отмечаете то место, где хотели бы задать ее середину E , откладываете с обеих сторон от него по краю контрэскарпа [отрезки] EB и EG в тридцать туазов — но, возможно, длиннее или короче, смотря какую ширину решено дать тени, — и обозначаете их концы пикетами G и B ; затем при помощи веревок, как говорилось выше, строите на линии CD прямой угол, проводите линию BH , отмерив ей пятьдесят туазов длины (либо [опять-таки,] больше или меньше, в зависимости, насколько тень должна выдаваться вперед), и, таким же способом, [линию] GI . Расстояние IH вы разбиваете на части, выбрав одну из тех пропорций, которые мы предлагали для построения теней, определяете длину полугоржи HK и закладываете перпендикулярно фланк KL . То же самое следует сделать и с другой стороны. Наконец, вы намечаете фасы — тянете линию защиты от противоположного фланка до конца фланка L и продлеваете ее, покуда она не пересечет [линию] BH в точке A , — и вот ваша тень начерчена.

Внутри входящих углов обычно закладывают одни лишь демиллюны; но если угол сильно отверст, то может быть укреплен и тенью, у которой, в зависимости от его величины, стороны либо параллельны, либо расходятся по направлению к крепости, как показано на следующей схеме [см. рис. 5].

Тени насыпают и в тех местах, где проходит единственная подъездная дорога. Чтобы оборонять эту дорогу, и используют одну из названных построек. Если дорога очень широка и простой тенью не обойтись, — возводят кронверк, начертание которого нетрудно задать, следуя методу, приведенной нами для теней. Кроме того, постройки обоих этих видов строят на возвышенностях, отстоящих от крепости не слишком далеко: туазов на сто — сто двадцать, самое большее — на сто пятьдесят. Для обороны такой возвышенности воздвигают тень, господствующую над ней, а когда возвышенность достаточно протяженная, то кронверк, дабы занять ее целиком. Однако следует предупредить: если сто-

роны этих построек настолько длинны, что их шпицы отстоят от крепости дальше мушкетного выстрела, посередине обеих нужно заложить фланки *O* и *P* наподобие реданов, в десять или двенадцать туазов, как показано на схеме [см. рис. 5]. Так же поступают и с кронверками, коль скоро они изрядно выдвинуты вперед.

Если же пресловутые постройки насыпаны у края плотины, при входе на мост или еще в каком-нибудь далеко отстоящем от крепости месте, то при таком начертании боковых сторон, о котором мы только что рассказали, они никак не смогут получить фланкирование. Тогда теналь снабжают десяти- или двенадцатитуазовыми фланками *Q* и *R* на концах обеих сторон и, дав этим фланкам косые отступы *T* и *S*, обеспечивают защиту фасов *V* и *X*: но при этом фланки *Q* и *R* должны быть довольно просторными, дабы на них хватило места и для парапета, и для необходимого количества стрелковых позиций.

Тенали возводят так же, как и в регулярных крепостях, — напротив середины куртин, дабы защитить слишком длинные куртины или же дополнительно усилить те, которые имеют должный размер, — а иногда и перед бастионным шпицем. Но если в последних нет особой нужды, а все прочие элементы соразмерны, я предпочел бы тенали, располагающиеся против куртины.

Кронверки служат той же самой задаче, что и при крепости регулярного начертания, — не позволяют противнику занять выгодные для него подступы. Однако, прежде чем начинать строительство кронверка, нужно многое учесть, и один лишь опыт сможет подсказать нам, какие размеры задать всей постройке и ее отдельным частям, где ее заложить и как именно она должна располагаться на местности — то есть куда должна быть обращена [фронтом], чтобы обеспечить наиболее действенную оборону. Еще бывает, постройка уязвима из-за того, что повернута не в ту сторону, но стоит нам немного развернуть ее, — окажется неприступной, ибо получит должествующую защиту с той стороны, где ее фланки открыты с тыла. Правильно сориентировав ее, можно избежать и иных просчетов, поэтому при выборе места следует тщательно подумать о возможных угрозах и упредить их еще до начала работ — ведь когда постройка будет готова, уже ничего не поделаешь, — а приступая к строительству, лучше по несколько

раз осмотреть местность и прикинуть, как можно использовать ее преимущества.

Размеры отдельных частей, а также все прочие величины, относящиеся к возведению внешних построек, — толщина и высота парапетов, валов, банкетов, глубина рва, ширина контрэскарпа — были приведены выше, и мы не станем их повторять.

Кое-кто полагает, будто для губернатора все эти подробности излишни; мое же мнение — что без них никак не обойтись. Губернаторам подчас самим приходится руководить строительством, ибо они нередко отправляют свои обязанности в таких городах, где трудно найти сведущих людей, — а не разбираясь, что к чему, вряд ли поймут, надежна ли крепость, в чем состоят ее недостатки и как можно их устранить. Губернатору, мне кажется, очень важно знать сильные и слабые стороны крепости, которой он обязан своей должностью: тому, кто далек от фортификации, я думаю, не бывать толковым губернатором, точно так же, как человеку, не смыслящему в лошадях, — хорошим наездником.



ГЛАВА XXIV

О ТОМ, КАК НАДЛЕЖИТ ИСПРАВЛЯТЬ НЕДОСТАТКИ КРЕПОСТИ

Представление о том, как избавить крепость от недостатков, можно без труда получить из всего вышесказанного, — однако дело это весьма важное, и, чтобы всяк смог без труда с ним справиться, приведем эти недостатки один за другим согласно тому порядку, в котором они были перечислены в соответствующей главе²²⁸, и предложим для каждого подходящее средство к исправлению.

Первый недостаток, который мы отметили, — расселины, низменности и иные участки, где враги могут найти укрытие: его можно устранить, либо выровняв рельеф местности, что чаще всего весьма затруднительно из-за большой площади работ, например если речь идет о ложбинах или глубоких впадинах, — либо выстроив для обороны этих участков редут²²⁹ или форт. Но хотя к этому последнему средству и прибегают время от времени, мне оно представляется очень опасным: если пресловутый форт невелик, то будет сразу взят и окажется сущей западней, мышеловкой, ибо подмогу ему не пошлешь и всем потребным не обеспечишь, — а при порядочных размерах уподобится цитадели, где, как и в городе, понадобятся гарнизон и губернатор; захваченный же силой или хитростью, способен доставить крепости немало хлопот, а нередко — и вынудить ее к сдаче. Я бы не стал делать ничего такого, но при помощи отдельных построек укрепил ненадежную сторону мощнее прочих и лишил противника преимуществ, на которые тот рассчитывает, атакуя именно ее: ведь и при более ровной местности нельзя помешать ему подобраться

к нашему контрэскарпу на пистолетный выстрел уже в первую или вторую ночь. Даже если противник обложит крепость с той стороны, которая, казалось бы, столь уязвима, и выиграет эти два дня благодаря удобным подступам, я заставляю его потратить не менее двух недель на взятие внешних построек, и потери его окажутся куда большими, нежели преимущества.

Дороги, которые пролегают в низинах, вымоины, а также сараи, дома, изгороди и т.п., то есть любые укрытия, которыми может воспользоваться неприятель, дабы подобраться к контрэскарпу, необходимо сровнять, засыпать, снести или пустить под топор, ибо они представляют опасность и способны сильно нам навредить, — особенно те, что находятся близ крепости и вокруг нее на расстоянии пистолетного выстрела и достигают нашего контрэскарпа; вот почему от них избавляются, заравнивая и оголяя местность.

Что касается господствующих возвышенностей, то на них возводят форт или редут — которые, впрочем, могут представлять [для осажденных] серьезную опасность, как говорилось выше, — либо какую-нибудь отдельную постройку, открытую с тыла, чтобы враг, попав внутрь, не смог использовать ее против крепости: для этой цели как нельзя лучше подойдут тенаи. Иногда в крепости, особенно перед анфилируемыми фасадами, насыпают кавальеры, дабы они со своей высоты прикрывали эти фасады от анфилирования, — либо сооружают из земли, габионов или бочонков, наполненных землей, несколько траверсов на таком расстоянии один от другого, чтобы вдоль фасов можно было безопасно передвигаться. Если какие-нибудь участки [в крепости], а паче того фланки и иные фланкирующие постройки открыты с тыла, следует оградить их задним парпетом — ибо не будь защищены, то, даже фланкируемые, они окажутся под угрозой. Оба парпета, и передний и задний, обязательно должны выдерживать орудейный обстрел, иметь достаточную высоту с той и другой стороны, чтобы за ними можно было укрываться, и пусть между ними, в местах, где положено стоять артиллерии, будет пространство для отката орудий.

При отсутствии контрэскарпа его непременно нужно заложить, изначально определив ему такие размеры, которые мы уже приводили в надлежащем месте²³⁰. Если он анфилируется, в нем

устраивают траверсы, насыпанные из земли или сложенные из габионов.

Когда внешних построек нет совсем, их возводят с соблюдением мер и пропорций, описанных нами выше, и располагают должным образом, задав приемлемую высоту, — а существующие усиливают при необходимости штурмфалами или частоколами, врытыми в тех местах, где уклон слишком пологий. Обязательному укреплению при помощи штурмфалов и частоколов подлежат постройки, обороняющие ворота. По сторонам этих построек, в том случае, если их шпицы далеко вытянуты, как уже говорилось, закладывают фланки. Постройки, которые не фланкируются ни с какой стороны и сами к фланкированию не способны, надлежит переделать. В демилюнах с чересчур тупым углом придется заново закладывать один из фасов. Коль скоро перед названными постройками нет рва или же он слишком мелкий, — его следует выкопать, углубить, а вынутую землю — использовать для починки брешей либо возведения контрэскарпа.

Если крепость не опоясана контрэскарпом, то его, как было сказано, необходимо построить, а те участки гласиса, которые имеют сильные перепады и не могут оставаться открытыми, — поднять, подсыпав на них земли. Откос рва — то есть, [собственно,] контрэскарп, — на который можно без труда взобраться, следует срезать отвесно, оставив лишь подьемы против середины куртины или бастионного шпица (либо в обоих этих местах). Когда этих подьемов нет, их нужно заложить — они понадобятся и кавалерии, и пехоте.

Тесные рвы необходимо расширить и углубить; в осыпающихся, не слишком глубоких или таких, в которых вода едва покрывает дно, — вкопать частоколы²³¹, дабы обезопасить себя от внезапных нападений, особенно в холода, когда установится лед. Случись во рву непросматриваемые и нефланкируемые участки, их следует расширить — пусть все они будут видны как на ладони; земляные горбы — скрыть, а если ров у бастионного шпица изрядно низмен и недостижим для обстрела, — сделать так, чтобы уклон его был пологим и открывался огню с фланка.

На нефланкирующих участках, согласно тому, что было сказано об укреплении иррегулярных крепостей, нужно заложить

фланки и бастионы или же, как мы писали выше, — отдельные постройки, раз уж возведение бастионов невозможно. Равным же образом, когда фланкирующий и фланкируемый участки находятся слишком далеко друг от друга, между ними помещают оборонительное сооружение, примыкающее к главной крепостной ограде, но чаще — отдельную постройку. Коль скоро фланки не способны выдерживать орудийный обстрел, полагается утолстить их [парапеты] до двадцати футов; если фланки короче, чем нужно, — задать им большую длину, хотя это и непросто, поскольку тогда придется изменять и размеры прилегающих фасов. Если за парапетом недостаточно места для отката орудий — сделать площадку фланка попросторнее. Окажись фланки или те постройки, которые их заменяют, излишне высокими, а фланкируемые места — столь низкими, что их, при порядочной толщине парапета, нельзя будет поддерживать огнем с такой высоты, — необходимо понизить фланкирующий участок либо устроить перед ним еще один фланк — в виде фоссебреи, со входами и спусками на нее. Ни в коем случае не следует довольствоваться фланками одного вида, особенно когда те способны вести огонь лишь по прицельной линии²³² или, при чрезмерной своей высоте, простреливать ров из-за парапета разве что на отдельных участках. Слишком высокие фланки, как было сказано, необходимо исправить, либо придав им меньшую высоту, либо заложив другие, новые, пониже. Если фланки нижнего уровня недостаточно прикрыты, неприятельские ядра при обстреле с контрэскарпа или какой-либо возвышенности близ крепости будут попадать им вовнутрь: во избежание этого нужно нарастить парапеты таким образом, чтобы фланки были полностью защищены. Когда фланки перекрыты сводами, то верхний ярус от таковых избавляют, а нижний — засыпают землей, получая только один, но надежный фланк, который ограждают противопушечным парапетом; если вместо двух фланков, возвышающихся один над другим, устраивают единственный, но поданный [в полуторжужу] поглубже, он будет отменно хорош. Вообще, пресловутых сводов следует избегать, ибо они приносят не пользу, но великий вред. Коль скоро существует возможность защитить ваши прямые фланки плечевым выступом, — воспользуйтесь ею и, памятуя о доводах, которые мы приводили,

позаботьтесь об этом выступе при сооружении новых [бастионов]. Выделите на ваших фланках место для артиллерии, а оставшуюся их площадь — отведите под стрелковые позиции и парапет, прикрывающий солдат и орудия. Проверьте, чтобы парапет был из доброй, плотно утрамбованной земли и толщиной не менее двадцати футов, — ведь ему грозят наибольшие разрушения от неприятельских пушек, — а также избавьтесь от кладки, если он ею облицован.

Когда встречается бастион неудовлетворительных качеств — слишком маленький, не в меру большой или с уязвимым фланкируемым углом, то исправить его можно лишь полной перестройкой — то есть скрыть до основания, а материал употребить на возведение нового. Если же вам не с руки или не по карману входить в такие расходы, лучше усилить его спереди внешними постройками, компенсирующими названные недостатки: лучше всего для этой задачи подойдут тенали или кронверки, ибо демилюны, как мы уже указывали, имеет смысл закладывать разве что для обороны изрядно тупых углов.

Не в меру протяженную куртину, если позволяет ее длина, усиливают в середине бастионом либо прикрывают демилюной; при желании можно заложить и теналь таких размеров, чтобы она восполняла названный изъян.

Ворота, более прочих подверженные внезапным нападениям, замуровывают во время осады²³³, так что они бывают защищены против неприятельского натиска не хуже всей остальной крепости. Те, которые проделаны в бастионном фасе или, что еще хуже, — во фланках, нужно обязательно перенести на куртину, желательно в центр, а перед ними для прикрытия — непременно заложить демилюну. Перед входом в демилюну должен быть частокол, за ним — застава²³⁴, далее — глухой мост²³⁵, в конце него — подъемный²³⁶, и лишь потом — ворота. В начале глухого моста, ведущего в город, неплохо устроить еще один подъемный, посередине — бакуль²³⁷, на другом конце — снова подъемный мост, за которым, чуть дальше, должны находиться [внешние] ворота города. В конце воротного проема, то есть перекрытого сводом прохода в толще вала, полагаются другие ворота, а за ними — герса или же, что предпочтительней, — опускные бруссы. Между

обоими воротами можно укрепить две толстые цепи, а изнутри, со стороны города, — врыть крепкий частокол, огораживающий кордегардию. Сгодятся и фризские кобылы²³⁸, подвешенные на веревках или держащиеся на петлях. Если под рукой нет ничего из перечисленных приспособлений, ворота укрепляют при помощи всего, что для этого подойдет. Заграждения ни в коем случае не выстраивают в один ряд, — напротив, сдвигают их с прямой линии подальше, насколько позволяет место; где необходимо — закладывают кордегардии.

Бреши в одежде вала надлежит заделать, пробитые слишком низко — укрепить подпорными стенками, а если этого сделать нельзя — врыть у их подножия крепкий частокол, а на осыпи — штурмфал. Точно так же поступают и в тех крепостях, где вал сложен из одной лишь земли, без одежды — бреши ограждают частоколами и штурмфалами, а когда земля на склонах оползла, ее подсыпают снова и покрывают свежим дерном.

Всю вашу крепость должен опоясывать земляной парапет такой толщины, чтобы он выдерживал артиллерийский обстрел. Парапет — один из важнейших элементов фортификации, и, коль скоро он отсутствует, его нужно построить. Если он облицован кладкой — ее разбирают, ибо она приносит большой вред, а на строительство употребляют одну лишь землю. Валу положено быть толщиной по меньшей мере в четыре или шесть туазов, дабы за парапетом на нем еще оставалось место для отката орудий и передвижения солдат во время обороны. Когда вала нет, его насыпают из земли, оставшейся после рытья рва. Я никогда не советую брать землю со стороны города, поскольку она должна сохраняться для возведения новых построек и ретраншементов. Когда у вас не хватает земли для оборонительных сооружений, то, даже имея в избытке людские силы и провиант, вы будете вынуждены сдать-ся: о том довольно свидетельствует пример крепостей, которые выдерживали осаду лишь до тех пор, пока располагали землей.

Наконец вам положено позаботиться о достаточном числе потайных ходов для совершения вылазок и сообщения с внешними постройками. Не будь этих ходов, их проделывают, ибо они непременно понадобятся. Самое подходящее место — за фланковым выступом, если таковой имеется, или же на конце куртины

рядом с фланком: оттуда удобней выходить к нижнему фланку, фоссебрее, кофрам и иным постройкам, служащим для обороны рва, — лично я расположил бы потайные ходы именно там, а не в середине куртины, как поступают многие.

Дома, стоящие вплотную к валу, необходимо снести или, по меньшей мере, заколотить у них все двери и окна, благодаря которым горожане могут пробираться на вал или наблюдать, что на нем происходит; для обороны его анфилируемых участков, как говорилось выше, вы используете кавальеры и траверсы.

Для защиты устья реки устраивают эстакаду²³⁹, то есть двух- или трехрядное заграждение из кольев, вбитых с небольшими промежутками таким образом, чтобы ряды не стояли друг против друга, а в центре ее оставляют проход для судов, запираемый крепкими цепями. Будь река порядочной ширины, я бы поставил посреди нее большое судно и по ночам отряжал на него караул, а на нос судна — часового, в дневное же время посылал бы караульных в кордегардию на берегу, дабы те досматривали [входящие] корабли. Иногда реку перегораживают цепями, укрепленными между двух судов, а ту, что поуже, — мачтовым деревом²⁴⁰, которое утыкано железными остриями.

Горловины стоков перекрывают несколькими железными решетками, и зарешеченные места должны просматриваться часовыми. Если решетки проржавели, их следует заменить на новые; когда они ненадежны, — позаботиться о более крепких. В приморских крепостях необходим форт, который возводят на каком-нибудь рифе при входе в гавань, чтобы оборонять и прикрывать ее. Если такого форта нет, то вход нужно замкнуть цепями. К названному виду заграждений прибегают крайне редко, порты, в которых они используются, — немногочисленны, однако защищены гораздо лучше. На крайний случай при входе в гавань должны возвышаться массивные башни или насыпанные из земли кавальеры с пушками. Еще неплохо, когда пушки, обороняющие вход, защищены парапетами и спереди, и с тыла. Мое же мнение таково, что в приморских крепостях всенепременно должны быть цитадели, особенно когда войти в гавань и высадиться в ней можно без труда. При благоприятной погоде море, как известно, позволяет преодолеть большие расстояния за короткое время,

и враг способен даже атаковать вас прежде, чем вы узнаете о его приготовлениях и приближении, — что уж говорить о перевозке солдат, оружия, боеприпасов и осадных машин! Равным образом эти цитадели необходимы в крепостях, чья гавань чрезмерно разверста, и ее невозможно перегородить, дабы помешать врагу приблизиться и начать вторжение. Когда же при входе в гавань и в сам город нет ни отдельных оборонительных построек, ни ограды, я бы укрепил город напротив гавани точно так же, как и весь остальной контур, либо возвел цитадель, — но то и другое вместе было бы лучшим решением.

В тех крепостях, что расположены среди топей и болот, бесспорно, нужно заложить недостающие фланки и врыть кругом частокол, дабы обезопасить себя от внезапных нападений, особенно зимой, — однако более основательно мы затронем сей предмет не раньше, чем зайдет рассказ о том, как отражать означенные нападения.

До сих пор мы вели речь лишь о военных приготовлениях и ничего не сказали о том, как должен действовать губернатор, после того как уже подготовил и привел в порядок все необходимое, от провианта с боеприпасами до крепостных построек, — обратимся же теперь к следующим главам и поговорим о людях и обороне.



ГЛАВА XXV

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТПРАВЛЕНИЯ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ГОРОДАХ

Губернаторские обязанности могут различаться, смотря по тому, велик город или мал, расположен ли у самой границы или в глубине страны, возле моря или в отдалении от него, — однако я не стану касаться всех названных различий, ничуть не меняющих принципы управления, а рассмотрю власть губернатора в отношении к тем людям, которыми он руководит, и к военным качествам крепости, где бы та ни находилась.

Власть губернатора распространяется в целом и на солдат, и на горожан. С солдатами управляться проще: если те чем и разнятся, так это нацией. Тем не менее отличие сие исключительно важно: чтобы командовать солдатами той или иной нации, полагается знать, каковы их нрав и наклонности.

Горожане — иное дело. Одни — урожденные подданные [своего] государя, живут в больших городах, где нет ни форта, ни цитадели, подчас сами держат оборону, обходясь без гарнизона и трат на солдатское жалованье; а иногда располагают и цитаделью, — либо сам город у них походит на цитадель и именуется военной крепостью. Другие, жители покоренных городов, — все равно что враги; подобно предыдущим, они могут иметь или не иметь цитадели, — но сильный гарнизон у них окажется всенепременно. Следовательно, губернатору надлежит усвоить, как вести себя среди тех людей, которые ему попадутся, чтобы и самому не пострадать, и крепость уберечь, — ведь порядки, заведенные в одной крепости, отличны от тех, по которым живет другая, и если он намерен расположить к себе население, то разбираться в этих

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

порядках обязан. Хотя это вполне очевидно, но все же нам нередко встречаются особы, допускающие в своем поведении серьезные промахи. Обязанность эта, которой не научат никакие затверженные правила, думается мне, — одна из самых трудных для губернатора: ему нужно быть разным — иногда взыскательным и суровым, иногда — снисходительным и добродушным, держаться то бесстрастно, то непринужденно, отпускать и сдерживать в той или иной мере свои чувства — и даже переменять их в зависимости от своих замыслов, положения дел и прочих обстоятельств. Мы поговорим обо всем этом лишь в общих чертах, однако всяк волен совершенствовать свою натуру и далее — представился бы случай.



ГЛАВА XXVI

О ТОМ, КАК НАДЛЕЖИТ КОМАНДОВАТЬ СОЛДАТАМИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ НАЦИИ

Помимо наших соотечественников французов мы принимаем на службу в гарнизоны представителей еще трех наций, с которыми поддерживаем сношения: это немцы (под которыми я подразумеваю также швейцарцев, фламандцев²⁴¹, голландцев и англичан), итальянцы и испанцы. Опишем же характер и наклонности каждой из них применительно к военному делу и военным порядкам и расскажем, как губернатору надлежит с ними обращаться.

Швейцарцы сильно отличаются от немцев, хотя и говорят почти на том же самом языке. Люди эти грубоваты, нерасторопны в делах, от своего запросто не отступятся — следовательно, их мудрено переубедить и склонить к иному мнению. Они любят побаловать себя, особенно едой и выпивкой; трудно свыкаются с неожиданными тяготами; хотят получить ровно то, что им обещано; добросовестно держат собственные обещания; никогда не пренебрегают своим долгом и обязанностями, строго соблюдают порядок, весьма старательны в том, за что взялись; терпеливо сносят каждодневную усталость, которую почитают неизбежной. Они быстро отыскивают все, могущее понадобиться им для еды и ночлега, изобретательны в ремесле, повинуются своим начальникам, честны, бесхитростны, не питают ни к кому ни любви, ни ненависти, но стоят за тех, кто им больше даст, — до других им дела нет. По ним так лучше обороняться, чем атаковать, а в крепости — скорее давать отпор внезапным нападениям, нежели держать осаду. Они не слишком храбры и не столь

уж решительны, однако в обиде — горячи и ратуют за порядок и справедливость. Швейцарцам нужно, чтобы губернатор в точности и без упущений предписывал им все, что надлежит делать, но сперва объяснил, в чем заключается их долг, а также обеспечил всем обещанным. Интересами этих людей пренебрегать нельзя, потому что швейцарцы до крайности корыстолюбивы и не считают себя обязанными повиноваться, когда им забывают заплатить. Они требуют полного расчета и, пока не получают того, что им причитается, слушать вас не станут. Сетовать перед ними на тяжелое время или нужду — без толку, они все равно повернут на свое и поскольку неотесанны по натуре, то не смогут или не пожелают больше вникать в ваши доводы и от первоначальных требований не отступятся. Точь-в-точь исполняя все, на что подписались, они убеждены, что нет таких обстоятельств, которые бы извинили задолженность, и, равно, представить себе не могут, что по какой бы то ни было причине останутся без удовлетворения. Поэтому для швейцарцев всегда следует держать наготове монету, ни в коем случае не полагаться на их брата в каком-либо рискованном предприятии и не доводить их в крепости до нужды: они нипочем не станут терпеть лишения, ибо по натуре к тому не расположены, и пекутся лишь о собственном кармане. Я считаю, что в мирное время они очень подойдут для охраны крепости, а в военное — для попечения об орудиях; ничего иного губернатор поручать им не должен. Ему не стоит делать им взыскания или грубо отчитывать, — однако терпимостью и обхождением он также вряд ли многого добьется. Управлять этими людьми он сможет без труда — пусть только с самого начала объяснит им, чего от них хочет, ибо, упустив что-нибудь из виду, изменив какое-либо предписание или привычный им уклад, вряд ли добьется нужного результата, — и обеспечит всем обещанным, дабы они не вышли из повиновения.

Немцы были некогда людьми порядочными, честными, более воинственными и толковыми, нежели швейцарцы, которым по естеству близки, — но теперь (во всяком случае, у нас во Франции) переменились до такой степени, что мы не находим в них и тени прежних достоинств. Они исполнены пороков и злых намерений: воровство и грабежи для немцев — каждодневное занятие,

поджоги — потеха, насилие и глумление над женщинами — игрище, умерщвление несчастных селян — привычное дело. Когда они сильнее, то с друзьями обходятся не лучше, чем с недругами: одним словом, оказаться возле лагеря немцев — все равно что подойти к неприятельским позициям. Сомневаюсь, чтобы людям, принявшим за обычай такую неистовую разнузданность, позволительно было служить в крепости, — этак недолго довести до разложения и весь гарнизон. Поэтому я не советую губернатору принимать к себе каких бы то ни было выходцев из этой шайки, если те не вернутся к своему прежнему поведению: они гораздо лишь бесчинствовать да сеять смуту среди остальных, а ничтожная польза, приносимая ими на службе, не идет ни в какое сравнение с тем неслыханным ущербом, который терпит от них страна. Не стану распространяться о том, как надлежит управлять немцами и людьми подобных же качеств, — скажу одно: таких к крепости и близко подпускать нельзя.

Среди тех, кто поступает в военную службу за пределами своей страны, мы почти не встречаем ни голландцев, ни фламандцев, если только речь не идет о службе на море. Те, впрочем, близки по характеру швейцарцам, — разве что недолгобливают иноземцев, в особенности нас. Поэтому, окажись они в крепости, за ними надлежит надзирать. Они очень недоверчивы, да и нрав у них довольно дурной. Обходиться с ними стоит строже, чем со швейцарцами, ибо, в отличие от швейцарцев, они не слишком добросовестны.

Англичан на французской военной службе почти нет, чаще они предаются Голландии. Это люди надменные, ненавидящие нас, наделенные дурным характером, изворотливые, непокорные и менее, чем все прочие, страшющиеся наказания. С ними следует держаться сурово, карать за любой проступок и никогда не набирать гарнизон только из них одних. Когда англичане преизрядны числом, их необходимо разобщить, не доверять ни в каких важных делах, следить, как они себя ведут, и ни в коем случае не выдавать им жалованье вперед, ибо при малейшем поводе они покинут вас, и еще скорей — когда вы сполна с ними рассчитаетесь.

Итальянцы — некогда пример доблести, мужества и военной организации — сильно подрастеряли свои славу и величие,

однако многое в себе сохранили и не выродились окончательно. Если бы власть Римской империи²⁴² длилась доныне, думаю, их дисциплина и достоинства остались бы прежними. Еще они умны, находчивы, обладают склонностью как к добру, так и ко злу, смотря к чему обратятся, — и способны к военному ремеслу не хуже представителей других наций. Не наделенные отчаянной храбростью, как французы, они, тем не менее, обладают иными качествами, которые ее возмещают. Они довольно удалы, хотя отнюдь не бесстрашны, и удалство это, как и прочие присущие им качества, неотделимо от благоразумия: когда итальянцы сталкиваются с опасностью, то вначале прикидывают, как бы ее избежать. Держатся они учтиво; знают толк в еде, беседе и обхождении; когда в чем-либо явится нужда — мирятся с ней; очень выносливы, работают более-менее достойно, хозяйственны и, можно считать, не воруют и не учиняют поджогов. Их пороки скорей — проявления сластолюбия. Итальянцы чрезвычайно мстительны и, пока не подвернется случай свершить месть, ничем не выдают своего гнева. Губернатор волен отряжать их на службу, куда пожелает, но должен предложить им приличные условия, а поскольку итальянцев нетрудно уговорить, если взяться за это с умом, — сумеет подвинуть их на что угодно. Когда начальники допускают промах, итальянцы тотчас подмечают его и оборачивают к своей пользе, поэтому надлежит следить за тем, что делаешь, и вести себя по справедливости и с достоинством. От этих людей можно добиться куда больше, если воззвать к их чести и великодушию, посулить награду или продвижение по службе, а не стращать наказанием. Они довольно послушны, и коль скоро губернатор подвергнет легкой каре первого, кого уличит в провинности и отчитает его при всех, то даст острастку и остальным. Излишняя строгость с ними не нужна: они и сами понимают, в чем заключается их долг и за какие проступки грозит взыскание. Они бережливы, умеренны и если губернатор расположит их к себе добротой и уговорами, то терпеливо снесут любые лишения. Короче говоря, под командованием человека мудрого и отважного итальянцы соглашались и для полевой и для гарнизонной службы: в том убеждает нас пример Фландрии, которую они защищают²⁴³. Благодаря итальянским армиям император сумел поправить свои дела

и спасся от близкого поражения²⁴⁴. Из Италии вышло и выйдет еще немало великих полководцев²⁴⁵. Подходящ и темперамент итальянцев — они далеки от безрассудной храбрости, настолько же осторожны, насколько исполнительны и берегут себя в бою. Губернатор будет доволен, если заполучит к себе солдат этой нации, не говоря уж о том, что они подадут благой пример другим. Избегать надлежит лишь брессанцев²⁴⁶, потому что те по натуре вероломны.

Не стану умалчивать ни о чем, что надлежит поставить в заслугу испанцам, хотя они нам и враги²⁴⁷, — и да позволят они вместе с тем описать также их недостатки — наряду с недостатками, присущими другим народам, в том числе и моему собственному. Испанцы преданы своему государю и держат слово даже по отношению друг к другу. Они очень стойко переносят лишения — в чем я не вижу ничего удивительного, ибо в их краях немногие пробавляются лучше, нежели на армейской службе. В обороне они превосходны, нипочем не отступятся от дела, требующего терпения, усердны в военной подготовке. Между ними велико взаимное уважение, еще более почитают они своих начальников, а приказам подчиняются слепо. Испанцы до такой степени неприязнательны и экономны, что в иных местах прослыли бы скрягами и крохоборами. Они осторожны и осмотрительны, подчас выказывают больше удали, чем можно было бы ожидать, однако удаль эта отдает скорее трусостью, нежели бесстрашием, и сподвигнуть их на опасное предприятие не так-то просто. Честь, которую испанцы ставят очень высоко, смешана у них с изрядной долей тщеславия: если они идут на риск, то лишь ради награды или из бахвальства. Почувствовав свою силу, становятся несносными и там, куда пробрались под видом агнцев, всегда оборачиваются волками; исполненные жадности, тащат все, что могут унести, и если не грабят на дорогах, то обокрасть тайком действительно способны. Губернатору, в чьем гарнизоне они служат — хотя сейчас во Франции нет ни одного такого гарнизона, — лучше им не доверять, напротив, — держаться мнения, что они постоянно настроены против нас. Он волен обходиться с ними как пожелает, ибо они приноравливаются к любому порядку командования, но ни в коем случае не должен полагаться на них в рискованных

предприятиях, ибо успеха не видать, и если все же намерен поручить им опасное дело, то пусть воздаст им похвалу или как-нибудь польстит — на это они падки. Испанцы избегают лишений, если и терпят таковые, то через силу и долго вынашивают свою месть — поэтому человек, оскорбивший кого-нибудь из них, должен знать, что, в случае чего, прощения не дождется. В заключение скажу, что не посоветовал бы брать кого-нибудь из них к себе на службу, ибо нам доподлинно известно: они наши враги и всегда ими останутся.

Настал черед поговорить и о французах, и, хотя меня больше занимает, каковы они числом, я опишу их характер, не отклоняясь от выбранного правила — говорить лишь о том, что касается военного ремесла и дел, на которые губернатору, радеющему о надлежащем отправлении своих обязанностей, пристало обращать особое внимание. Чтобы мне поверили иностранцы, начну с недостатков — таким образом, в моей правдивости не усомнятся и когда речь пойдет о достоинствах. Было бы ошибкой скрывать то, о чем насышан весь свет и о чем твердят историки: французы нетерпеливы, непостоянны, неверны, строптивы, безрассудны, дерзки, легко вспыхивают, но быстро остывают, вначале — мужи из мужей, а под конец — хуже женщины. Мы не слишком приспособлены к тяжелому труду, плохо переносим превратности погоды, голод, жажду, не можем долго настаивать на своем. Добавлю еще, что наши военачальники и генералы норовят сражаться плечом к плечу с солдатами, в то время как иные особы, далекие от армии, домогаются генеральских полномочий, — а о делах мы начинаем справляться, когда они уже наполовину сделаны, и зачастую не так, как нужно. Но раз уж мы честно исповедуемся в этих грехах, нельзя не признать, что все они происходят от благородного пламенного темперамента, превращающего нас в людей азартных, неистовых и неизменно деятельных. Если французов не обратить против врага, они начнут ссориться и затевать распри между собой. Они непостоянны из-за тяги к новизне и высоким свершениям; нетерпеливы — потому что почитают трусостью или слабостью не исполнить того, что задумали; неверны — лишь когда служат врагам, своего же государя или губернатора не предадут никогда. Им и впрямь трудно терпеть

лишения, так как в своих краях они привыкли жить в достатке, но если их приучить, то в выносливости они не уступят никому на свете. Виною тому, что даже их командиры и генералы рискуют собой, как простые солдаты, — удаль, бьющая через край; когда в дела армии вовлечены люди невоенные, — это говорит о незаурядном уме этих людей и о вольных обычаях нашей страны, — ну а если французы не просят советов, то единственно потому, что не думают ни о трудностях, ни о невозможности их преодолеть. В остальном же — коль скоро мы говорим исключительно о войне — никто не сможет отрицать, что французы исполнены чести и истинного мужества и что лишь они одни так бесшабашно, не думая об опасности, рискуют собой. Все остальные берегутся и если уж идут на риск, то считают, будто оказывают великую услугу и свершают что-либо невероятное. Французы же, напротив, бросаются вперед очертя голову, ибо убеждены, что иначе подвергнутся насмешкам и будут недостойны носить оружие — для них это естественно, так что от бахвальства они далеки. Другие куда расчетливей, да и в хитростях смыслят побольше, — наши же ломают напрямик, забыв обо всем. Но, пожалуй, я затянул рассказ о тех качествах, которые и без того известны каждому, присовокуплю лишь, что французы изначально не желают терпеть строгости командования и им нельзя прощать никакой оплошности, пока они не научатся блюсти дисциплину. Их нужно держать в страхе и повиновении и не позволять в чем бы то ни было ни малейшей поблажки — иначе они, право слово, вмиг распустятся и сами позволят себе что захотят. Губернатору следует обходиться с ними жестко и показывать свою власть. Давать слабинку не стоит, но любое свое обещание он должен держать неукоснительно — ибо если чем пренебрежет, то они пренебрегут стократно: пусть же следит за тем, как они служат, и, требуя от солдат исполнения долга, сам подает в том пример. Когда губернатор поступает так, остальные офицеры волей-неволей начнут ему подражать, да и солдатам придется делать то же, что их командирам. Хорошо, когда он временами обращается к солдатам с речью или же беседует с ними, — но не слишком часто и без панибратства, дабы они не утратили почтения и, употребляя сей обычай во зло, не пожелали разговаривать с губернатором будто с ровней или

приятелем, когда бы ни явилась охота: лучше приберечь теплые слова до подходящего случая. Мне не доводилось видеть никого, кто пользовался бы этим средством с большей выгодой и был бы в нем искуснее, нежели герцог Карл-Эммануил Савойский²⁴⁸. Накануне сражения он сам обходил свои войска ряд за рядом, называл по именам тех, с кем был знаком, отличившихся в прошлых боях — ставил в пример остальным, одних похлопывал по плечу, других — обнимал как ровню, обещал награды и чины — и действительно награждал после боя перед всей армией. Иногда, повстречав отряд солдат, он заводил разговор с теми из них, кого знал, и бросал им мимоходом по пистолю²⁴⁹. Он никогда не ронял своего княжеского величия, но был настолько милостив и так умел расположить к себе, что солдаты готовы были пойти за ним и в огонь и в воду. Точно так же можно поладить и с французами — не умеряя своей строгости, держаться с ними по-дружески и помнить об их заслугах. А поскольку французы горды, то те из них, кто еще не снискал заслуг, будет стремиться догнать своих товарищей и быть с ними наравне. Я привел этот пример, ибо он может оказаться весьма полезным, подводя же итог, скажу: чтобы командовать французами, нужно быть взыскательным, следить за исполнением своих приказов, не давая спуску провинившимся, и самому никогда и ни в чем не отступать от дисциплины, а кроме того, выказывать им при случае свое расположение, взывать к их чести, а после боя — отличать наградами.

Приводя ниже рассказ о нравах выходцев из некоторых других стран, прошу у читателей прощения: во Франции, не поддерживающей никаких связей со склавонами²⁵⁰, греками и турками, он излишен и послужит разве что развлечением для любопытных. Однако, пожив среди названных людей²⁵¹, узнав их характер, обычаи и усвоив язык, я [все же] упомяну о них в нескольких словах.

Склавоны — или, как они говорят, славяне, что означает «славные», — иначе именуемые далматинцами, а в древности известные как илирийцы, населяют несколько провинций, в том числе и Хорватию, по которой они, служа в армиях наших врагов, получили прозвание хорватов. Это народ очень дикий, грубый, не почитающий Бога и почти неуправляемый (я имею в виду селян, ибо в городах порядок довольно строг). Живут они в великой

умеренности, скорее даже в нужде: обычная их пища — рис, молочные продукты, вода и, когда случается, вино. Кусок жареной баранины для них — праздник, лучшая постель — охалка листьев. Рубах они не носят (а их женщины — лишь до пояса), ночуют на пастбище, со стадами, которые охраняют, весьма закалены в труде — на суше и на море, верхом и пешими. К врагам — люты, а когда выпьют лишнего на своих гульбищах, которые называют кермеш²⁵², то, поссорившись, дерутся на топорах-брадвах²⁵³, бросая их с десяти шагов с большой меткостью, или палят друг по другу в упор из аркебуз. Большие воры, соседям не доверяют, отличаются изрядной подозрительностью и мало на что соглашались, ибо, кроме того, что вбили себе в голову, ничего не желают слушать. Среди них трудно вкоренить дисциплину, отличную от той, к которой они привыкли. Они вполне подходят для армейских трудов, поскольку, как и их лошади, не ведают усталости ни днем ни ночью, хорошо переносят голод и жажду, довольствуются малым и, родившиеся в нужде, никогда не ропшут на тяготы; в бою — отчаянны, атакуют издалека, скача во весь опор, а затем рассеиваются и соединяются снова. Своих лошадей, худых и быстрых, они заставляют высоко держать голову, ибо в сражении, пригибаясь, используют ее как щит. Если дрогнуть перед ними, они бросаются в погоню и истребляют всех без пощады. Пешим им грош цена, зато на море они довольно умелы — и как гребцы, и как воины. Тот, кто решил взять этих людей себе на службу, пусть позволит им жить своим укладом и отряжает лишь для того, чтобы предпринимать набеги, опустошать округу, изматывать неприятельскую армию — или же, получив перевес в бою, довершить ее разгром.

У греков от былой доблести не осталось и следа — подавленные тиранией турок, покоривших всю их страну, они наделены разве что хитростью да пороками, которые в себе лелеют. Люди эти охочи до наслаждений, чуждаются труда, очень непостоянны, подозрительны, плутоваты, не держат ни обещаний, ни клятв. Большие лстецы: тому, от кого надеются что-либо получить, всячески угождают. Чтобы в них не обмануться, лучше им не доверять. Греки отнюдь не смельчаки и, будь даже вооружены до зубов, не отважатся напасть на человека, который решительно

обнажит против них шпагу. В армиях они легко свыкаются с чужими порядками, подчиняются любым уставам и дисциплине, какие бы им ни дали, довольно точны в исполнении приказов, с готовностью повинуются и уважают командиров. Когда предстоит битва, они весьма ловко изображают храбрецов и, если соберутся скопом, могут даже перебороть свою истинную сущность. Довольствуются малым, едят все, что предложат: говорят, если на пустынный остров попадут грек и осел, то осла голод доконает раньше, потому что грек не погнушается ничем — ни корнями, ни рыбой в чешуе; и все же, когда выпадает случай, эти люди любят хорошо поесть. Они могут служить также и в гарнизоне, ибо без труда приспосабливаются к любым условиям и в конце концов становятся такими же, как и все остальные.

Турки, которые походят на склавонов и греков, ибо населяют близлежащие к ним провинции, — народ дикий, отсталый и грубый, на взгляд иностранцев — варвары. Их легко подкупить, и нет нации более продажной: ради денег они выдадут головой и начальников, и кровную родню. Страшаты турки лишь наказаний, а точнее говоря, пыток, причиняющих виновным жестокие страдания. Друг другу они никогда не доверяют, питаются не лучше склавонов, в армии довольствуются рисом или мукой, а особым лакомством почитают соленое мясо, которое поедают в течение долгого времени, никак иначе не приготавливая. Вино им не позволено, но, если его удастся добыть, они напиваются. Они довольно горячи, хотя храбростью не отличаются, вступают в бой лишь крупными силами и с численным превосходством, более сноровисты и сильны на коне, нежели в пешем строю. Я видел, какие фокусы они проделывают в седле — никогда не пригибаются, когда мчатся во весь опор, подбрасывают перед собой копья и успевают поймать их на лету; подхватывают с земли упавшие стрелы, перепрыгивают на скаку с лошади на лошадь. Ни лишений, ни труда турки не боятся, ибо с рождения только к ним и привычны, а войну предпочитают миру, ибо край их очень беден и все, что в нем есть, потребляют только сандажаки²⁵⁴, то есть губернаторы, да янычары²⁵⁵.



ГЛАВА XXVII

О ТОМ, ПОЧЕМУ В КРЕПОСТИ НЕЛЬЗЯ ПРИНИМАТЬ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

В этой главе я дам наставление, для губернатора необходимое и подлежащее строгому соблюдению: никогда, а тем паче во время войны не брать в свой гарнизон ни солдата, ни офицера, которые переметнулись с чужой стороны либо принадлежат к нации неприятеля. Если они хотят служить [нам] — пусть идут в армию, а не в крепость. Таких людей всегда следует опасаться: ведь если они и не имеют злых намерений, то могут замыслить их в дальнейшем — разве узнаешь, у кого что на уме? Вряд ли кто изменит одним просто потому, что другие ему нравятся больше, — отнюдь, так поступают либо из-за какой-нибудь обиды, либо в надежде на лучшую долю, и, следовательно, если перебежчик, не получив желаемого на новом месте, разочаруется и вернется восвояси, то способен, если захочет, причинить немало вреда. Кроме того, держать на службе людей, которые считают себя обязанными постоянно угождать и сносить недоверие, довольно противно. Коль скоро они и впрямь перешли на нашу сторону из благих побуждений, им лучше служить в иных местах — там, где от шпионов и изменников меньше урона. Что же касается тех, кто по национальности суть наши враги, то принимать их у себя — значит накликать беду, ибо, какова бы ни была причина, побудившая их переметнуться к нам, она никогда не возобладает над привязанностью к родному народу. Порывы и буйные страсти — дело случая, они преходящи; любовь же

к отечеству заложена в самом существе человека, и ей не исчезнуть без следа. И как бы ни бушевало в нас негодование на свою страну, истребить память о нашем происхождении ему не дано. Нет никого, кто, оставив в родном краю свое имущество, дом, семью, родственников, позабыл бы о них и хоть иногда не помышлял о возвращении. Если перебежчик стремится навредить своим из мести и те понимают, что он может принести им пользу, а противнику ущерб, то всякий раз, пожелай они ему потрафить, он будет рад предаться им снова. Пусть даже причина, подтолкнувшая его к измене, кажется нам весьма серьезной, — но кто знает, не лжет ли он? Лазутчик, намеренный довести свое дело до конца — если у него хватит на это духу, — обставляет свою мнимую измену так, чтобы враги поверили, будто бегство — единственная его надежда: когда Зопир²⁵⁶, как мы читаем в «Истории» [Геродота]²⁵⁷, отрезал себе уши и изуродовал лицо, кто хоть на мгновение усомнился в причинах, вынудивших его к предательству? И скажи мы в оправдание своей непоправимой ошибки, которая нанесла урон целому государству, что поверили перебежчику, — кары нам точно не избежать: о бдительности нельзя забывать ни в коем случае. Однако вовсе пренебрегать людьми, переходящими со стороны врага, не стоит — лучше держаться с ними середины: вначале оказать хороший прием, утешить в обидах, посулить лучшую долю, нежели их прежняя, и, обнадеев таким обхождением, завести разговор о том, что может оказаться нам полезным, и выведать по возможности больше. Губернатор, пока они находятся у него, не должен показывать им крепость, а общение позволять только с теми, кому доверяет. В дальнейшем я не стал бы держать их в приграничной или [стратегически] важной крепости, а отправил куда-нибудь в глубь страны. Когда они предлагают выгодное [военное] предприятие, то, прежде чем поддаться на их уговоры, нужно трезво обдумать, осуществимо ли оно: ведь даже если взять этих людей в заложники, угрожая лишить жизни, то их смерть не восполнит ваших потерь; иные же перебежчики нарочно измышляют обманные планы, надеясь улизнуть. Доверять предателю, а равно и всякому, кто перешел с другой стороны, — крайне опасно, и пусть пример тех, кто за это поплатился, сделает нас мудрее.



ГЛАВА XXVIII

О ВЫПЛАТЕ ЖАЛОВАНИЯ СОЛДАТАМ

Когда солдаты, несущие службу внутри страны, получают достойное жалованье, государю от этого только польза — таково мое мнение. Дурной обычай — позволить им пробавляться самочинно или же обречь на прозябание: урон, который они нанесут государству за один лишь день, куда существенней, нежели сумма их содержания в течение многих месяцев. Кроме того, предоставленные сами себе, они теряют почтение к своим начальникам, отказываются им повиноваться, всячески попирают порядок и дисциплину и в конце концов впадают в такое же плачевное состояние, как и те, кого они разорили. Лучше было бы, наверное, сократить выплаты армиям, стоящим в иных государствах, а не экономить на внутренних войсках: ведь деньги, которые король дает солдату, переключиваются затем к крестьянину и горожанину, а от них — [опять-таки] к королю [в виде налогов], стало быть, находятся в постоянном круговращении и спасают страну от оскудения и беспорядков, тогда как из-за границы ни монетки не вернешь. Мне хорошо известно, о чем твердят военачальники, руководящие заграничными походами: наилучшее обеспечение якобы пристало именно их войскам, ибо в чужой стране и тягот побольше, — однако, касаясь этого предмета, я ставлю во главу угла благо государства, а не частные интересы. Не стану более распространяться на сей счет, ибо рискую впасть в долгие рассуждения, которые хотелось бы опустить. Солдатам гарнизона можно не заплатить, — но прозябать в нужде их не заставишь: не пройдет и нескольких дней, как они опустошат все, до чего доберутся. Лучше сдать гарнизон и саму крепость

противнику, чем оставить солдат без жалованья: те не станут сидеть на хлебе и воде и если не найдут, что украсть, то пустятся в бега либо начнут обирать горожан. Поэтому следует обеспечить гарнизоны по крайней мере всем необходимым для жизни и пропитания.

Сейчас я расскажу, как нужно выплачивать жалованье. Думаю, что порядок, при котором губернатор, получив деньги, распределяет их среди капитанов, а капитаны — среди солдат, наиболее приемлем по ряду причин. Прежде всего, одному лишь губернатору доподлинно известна строевая численность солдат, — и кто, как не губернатор, сильнее заинтересован в надежном и боеспособном гарнизоне? Кроме того, солдаты, кажется, обнаруживают больше признательности и преданности тем начальникам, от которых получают жалованье, и считают, что имеют перед ними обязательства; стало быть, и у капитанов, через которых губернатор передает деньги, появляется еще одно средство держать солдат в повиновении. Наконец, и губернатору, и капитанам пристало радеть об экономии среди солдат, особенно французов, которые вовсе не заботятся о завтрашнем дне и, чаще всего, забрав свои смотровые²⁵⁸, проигрывают или проедают их в тот же день без мысли о том, чем будут жить и во что одеваться до конца месяца, — поэтому командиры, подтвердив перед солдатами, что получили причитающееся им жалованье, могли бы вести их счет и ссужать деньгами понедельно, дважды в неделю или каждый день, выдавая столько, сколько потребуется на прожитие, а по истечении месяца подводили итог расходов и на оставшуюся сумму покупали бы им платье, башмаки, белье и прочее, в чем явится необходимость.

Если бы этот порядок соблюдался по справедливости, лучшего и желать было бы нельзя. Но поскольку губернаторы и капитаны не могут устоять, чтобы не покуситься на солдатское жалованье, то держат вместо полного гарнизона лишь половину или треть и, невзирая на всю дотошность казначеев, комиссаров, контролеров и прочих чиновников, как штатных, так и нарочных, постоянно присваивают большую часть денег, — и доныне еще никто не поборол обычай показывать вместо настоящих солдат пасволантов или же ставить в строй тех, кто служит на половинном окладе²⁵⁹.

Подмывает спросить у алхимиков, отделяющих золото от соли, серы и ртути, — не открыта ли, часом, такая смола, благодаря которой оно пристаёт к пальцам всякого, кто за него ни возьмётся, — ибо редкий человек, распоряжаясь деньгами бесконтрольно, не заберёт львиную долю себе? Вот почему предоставить распределение жалованья губернаторам и капитанам — значит позволить им погубить гарнизон: стремление к собственной выгоде для них превыше всего, и, чтобы набить свой кошелек, они что ни день будут сокращать число солдат.

Тот, кто предъявляет на смотрах пасволантов или служащих половинного оклада, утверждает в свое оправдание, будто они якобы тоже из состава гарнизона и хотя не получают королевских денег, но постоянно находятся в крепости и в случае чего могут проявить себя в обороне не хуже, чем солдаты на ежемесячном содержании. Однако довод сей не слишком убедителен: пасволанты отнюдь не обязаны ни оставаться в крепости, ни нести службу, а те, кто содержится на половинном окладе, занимают место солдат и, будучи жителями города, составляют в гарнизоне большинство, но при этом подлежат освобождению от нарядов в караул, — и, стало быть, придется либо возложить больше обязанностей на остальных, либо смириться с ослаблением караула. Между тем, не подменяя солдат горожанами, а придавая горожан в помощь солдатам, можно было бы рассчитывать и на тех, и на других.

Наконец, я считаю, что чем больше офицеров мы посылаем надзирать за выплатой жалованья и смотрами, тем хуже, ибо каждый, пытаясь урвать свой кусок, рано или поздно становится насквозь продажным, и туда, где прежде кормился один, приходят многие. Мы лишь сломим себе голову, если попытаемся навести порядок там, где его никогда не водилось. Ни в армии, ни в гарнизонах нипочем не узнаешь, правильно ли ведутся счета, — таково обычное положение дел или, если угодно, повальное бедствие. Сколько бы ложных сведений ни вычислялось из реестров, приписки все равно всплывают, и это тем более неприемлемо, если речь идет о военном времени и о крепостях, расположенных на границе. Всяк причастный к названным злоупотреблениям заслуживает сурового порицания. Тот же, кто исполнен чести, предан своей

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

крепости и ревностно служит королю, никогда не запятнает свою репутацию таким проступком, скорее отдаст собственные деньги, нежели посягнет на чужие и предпочтет обязаться всем, что имеет, но не допустит, чтобы его гарнизон, оставшись без средств, ослаб и сдался врагу.



ГЛАВА XXIX

ОБ УПРАВЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЕМ ГОРОДА

Губернатора крупного города, где нет ни цитадели, ни сильного гарнизона, можно сравнить с правителями республик, которые обладают разве что видимостью власти и суверенитета, на деле же не более могущественны, нежели кто бы то ни было. Даже назначенный королем и представляющий его особу, он подобен портрету или статуе, изображающим того, кем надлежит ему быть. Тем не менее внешне губернатор должен сохранять как можно больший авторитет, добиться которого он может лишь благодаря своему уму, таланту и умению держать себя.

Прежде всего, он должен завоевать уважение — пусть его считают человеком опытным, справедливым и уверенным в себе. Вначале ему следует выказать добродушие и объявить жителям города, что пришел он вовсе не для того, чтобы нарушить уклад их жизни, насадить какие-либо новшества или умалить привилегии, а, напротив, ради вящего соблюдения и подтверждения всех прав; что хочет жить с ними в согласии и ничего не намерен предпринимать вопреки их воле. И поскольку у горожан, да и у него самого нет иной цели кроме службы королю, он, губернатор, прекрасно знает, что легко убедит их в своих предложениях, ибо не имеет ни малейшего желания затевать что-либо отличное от того, к чему они расположены; он-де достаточно осведомлен об их преданности, да и привилегии, пожалованные городу, вполне ее доказывают, — и коль скоро король ничего не изменил в городском управлении, так это потому, что они, как известно, весьма строго блюдут его волю и исполнены верности отечеству. Затем губернатору следует перейти к частностям и, льстя чувствам

собравшихся, обращаясь не только ко всем сразу, но и к каждому в отдельности, воздать хвалу законам и обычаям города, а равно и тишанию, с которым таковые соблюдаются. Пусть держится милостиво, с достоинством и заверит горожан, что как частное лицо, не связанное должностью, готов всемерно служить им и, прожив вместе с ними долгое время, не желал бы ничего, кроме всеобщей приязни. Всяк найдет у него одобрение: если кто-либо наделен изрядными способностями, которыми может похвастать, следует сказать, будто он достиг в них высшего совершенства. Что может больше привлечь нас и настроить на дружеский лад, чем похвалы? Мы верим, что человек, который нас хвалит, относится к нам с теплотой и уважением; считаем, будто нам воздают справедливость, когда во всеуслышание объявляют о том, что мы сами себе приписываем, — губернатору для этого нужно лишь улучшить время, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами. Еще лучше, если он заранее сведет знакомство с кем-нибудь [из торговцев], знающих все и вся, — таких людей в городе обычно немало, да и отыскать их не составит труда, ибо те куда только ни пробираются, чтобы разложить и показать свой товар: они-то и расскажут ему, кто из горожан какого поведения, кто к чему склоняется и кто чем живет. Не найдет торговцев — пусть расспрашивает одного человека о другом и все запоминает. Но и это не все: еще ему полагается вести себя чинно, поступать лишь по чести и справедливости и завоевывать остальные сердца своим примером: добронравным достойное поведение по душе, а злонамеренные вынуждены им восхищаться, дабы не казаться такими, каковы они суть. Таково верное средство, позволяющее губернатору, коль скоро за ним не стоит сила, добиться повиновения и снискать народную приязнь. Власть первых государей зиждилась не на чем ином, как на волеизъявлении народа, поставившего их над собою, — волеизъявление же проистекало из признания достоинств и добродетелей того или иного человека, а также из любви и уважения, которые тот заслужил, — и для управления вольным городом они суть самое, что ни есть, прочное основание.

Если же губернатор [добываясь расположения горожан,] не слишком преуспеет, то пусть постарается разобщить их между собой на партии или группы. Как правило, в любом городе,

наделенном вольностями, какой-нибудь человек обязательно стремится первенствовать, а другой ему противостоит, — и выгодней исподволь поощрять это соперничество, выказывая внешнее расположение обоим, чем позволить им жить в вящем согласии. Когда губернатор ведет разговор с одной из сторон, пусть сделает вид, будто передает ей жалобы другой. и, позволив высказаться в ответ, разузнает, что задевает ее приверженцев и в чем состоят подлинные упреки противной стороны ему самому, — а затем, притворившись удивленным, воскликнет, что такого быть не может и он-де нипочем в это не поверит. Они не преминут излить хулу на недругов, перед которыми в следующий раз он произнесет те же самые речи, виня уже другую сторону, и прибавит, что немного уязвлен, не знает, что сказать, и по праву может счесть себя оскорбленным — но почтет за лучшее не поступать подобным же образом, а предать все забвению, — но при этом никогда не возбudit повод к вражде и готов оставить случившееся без последствий. Это делается для того, чтобы обе стороны не смогли сговориться и утвердить какие бы то ни было решения вопреки губернатору. То же касается и предложений, которые ему не хочется принимать: он вынесет их на обсуждение партий, но те так и не придут к согласию, ибо всегда несходны взглядами и в спорных вопросах предпочтут скорее согласиться с мнением губернатора, нежели уступить друг другу. Если губернатор научится держать в партии в узде, то ни одна из них никогда против него не выступит.

Упрочив свое положение, он должен постепенно выявить и искоренить недостатки, которые обнаружит у ополченцев²⁶⁰ и в гражданском управлении, и упорядочить наказания — от этого его авторитет только вырастет. Если кто-либо осмелится выказать губернатору непокорность, это будет означать, что попрана королевская власть и те полномочия, которыми король его наделил, повергнуто единение между горожанами и королем, утрачено доброе мнение короля об их поведении. Пусть тогда губернатор обратится к ассамблее²⁶¹, которой не след поощрять сии предерзостные поползновения, ну а коль скоро не получит удовлетворения, — напишет ко двору. Он никогда не должен отступать от своих требований и ронять влияние, которого добился: дав слабину в чем-нибудь одном, можно лишиться всего. Кроме того, пусть

воздержится от необдуманных поступков, ибо горожане, возникни у них малейшее недовольство, обязательно обратят их в свою пользу.

В том, что касается ополчения и охраны крепости, ему предстоит проявлять взыскательность и усердие, дабы жители знали, что трудится он ради их блага, им же пристало споспешествовать поддержанию благочиния и наказанию тех, кто таковым пренебрегает. В гражданском управлении он должен поступать точно так же, истребляя вкоренившиеся злоупотребления и устанавливая порядки, которые сочтет правильными и необходимыми.

Чтобы привести к подчинению город, где располагается сильный гарнизон, губернатору незачем прибегать к подобного рода льстивым речам и ухищрениям — довольно лишь предъявить населению полномочия, полученные от короля, и взять в свои руки командование крепостью, вводя насущные, по собственному мнению, порядки и упраздняя бесполезные. Пусть велит собраться всем горожанам, подходящим для военной службы [и проверит], кто из них годен для обычного наряда в караул и чем они вооружены, для проверки же заставит их пройти строем, взяв свое оружие; если кто-либо не знает, как обращаться с оружием, — обяжет научиться, а тем, у кого его нет, — приобрести и заготовить необходимые боеприпасы. Пусть пройдет по магазинам и арсеналам, осмотрит все боеприпасы, провиант, инструмент и прочее, относящееся к войне и довольствию; попросит предъявить мушкеты, пики и иное оружие, предназначенное для ополчения²⁶², но прежде проверит орудия, лафеты и артиллерийскую принадлежность, хранящиеся в резерве; если оружие содержится кое-как — взыщет за небрежение, прикажет привести в порядок и вычистить. Ему не след довольствоваться одним лишь осмотром того, что есть в наличии, — пусть возьмет полный список должностующего, потребует объяснений, что именно было получено и куда девалось; при недостатке — велит поскорее ее восполнить, ну а если снабжение зависит от короля — исходатайствует доставку всего, в чем явится нужда. Пусть пройдет по всей крепости, оценит, как содержится хозяйство, порученное заботам горожан, — то есть ворота, подъемный мост, герсы, заставы, частоколы, имущество кордегардий, цепи, натягиваемые поперек улиц, будки

часовых, одежда и парапеты вала, сам вал, ров, ратуша, а также королевская и губернаторская квартиры, коль скоро таковые есть, — а заметив в чем-либо нехватку, разорение или порчу, требует исправления. Затем он проверяет, должный ли порядок заведен в карауле, у дозорных, у часовых, при открытии и закрытии ворот, тревоге и во время несения патрульной службы²⁶³, если горожане к ней привлечены; когда караулы немногочисленны — настаивает на их усилении, тех, кто стремится увильнуть, — принуждает, выявленные нарушения стремится истребить, насаждая такие порядки, которые сочтет наилучшими. Кроме того, ему по обычаю надлежит разместить гарнизон по квартирам, определить места для ночлега и хранения имущества, а также назначить цены на провиант, — но только справедливые, дабы ни заказчики, ни поставщики не могли на них наживаться.

Перед своей квартирой и кордегардиями пусть выставит караулы — однако горожанам, коль скоро решит привлечь их к службе, поручит наименее опасные и важные посты. Что до меня, то я бы вообще не ставил горожан ни на один пост внутри крепости, ибо там, где собирается гарнизон, делать им нечего. И в патруль, мне кажется, посылать их тоже не стоит: ведь без солдат в патруле все равно не обойтись, а если одни столкнутся с другими, то всегда найдется повод для ссоры.

Им не пристало устраивать в ратуше собрания и обсуждать какие бы то ни было важные дела, не пригласив губернатора и не предоставив ему главенство как особе, представляющей короля; губернатору же — позволять им выносить решения, хотя бы и поддержанные большинством, которые, по его мнению, не пойдут на пользу городу или королевской службе. Если он поймет, что затеваются козни, заговор, или хотя бы заметит умысел и своеволие, то должен расстроить их, а зачинщиков с соумышленниками — предать каре. От солдат и жителей города ему положено принимать любые жалобы, касающиеся как ополчения, так и гражданских лиц: те, которые он сочтет не терпящими отлагательства, пусть разрешает сам, остальные — препровождает к обычному правосудию.

Порядков, которые надлежит установить ради безопасности крепости, мы касаться не станем — о них речь в другой главе.

Когда в крепости есть цитадель, то у губернатора, в сравнении с тем, что уже было сказано, обязанностей не прибавится и не убавится: после того как горожане осознают свой долг и подчинятся, он не должен взыскивать большего, ибо цитадели возводятся не тирании ради, а совсем с иными целями. Кое-кто воображает, будто там, где стоят цитадели, можно с полным правом притеснять народ, пусть даже исконных подданных государя. Однако конечное их предназначение — совсем иное: они возводятся в крупных пограничных городах, где иначе понадобился бы гарнизон изрядной численности, что в военное, что в мирное время. Пограничных городов у нас немало, и, пожелай мы предоставить каждому такой гарнизон, государство было бы обречено неподъемному расходу. Потому-то внутри их и устраивают контур поменьше, где размещают лишь небольшую часть гарнизона: этих сил будет достаточно для обороны города и его окрестностей, ведь пока обороняется цитадель, врагам не удастся овладеть им полностью. Вот для чего городам нужны цитадели. Еще их строят в покоренных крепостях — там, где губернатор и солдаты гарнизона едва ли будут чувствовать себя спокойно и, подвергаясь в самом городе не меньшей угрозе, чем за его стенами, постоянно рискуют быть убитыми под покровом ночи. Таким образом, редюит²⁶⁴ или цитадель служат, чтобы губернатор и гарнизон могли без опаски находиться в городе, сохранять его в своей власти и держать в повиновении жителей, только и думающих, как бы восстать. Последняя причина — когда горожане, даже при угрозе неприятельского завоевания, нипочем не желают принимать к себе ни губернатора, ни гарнизон, а службу несут кое-как; когда они не повинуются тем, кого прислал король, вовсе не уважают закон либо блюдут его лишь для виду; или же когда, стремясь забрать власть, возмущаются и чинят беспорядки. В этом случае без хорошей цитадели тоже не обойтись — она сделает их уступчивыми и покорными, заставит выказать должное почтение их правителям и защитит крепость.

Вот для чего предназначены цитадели, — хотя во внутренних областях вы не отыщете ни единой, которая не помогала бы губернаторам творить произвол, тиранить горожан, грабить их добро, облагать повинностями, насиловать жен и учинять тому

подобные жестокости, противные свободе и королевской службе, ожесточающие народ и вызывающие негодование государя и страны. Одного этого довольно, чтобы задать губернатору взбучку: ведь в повиновении крепости король может быть уверен лишь в том случае, когда поступки губернатора справедливы и обусловлены необходимостью.

В военных крепостях, население которых невелико, не составляет общины, но содержится и управляется по-военному, приста- ло соблюдать тот же порядок, что и в цитаделях.

Если же речь идет о покоренной крепости, в которой нет цитадели, и враг подстерегает не только извне, но и внутри городских стен, губернатору необходимо позаботиться о сильном гарнизоне, сохранять исключительную бдительность, оберегать свою особу, свой гарнизон и свою крепость, не проявляя неведения и малодушия. Первое, что предстоит новому главе, — ввести в город свой гарнизон, если этого еще не сделано, — то есть, вступив в крепость сразу же, как только та будет взята, овладеть всеми кордегардиями, воротами, бастионами, ратушей, арсеналом и прочими местами, которые можно использовать для сбора [войск] и обороны. Одновременно пусть велит выставить караулы во всех перечисленных местах, врыть перед каждой кордегардией по крепкому частоколу, а если необходимо — даже огородить ее кругом. Пусть позаботится также о своей квартире, выбрав ее из тех, что понадежней и поближе к главной площади, — прикажет забрать решетками окна, укрепить двери, перекрыть все [близлежащие] улицы заставами, разместить в соседних домах старших офицеров гарнизона и выставить вокруг своего дома самую лучшую охрану, — а затем объявит под звуки трубы или барабанный бой, что в течение дня, без отсрочек, горожане под страхом смерти обязаны принести к квартире губернатора или же сдать в арсенал любого рода оружие, которое найдется в их домах, вплоть до шпаг и кинжалов, а также все снаряжение, бандельеры, заряды, порох и военные припасы, ничего не приберегая и не утаивая. Назавтра же следует прочесать все дома от подвалов до чердаков, осмотреть жилые комнаты, вскрыть в поисках оружия сундуки, шкафы и прочие укромные места, где можно его спрятать. Не след забывать и о монастырях, воздерживаясь, впрочем, от шума

и бесчинств, и пускать туда лишь людей спокойных, которые не учиняют переполох, а просто ищут. Если оружие будет найдено, не стоит удивляться: хорошо известно, что испанские монахи²⁶⁵ пребывают в уверенности, будто предать или убить француза — дело святое, богоугодное, и лживо доказывают, убеждая остальных, что мы нечестивые, осужденные к вечным мукам еретики, исполненные лицемерия и злобы. Поэтому нам незачем относиться к монахам с вящим почтением или щадить, когда речь идет о порядке и собственной безопасности. Когда они уличены в хранении оружия, губернатор поступит правильно, изгнав их скопом из города, — ведь, сплоченные братством, монахи действуют все заодно, а поскольку непонятно, чем они занимаются в своем тесном кругу, что замышляют и каких людей к себе водят, то нам никогда не удастся ни отвратить их от враждебности, ни уберечься от их происков. Мне кажется, что было бы куда правильней не дожидаться случая, а избавиться от этой дурной братии, этого орудия, отточенного, чтобы ранить нас, — безо всякого повода.

Коль скоро оружие утаит кто-либо из горожан, губернатор должен примерно наказать виновного по всей строгости закона: казнь одного преподаст другим спасительный урок, худа в том нет. Суд бывает беспощаден, но бывает и милосерд: сперва следует держаться сурово, показывая завоеванному народу свою силу, а когда тот подчинится, то, если угодно, и доброту. Когда управляешь теми, кого смог покорить, ограничивать себя ни к чему: в них живет лишь отчаяние, усугубляемое сознанием бессилия и причиняющее вред разве что им самим. Перемена власти угнетает, лишь пока в памяти свежи прежние блага и велик страх перед грядущими бедами, — однако прошлое мало-помалу забудется, а новый уклад станет привычным.

После того как они сдают оружие, губернатор должен обнаруживать порядки, соблюдения которых намерен от них требовать: раз уж те, кто остался в крепости, принесли капитуляцию новому государю, пусть живут по его закону. Им не след ни вести дела, ни сноситься через письма или третьих лиц с людьми, остающимися на неприятельской стороне, пусть даже с родственниками и друзьями; давать приют тем, кого они не представляют губернатору; покупать либо держать у себя, открыто или тайно, любые виды

оружия и боеприпасов; затевать сборища без позволения губернатора, хотя бы ради праздников, свадеб и прочих поводов, какие бы ни случились, будь то день, вечер или ночь. По ночам они вправе выходить разве что в одиночку или вдвоем, и то по какому-нибудь необходимому делу, о котором обязаны доложить встретившемуся патрулю, а с собой обязательно носить огонь; при тревоге — укрыться в своих домах и не покидать их, что бы ни случилось: кто выйдет, будет считаться врагом. Пусть губернатор объявит, что, подними они смуту или мятеж, он истребит их до единого, не щадя ни пола, ни возраста, а город прикажет поджечь со всех четырех сторон; если же они будут держаться своего долга, то он не допустит, чтобы им грозила малейшая обида или насилие, и станет придирчиво следить за порядком, что у горожан, что у своих солдат; каковы бы ни были его поступки, он-де печется лишь о крепости, гарнизоне и собственной безопасности и не делает ничего из ряда вон выходящего — в конце концов, все военачальники в завоеванных городах поступают точно так же, — имущество же и честь жителей ни в чем не потерпят урона; их решимость противостоять ему вполне справедлива и неизбежна, ибо, нет сомнений, они не любят его, потому что боятся, — но со временем увидят, что с ними обходятся не хуже прежнего, и не пожалеют о смене господина. Такими твердыми речами, в которых угрозы сменяются посулами, он внушит им и трепет, и надежду [одновременно], и постепенно они свыкнутся с новой властью. Вот к чему надлежит стремиться, поскольку порукой покоренным — государю подданство, и с течением времени они станут такими же, как все остальные. Если мы хотим, чтобы они в конце концов полюбили нас, не стоит вечно держать их в рабстве: чужую власть люди ненавидят лишь из страха, что с ними поступят дурно, и сильнее тянутся к тем, кто лучше с ними обходится.

Пусть губернатор уделяет побольше внимания караулам, почаще проверяет их, время от времени выступает в дозор, следит, чтобы по городу всю ночь ходили патрули, сурово наказывает нарушителей заведенного порядка, а иной раз велит осматривать дома в поисках оружия или чужих людей. Если он позволяет какое-нибудь собрание или торжество, то никогда не должен присутствовать на них лично — пусть пошлет кого-нибудь из своих

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

доверенных якобы оказать честь, но на самом деле выведать, как люди ведут себя и о чем говорят, ибо подчас вино выдает правду, которая в других обстоятельствах старательно утаивается. Сам он повсюду ходит лишь в сопровождении своих офицеров и охраны, выслушивает жалобы и всякому воздает по справедливости. Когда крепость с цитаделью, он придерживается в точности тех же порядков, ни больше ни меньше, поскольку, как уже было сказано, цитадели возводят не ради угнетения народа, а лишь для подкрепления своей власти. Пусть отправит в цитадель побольше отборных солдат, а остальному гарнизону — поручит охрану городских кварталов. Что же касается ночлега, то, будь крепость с цитаделью или без нее, я бы разместил своих солдат не по всему городу, дабы не распылять силы, а на одной, двух или же трех квартирах возле ворот, высвободил бы от хозяев несколько домов, обеспечил за счет горожан постелью, возложил на офицеров ответственность за прочий скарб, приказал укрепить двери и окна, перегородить частоколами или баррикадами все [прилегающие] улицы, а в крайнем случае — даже устроил рядом кордегардию и выставил часовых.



ГЛАВА XXX

О НОЧНОМ КАРАУЛЕ

Чтобы должным порядком отрядить и расставить караулы, полагается принять во внимание целый ряд обстоятельств: сколько в крепости солдат, что они собой представляют, где расположена крепость, какова по начертанию, хорошо ли укреплена, какое стоит время года, воюем мы или же наслаждаемся миром и, если неприятель близок, когда можно ждать его нападения.

Когда число солдат в крепости ограничено, то ежедневно в караул посылают не более трети, дабы у каждого наряда было по два дня отдыха — таково общее правило. Вместе с тем при распределении их на посты, подлежащие охране, следует учитывать, насколько тот или иной пост сильнее либо уязвимее [остальных]. Сперва, понятное дело, нужно обустроить по кордегардии у всех ворот, еще одну — поставить на главной площади и по одной — возле каждого бастиона или, на худой конец, двух бастионов и побольше солдат определить для предвратных кордегардий, ибо ворота — слабое место, которому атаки угрожают чаще. Когда город пересекает река, понадобится по кордегардии на входе и выходе течения. Также пристало выставить охрану в ненадежных местах по контуру крепости — к примеру, там, где одежда вала разрушена, вал низковат, а сухой ров завален. Короче говоря, изыскать, способные, как кажется, облегчить врагу штурм, надлежит восполнить людской силой — большей или меньшей, смотря по тому, насколько они существенны. Число солдат, отряжаемых в каждую из кордегардий, нельзя определить точно, так как мы исходим из тех сил, которыми располагаем, — однако для приблизительного представления о нем скажем, сколько человек *хотелось*

бы туда отрядить. К воротам я бы приставил в мирное время по шестьдесят солдат, а в военное — по сто пятьдесят, распределив их по трем кордегардиям; столько же послал бы в кордегарию на площади; бастионным кордегардиям дал бы по тридцать человек, а остальные места — охранял в меру их уязвимости. Если речь идет о регулярной крепости с девятью бастионами и тремя воротами, я бы назначил по шестьдесят человек к воротам, столько же — на площадь, а остальных распределил бы в кордегардии при бастионах, примерно по тридцать в каждую: таким образом, общая численность [караула] составит около пятисот солдат, а силы гарнизона в целом — полторы тысячи: неплохо для такой крепости. В беспокойное время она потребует до тысячи восьмисот человек, а при осаде названное число надлежит по меньшей мере удвоить — и чем гарнизон многочисленней, тем больше солдат мы отряжаем в караул. Я уже рассказывал, сколько солдат должен насчитывать гарнизон подобной крепости, — пусть только в этом и в любом другом случае принимается во внимание, идет ли речь о простом карауле или же о силах, необходимых для ее обороны.

Внешние постройки в мирное время никогда не охраняются, ибо охрана сия бесполезна: врагу не собрать армию так, чтобы об этом никто не узнал, а когда он выступит, то вряд ли сможет сохранить свой поход в тайне. Пусть даже он ничем не выдаст себя, но, заняв внешние постройки и вознамерившись обосноваться там, лишь зря потратит время, ибо ему не удастся получить ни помощи, ни смены: ведь если он не проделывал брешь и не копал траншеи, то, чтобы проникнуть внутрь, должен будет спускаться по лестницам в ров, а затем точно так же выбираться наверх, — ибо представляется вовсе невероятным, что он решит огибать постройку со стороны города, — а задумай он потом осаждать саму крепость, ему так или иначе придется становиться лагерем и рыть подступы. Однако в ходе войны, когда граница открыта, а неприятельские армии наступают, когда деревни обезлюдели и не осталось ни единого человека, который мог бы нас предупредить, а лазутчики не успевают со своими донесениями, поскольку враг всегда в действии, — внешние постройки нуждаются в карауле, особенно крупные и далеко отстоящие от крепости, например тении и кронверки. Если противнику удастся на них окопаться, то

он безо всяких траншей и брешей сможет поддерживать сообщение с ними — ведь фронт этих построек недостижим для обстрела из крепости и загроаживает подступы со стороны поля. Вот почему постройки такого рода всегда обносят штурмфалом, чтобы их нельзя было захватить с налета, не наделав шума, а в военное время — обязательно охраняют караулом, хотя и не столь многочисленным, как в крепости, ибо при малейшей тревоге те, кто находится поблизости на валу, придут своим на помощь, а врагам все равно не удастся в короткое время спуститься в ров, выбраться из него, преодолеть штурмфал и овладеть постройкой. Для всякой тенали, я считаю, будет достаточно сорока человек, для кронверка — вдвое больше; в демилоне же, по причинам, рассматривавшимся выше, караул такой численности представляется мне чрезмерным: кто хочет, может послать туда пятнадцать—двадцать человек. Караульные на внешних постройках не подчиняются приказам из крепости и имеют другой пароль. Впоследствии мы расскажем, как полагается расставлять часовых и производить дозоры.

В крепостях, к которым местами трудно подступить в силу природных особенностей рельефа, кордегардию никогда не устраивают с той стороны, где, к примеру, возвышаются скалы, а часовых берут из другой, ближайшей. Если же такой рельеф свойствен всей округе, то караульных потребуется меньше — хватит и тех, которые необходимы для наряда на часы и в дозор, да нескольких солдат свободной смены. То же относится и к крепостям, расположенным среди обширных непроходимых болот, возле обрыва над морем, который заменяет им ров, обнесенным мощной стеной и т.п., — их караул равным образом сокращают, но зато усиливают охрану ненадежных участков — таких, к которым можно подобраться незаметно, лишенных внешних построек, плохо фланкируемых, пониженных и проч.

Для приморских крепостей, к которым врагу сподручно подойти издали по какому-нибудь большому каналу, либо городов, что находятся при устьях рек, имеют крупный открытый порт, но либо вовсе не заперты со стороны порта, либо обнесены слабой и плохо фланкируемой оградой, наилучшая защита подступов, как уже говорилось, — цитадель или форты. Что касается фортов, то

их следует располагать так, чтобы, будучи захваченными [неприятелем], они не могли нанести урон крепости. Если же ни цитадель, ни форт возвести нельзя, придется, смотря по месту, держать караул на больших судах или на военных кораблях с хорошим артиллерийским вооружением, а для солдат, число которых должно соответствовать величине кораблей, устроить на берегу укрепленные и обнесенные частоколом кордегардии против тех мест, где можно ожидать высадки врага. Берег, кроме того, необходимо усилить парাপетом, за которым найдут укрытие обороняющиеся и будут установлены орудия для фланкирования и анфилирования подступов.

При входе и выходе реки устраивают по кордегардии; если река широкая либо пересекает город таким образом, что из-за пресловутой ширины ее нельзя перегородить цепями, то караул размещают на судах посреди течения, снабженных противомушкетной защитой. Защиту эту сделать нетрудно: сперва обейте борта одним слоем тесно уложенных толстых веревок, а поверх него — другим, наперекрест. На судах понадобятся орудия в таком количестве, которое соответствует грузоподъемности того или иного судна. Еще лучше, если шагах в пятистах—шестистах от крепости, на дороге, идущей по берегу реки, будет стоять редут, который можно использовать как пост для часовых и подавать оттуда тревогу. Неплохо также насыпать вдоль берега парапет, хотя бы по грудь, и потрудиться обустроить при нем подобие фланка. Кордегардии пусть находятся поближе к протокам реки, над самым берегом.

Если речь идет о неширокой реке, то подле кордегардий ее протоки перегораживают еще несколькими рядами частокола, железными решетками, цепями, фризскими кобылами и иными изобретениями подобного же рода, о которых мы говорили выше.

В крепостях, чья неприступность зависит главным образом от воды, насыщающей окрестности, то есть расположенных среди болот, — зимними месяцами, когда вода замерзает, караулы полагается удваивать, не давая солдатам более одного дня на отдых, — особенно в военное время и в тех краях, что соседствуют с неприятельскими. В равной же мере это касается и крепостей, у которых водой наполнен ров, а стены недостаточно высоки, —

но о том, как уберечься от внезапных нападений в холодное время года, наш рассказ еще впереди.

Когда защита города возлагается лишь на его жителей, это значит, что благодаря своему расположению он не слишком уязвим и те способны заменить солдат. Однако горожанам стоит поручать разве что оборону контура да тех участков, откуда можно вести огонь, оставаясь недостижимым для неприятеля. Тешить себя надеждой, будто они пойдут защищать контрэскарп, внешние постройки и иные места, где не будут чувствовать себя в безопасности, — дело зряшное: горожане всегда веюют, не покидая укрытий, как говорится, не испытывая судьбу²⁶⁶.

Коль скоро в составе гарнизона — и солдаты, и горожане, их следует распределить попеременно, только не друг меж друга, ибо на это никто из них не согласится, а по кордегардиям: к тем участкам, со стороны которых может грозить опасность, отряжают солдат, ко всем прочим — горожан, одну кордегарию поручают солдатам, другую — горожанам. Когда же опасность может угрожать одновременно с двух или трех сторон и предлагаемый порядок не соблюсти, то в ближайшие кордегардии нужно послать солдат, а на спокойные участки, — как и раньше, горожан. Солдатам, помимо ворот, я бы поручил, прежде всего, внешние постройки, если таковые охраняются, ибо туда, понятное дело, никто, кроме солдат, не пойдет. Горожане предпочитают нести караул в кордегардии на [главной] площади: иные [губернаторы] на это соглашались, иные — нет, все зависит от того, насколько важна крепость и какие настроения в ней царят, — так или иначе, горожанам лучше отдавать те улицы, что оканчиваются у вала и охраняются кордегардиями, а в военное время — кордегардии, расположенные во внутренних кварталах, — одним словом, наименее опасные места. В дальнейшем нам предстоит рассказать, в каких случаях полагается отряжать в караул отделениями от каждой роты, а в каких — целыми ротами²⁶⁷.

Губернатору пристало настоятельно требовать, чтобы при малейшем подозрении о приближении врага, а тем паче во время войны в кордегардиях ночевали офицеры: в мирные дни достаточно одного от каждой заступающей в караул роты, — лишь бы его поочередно сменяли. Такой порядок должен соблюдаться

неукоснительно, ибо нет большего позора, чем кордегардии без офицеров. Как бы то ни было, всяк стремится увильнуть: ансэни²⁶⁸ запросто пренебрегают этой обязанностью, а сержанты довольствуются тем, что взваливают ее на капралов. Не взыскивать порядка — что может быть хуже для военного ремесла?! Ведь дисциплина мало-помалу клонится к упадку, солдаты, по примеру своих командиров, несут службу спустя рукава, а заставь их что-либо сделать, поведут себя и вовсе непотребно, ибо потеряли привычку к подчинению. За дисциплиной, я считаю, необходимо надзирать одинаково строго — что в мирное, что в военное время, а если есть желание сделать какое-нибудь послабление и облегчить солдатам жизнь, — лучше выбросить этот вздор из головы и в дальнейшем нипочем не переменять заведенного порядка.

Когда ворота заперты, а посты расставлены, начальник караула приступает к своим обязанностям, которые заключаются в том, чтобы надзирать за караулами, а в случае тревоги — собрать по приказу губернатора необходимое число солдат и вести, куда тот прикажет; одним словом, его служба — делать то, что делал бы в карауле сам губернатор. Будучи одним из капитанов гарнизона, начальник караула не может все время оставаться в наряде, поэтому его сменяют другие, по очереди, согласно их старшинству²⁶⁹, — таково правило, которое губернатор, впрочем, волен переменить, если сочтет нужным.

Патруль — тот же ночной караул, который следит за порядком в городе, а в завоеванных крепостях не позволяет жителям бродить по ночам и устраивать сборища. Отряжают его из кордегардии на [главной] площади. Обязанности патруля — обходить по ночам городские улицы, останавливать всех, кто бы ни встретился, и требовать ответа, почему они на ногах в столь поздний час, откуда и куда идут. Когда встречные вызывают подозрение или не могут вразумительно ответить на то, о чем были спрошены, их препровождают в кордегардию, чтобы на другой день бросить в тюрьму или предать каре, если они ее заслуживают. Патруль задерживает тех, кто ходит без огня, носит оружие вопреки запрету, и, наконец, любого, кто нарушит порядок, установленный губернатором. Численность патруля — пятнадцать—двадцать человек, иногда больше. Если в городе назревают волнения, патрульные

должны иметь и наступательное, и оборонительное вооружение, носить колесцовые аркебузы либо ружья, пистолеты за поясом, алебарды, протазаны и т.п., — а ходить бесшумно, чтобы те, кого они застигнут на улицах, не услышали их и не сбежали прежде, чем будут схвачены.

Расскажу и о том, как полагается нести конный караул вокруг крепости. Он отменно хорош и для укрепленного города, расположенного среди замерзающих зимой болот, и для любого другого, могущего подвергнуться внезапному нападению, когда враг неподалеку. На самые важные подступы высылают по двадцать пять — тридцать всадников: вначале одни пускаются вокруг города и по прилежащим окрестностям, а когда, спустя несколько часов, возвращаются к сборному месту, заменяющему кордегардию, на их место заступают другие, и округа, таким образом, всю ночь остается под наблюдением. Офицеру, которому предстоит командовать конным караулом, губернатор дает пароль и отзыв, отличные от принятых в самой крепости. Когда друг с другом встречаются наряды из разных сборных мест, то один называет пароль, а второй — отзыв. Можно обойтись и без пароля с отзывом, поскольку кавалеристы в крепости обычно знают друг друга в лицо, и довольно будет просто крикнуть «конный караул», — но паролем их снабжают ради вящей предосторожности.

О караулах осаждающей армии — тех, что отряжаются в траншеи, лагерные квартиры и на циркумвალационную линию²⁷⁰, включают как кавалерию, так и пехоту и предназначены не только для обычной охраны, но и для отпора войскам, идущим на выручку городу, — я распространяться не стану: это не мой предмет, здесь я намерен вести речь лишь о том, что относится к охране и обороне крепости, а про все остальное мы, возможно, поговорим в другой раз.



ГЛАВА XXXI

О ЧАСОВЫХ И ДОЗОРАХ

Часовой для караула — что око. Он для того и необходим, чтобы солдатам, заступившим в караул, не пришлось всем до единого бодрствовать ночь напролет, ибо и один человек справится с этой обязанностью не хуже. Часовых выставляют, чтобы те смотрели, не пытается ли кто приблизиться к крепости в обход караула, и оповещать караул, когда пристало братья за оружие и готовиться к обороне. Задача же дозора — проверять, не спят ли часовые, блюдут ли они свой долг, а также следить, не проник ли кто в крепость или на вал и соответствует ли число солдат в карауле губернаторскому наряду²⁷¹.

Сколько часовых полагается крепости, точно определить нельзя. Если даны две крепости с одинаковой протяженностью контура, то больше часовых понадобится той, у которой он извилистее. Для примерного подсчета скажу, что в крепостях регулярной постройки понадобится по меньшей мере по одному часовому перед каждой кордегардией, возле каждого ворот, посередине каждой куртины и на шпиге каждого бастиона. В военное время сверх того отряжают по часовому на край каждого из флангов. В крепостях без бастионов часовых полагается ставить на таком расстоянии друг от друга, чтобы кто-нибудь из них непременно обнаружил врага, подбирающегося к крепостной ограде, — увидев его, если еще светло, или услышав, когда спустилась темнота, — иными словами, назначить каждому часовому для наблюдения лишь тот участок ограды, который он может простреливать. Когда фас ограды довольно длинен, часовых выставляют на нем, смотря по обстоятельствам, через каждые сто — максимум сто пятьдесят тузов.

Часовые, отряжаемые на ограду, непременно должны быть мушкетерами, ибо их обязанность в том и состоит, чтобы выстрелами из мушкета оповещать своих и подавать тревогу, — паче того, будь они вооружены пиками, им не удастся причинить врагу, застигнутому во рву, ни малейшего вреда.

Единственное предназначение часового — не позволять никому приближаться ни к себе, ни ко рву, ни к крепостной ограде. Он должен задерживать всякого, кто покажется на валу, будь то хоть сам губернатор, и вызывать для разбирательства капрала из своей кордегардии. Если же часовой обнаружит кого-нибудь во рву, подле ограды или на контрэскарпе, то обязан крикнуть «Кто идет?» и тотчас выстрелить, так как находится в названных местах в поздний час не позволено никому. Неважно, попадет ли он в цель, ведь его задача — не защищаться, не противостоять противнику, а только оповестить своих. Выстрелив, он может возвратиться в кордегардию, чтобы подать тревогу и доложить о том, что видел, — хотя иные считают, что ему ни в коем случае нельзя уходить с поста. Палить без толку часовому не след: когда тревога подается даже из-за шелеста камыша или ветра в кустах, то солдата, который напрасно затеял переполох, надлежит отчитать, ну а если налицо злоумышление — подвергнуть наказанию. Тем не менее лучше иной раз пальнуть по ошибке, нежели прозевать настоящую опасность. Ничего иного часовой делать не обязан.

Я решительно не одобряю обычая, когда дозорные обходят вал крадучись, по той стороне, где их труднее разглядеть, и предстают перед часовым прежде, чем тот спохватится. Из-за этого часовые перестают следить, как бы кто не подобрался к стенам извне, ибо считают, будто сие небрежение останется в тайне и без последствий, — но, страшась взыскания, пекутся лишь, чтобы их не застigli врасплох в самой крепости. Речь не о том, должен или не должен часовой смотреть по сторонам, — после того как с ним раз-другой проделают такую хитрость, он перестанет ее беречься, потеряет бдительность, а этого допускать нельзя. Дозор надлежит совершать по заведенному порядку, одним и тем же путем, и если видно, что часовой бодрствует и исполняет свой долг, то есть следит за всяким, кто к нему подходит, — тем и удовлетвориться.

Солдату, которого одолевают холод, страх перед мнимой опасностью или иная напасть, угнетающая его до такой степени, что ему больше не под силу стоять на часах, положено призвать сержанта и сказать об этом, а сержанту, независимо, поверил ли он сказанному или нет, — прислать часовому замену, а его самого — отвести в кордегардию и, коль скоро тот будет уличен в умысле или трусости, подвергнуть утром наказанию. Никуда не годится держать часового [на посту] до тех пор, пока тот не умрет от холода или какой другой пагубы. По мне, в холодную погоду им лучше назначать две короткие смены, нежели позволить ненароком замерзнуть насмерть, требуя отстоять одну длинную: сержанту это не доставит больших хлопот. Еще неплохо запасти во всякой кордегардии капоты²⁷², наподобие тех, что выделывают в Провансе²⁷³, либо добрые казакины²⁷⁴, защищающие от дождя, — из толстого драпа, на двойной подкладке и недорогие, — в таком количестве, сколько из нее отрягается часовых: сменяющиеся с поста будут передавать их тем, кто заступает. Многие, благодаря этой одежде, остались бы в строю, да и в караул стали ходить куда охотнее: не будешь же, в конце концов, требовать усердия в службе от людей, которые одеты не по погоде, но вынуждены по два часа стоять на пронизывающем холоде! О них нужно заботиться, ибо их бдительность — это наше спасение.

Назначение часовых по жребию — предосторожность здравая, но, как мне хорошо известно, отнюдь не обязательная, а при том, что жребий тянут еще и перед самым нарядом в караул, — едва ли не бесполезная, ибо солдаты, не зная, куда пойдут в наряд, не будут знать и на какие посты им предстоит заступить часовыми, так что сержанту, стаясь тот с врагом, измена удастся разве что случайно, если кто-либо из его сообщников окажется на том посту, о котором враг заранее предупрежден. Вместе с тем может возникнуть опасение, что, не попав на нужный пост сразу, они рано или поздно будут на него назначены, а противник, дабы выведать, находятся ли подкупленные им люди в карауле, отрядит кого-нибудь к контрэскарпу дожидаться от сержанта условного сигнала — скажем, кашля или громкой речи. Потакая любопытству иных особ и отстраняя подобного рода тревоги, расскажем, как можно без труда распределить часовых при помощи жребия.

Положим, каждому из них нужно будет выбрать либо пост, либо час своего наряда, либо то и другое вместе. Объясню: есть четыре поста, куда предстоит наряжать часовых, и на каждом их надлежит сменять шесть раз — всего выходит двадцать четыре [смены]. Я могу разбить караульный наряд на группы по четыре человека, чтобы жребий, вытянутый одним из них, решил, какая четверка пойдет в часовые первой, какая второй и т.д., — а могу и по шесть, дабы определить пост, на который они будут поочередно заступать. Также жребий можно тянуть сначала на час наряда, а затем и на пост. Сделать это нетрудно при помощи различных средств — например, одинакового вида шариков, скатанных из старого тряпья, на одном из которых краской проставлен номер «1», на другом — «2», на третьем — «3» и т.д. Не окажется шариков — используют листки бумаги, одну или две игральные кости либо карты — не одно, так другое обязательно попадетсЯ под руку. Что же до костей и карт, то будет чудом, если в кордегардии их не отыщется (хотя в карауле, сказать по правде, у солдат не так уж много досуга, чтобы просаживать свое жалованье). Поста́м тоже присваивают номера, с первого по последний. Чтобы определить, кому на какой пост идти, собирается первая шестерка солдат, один из них тянет шарик либо карту — постов у нас четыре, следовательно, понадобится всего четыре карты — или подкидывает игральную кость (очко, выпавшее на ней, и будет номером поста). Затем очко, карта или номер шарика оглашается, и очередь тянуть жребий переходит к следующей шестерке. Если кости дадут то же очко, что и в первый раз, их бросают заново, до тех пор пока не объявится другое; с картами и шариками такого не проделывают, ибо выпавший жребий изымается. Как только последние из солдат получили свой жребий, сержант отряжает одного из них — первого или второго по собственному выбору — на пост, который тому выпал. Точно так же поступают, если жребием определяется не пост, а очередность наряда на часы — чья смена первая, чья вторая и т.д., — но в этом случае солдат разбивают по четверо, соответственно количеству постов. По мне, так лучше тянуть жребий на пост, а не на смену, — но если решены обе жеребьевки, то вначале проводят одну, скажем, на очередность смен, а затем каждый из четверых тянет жребий на пост. Жеребьевку, раз уж за нее

взялись, лучше проводить при запертых воротах и не во время наряда караульных, а когда все они уже на местах, ибо в этом случае можно не опасаться, что кто-либо из них оповестит врага. Кроме того, когда ворота на замке, караульные смогут отдохнуть, прежде чем придет их черед заступать на часы. Во избежание измены их собирают вместе по мере того, как они сменяются. Если этот порядок войдет в обычай, следовать ему не составит никакого труда.

Мне доводилось видеть в будках у часовых по колокольчику: когда раздастся звон из какой-нибудь кордегардии, все часовые обязаны один за другим прозвонить в ответ, дабы стало понятно, не уснул ли кто из них, — ибо в ближайших кордегардиях звук этих колокольчиков хорошо знают. Не звонят лишь тогда, когда проходят дозоры²⁷⁵. Заведение сие бытует чаще в военных крепостях, нежели в больших городах.

Если в крепости предупреждены о приближении врага или подозревают, что он может напасть, то часовых, равно как и весь караул, удваивают, — но отнюдь не отряжают на пост двоих солдат вместо одного, а расставляют их поближе друг к другу.

О дозорах мы уже упоминали вкратце — теперь расскажем более обстоятельно, но прежде поясним, в чем заключается их задача, как и с какой частотой их отряжают. Когда губернатор, учреждая караул, определит посты часовых и число солдат, которое полагает необходимым для ежедневного наряда, ему, равным же образом, предстоит решить, сколько дозоров должно производиться за ночь по валу. О тех дозорах, что совершают старшие офицеры — сам губернатор, его заместитель, сиречь королевский лейтенант, майор²⁷⁶ или мэтрдекан²⁷⁷, если таковой есть, — мы не говорим, ибо пресловутые особы вольны назначать их в любой час, когда сочтут нужным. Первый дозор, думается мне, пристало возглавить майору: пусть убедится, что у караульных все в порядке, ну а случись какая оплошность — потребует устранить ее, дабы она не продлилась всю ночь (другие дозоры делать этого не станут: обнаружив нарушение, они просто доложат о нем наутро, и виновные будут наказаны). Кроме того, майор должен давать пароль первому следующему за ним дозору — тот, прежде чем выступить, называет пароль второму, второй — третьему, и т.д. Там, где службу несут чуть поисправнее, дозор вместе с паролем получает

еще и жетон²⁷⁸, вручаемый затем очередным дозорам вплоть до последнего, который и возвращает этот жетон майору.

Прежде чем продолжить разговор про дозоры, расскажу о пароле и о порядке его передачи, а начну с того, как передавали пароль в военном лагере у римлян²⁷⁹. Из числа воинов, свободных от караула, те выбирали по одному кавалеристу и одному пехотинцу в десятых инсигниях, иначе говоря, ротах²⁸⁰, — то есть самых дальних, чьи квартиры располагались на краю лагеря. С заходом солнца каждый из этих воинов шел к палатке трибуна²⁸¹, получал от него дощечку с написанным на ней паролем, затем возвращался к себе и при свидетелях вручал ее начальнику или командиру ближайшей инсигнии. Точно так же поступали и все остальные, пока дощечки не оказывались в первых инсигниях, что квартировали возле трибуна, а от них не возвращались к трибуну. Трибуны сличали, сходится ли число дощечек, и на этом основании делали вывод, что пароль известен всем, — а если какой-нибудь недоставало, выясняли, благодаря надписям на каждой дощечке, из какой она роты и почему потерялась, и подвергали наказанию тех, кто допустил ошибку.

Порядок же для часовых и дозоров был таков: лица, которым поручен наряд часовых, выбирают их из караульных, затем один из младших командиров каждой роты (их называли тергидукторами или урагами²⁸²) ведет к трибуну тех, кому предстоит заступить в первую смену. Трибун дает им по дощечке, очень маленькой, на которой обозначено, какому из часовых она должна принадлежать²⁸³. В дозор отряжаются кавалеристы. Первый бригадир²⁸⁴ в каждом легионе рано поутру приказывает одному из младших командиров²⁸⁵ оповестить четырех молодых солдат своего крыла²⁸⁶, что в ближайшую ночь им надлежит объезжать посты, затем идет к бригадиру второго крыла и говорит, что тот обязан будет отрядить дозорных на следующий день; второй бригадир днем позже повторяет то же самое третьему и т.д. Те четверо, кого назначили в дозор из первого крыла, распределяют между собой по жребию очередность смен, затем отправляются к трибуну, дабы получить от него приказ, в какое время и сколько постов им следует объехать, а после располагаются возле инсигнии триариев²⁸⁷ в ожидании своего дозора. Их обязанности — проверять

часовых, отряженных в первую смену, объезжать ограду лагеря и осматривать все караульные помещения. Когда всадник, производящий объезд, находит часовых первой смены бодрствующими, то забирает у них дощечки, если часовые спят — призывает своих спутников в свидетели, что он исполнил свой долг, и едет дальше. Другие дозоры делают то же самое. Утром они доставляют дощечки трибуну, и, коль скоро возвращены все, значит, проверка была произведена как следует и часовые хорошо несли службу. Случись же, что какой-нибудь дозор приносит дощечек меньше, чем должно быть, по начертаниям на них узнают, в каком наряде было допущено нарушение, и вызывают соответствующего командира²⁸⁸, он приводит солдат, стоявших на часах, а те должны доказать, кто оплошал — дозорные или они сами, — ибо вина ляжет если не на одних, то на других. Дозор зовет свидетелей, которые подтверждают то, что видели, — если он не взял их с собой, вину припишут ему самому, — и обличают виновного. Немедля собирается совет [трибунов], и виновный приговаривается к наказанию палками.

Рассуждать о том, на кого ложится обязанность назначать пароль, если на месте нет ни губернатора, ни его лейтенанта, — на начальника ли кавалерии или начальника пехоты, — я здесь не стану: спор сей ни к чему не ведет и может длиться без конца, ибо решение зависит сугубо от воли государя, который вправе отдать первенство как одному, так и другому, и порядок этот постоянно переменяется, — скажу лишь, что мне кажется не слишком правильным, когда пароль в крепости назначают кавалерийские командиры, ибо основные тяготы обороны ложатся отнюдь не на кавалерию.

Обычный порядок таков: губернатор передает пароль майору, тот повторяет его губернатору, приносит королевскому лейтенанту и называет своим помощникам²⁸⁹, а помощники, в свою очередь, — капитанам, лейтенантам и ансэням на сборном месте. Затем становятся в круг сержанты, майор говорит пароль первому из них, тот — второму, второй — третьему и так, пока первый не назовет его самому майору²⁹⁰. Существует еще несколько процедур дачи и получения пароля, однако полагается ли майору лично приносить его, или за паролем должны к нему явиться, и каким именно порядком получают пароль у губернатора или

у него самого, — все это досужие споры: у одних заведено так, у других — иначе.

Пароль передают дозорам, иногда — вкупе с жетоном, который первый дозор, уходя, передает следующему и т.д. После того как число дозоров утверждено губернатором, майор заготавливает столько же билетов²⁹¹ и в каждый вписывает имя того, кому предстоит идти в дозор, и назначенный час. Поименованное лицо является к этому часу в кордегардию на [главной] площади и, по предъявлении своего билета, получает пароль и отправляется в дозор. Билет дозорные показывают в первой кордегардии, откуда начинают путь, и в той, где положено его сдать. На другое утро учиняется проверка, все ли билеты сданы и не пренебрег ли кто обязанностями дозорного. В больших городах дозорам, отряжаемым из кордегардий подле вала, не обязательно бывать в кордегардии на площади — каждый из них выступает из собственной, дабы не пришлось тащиться зря от вала в центр города и обратно; то же самое относится и к городам, где кордегардии в центре вовсе нет.

В приведенном порядке я нахожу серьезный недостаток: ведь тот, кто назначен в дозор, может, предъявив свой билет в кордегардии на площади, отправиться к себе или куда-нибудь еще, чтобы поспать или убить время, — а затем вернуться и сдать билет, будто бы после дозора, — и то, что он не был на валу, не узнаешь.

В иных городах заведено так: получив от губернатора пароль и отзыв, майор сразу повторяет их ему на ухо — либо подтверждая тем самым, что именно губернатор — первый, кому он должен их принести, либо давая знать, что расслышал, — потом вписывает в билеты и, называя пароль офицерам, вручает каждому еще и билет с паролем и отзывом. Также он заготавливает и передает билеты дозорам, а те отмечают их в кордегардиях на своем пути. Поутру сержант каждой кордегардии обязан доложить, какие дозоры у него побывали: так и сверяют, прошли ли они везде [где надлежало].

Можно обойтись и без билетов, которые дозорным, согласно описанному выше порядку, приходится получать и предъявлять: довольно снабдить старших офицеров в кордегардиях жетонами по числу назначенных дозоров. С одной стороны этих жетонов ставят произвольную метку [кордегардии], на оборотной пишут

«первый дозор», «второй дозор» и т.д. и выдают дозорным по одному в каждой из кордегардий. По возвращении дозору полагается сдать все жетоны в кордегардию на площади, где по ним смотрят, прошел ли он свой маршрут из конца в конец и не пропустил ли какого поста, а сами жетоны хранят для предъявления губернатору либо [королевскому] лейтенанту.

Офицер, командующий в кордегардии на площади, отправляющий дозорные смены и выдающий билеты, должен указать, с какой стороны дозорам начинать обход вала, с правой или с левой, и, если один выступил в одну сторону, — следить, чтобы следующий шел по противоположной.

Дозоры обязаны называть пароль, а те, кто его получает, — отзыв. Кое-где подают еще условный знак, однако в большинстве крепостей Франции ограничиваются только паролем. О том, как давать и изменять пароль в крайних случаях, чтобы враг, узнав его, не смог им воспользоваться, я уже рассказывал²⁹².

Пароль и билет полагается давать дозорам, лишь когда ворота уже заперты, а караулы и часовые — отряжены и готовы заступить на посты, не раньше. В иных крепостях я видел, что пароль дают в два часа пополудни, а ворота запирают с наступлением сумерек, и подозреваю, что делается это с единственной целью — чтобы противник мог легко заполнить его.

Численность дозоров увеличивается или уменьшается в зависимости от обстоятельств. В крепостях, где все спокойно, дозор совершает один человек, а другой несет фонарь; в тех, где охрана усилена, — двое, один из которых идет по парапету, второй — по дозорному пути; иногда отправляют четверых разом и т.д.

В военных крепостях и в небольших городах, которые дозор обходит кругом довольно быстро и где пристало бы отряжать его каждую четверть часа, на валу почти всегда ни души, — поэтому очередную дозорную смену посылают в дозор не меньше чем на час или два, обязав все это время находиться на валу, а кордегардиям велят отмечать, сколько она сделает кругов. При помощи жетонов установить это можно без труда: для каждого дозора в кордегардиях заготавливают свои жетоны по числу предписанных ему обходов и выдают по одному всякий раз, как только он завершил очередной круг.

Тем, кто возглавляет патрули, также надлежит знать пароль, и дозорные, встречая патрульных в центре города или на пути к валу, должны либо назвать пароль начальнику патруля — ибо и те и другие суть караул, — либо, проходя мимо, сказать «дозор»: ведь, по существу, патруль не имеет никакого отношения к тем, кто несет охрану крепостной ограды, и, соответственно, к дозору, равно как и сам дозор — к патрулю; задачи у каждого свои.

Нет определенного мнения, должен ли один дозор называть пароль при встрече с другим и какому из них полагается делать это первым. Говорят, кто кого первый заметит, тому и пристало требовать пароль, а первым будет тот, кто крикнет быстрее; то же самое касается и условного знака, — однако все это приводит лишь к спорам, и в большинстве крепостей они разрешаются таким образом, что дозоры вовсе не окликают друг друга, когда встречаются. Я нахожу сей порядок никуда не годным, ибо ради безопасности крепости любому дозору положено знать обо всем, что происходит на валу, и всяк должен быть у него в подозрении, — иначе враг или предатель может взобраться на вал между двумя постами часовых и свободно пройти, крикнув «Дозор!». Поступать следует так: пусть дозор, вышедший раньше, требует пароль с того, кто отправился в обход следом за ним, и, встречаясь, они говорят друг другу «первый», «четвертый», согласно своей смене и жетону. Другой прием — каждый день при закрытых воротах произвольно менять очередность обходов правой и левой руки, и, когда одни дозорные называют другим пароль, пусть добавляют также, какой именно обход, правый или левый, они совершают. По получении пароля всегда полагается давать отзыв. Чрезвычайные дозоры во главе со старшими офицерами — губернатором, его лейтенантом, сержант-майором города и мэтрдеканами, то есть особами, которые должны быть известны в крепости любому, а сами не обязаны помнить всех в лицо, — неизменно требуют пароль от остальных дозоров. Что же касается начальников караула, то кое-кто утверждает, будто они во время своего дозора вольны не называть и не спрашивать пароль, — однако я считаю, что дача пароля для них обязательна, поскольку сержант или иной офицер, требующие его, могут и не знать всех капитанов в большом гарнизоне, особенно когда те

часто меняются, — а заступив в начальники караула, известнее не станешь.

Итак, дозору надлежит обходить вал — единожды или по нескольку раз, смотря что приказано, — и проверять часовых одного за другим; если кто-либо из них заснул, — забрать его оружие, так чтобы он не проснулся, и отнести в ближайшую кордегардию либо рассказать, что он был найден спящим, а наутро доложить губернатору, чтобы часовой был наказан. Но это еще не все: совершая свой обход, дозорные время от времени должны обращать внимание, не происходит ли чего извне, то есть осматривать местность за валом, пока еще светло, и прислушиваться, если настала ночь, — ибо такая обязанность пристала им не меньше, чем часовым, и наряд для них — отнюдь не праздная прогулка.

Чрезвычайные обходы губернатора, майора и других старших офицеров производятся для проверки, не заснули ли в кордегардиях караульные, а паче того — командиры, в порядке ли оружие, хранится ли оно в доступном месте, чтобы его можно было сразу взять и пустить в ход; есть ли под рукой огонь, тлеют ли фитили; загнаны ли пули в мушкетные стволы, насыпан ли затравочный порох и годны ли мушкеты к стрельбе; снаряжены ли бандельеры у солдат, хватает ли пороху и фитиля и все ли боеприпасы годны для немедленного использования. Не стоит делать это грубо и осматривать мушкеты или бандельеры у всех солдат подряд — довольно проверить двоих или троих, поскольку и по ним можно судить, что представляют собой все остальные. Прежде необходимо убедиться, все ли солдаты и офицеры, которым выпал наряд в караул, на своих местах, ибо никто не вправе освободить их от наряда, какова бы ни была причина. Без взыскательности и суровости здесь не обойтись: кто не хочет быть застигнутым врасплох, обязан ежедневно блюсти в крепости такой порядок и дисциплину, как если бы ждал нападения врага ближайшей ночью. А поскольку караулы для того и отряжают, чтобы дать врагам отпор и оборонять крепость, когда бы те ни подступили, то нужно постоянно держаться наготове и помнить: допусти мы хоть один промах — и нам несдобровать.

Все, что было сказано об удвоении караулов и часовых в неспокойное время или при тревоге, в полной мере относится и к

дозорам: их нужно чаще отправлять и требовать от них еще большей бдительности.

Когда мы говорили о караульной службе во внешних постройках, то ссылались на настоящую главу, чтобы объяснить, каким образом там полагается нести дозор. После того как городские ворота заперты, поддерживать сообщение с теми постройками, что обороняют крепость извне, невозможно, да и незачем. Таким образом, проверить, исполняют ли тамошние часовые свой долг, не могут ни городские дозоры, ни те, что заступили в наряд во внешних постройках по соседству, ибо каждая из названных построек обособленна и не имеет сообщения с другими, а полагаться только на ее собственную охрану рискованно. Можно воспользоваться следующим приемом: отрядить шестерых—восьмерых всадников, чтобы те объезжали окрестности города по двое и в разное время; когда они едут мимо какой-либо постройки и оказываются достаточно близко от ее контрэскарпа, то часовой с той стороны должен крикнуть «Кто идет?», а всадники — ответить «Конный дозор» или назвать какой-либо условленный пароль. Если они проезжают мимо того места, где должен стоять часовой, а тот не подает ни звука, они направляются к следующему посту, буде таковой есть, или же громко кричат, вызывая кого-нибудь из кордегардии, дабы объявить, что часовой спит, а наутро докладывают о случившемся губернатору. Дозор этот, отряжаемый за пределы крепости, или, иначе говоря, разъезд, отменно хорош для упреждения внезапных нападений. Иногда он может выезжать также на подступы к городу либо на большие дороги, чтобы разведать, не происходит ли чего, и если обнаружит неприятельские войска, то должен возвратиться к наружным постройкам, укрыться во рву одной из них и подать тревогу. Крепость, где гарнизон довольно многочислен, а порядок, заведенный для караулов, часовых и дозоров, именно таков, как мы рассказали, одолеть нелегко, — но если караул устроен дурно и губернатор мало о нем печется, то врагу, узнай он об этом, не составит труда его овладеть.

Бывают крепости, к которым можно подобраться разве что по узким тропам, в то время как прочие пути непроходимы из-за топей или скал: тогда ставят охрану в самом начале этих троп, но дозоры туда не отряжают, поскольку путь неблизок, а часовым

велят не смыкать глаз, дабы не лишиться жизни, — ведь если враг застигнет их спящими, то прикончит всех до единого.

Завершая эту главу, хочу предостеречь от одного злоупотребления, вошедшего в обычай, — делегировать командование в крепости знатым особам, которые проезжают через нее либо останавливаются в ней на ночь. Подобная учтивость, довольно опасная и непозволительная на королевской службе, должна быть, мне кажется, решительно запрещена, и губернатор не вправе ее оказывать, о ком бы ни шла речь: ведь король, вверяя ему управление крепостью и ответственность за нее, отнюдь не наделял его властью препоручать свои полномочия кому заблагорассудится. Недавняя история, как знатный и богатый человек пытался предать врагу цитадель Амьена²⁹³, должна научить нас, насколько рискованно полагаться на кого бы то ни было в столь важных делах. Нет хуже проступка, чем отдать в чужие руки то, что нам доверено, но при этом нам не принадлежит. Следовательно, пресловутый обычай следует искоренить, а коль скоро мы намерены оказать кому-нибудь почетный прием — изыскать для этого такие средства, которые не нанесут урон государю.



ГЛАВА XXXII

КАК ПОЛАГАЕТСЯ ЗАСТУПАТЬ В НАРЯД И СМЕНЯТЬСЯ; ОБ ОТКРЫВАНИИ И ЗАПИРАНИИ ВОРОТ И О ДНЕВНОМ КАРАУЛЕ

О том, как губернатор подсчитывает число солдат, ежедневно назначаемых в караул крепости, мы уже говорили; теперь расскажем, каким порядком он должен отряжать их и распределять по постам.

Когда он вполне уверен в преданности гарнизона, то необходимую для охраны крепости треть или четверть его численности может отряжать целыми ротами во главе с их же командирами, посылать в каждую кордегардию, смотря по надобности, одну, две или полроты и заменять одну роту на другую, никогда не разобщая и не смешивая их между собой. Если же гарнизон состоит из солдат разных наций и на них нельзя надеяться наверняка, то губернатор, даже не располагая ни единым доказательством или подозрением, что они намерены ему изменить, должен будет, отвращая такую опасность, посылать их в караул по отделениям²⁹⁴, то есть брать из каждой роты треть, четверть или же пятую часть [личного состава], исходя из того, сколько дней, свободных от нарядов, пожелает им предоставить, — а отделения эти либо распределять по разным кордегардиям, либо сводить в одной кордегардии несколько отделений из разных рот, так чтобы никакой пост не вверялся солдатам одной нации или одной роты. Смысл в том, чтобы они не смогли войти в сговор и учинить скопом какое-нибудь злодейство, — ибо тем, кто тесно общается между собой разве что в карауле, столкнуться мудрено. Солдат одной нации

или полка неплохо поселять вместе на квартире — это предотвращает склоки и вражду, случающиеся в общежитии, — однако при наряде в караул следует разделять.

Губернатор называет сержант-майору [общую] численность караульного наряда. Майор записывает ее, дабы, однажды установленная, она могла соблюдаться и в дальнейшем, а в конце дня объявляет капитанам и другим офицерам [гарнизона], скольких солдат каждому из них предстоит отрядить в караул. Численность караула может изменяться либо в большую сторону, когда в роты прибывает пополнение, либо в меньшую — из-за [боевых] потерь, болезней и иной пагубы. Точно так же отряжаются в караул и офицеры. Вечером, до захода солнца, как только прозвучит барабанный сигнал «под спуск знамени»²⁹⁵, все они собираются перед квартирой офицера, назначенного в начальники караула, оттуда идут на главное сборное место, чтобы вытянуть жребий на посты и получить пароль, а затем отправляются по постам, которые им выпали. Если тот или иной пост в предшествовавшие часы не охранялся — например, на крепостной ограде, где днем караулы обычно не выставляют, — то офицер, принявший смену, посылает туда часовых немедленно. Когда же наряд должны сдать караульные предыдущей смены, все они, вооруженные, выстраиваются шеренгой на площадке перед кордегардией и покидают площадку по мере того, как очередная смена входит в середину их строя и сама разворачивается в шеренгу, заступая место уходящих, — лишь после этого новый караул размещается в кордегардии и расставляет часовых там, где им положено быть.

Смена караула должна происходить, только когда ворота уже заперты. Это наиболее удобное время и для солдат, и для горожан: день близится к концу, и во всех трудах, которыми они заняты, наступает перерыв. Тому есть и иная причина, более веская: если заведен такой порядок, ни один караульный не сможет предупредить [врага], на какой пост заступает, не говоря уже, что при закрытых воротах меньше риска подвергнуться нападению в час смены караула, да и пароль не выйдет за пределы крепости. Названное время подходит исключительно для гарнизонной службы, так как при наряде караула во время похода или на осадных позициях руководствуются иными соображениями.

Сержант предыдущей смены должен предоставить кордегардию для осмотра сержанту, заступающему в наряд, дабы тот мог проверить, нет ли в чем урона — не сломаны ли двери и окна, не сожжены ли [вместо дров] столы и тюфяки, если таковые имеются, все ли они наперечет, в целости ли капоты, чисто ли в помещениях, — и отметить, что принимает имущество в надлежащей сохранности, ибо и ему самому, сдавая смену, предстоит отчитываться за оное. И грош цена оправданиям, что не он-де его испортил во время своего наряда, — ведь при приеме имущества ему надлежало все осмотреть и доложить о том губернатору. То, что повреждено, он должен будет починить за свой счет, а потребную сумму вычтут из его жалованья. Чтобы всегда содержать кордегардии в порядке, лучшего способа не найти.

Ворота закрывают вскоре после захода солнца — никогда не след дожидаться ночи, во всяком случае в крепостях, где наряжается караул, — а поскольку час этот поздний, начинают звонить в колокол, дабы поторопить запоздалых путников. Между тем караульные, будучи при оружии, начинают запирают первую заставу; те, кто охранял ее, отступают ко входу позади себя, и он запирается таким же образом; после разводят подъемные мосты и бакули, замыкают одни за другими ворота вплоть до последних, и наконец вся охрана оказывается внутри крепости. Майор, проследив, как запирают ворота, идет на сборное место, чтобы выслушать и раздать приказы и отрядить караул. Караул ворот, пока не придет следующая смена, остается вооруженным. Как только ворота заперты, ключи приносят губернатору, а тот кладет их под замок возле своей кровати.

При открытии ворот соблюдают следующий порядок: с рассветом велют бить в барабан, часовые у ворот, а равно и те, кто нес службу в кордегардиях на валу, собираются вооруженными возле предвратной кордегардии и ждут, пока не придет с ключами майор или другой офицер. Сначала отпирают калитку, если таковая есть, и выпускают на разведку пятерых-шестерых солдат во главе с сержантом, за которыми, едва они прошли, сразу, одни за другими, запирают ворота, а мосты — разводят. Разведчики обходят эспланаду в виду ворот, проверяя, не затаился ли кто в оврагах, ложбинах, за строениями, изгородами

и в прочих местах, которые могут предоставить укрытие, а когда осмотрят все, подадут сигнал выстрелом, — я бы хотел лишь, чтобы к этому времени часовые уже покинули свои посты и возвратились в кордегардии²⁹⁶. По мере того как отпираются ворота и опускаются мосты, ко всем входам приставляют охрану, и замки не отпирают, пока посты один за другим — от самого ближнего, при кордегардии у ворот, до последней заставы — не будут заняты часовыми. При проверке повозок, которые ожидают въезда и выезда, часовые должны держать оружие наготове. Повозки, покидающие город, обычно пустые или с невеликим скарбом, достаточно лишь осмотреть, но те, что въезжают, груженные сеном, соломой, дровами либо иной поклажей, могущей дать укрытие нескольким [неприятельским] солдатам, необходимо исследовать при помощи длинных железных штырей с рукояткой на конце, пронизывая ими груз то там, то сям. Пропускать повозки следует одну за другой, не позволяя им перегораживать весь проем ворот. В крепостях, где хорошо поставлена караульная служба, я видел, что поступают таким образом: дают въехать стольким повозкам, сколько может их поместиться между первой заставой или бакулем и ближайшими воротами; в то время, когда повозки въезжают, следующие ворота держат закрытыми, затем отворяют, запирая при этом предыдущие, и пропускают повозки дальше. То же самое происходит и за вторыми воротами: пока одни открыты, другие — на замке, и такой порядок соблюдается в течение всего дня.

Первые частокол или заставу всегда держат запертыми, чтобы преградить путь верховым. Завидев всадников в пятидесяти шагах, часовой у ворот звонит в колокольчик до тех пор, пока не привлечет к ним внимание, и задерживает их. Капрал, сержант или другой офицер требуют ответа, кто они, откуда и куда едут, затем препровождают в ближайшую кордегардию, где записывают их имена, спрашивают, у кого они намерены остановиться, и выдают каждому по билету или жетону, который следует хранить, предъявлять при отъезде во избежание ареста, а в городе, если понадобится нанести кому-нибудь визит, — держать при себе. Тому, кто не покажет свой билет, хозяева гостиниц не вправе предоставить кров. По вечерам, в час, когда ворота уже заперты, всякий

хозяин составляет список тех, кого у себя принимает, с указанием их нации, профессии, а также ворот, через которые они вошли, и не мешкая относит губернатору. Тот сверяет списки с вратными регистрами²⁹⁷, предоставляемыми ему сразу после закрытия ворот, и смотрит, все ли [приезжие] разместились в гостиницах и по сколько в каждой.

Пеший люд, как правило, впускают в крепости безо всяких расспросов, что я, впрочем, не одобряю, ибо предпочел бы соблюдать единый порядок и для пеших, и для конных, исключая лишь жителей города и его окрестностей, а всем иноземцам велел бы выдавать по жетону, чтобы точно знать, какова их численность и где именно они остановились.

В точности такого же порядка, как для въезда повозок и прохода людей через ворота — или относительно схожего с тем, о котором мы говорили, — надлежит держаться и в тех местах, где в крепость входит река, ибо суда тоже нипочем нельзя впускать без досмотра: нужно убедиться, что на них никого не прячут, произвести учет прибывающим и выдать им жетон или билет для размещения. С не меньшим тщанием этот порядок соблюдается и в том случае, если какая-нибудь река, чьи истоки — в неприятельских землях, впадает в нашу. [Поперек реки] вкапывают два ряда кольев, между которыми задерживают суда, а рядом [на берегу] устраивают кордегардию. Добрая кордегардия необходима также в порту, для надзора за разгрузкой судов и высадкой людей, прибывающих в крепость.

Всех, кто входит в крепость, обязывают сдавать в первой же кордегардии принадлежащее им огнестрельное оружие и велют одному из солдат отнести его к тем воротам, через которые его обладатель, будь то местный житель или приезжий, намерен [впоследствии] выйти: тот сам указывает ворота, а покидая город, забирает свое оружие по пути. Иногда оружие доставляют хозяину гостиницы, который обязан принять его, поместить под замок и не отдавать постояльцу ни под каким видом, а при его отъезде — поручить слуге сперва вынести оружие за ворота и лишь тогда вернуть. В иных крепостях точно так же требуют оставлять и шпагу — хуже того, заставляют связать эфес с ножнами, однако обычай сей неоправданно строг и вызывает изрядное

недовольство у тех, кто без шпаги обходиться не привык. И потом, разве воинов в полном вооружении можно одолеть одними лишь шпагами?

Иногда является надобность отворять ворота посреди ночи, от чего, впрочем, я бы воздержался, если только речь не идет об исключительных обстоятельствах — например, письме короля, содержащем срочный приказ для губернатора или для другой крепости, в которую письмо необходимо передать через наш город, потому что иным путем достичь ее невозможно; либо прибытии некоей высокопоставленной особы — принца или офицера короны. Многие из этих особ не слишком торопятся в пути, будучи уверенными, что их все равно впустят, хотя могли бы выслать кого-нибудь вперед и заблаговременно оповестить губернатора о своем приезде, — между тем, знай они, что ночевать придется под открытым небом, до злоупотреблений, процветающих ныне, не дошло бы. В пограничных крепостях и в военное время ворота [по ночам] отворяют лишь в силу чрезвычайных причин, и, упреждая возражения, которые могут мне привести — дескать, нужно же где-то останавливаться на ночлег, — я предлагаю обустроить на каждой подъездной дороге, в полчетверти лье²⁹⁸ от крепости, по постоялому двору, чтобы дать пристанище тем, кто приезжает после закрытия ворот.

Когда нужно отворить ворота [ночью], придерживаются следующего порядка: к ним с ключами идет сам губернатор или, по крайней мере, майор, в сопровождении пятерых-шестерых вооруженных солдат из кордегардии на [главной] площади, равным образом велит вооружиться караульным в кордегардии у ворот, отворить первые ворота и выпустить столько солдат, сколько понадобится для охраны остальных входов, вплоть до последней заставы, прочих же оставить в кордегардии. После того как солдаты выйдут, он приказывает замкнуть главные ворота и поднять мост, по которому они прошли, либо развести мост у калитки, если таковой есть. Дав время одним солдатам занять промежуток до следующих ворот, эти ворота отворяют, чтобы выпустить других, — и точно так же запирают опять; так и доходят до заставы. Губернатору, коль скоро он присутствует лично, всегда пристало оставаться в городе и не выходить, что бы ни случилось, даже за

первые ворота. Достигнув заставы, караул требует от приезжих назваться, высылает наружу офицера с несколькими солдатами, дабы опознать их, и лишь после этого выпускает. Заставу вновь запирают, затем отмыкают предыдущие ворота или опускают бакуль, позволяя приезжим, а также всем солдатам, находящимся с ними в одном промежутке, перейти в следующий; передние ворота открывают, только когда задние окажутся на замке, — и так до последнего входа. Предосторожность эта ограждает от внезапных нападений.

Мне могут возразить, что губернатору весьма хлопотно будет следить за соблюдением всех этих порядков. Отвечу так: если уж описывать что-либо, то во всей полноте, не упуская ни одной мелочи, — иначе тебя обвинят в невежестве или нерадении к лучшему. Каждый вправе отсечь то, что сочтет лишним: куда разумнее обойтись малыми трудами, нежели умножать их. Здравому смыслу пристало смягчать правила в зависимости от места, времени и обстоятельств, — ведь строгостям военного времени нет места во дни мира, а порядки, заведенные на границе, подчас чрезмерны для крепостей, расположенных в срединных областях государства. Поэтому всяк сам судит, что подлежит обязательному исполнению, а чем можно пренебречь.

Дневной караул отряжают в те места, откуда опасность может грозить в светлое время суток, — иначе говоря, к воротам, протокам рек или слабозащищенным по какой-либо причине участкам крепостной ограды — туда, где пробиты брешли, обрушилась каменная кладка, вал низок, нет рва и т.п. Когда на бастион или на ограду нельзя взобраться при свете дня — они вполне надежны и в [дневной] охране не нуждаются, а если на них и устраивают кордегардии, то лишь для тех немногих часовых, которые следят, чтобы никто не бродил по валу или с внешней стороны ограды с разведывательной целью, пытаясь составить план крепости. Когда эти часовые замечают неизвестного, осматривающего крепость или же измеряющего ее окружность, то задерживают его либо, если это невозможно, оповещают о нем ближайшую кордегардию. Точно так же они поступают и в отношении того, кого увидят вовне крепости, не разрешают ему подходить к контрэскарпу ближе разрешенных пределов, а если заметят, что тот, даже

будучи на порядочном расстоянии, следит за крепостью и обошел ее по нескольку раз, то подают знак ближайшей кордегардии. Оттуда немедленно высылают нескольких солдат — те хватают его, тащат в кордегардию и допрашивают: кто он, почему шатается по округе и кого знает в городе. Если ответы задержанного вызвали недоверие, тотчас начинают копать глубже: изымают бумаги и вещи, которые он носит с собой, и препровождают его к губернатору. Губернатор учиняет повторный допрос, а заподозрив неладное, велит доставить к себе все пожитки, какие только сыщутся в жилище этого человека, и тщательно осматривает их в поисках дневников, записок, писем и предметов, могущих что-либо объяснить. Подозреваемого держат под арестом, пока все о нем не разузнают и пока его невиновность не будет ясно доказана; если же подозрения справедливы — беспощадно карают как шпиона, но прежде пытыывают у него, с какими намерениями он был подослан врагом.

Прежде чем ворота будут отворены, подле них, ко времени окончания разведки, о которой мы говорили, собираются караульные с вала. Во многих больших городах дневную охрану отряжают только к воротам, тогда как на валу остаются разве что те часовые, без которых не обойтись. Однако это касается лишь городов, где в наряд заступают одни горожане, то есть тех, которым не слишком угрожает нападение врага, — в остальных караул с вала посылают в кордегардии при входах.

Караул, полностью состоящий из горожан, — одно название. В первое время служба для них — забава: они выказывают великое рвение, иногда даже сверх необходимого, а случается, и дерзят тем, кто входит в город, — но уже по прошествии нескольких дней всяк пытается увильнуть от наряда или переложить свои обязанности на другого. По ночам они обходят едва ли половину вала, на службу являются, только чтобы не платить штраф, а днем — пьют в кордегардиях или убивают время за игрой, что ни час отлучаются в город по своим надобностям, так что большую часть времени кордегардии остаются пустыми; часовые иной раз засыпают даже на заставе. Виной тому — безначалие, ибо солдаты своим командирам — друзья-приятели и слушаются их, только когда захотят. Окажись поблизости враг, ему будет легче легкого захватить

ворота внезапным натиском, ибо и горстки хорошо вооруженных смельчаков будет достаточно, чтобы перебить такой караул, не встретив сопротивления, и открыть дорогу в крепость своим войскам. Другое дело — солдаты, состоящие на жалованье: начальники имеют над ними полную власть, обязывают блюсти долг и предадут наказанию за проступки. Каждый, кто состоит на военной службе, какой бы чин он ни носил, подчиняется своему командиру, тот — своему и т.д., так что нижестоящим не избежать надзора вышестоящих, — и губернатору, а равно и другим начальникам положено вседневное надзирать за караульными, дабы те не забывали о своих обязанностях.

Если в караул ходят и солдаты и горожане, то солдат я бы отряжал ко внешним входам, а горожан — в кордегардию, расположенную в городе либо, случись три кордегардии подряд, лучше в среднюю, дабы за горожанами можно было приглядывать и с той, и с другой стороны, и поручал бы им выдачу билетов или жетонов на размещение. Обязанность эту обыкновенно исполняют именно местные уроженцы, ибо они знают жителей своего города и его окрестностей, могут указать той или иной особе жилище, подобающее ее положению, и больше смыслят, о чем расспрашивать приезжающих, — тогда как солдаты нередко принадлежат к разным национальностям и не понимают языка страны, в которой находятся. По той же причине горожанам, в отличие от солдат, сподручней вести поименный учет лиц, проходящих через город или решивших в нем остановиться.

Задача дневного караула — не дать [врагу] внезапно захватить ворота. Поэтому караульным положено всегда держать свое оружие наготове (пики — поставленными вертикально в козлы рядом с кордегардиями, а мушкеты с зажженными фитилями — разложенными на столах за оградой кордегардий), чинить допрос прибывающим, изымать у них огнестрельное оружие, досматривать повозки, следить, чтобы те не перегораживали ворота, и в течение всего дня блюсти порядок, который, как мы говорили, вступает в силу, едва ворота будут отворены. Завидев вооруженных всадников или пехотинцев, намеренных атаковать заставу, караул из передовой кордегардии должен запереть ворота либо развести мост перед ними и занять оборону в демиллоне либо

другой постройке, которая их прикрывает. Самое главное — нельзя уходить из кордегардии в город и вообще куда-либо без приказа своего командира, что бы ни случилось. И еще: караульным всегда надлежит держаться поодаль от прибывающих в город людей, ни в коем случае не пытаться разнимать их, если те затеют драку, — офицер должен это позволить, — и не помогать тем, с кем приключилось несчастье: лошадь ли сбросила, телега ли опрокинулась, фрукты ли рассыпались, вино разлилось и т.п.; пусть считают, что все это — уловки врага, который хочет выманить их из кордегардии, захватить врасплох и обезоружить. Вот почему всякий раз, увидев что-либо подобное, они, вместо того чтобы кидаться на выручку, должны взять оружие на изготовку, а о том, кому нужна помощь, кому нет, — предоставить судить офицерам. Подлинное средство избежать внезапного нападения — постоянно держаться настороже.

Иные губернаторы заводят обычай не выпускать прибывших гонцов, пока сами не повидаются и не переговорят с ними, и обязывают караул из предвратных кордегардий препровождать их к себе. Заведение это, проистекающее лишь из простого интереса к новостям, крайне нежелательно для королевской службы, а иногда и вредит ей, — ибо хорошо известно, что у нарочных почти всегда находятся неотложные дела: с какой же стати, спрашивается, вынуждать их терять часы, которые им столь дороги? А когда речь идет о королевской депеше большой важности, которую необходимо вручить как можно скорее, — вправе ли губернаторы задерживать их, отнимая время? Так поступать негоже, тем паче что гонец, видя, что его мытарят понапрасну, может в сердцах и умолчать о тех новостях, которые знает, а сочинить назло какой-нибудь вздор, дабы не тешить ничьих надежд и посмеяться над теми, кто докучает ему своим любопытством: довольно, если его расспросят прямо у ворот, а затем доложат губернатору.

О действиях караула при тревоге, случись она в городе либо за его пределами, наш рассказ еще впереди.



ГЛАВА XXXIII

КАК ГУБЕРНАТОРУ НАДЛЕЖИТ УПРЕЖДАТЬ И СМИРЯТЬ БУНТЫ

Раз уж мы рассказали о предосторожностях, позволяющих всегда быть готовыми к отражению противника извне, не менее важно знать, каким образом предотвращают беспорядки в самой крепости, учиняемые людьми, которые считаются за своих, и как обуздывают смутьянов. Зло сие, подобное болезни внутренностей, чрезвычайно опасно и губительно, поэтому, во избежание осложнений, его следует врачевать бережно либо утолить верными средствами, прежде чем оно возобладает.

Не зная причины недуга, средство против него не найти — так что начнем мы именно с причин, побуждающих солдата бунтовать: о них мы обстоятельно говорили²⁹⁹, рассматривая как осаду, так и оборону крепостей, и приводили в пример те порядки, которые устанавливались в таких случаях крупнейшими полководцами.

Бунт — это стихийное возмущение, вызванное враждебностью одних солдат к другим, одного подразделения в гарнизоне — к другому, одной нации или веры — к другой, склоками горожан с солдатами и между собой, а также негодованием гарнизона или жителей города на своих начальников, которое иногда ограничивается бунтом, а иногда приводит и к восстанию. Солдаты могут бунтовать из-за проигрыша, женщин, опьянения, несправедливого обхождения, а если принадлежат к разным нациям, исповедуют разную веру и служат в разных подразделениях, — то еще из нежелания уступать друг другу. Они идут против горожан, если те не содержат их как полагается или когда горожанин стремится расквитаться с ними за оскорбление, нанесенное словом или

действием: он зовет на помощь соседей, а солдаты — своих товарищей. Сами горожане враждуют редко, только когда затронуты их религиозные чувства или город разобщен соперничеством партий. На своих начальников солдат поднимается, когда ему не платят, — иной повод едва ли можно назвать; горожанину же требуются на то причины куда более веские: если его угнетают, принуждают к тому, чего он делать не должен, обременяют непомерными выплатами, угрожают его дому и жене, требуют отречься от своей веры, отнимают привилегии и т.д. Если же против начальников объединяются и солдаты, и горожане, то недалеко и до восстания; впрочем, когда они не выходят из повиновения государю и остаются на службе, которой ему обязаны, я бы назвал это [лишь] бунтом.

Бунт, причина которому — запальчивость безо всякого злоумышления и намерения нанести урон королю, нельзя предвидеть заранее, зато и усмирить легко. Когда он вспыхивает среди солдат, довольно, чтобы рядом находился один из офицеров — пусть сурово одернет их, грозя наказанием, если они не уймутся, и даже поколотит кого-нибудь, если без этого не обойтись: они наверняка остынут, особенно когда несут службу в одном подразделении. Случись, что они принадлежат к разным подразделениям или разным нациям, офицер должен взыскивать лишь со своих [подчиненных], а прочим пообещать, что разрешит ссору: лучше-де обратиться к нему, чем поубивать друг друга из-за пустяка, — и командиру противной стороны, будь он поблизости, надлежит повторить то же самое и разнять спорщиков. Таким же образом вразумляют и тех, кто исповедует разную религию, ибо их конфликт недалек от бытовой склоки — разве что, в отличие от нее, затрагивает не одного-двух человек, а многих. Когда раздор вспыхнул меж солдатами и горожанами, то сторону первых представляет их командир, а вторых — мэры или эшевены³⁰⁰, буде те, паче чаяния, сами не примкнули к бунту. Если выяснится, что бунт начали солдаты, то губернатор, пригрозив им прежде виселицей за насилия и невыполнение приказов, требует сложить оружие и рассказать, что произошло, дабы он мог воздать всем по справедливости. Окажись же, что горожане ополчились на солдат, пусть объявит смутьянам, что они-де сами предоставляют ему случай сжечь их в собственных

домах, — и он без колебаний прикажет сделать это, коль скоро возмущение не утихнет; и хотя числом они превосходят солдат, но те, как им предстоит убедиться, куда отчаяннее и не рискуют ничем, кроме жизни, которую, как бы то ни было, намерены дорого продать; пусть рассудят: все, на что они могут надеяться в своем стремлении к мести, — это одержать верх; но затем дома их будут преданы огню, родители, чада и жены — убиты, да и самим им не избежать гибели, ибо истребить гарнизон вместо того, чтобы добиваться справедливости законным путем, — великое злодеяние, и король не оставит его безнаказанным. При этом губернатор должен пообещать, что выдаст зачинщиков смуты и их сообщников и позволит горожанам покарать их, как те того захотят. Подобные речи позволяют ему усмирить горожан, без сомнения, более сильных, раз уж они взялись бунтовать: пусть избегнет их гнева и расположит к себе милостивым обхождением. Но в то же время ему следует подать знак своим людям, чтобы те, взяв оружие и боеприпасы, заняли какой-нибудь крепкий дом, церковь или иную замкнутую постройку и приготовились в ней обороняться, и поскорее послать за подмогой на квартиры [армии], в соседние гарнизоны, коль скоро таковые есть поблизости, к государю, генералу или губернатору провинции, представив им свой доклад о положении дел. Поняв, что обложены со всех сторон, горожане, несомненно, пойдут на попятную: такие люди никогда не оказывают твердого сопротивления, но сперва стремятся внушить страх множеством своим и если увидят, что их боятся, то неистово восстают и чинят жестокую расправу. Чтобы не допустить бунта горожан, губернатору и другим командирам сразу по вступлении в крепость надлежит обнародовать свои порядки и взыскивать точного их соблюдения, внушив и городскому населению, и солдатам, что кара за проступки неотвратима: горожанин, зная, что получит удовлетворение своим обидам, понятное дело, станет жаловаться губернатору, а не бунтовать. И хотя, стоит отметить, люди из народа отнюдь не всегда столь благонамеренны сами по себе, однако скопом — если только не притеснены сверх меры — ни за что не пойдут против справедливых установлений и бунтовать не станут.

Солдаты обычно поднимаются против командования из-за того, что не получают жалованья (о том, что нужно делать, когда

гарнизон осажденной крепости подумывает сложить оружие, мы расскажем в одной из глав, касающихся обороны³⁰¹). Если всех денег изыскать нельзя, единственное спасение — наскрести и выплатить хотя бы часть, ибо голые посулы бесполезны: раз уж солдаты взбунтовались, то наверняка прежде не раз выслушивали обещания, но так ничего и не получили. Итак, ни слова, ни обязательства не помогут — солдатам необходимо материальное удовлетворение. И пусть губернатор остережется карать кого-либо из них примерной казнью или заточением в тюрьму: это очень опасно, когда солдаты разгневаны и вооружены, — ведь с ними обошлись несправедливо, оставив без жалования, так что они имеют причину для недовольства. Хотя им следовало бы вести себя по-другому, но нужда подчас пересиливает, — и, пока не поймешь, чем их пронять, дабы они осознали свою вину, незачем доводить их до пущего озлобления. Но после того как они получают, что требовали, и угомонятся, им можно объяснить, что бунт противен закону и военному уставу; они не правы — тем более что деньги, которые им причитаются, он намеревался выплатить на следующий день, — и заслуживают смерти за свое преступление; напиши он королю, тот велел бы вздернуть многих, — но сам он слишком любит их и сокрушается, зная, что виновных всего горстка и жребий выпадет скорее тем, кто ни в чем не замешан, нежели зачинщикам: ему-де хорошо известно, что таковых лишь двое или трое, однако они способны погубить всех остальных, исполненных благой цели жить и умереть хорошими солдатами, служа королю и отчизне, — так что, острастки ради, придется отделить злодеев от честных людей, взять тех, кто верховодил смутой, бросить в тюрьму и предать наказанию, которое он сочтет для них справедливым. Засим губернатор, буде заметит, что среди солдат поднимается ропот, вроде того, что случился из-за денег, должен сразу пресечь крики возмущения, поигрывание оружием и буйные выходки, — а всякого, кто позволит себе что-либо подобное, — без промедления схватить и покарать, ибо, стоит солдатам почувствовать вседозволенность, они примутся бунтовать что ни день. Вместе с тем нельзя оставлять их без слов поддержки и доводить до отчаяния, особенно если они привыкли получать плату [регулярно]: когда им не платят, дело приобретает очень

опасный оборот — ибо, как мы отмечали выше, перемена от лучшего к худшему нестерпима. Либо следует постепенно приучать их к тому, что им вовсе не станут выплачивать причитающееся, дабы они больше не думали о своих деньгах, — но делать это можно лишь исподволь и отнюдь не в каждой крепости и не во всякое время. Кроме того, губернатор должен учитывать, из каких стран происходят его солдаты, и поступать с ними согласно их обычаям и характеру, — так, как мы подробно рассказали в одной из предыдущих глав.

Если же понятно, что волнения продолжаются и в одночасье с ними не совладать, необходимо запереть все крепостные ворота, а караул, как он есть, — поставить под ружье. Когда известны солдаты, сеющие среди своих товарищей раздор и смуту, то наилучшая предосторожность и главное средство против бунта — немедленно прогнать их прочь, ибо они даже в одиночку или вдвоем способны взбунтовать целый гарнизон. Именно они затевают свару и подстрекают прочих, а посулы их настолько убедительны, что никому не удастся устоять. Итак, от таких надлежит избавиться: когда нет главаря, солдат не так-то легко подбить на мятеж. Гарнизону воспрепятствуют сходы, как тайные, на квартирах, так и открытые, посреди крепости, во время которых ведутся крамольные речи, — ведь в этих-то речах и кроется семя возмущения. Едва солдаты где-либо соберутся, пусть к ним поспешит сержант, капрал или другой офицер, дабы послушать, о чем они говорят, а если назревает бунт — выявить его первых зачинщиков, схватить их и предать наказанию.

Надлежит также обособить друг от друга квартиры и ночлег тех солдат, что принадлежат к разным нациям или исповеданиям, — ведь если солдаты не сталкиваются в быту и общении, то и ссор меж ними не возникает. И хотя в караул им приходится-таки ходить вместе, однако караульный наряд — не то время, когда они готовы бунтовать: их не так много, что с той, что с другой стороны, да и командиры тут как тут, чтобы вмешаться; паче того, в карауле солдаты преисполняются ответственности, не позволяющей им выйти из повиновения. Итак, будучи в наряде, они не смогут предаться игре и повздорить из-за проигрыша, а разойдясь по отдельным квартирам, не затеют склок ни из-за

пьянства, ни из-за женщин. Если же их волей-неволей приходится поселить вместе, — например, когда полк или рота составлены из солдат разных наций или религий, — то тех, кто друг другу сродни, стараются, по возможности, размещать на одной квартире, воспрепятствуют всякие взаимные оскорбления, а первых, кто нарушит этот запрет, — публично наказывают. Правила [общезития] вкупе с боязнью наказания, внушаемой солдатам, заставляют их быть такими, какими нам хочется их видеть. Портят солдата лишь поблажки: распусти его — и больше не приструнишь.

А вот еще один действенный способ, к которому часто обращаются, когда прочие уже исчерпаны: велют бить тревогу, губернатор и начальники [гарнизона] выходят к солдатам и поднимают их на бой пылкой речью, а затем ведут на те посты, которые надлежит оборонять. Естественная ярость к врагу подавляет случайную вспышку раздражения против товарищей: как только первый огонь утаснет, ему больше не возгореться, и, коль скоро причины ссоры несущественны, их легко забыть.

Но подлинное и главное средство [против бунтов] — насаждать в солдатах строгую дисциплину и страх [перед наказанием], а в горожанах — чувство долга и всякого судить по справедливости, а за первый же проступок — примерно наказывать, никому не давая спуска. Сам губернатор должен пользоваться доверием и авторитетом, строго блюсти закон, беспощадно карать за беспорядок и нерадение, проявлять участие к любому, вне зависимости от личной приязни и обязанностей на службе короля и правосудия, выслушивать и разрешать любые жалобы либо поручать их разрешение лицам, на то уполномоченным, и быть безупречным в собственных поступках. Человек, который подчинил жизнь этим правилам, вызывает и симпатию, и трепет одновременно, и бунты в его крепости наверняка будут случаться нечасто.



ГЛАВА XXXIV

О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ИЗМЕНЫ, ВОССТАНИЯ И ЗАГОВОРА И О СРЕДСТВАХ ПРОТИВ НИХ

Волнения, о которых мы говорили выше, лишённые какого бы то ни было предумышления против крепости и государственной службы, чреватые разве что тяготами для тех, кто остается в строю, да ослаблением гарнизона: если их не усмирить, то, случись поблизости враг и предупреди его кто о происходящем раньше, чем в крепость подоспеет подкрепление, они могут сыграть роковую роль. Измена и восстание куда опасней: первая — потому что подготавливается втайне и открыть ее до того, как она будет совершена, весьма трудно; второе — поскольку мы столкнемся со сплоченной силой, которой нельзя противиться. И измена, и восстание, если их не предотвратить или не изыскать средства против них прежде, чем они наберут силу, способны погубить крепость.

Измена может быть делом рук и наших мнимых приверженцев — подданных государя, и врагов, выдающих себя за своих и переметнувшихся к нам, и людей посторонних, которыми движут корыстные интересы. Если говорить о государевых подданных, то это могут быть либо жители города, либо военные, а из последних — либо простые солдаты, либо офицеры, — и всяк, смотря кто он есть, может совершить измену или же способствовать ей по-разному.

Горько быть обманутым теми, на кого полагаешься; по сему надлежит исходить из соображения, что любой перебежчик с противной стороны намеревается чем-нибудь навредить нам, и никогда ему не доверять. Все, кто явился от врага, должны быть у нас на подозрении: ведь что бы ни послужило причиной [их

измены], ни один не предастся нам всей душой и не забудет ни отчизну, ни свой прежний стан, а если и сделает что-либо для нас полезное, то отнюдь не из желания сослужить нам службу, а ради того, чтобы насладиться малейшим раскаянием тех, кого винит в своих обидах, — и, едва лишь ему посулят, что его заслуги будут оценены лучше, тотчас начнет помышлять о возвращении к своим и каких-либо каверзах против нас. В истории примеров тому — несть числа, да и в наши дни предостаточно. Поэтому, коль скоро перебежчики пришли к нам целым отрядом, следует отослать их порознь во внутренние области страны, — а если по одному или по двое и решено оставить их в крепости, — будь то даже офицер или знатная особа, не давать им важных постов на службе, не поручать никаких заданий и не посвящать ни в одно дело. Прежде чем они освоятся в крепости, лучше было бы определить их в такое место, где они не сумеют причинить вреда, и, невзирая на их чины, нипочем не вверять им ответственных должностей и не открывать своих планов. Многие держатся мнения, будто все, что совершено ради службы своему государю, — почетно. Что до меня, то я не возражаю, если только речь не идет о переходе на сторону врага; но когда клянутся в преданности кому бы то ни было и нарушают свою клятву — это вероломство, сиречь измена. Слово пристало держать и перед друзьями, и перед недругами — перед всеми, кому обещана верность. И хотя государь, принимая подобные услуги, не осуждает того, кто их оказывает, — ибо тот ему полезен, — однако относится к нему с презрением.

У всякого губернатора должны быть надежные люди или соглядатаи, которые следят за тем, что происходит в крепости, обходят гостиницы, где ведется игра или курят табак, а чтобы проведать о делах гарнизона — подслушивают, о чем, собравшись, говорят солдаты. Городскому майору тоже надлежит приглядывать за гарнизоном: всегда знать, что за солдаты там служат, как они себя ведут и какие происшествия у них случаются.

Рядовой солдат может способствовать измене только одним способом — если, стоя на часах, выпустит врагов, которые отнимут у дозора пароль, расправятся с дозорными, а затем нападут врасплох на кордегардию. Но когда весь караул, вплоть до часовых, назначается по жребию, изменнику, окажись он в наряде, будет

нелегко попасть на нужный пост; когда велено называть дозорам пароль согласно их очередности, — это станет для него преградой; когда дозоры, блюдя свой долг, то и дело заглядывают за ограду и прислушиваются, нет ли кого во рву, если часовых ставят не слишком далеко друг от друга, — посягательство противника тем более будет раскрыто. Опасность, таким образом, отвращается одним лишь соблюдением правил, о которых мы уже говорили.

Кроме того, под видом солдата в крепость может проникнуть лазутчик, который попытается попытаться подбить к смуте гарнизон. Но такого лазутчика легко разоблачить, если действовать так, как было сказано выше, — то есть приставить согладая к солдатам из нового пополнения, о которых мы ничего не знаем: тот следит за ними, мало-помалу входит к ним в дружбу и, деля с ними стол, заводит разговоры о том, что будто бы скучает в этом гарнизоне и, хотя здесь вполне сносно, хотел бы подыскать для себя место получше. Собеседник, замышляющий недоброе, мешкать не станет, ибо для того и явился, чтобы разжигать недовольство, — и, когда решит, что случай подвернулся, не захочет его упустить; еще лучше, если ему попадется сержант или капрал, ибо, сблизившись с ними, он может открыть им свои планы: вот верное средство разузнать намерения лазутчика.

Возможности офицера — куда больше, а его участие в измене тем опасней, что он знает своих солдат и тех [из них], кого проще сбить с пути. Он более изобретателен в подготовке измены, при совершении таковой — волен назначать часовых в ту смену и на те посты, которые ему выгодны, а солдат, не посвященных в заговор, — увольнять или занимать другой службой; принимать в гарнизон своих соумышленников, в которых уверен и на которых может положиться, — либо настаивать, чтобы их приняли. Чтобы избежать этой пагубы, следует жаловать должности и полномочия лишь особам, известным своими убеждениями и нравом и долгое время служившим в гарнизоне или в армии, — но ни в коем случае тем, кто пожил в чужих краях либо служил врагу, пусть даже до войны. Если же офицер поддерживает сношения с подозрительными лицами, получает вести и послания неведомо откуда и покидает крепость для того, чтобы их получить, — пусть губернатор велит следить за ним: тот может быть

изначально подослан ради причинения вреда (и, следовательно, давать ему должность небезопасно, не говоря уже о том, что, заняв ее, он будет доносить [врагу] о времени, месте, распорядке и т.д.) или же созреть для измены уже в крепости. И в том и в другом случае изменнику нелегко будет таить свои происки, когда за ним надзирают, и чем выше его положение, тем скорей о них станет известно. Кроме того, непозволительно верить кому бы то ни было единоличное командование в кордегардии, — но наряжать в каждую по двое офицеров из разных подразделений, чтобы один смотрел за другим, а заметив, что тот поступает вопреки порядку, остановил его и заставил поправить дело, — и, если соблюдать те правила, о которых мы говорили, изменник должен будет либо привлечь на свою сторону всех солдат этой кордегардии, — а это невозможно, так как они принадлежат к разным подразделениям и идут в наряд по жребью, — либо во всеуслышание объявить, что он замышляет предательство. Дозоры, коль скоро они исполняют свои обязанности надлежащим образом, смогут увидеть, что происходит в кордегардии, в порядке ли она и все ли солдаты налицо; ну а дозоры чрезвычайные — поистине панацея, ибо особы, которые их производят, тем взыскательней, чем сильнее чувство ответственности за крепость затрагивает их интересы и честь.

О высших офицерах, сиречь сержант-майоре города, королевском лейтенанте и самом губернаторе, я речь не веду, ибо на эти должности, как уже говорилось, королем пристало назначать людей, которых он знает лично и которым полностью доверяет. Наша цель — рассказать только про *обязанности* губернатора, полагая, что он именно таков, каким должен быть и каким нами описан: ведь окажись губернатор человеком недостойным и пожелай предать крепость врагу, никто не сможет этому помешать.

Когда восстают горожане, их умиряют так, как мы рассказывали в главе о бунтах, или же прибегают к иным средствам, о которых речь еще впереди. Если же у жителей не хватает сил, чтобы поднять восстание, они могут подбить на мятеж солдат, находящихся в городе; потихоньку впустить в город переодетых врагов, дать им пристанище в своих домах и укрывать до поры; известить противника о состоянии крепости и гарнизона; перебить гарнизон однажды ночью, если солдаты не слишком берегутся, —

наконец, будучи наряженными в караул, провести неприятеля через свои посты. Но мы редко видим, чтобы подданные государя доходили до таких подлостей и единодушно одобряли их: найдутся и те, кто вопреки остальным останутся верными губернатору и предупредят его: поэтому объединиться ради такого преступления смогут лишь немногие, да и решимости идти до конца у них вряд ли достанет. Мятежников и лиц, сочувствующих противной партии, едва таковые будут выявлены, следует взять под надзор, а попытайся они вновь затеять смуту — изгнать прочь из крепости. Наконец, если верность жителей вызывает сомнение, в их городе насаждают такие порядки, словно он был завоеван: не позволяют переменять место жительства иначе как с ведома губернатора; не пускают посторонних лиц, не спросив у них имени и подданства и не выдав жетона или билета, а если выяснится, что из тех, кто вошел в крепость, многие в ней и остались, но в гостиничных списках их нет, — заставляют обыскать ее; требуют, чтобы патрули оставались в наряде до самого рассвета; никому не дают выходить по ночам; солдат размещают на укрепленных квартирах; жителей — разоружают, не посылают ни в караул, ни на часы, запрещают устраивать сборища; губернатору же надлежит неукоснительно взыскивать соблюдения этих порядков и сурово карать тех, кто им воспротивится. Когда видно, что крепость охраняется надежнейшим образом, то никакие поползновения никому и в голову не придут: первое впечатление либо отталкивает нас, либо побуждает к действию, и если мы с самого начала убедили себя, что задача невыполнима, то больше к ней не возвращаемся, но стоит нам углядеть малейшее упущение, — принимаемся размышлять, как бы с нею справиться, и со временем находим достаточно средств, чтобы подготовить и выполнить задуманное. Поэтому противника следует лишить всякой надежды на успех и, демонстрируя дисциплину и бдительность, дать ему понять, что любой план, какой бы ни пришел ему на ум, встретит отпор.

Раз уж мы заговорили об изменах, расскажем и о мнимой измене³⁰², совершаемой людьми, которые остаются верны своему господину, в то время как враг считает, что переманил их на свою сторону. Враг иногда находит возможность испытать, не склонен ли тот или иной офицер к предательству. Когда такое случается,

не след оттакивать подстрекателя — напротив, лучше убедить, будто его замыслы встречают сочувствие, чтобы он, осмелев, мог продолжить, — и выказывать его предложениям тем большее одобрение, чем дальше он заходит, — пока он окончательно не разоблачит себя либо в переписке, либо в разговорах. Так поступают, чтобы выведать планы противника, найти противодействие средствам, к которым он может прибегнуть, выполняя свои намерения, а также нанести ему урон, изобличив и предав каре его пособников. Но пусть человек, получающий подобные предложения устно или письменно, не забудет после первого же раза доложить о них губернатору, чтобы тот направил донесение королю и дождался приказов, каковые его величество сочтет нужным отдать, — ибо надлежит опасаться, как бы короля не уведомил о происходящем кто-нибудь другой: в делах столь щекотливых любые оправдания не стоят ломаного гроша, и можно оказаться виноватым. Если будет велено вести игру до конца, необходимо переправить врагу некоторые сведения о гарнизоне и крепости, чтобы тот сильнее поверил в мнимую измену, — ведь их он узнает и от шпионов, которые наверняка случатся на нашей стороне. Когда станет известно обо всех участниках заговора, то, прежде чем избрать средства и назначить время его подавления, губернатору предстоит скрытно и понемногу ввести в крепость столько солдат, сколько понадобится для усиления гарнизона, разместив их подле себя и на квартирах преданных ему офицеров. Для истребления измены предпочтительней ночные часы: после того как ворота будут заперты, губернатор приказывает, чтобы все замешанные в измене явились к нему сами или же были взяты у себя дома, и сажает их под надежную охрану; затем — удваивает караулы, а в тех местах, где должен проникнуть враг, — выставляет часовых из числа офицеров или иных верных людей, которых посвящает в дело и, раскрыв свой замысел, снабжает [особым] паролем, дабы те, заступив на посты, могли называть таковой. Одновременно следует привести в боевую готовность орудия на фланках, зарядив их картечью и нацелив в те же самые места, снарядить несколько фальконетов, аркебуз с крюком, гранат, запасти фейерверки, предназначенные как для поджога, так и для освещения, и вывести на улицы подле откоса вала хорошо вооруженных

людей. Когда покажутся враги, часовой впускает их поодиночке, а остальные — провожают туда, где они задумали собраться для нападения на кордегардию, — и умерщвляют одного за другим, стоит им отойти подальше от вала, где свои их не услышат. Едва с ними будет покончено, принимаются за тех, кто ждет снаружи, — закидывают фейерверками ров и контрэскарп, а затем выдают из подготовленных флейт серенаду артиллерийского огня, которая не утихнет, пока внизу остается еще хоть кто-нибудь, готовый ее слушать. Иногда врагам позволяют миновать ворота, а впустив достаточно, опускают герсу и таким образом захлопывают ловушку либо дают пробраться в город на судне через протоки рек или такие участки, которые кажутся наиболее удобными. Мы вправе ответить обманом на обман и отнять жизнь у тех, кто стремится лишить нас чести.

Если бы восстание можно было устроить тайно, подобно измене, оно оказалось бы куда опасней; но, поскольку в нем участвует целый гарнизон или большая его часть, немыслимо, чтобы все разом и единодушно сговорились учинить злодейство, не расходясь ни в сроках, ни в средствах, — хоть один несогласный да найдется (здесь я имею в виду восстание многочисленных войск, которые стремятся поддержать врага или перейти на его сторону). Чаще всего восстают гарнизоны, набранные целиком или преимущественно из иностранцев, которые преисполняются дурных намерений из-за невыплаты жалованья, какой-нибудь обиды либо вражеского подкупа; при этом враг должен быть неподалеку, чтобы принять их у себя или вступить в крепость, едва представится случай. Губернатору, как только он узнает, что начались разговоры о восстании, надлежит выяснить, кто из командиров разделяет это намерение и подстрекает остальных, и постараться сделать так, чтобы они открылись перед особами безупречно верными: пусть те ради разоблачения всего заговора притворятся, будто держатся одних с ними взглядов, хотят примкнуть к мятежникам и сослужить им службу, — и, когда бесспорные доказательства окажутся в его руках, сию же минуту арестовать всех [зачинщиков] одного за другим. Пусть сразу же соберет военный совет и потребует их осуждения и казни: с такого рода пагубой необходимо покончить немедленно, ибо она подобна отраве,

которая, не случись под рукой противоядия, разрушает внутренности быстро и незаметно.

Когда же участники восстания или те, кто был готов его начать, сильнее губернатора и превосходят числом всех остальных, то после того, как заговор будет открыт, зачинщики и главные смутьяны схвачены, а их замыслы — преданы гласности, губернатор должен произвести аресты, но в то же время призвать к себе людей, которые не слишком рьяно поддерживали заправил восстания в их подлых устремлениях и не успели запятнать себя, и объяснить, сколь возмутительны и бесчестны в глазах окружающих измена и восстание; ничего более гнусного и вообразить нельзя, ибо даже враг, который поощряет восстание ради собственной выгоды, ненавидит его главарей; но он, губернатор, обращается к собравшимся как к людям добронравным и порядочным, поскольку прекрасно знает, что их жизнь никогда не вызвала нареканий, и отнюдь не думает, будто они, удостоенные службы у такого государя, захотят [в одночасье] потерять все, чем издавна дорожили; именно им, больше, чем кому бы то ни было, пристало чураться злодейства, которое задумали их сослуживцы; вряд ли можно было догадаться, что среди солдат их нации найдутся такие негодяи, — да и сам он нипочем бы этому не поверил, не окажись у него столько подтверждений и бесспорных доказательств, и засим спрашивает присутствующих, как, по их мнению, следует обойтись с изменниками? — наверняка не ему одному пришла охота воздать им по заслугам, и порицать за это он не станет. Не давая собравшимся опомниться и посоветоваться между собой, — напротив, стремясь покончить с делом, пока они в замешательстве, — пусть он в тот же час созовет их на военный совет, заставит выслушать показания преступников и свидетелей, сопоставить оные, а когда виновные будут изобличены, предать тех суду и, если возможно, приговорить к смерти.

Когда губернатор поймет, что начинаются волнения, пусть тотчас велит запереть городские ворота, вооружить солдат, свободных от наряда, а равно и всех караульных, которые не примкнули к заговорщикам.

Если же дело зашло так далеко, что губернатор, распорядившись схватить смутьянов и обращаясь к остальным, заметит их

возмущение и поймет, что те не хотят, чтобы их сослуживцев постигла кара, пусть еще раз объяснит: эти люди арестованы в назидание, дабы другие не повторяли их ошибок; он уверен, что их соратники подняли мятеж впервые — из-за обиды, что не получили положенного вознаграждения, и, невзирая на угрозы, которые те себе позволили, отнюдь не считает, будто имеет место преступный умысел, — будь это действительно так, честные люди, собравшиеся здесь, осудили бы их и самолично предали наказанию; он же, губернатор, не хочет марать их нацию столь грязным пятном, даже если они виновны, и прощает содеянное ради любви к ним, — но при условии, что и они не омрачат его репутацию и согласятся отправиться в какой-нибудь другой гарнизон. Не стоит, как говорится, держать волка за уши: если губернатор понимает, что обстоятельства складываются скверно и волнения в одночасье не усмирить, то должен тайно оповестить государя обо всем случившемся и об опасности, которой подвергается крепость, — а тем временем обходиться с мятежниками милостиво, ублажать, сулить все, на что они только могут надеяться, взывать к их чести, слову и верности присяге. Спустя несколько дней пусть уверит их, будто получил письмо, в котором говорится, что для гарнизона отправлено жалованье, но конвой³⁰³ с деньгами застрелял там-то и там-то, и для его сопровождения надлежит предоставить охрану; либо побудит их к вылазке или засаде; либо предъявит какую-нибудь депешу, предупреждающую, что враг намерен атаковать крепость, и пошлет их в караул к внешним постройкам, — а на другой день, прежде чем откроются ворота, потребует, чтобы изменники убирались подальше от крепости, — иначе по ним откроют огонь. Чтобы заставить их покинуть крепость, сгодятся и иные уловки: лучше остаться с маленьким гарнизоном, чем со множеством врагов. Избавившись от главных виновников и главарей [мятежа], губернатор должен оставить в крепости лишь тех солдат, которые, по его мнению, не станут затевать смуту, ну а если среди них и попадутся злодеи, то, окруженные честными людьми, они вряд ли осмелятся что-либо предпринять. Коль скоро хитрость удастся и смутьяны окажутся вне крепости, пусть запрет за ними ворота и объявит этой вольнице, что, согласно якобы полученному приказу короля,

всем им без исключения надлежит тотчас отправиться в какую-нибудь другую крепость и отрядить одного-двух человек, дабы те забрали и вынесли прочь их пожитки. Неплохо посмотреть, в какую сторону они пойдут: если к врагу, а не туда, куда велено, пусть прикажет стрелять по ним, ибо они сами стали нашими врагами, и щадить их не стоит, — лучше прикончить. У тех же, кто останется [в крепости], следует потребовать ответа, намерены ли они повиноваться, — привести их к присяге на верность и во всеуслышание объявить: первый, кто пренебрежет своим долгом, будет сию же минуту повешен. До прихода пополнения их нужно разобщить, переведа в другие подразделения, установить за ними надзор и предписать, чтобы после наряда они сдавали оружие на губернаторскую квартиру³⁰⁴. Отвага перед лицом опасности и умение добиваться своего как уговорами, так и хитростью — вот качества, которые пристали губернатору в его трудах. Прежде всего, он должен узнать, кем ему выпало командовать, в чем заключаются пороки, присущие той или иной нации, и как их можно умерить. Человек искушенный догадается обо всех происках с первого взгляда и разоблачит их благодаря своему опыту. Лекарство тем действенней, чем быстрее его применяют, но, главное, болезнь никогда нельзя запускать: когда она поразит все тело, с нею так просто не справиться.

Чтобы удержать от восстания городское население, лучшее средство — цитадель. По правде говоря, цитадели должны быть во всех завоеванных крепостях, равно как и в тех, что расположены на границе (мы уже объясняли почему). Кордегардии у ворот и в иных местах следует огородить частоколом со стороны городских кварталов: пусть караульные, дабы их не застigli врасплох, находятся за ним, а горожане и все остальные — снаружи. Кроме того, во избежание восстания, как уже говорилось, горожан неплохо было бы разоружить. Если те существенно сильнее и не желают принимать к себе гарнизон, то солдат вводят [в город] переодетыми, одного за другим, в разное время и через разные ворота, — либо под покровом ночи потайными ходами. Еще можно выманить жителей из города при помощи какой-нибудь хитрости, — но сделать это прежде, чем они созреют для злого дела.

Также восстание можно предотвратить, если не держать в важных крепостях людей подозрительных, а равно и таких, кто легко меняет свои убеждения, падок на подкуп или состоит в каком-либо родстве с нашими врагами; не давать поблажек ни солдатам, ни их командирам, а первых же провинившихся — сурово наказывать; не допускать, чтобы иноземцы составляли в гарнизоне большинство и превосходили по силе местных уроженцев. В государствах с надлежащим управлением, готовых ответить на любой вызов, в крепостях никогда не размещают по целому полку, самое большее — по две-три роты из разных полков, — а личный состав гарнизонов, пусть даже многонациональный, разводят в карауле по разным постам — ибо и представить нельзя, чтобы солдаты, нечасто общающиеся между собой, преодолели зависть и соперничество, которые обычно питают друг к другу по той или иной причине, и разом сговорились учинить какое-либо злодеяние: первого, кто о нем заговорит, выдадут остальные — хотя бы из желания добиться поощрения для представителей своей нации и выказать себя более преданными. Еще отменней поощрять должностями, деньгами и большими посулами тех, кто открывает заговор, — ибо сомнительно, да и вряд ли возможно, чтобы из многих не нашелся один, кто предпочитает верную награду верной гибели.

Позднее мы расскажем, как должен действовать губернатор, когда его крепость осаждена, но осажденные не хотят воевать или задумали сдаться — то есть в случае не менее опасном, нежели измена и восстание.

Заговоры против особы губернатора довольно редки, если только не вызваны его жестокостью и оскорбительным отношением к солдатам и жителям города — подобная разнузданность и порождает отчаяние и крайние меры. Человеку, который ведет честную и достойную жизнь, никому не наносит оскорблений, покровительствует тем, кто находится у него в подчинении, не притесняет их и воздает каждому справедливость, ни к чему бояться заговора; но, раз уж дьявол создает гнусные души, губернатору все же стоит позаботиться о себе. Если волею случая он навлек на себя гнев знатных особ, то никогда не должен верить им и подпускать к себе их приближенных, а узнав, что некие люди

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

злоумышляют против него, — прогнать их из крепости. Пусть всегда ходит в сопровождении охраны, держит надежный караул на своей квартире и перед нею, велит обнести частоколом, укрепить и надежно запирают все входы — но, прежде всего, остается человеком благочестивым и уповает на Бога — единственного избавителя, держащего в руке Своей и нашу жизнь, и нашу смерть. [Иначе] губернатор, невзирая на все предосторожности, едва ли спасется от ярости сумасбродов — ибо ее не в силах избежать даже короли.



ГЛАВА XXXV

О ТРЕВОГЕ

Тревога подается как ночью, так и днем и бывает вызвана как внешними, так и внутренними причинами. Как бы то ни было, при тревоге, которую подают в случае опасности или подозрения, что противник задумал атаковать крепость, солдаты должны вооружиться и приготовиться отразить нападение.

В дневное время тревогу подают чаще всего, если неподалеку от нас находится армия или стан противника или же когда возле крепости показались всадники, намеренные то ли потешить свое удалство, то ли захватить в плен, кого удастся, то ли заняться фуражированием. Наблюдатели³⁰⁵, завидев их, должны бить тревогу, а также поднять флажок на своей вышке³⁰⁶ с той стороны, откуда они показались. Караул при этом не покидает постов, но сержанты либо другие офицеры поднимаются на крепостную ограду, чтобы узнать, что происходит, и доложить губернатору. Если враги все ближе и число их велико, то запирают ворота и, едва наступающие окажутся на достаточном расстоянии, открывают по ним огонь из пушек, фальконетов или аркебуз с крюком. Окажись в крепости кавалерия, можно — если только нет сомнений в успехе — совершить вылазку, но обязательно соблюдать при этом следующие предосторожности: чрезмерно не удаляться от крепости, дабы не лишиться ее огневой поддержки, и избегать тех мест, где трудно заметить засаду: раз враги подошли так близко, стоит предположить, что их не так уж мало и задумана хитрость, чтобы выманить гарнизон наружу и вызвать на бой. Поэтому атаковать врагов можно лишь на виду у крепости и, едва заметив, что к ним на выручку спешат многие другие эскадроны, немедленно отступить. Кроме того, ни в коем случае нельзя предпринимать вылазку

силами одной лишь кавалерии, без поддержки пехотинцев: пусть те займут позиции на контрэскарпе, а также в наиболее отдаленных от крепости постройках и на близлежащих возвышенностях, когда таковые есть, и, потесни противник наши войска, воздадут ему честь по чести. Равным образом следует позаботиться о подходящих укрытиях для отступающих и об устройении пологих спусков в ров, хотя враг, сказать по правде, никогда не гонится за отступающими до самого контрэскарпа, ибо подле крепостной ограды не найдет ничего хорошего: на нее прикажут подняться солдатам, свободным от караульной службы, те начнут палить по нему сверху и остановят, пожелай он двинуться дальше.

Тревога среди дня может раздаться также, когда враг, благодаря той или иной хитрости, вознамерится внезапно овладеть воротами: караульные, прошедшие хорошую выучку и знающие свое дело, разоблачат его и не позволят выполнить этот замысел, а другие [солдаты], оказавшиеся рядом, поспешат к ним, чтобы оказать помощь или освободить. Следует тотчас запереть ворота, заставы, бакули и подъемные мосты перед воротами, подвергшимися нападению, а если атакованы первые ворота — закрыть остальные позади них, все подряд или по выбору, как только станет понятно, отходит враг или продолжает натиск. Тем временем часть подкрепления из города подоспеет на ограду, часть — туда, где пытается прорваться противник. Иных стоило бы даже выпустить [за ворота], коль скоро это поможет делу, — однако при этом осторожность надлежит блюсти превыше всего, взяв в расчет, как бы враг не вторгся через открытые ворота или те, кто вышел наружу, не потерпели от него поражение. Поэтому нужно оценить обстановку, время и силы и, когда ничего предпринять нельзя, ограничиться в крепости одними лишь оборонительными мерами.

Днем тревогу подают также из-за народных волнений, когда в крепости случаются сходки и заговоры, — или во время бунта или восстания. И в том и в другом случае надлежит закрыть ворота, вооружить тех, кто не примкнул к беспорядкам, а в целом держаться правил, о которых мы говорили выше.

Когда причина тревоги — пожар, то, как и в остальных случаях, начался ли он днем или ночью, запирают ворота, буде они не заперты, и вооружают всех солдат. Если жители города —

подданные государя, пусть соберутся в своих кордегардиях, отрядят патрули, но к огню не приближаются: это дозволено лишь тем, кому предстоит бороться с пожаром, а также горожанам, живущим поблизости и опасаящимся, как бы пламя не пожрало их дома. В отменно управляемых городах все плотники, каменщики и кровельщики обязаны спешить на пожар, где бы он ни занялся, взяв свои инструменты либо позаимствовав их в ратуше (там всегда держат наготове длинные шесты, окованные железом, крюки на длинных рукоятках, топоры, ведра из просмоленных ивовых прутьев, обтянутые кожей, ручные насосы, помпы и тому подобные полезные приспособления). Задача этих людей — тушить огонь; чтобы он не перекинулся дальше, соседние дома разрушают, а слуг и лакеев заставляют непрерывно подносить воду. Губернатор в это время должен следить за всем, что происходит в крепости, усилить караулы на валу, придать солдат в помощь патрулям, в ночное время — изменять пароль столько раз, сколько сочтет нужным, и увеличить число дозоров. Пусть не позволяет шататься на пожаре ни солдатам, ни прочему люду, которому нечего там делать, — ибо в большинстве своем они приходят не помогать, а воровать, хуже того — мешают тушить огонь и создают толчею на улицах. Жителям покоренной крепости, которые суть все равно что враги, запрещают выходить из дома; но речь лишь о тех, кому пожар не угрожает, ибо препятствовать людям, пытающимся спасти от огня свое жилище или оказавшимся в явной опасности, было бы бесчеловечно: пусть выходят, трудятся и даже зовут на помощь слуг и лакеев из соседних домов.

Казалось бы, пожар — несчастный случай, да и только, стоит ли усматривать в нем злонамеренные происки? Однако, как бывало не раз, враги коварно пользуются им, чтобы осложнить действия гарнизона, привести гарнизон в замешательство, тогда как их сторонники, будь то горожане или иной люд, спешат на подмогу тем, кто в это время, держа наготове петарды или лестницы, стремится проникнуть в город извне — и часто добивается успеха, если защитники крепости пренебрегают необходимыми мерами безопасности. Поэтому губернаторы, извлекая урок из чужих ошибок, должны все предвидеть, быть всегда начеку и исходить

из мнения, что если враг может что-то сделать, то непременно попытается.

Когда тревога вызвана ночным нападением (ибо ночное время — самое подходящее для штурма при помощи петард и лестниц), то часовой, который подал ее своим выстрелом, бежит в кордегарию, призывая к оружию своих товарищей; один из офицеров, взяв с собой нескольких солдат, тотчас спешит к месту тревоги и, когда воочию убедится, что во рву кто-то есть, велит оповестить о том губернатора, а сам отправляет караульных из предвратной кордегардии на вал. Саму кордегарию ему тоже не след оставлять без защиты, ибо противник часто использует и лестницы и петарды одновременно, так что оборонять надлежит и ограду, и ворота. Губернатор, быстро поднявшись, пусть поспешит в кордегарию на площади, велит, чтобы по всему городу звонили в набат и били в барабаны, а сержанты, капралы и другие офицеры по его приказу — обойдут квартиры [гарнизона], поторапливая солдат: тех, чья готовность не вызовет у него нареканий, он бросит против неприятельской атаки. По мере того как солдаты подходят, их отправляют частью на ограду, частью на фланки, открывающиеся в ту сторону, где пытается прорваться враг, остальных же — на усиление кордегардии возле ворот. Ров освещают фейерверками; для той же цели, как я видел, во многих крепостях применяются фонари из железа, наполненные смолой и выдвигаемые надо рвом при помощи железной же балки — очень нужное приспособление, позволяющее не только сберечь боеприпасы, но и привести неприятеля в смятение. Губернатор не двигается с места, пока не узнает, где и почему раздалась тревога, но, если враги продолжают натиск и им сопутствует успех, идет, хорошо вооружившись, им навстречу, чтобы принять командование и подбодрить [своих] личным примером. Иногда, если тревога запоздала и врагам удалось подорвать ворота прежде, чем успел собраться весь гарнизон, губернатор не тратит время, а спешит на подмогу во главе своего окружения и всех, кто ни попадется ему на пути. Впрочем, о защите против петард нам еще предстоит поговорить отдельно, а в этой главе мы, не касаясь частных случаев, расскажем о том порядке, который надлежит блюсти при тревоге.

Когда в патруль, как мы говорили, отряжаются горожане, они получают оружие в кордегардиях, к которым приписаны.

Считается, что при тревоге все, кто свободен от караула, будь то солдаты или горожане, должны собраться в центре города, а оттуда поспешить на посты, которые им определяют. Однако, по моему мнению, было бы лучше, если бы караульные, уже сдавшие наряд, отправились в те же кордегардии, где находились минувшей ночью, а смена, которой только предстоит заступить, — на сборное место в центр. Действительно, при тревоге караул надлежит усилить, но так ли необходимо заставлять людей являться к месту общего сбора, чтобы затем отправить на прежние посты?хлопот и без этого будет предостаточно: народ валит толпой, кругом неразбериха, непонятно, кого куда отряжать. Благодаря же приведенному правилу все ваши посты будут удвоены, караул останется единым целым, вы сможете распоряжаться им и посылать туда, где в нем явится необходимость.

Нельзя бросать все силы на первый же крик, ибо враг может пойти на хитрость: поднимет шум в одном месте, а штурм начнет в другом. Вот почему ни один из караульных не вправе оставлять свой пост, что бы ни услышал и не увидел, и двигаться с места, пока один из знакомых ему офицеров лично не отдаст ему приказ.

Губернатор, как мы говорили, должен изменить пароль, увеличить число дозоров, проверить, достаточно ли солдат в кордегардиях и все ли кордегардии готовы к обороне.

Пусть содержатели гостиниц запрут всех приезжих по комнатам и запретят выходить, — а ежели кто потребует отворить дверь, угрожая применить силу, — позовут на помощь и держат его под замком до тех пор, пока не окончится тревога.

Все жители города во время тревоги обязаны держать возле каждого окна по зажженной свече.

Обычай натягивать [поперек улиц] цепи не кажется мне таким уж действенным, если только тревога не вызвана бунтом, а в крупном городе — сходами и волнениями, во время которых смутьяны могут беспрепятственно рыскать по улицам, учиня грабежи и иные преступления. Но в крепости, где ничего такого не происходит, цепи представляют лишь помеху ее защитникам. На худой конец, я бы пустил в ход цепи, только когда враг уже на

пороге, — однако средство это неважное, и не стоит думать, что, перекрыв ими некоторые улицы, можно остановить неприятеля, который уже овладел воротами, кордегардией и валом. Тем не менее я отнюдь не против такого заграждения: на крайний случай сгодится все, что есть под рукой и чем можно воспользоваться.

Когда противник, получив отпор, дрогнул и вынужден отступить, не стоит без веских причин преследовать его за пределами крепости ни днем, ни, тем более, ночью; в ночное время вообще нельзя открывать ворота, когда неприятель поблизости. Если кто-либо из врагов, отступая после штурма, не сможет выбраться из рва вследствие раны, [неудачного] падения или тяжести доспехов, то через калитку в воротах или потайной ход можно послать наружу нескольких солдат, которые добьют его либо приведут в крепость.

Иной раз крепость удавалось захватить, потому что враги, дабы измотать гарнизон, что ни ночь устраивали ложную тревогу, не давая выпустить оружие из рук: отправляли ко рву или контрэскарпу нескольких солдат, шумели, делая вид, будто собираются напасть, наконец, подавали ее потехи ради, глаумясь над осажденными и усыпляя их бдительность, — а однажды действительно нападали. Поэтому наблюдатель на вышке, услышав он шум или стрельбу, не должен поднимать тревогу по ночам без приказа одного из офицеров (за исключением тех случаев, когда тревога вызвана пожаром): в первую очередь это их дело, а солдат с горожанами гонять без нужды не стоит. Еще одно средство против этого — держать караул во внешних построениях или же выслать на подступы к ним кавалерию или пехоту: тогда противнику придется наступать изрядною силой и он будет либо утомлен не легче нашего, либо разбит. Поднимать тревогу по пустякам не годится, но и опасениями пренебрегать нельзя — прежде, как мы говорили, надлежит проверить, насколько они основательны. Беречься всего на свете или же, напротив, с презрением отвергать любые проявления осторожности — то и другое суть пагубные крайности характера, однако первая терпимее в помыслах, вторая — в делах и в бою.



ГЛАВА XXXVI

О ТОМ, КАК ЗАЩИЩАТЬСЯ ОТ ЭСКАЛАД³⁰⁷

Чтобы читатели, имея под рукой это руководство, не нуждались ни в каком другом, посвятим предлагаемую главу некоторым постулатам, излагавшимся дотоле в нашей «Фортификации»³⁰⁸.

Правила, которые надлежит блюсти во избежание внезапных нападений всякого рода, мы всесторонне рассматривали выше: враг наверняка не решится штурмовать крепость, знай он, что гарнизон ее многочислен, губернатор — отважен и бдителен, караулы исправно несут службу, паче того, — что в крепости никого нельзя подкупить, а лазутчики, которые могли бы помочь овладеть ею, непременно будут разоблачены: коль скоро в крепости не удастся найти пособников и разведать, где, как и в какое время лучше атаковать, о нападении и думать нечего. Так что, если губернатор намерен обеспечить свою крепость от любых нападений, какие бы ни предпринял противник, пусть в точности соблюдает все, о чем мы пишем.

Хотя лестницы при штурме крепостей, как правило, применяются одновременно с петардами, мы расскажем сейчас лишь об отражении тех нападений, которые совершаются при помощи лестниц, а о петардах поговорим в следующей главе.

Изрядно высокой ограде штурм при помощи лестниц не грозит: когда она выше тридцати футов, пользоваться лестницами опасно — они будут гнуться или ломаться поперек, а если выделывать их более крепкими, окажутся слишком тяжелы для переноски и установки. Составные лестницы еще хуже: они сильнее гнутся и чаще ломаются.

В большинстве старых городов к стенам примыкает отлогая насыпь, высота которой от дна рва до уровня поля составляет от трех до четырех туазов; стены над ней поднимаются на такую же высоту. Использование лестниц в этом случае затруднительно: чтобы долезть по ним со дна рва до проема амбразуры³⁰⁹, они должны быть очень длинными, а поскольку им, к тому же, придется придать изрядный угол наклона — ведь насыпь-то выдается далеко, а стена почти отвесна, — то, не имея опоры посередине, они легко подломятся под тяжестью штурмующих. Тем паче нельзя опирать лестницы на откос насыпи: они будут шатки, а чтобы ухватиться за перекладины, придется карабкаться по откосу вверх, рискуя быть услышанными. Отсюда, как кажется, напрашивается средство против эскалад: нижней половине вала придавать большой наклон, как у насыпи, а верхнюю — возводить отвесной, подобно стене. Однако тогда основание вала необходимо закладывать слишком толстым, и затраты на строительство окажутся несоизмеримо больше, нежели преимущества конструкции. Есть другие способы, более простые и надежные, к тому же пресловутые откосы, сильно выдаваясь вперед, не только загородят фланки нижнего уровня, но даже не позволят заложить орильон, если он понадобится.

Еще я видел, что дозорный путь по всей длине перекрывали крышей, как галерею, и крыша эта опиралась на парапет дозорного пути, возвышавшийся футов на девять. Те, в чьих городах дозорный путь был обустроен таким образом, доказывали, что стоит неприятелю оказаться на крыше, как он соскользнет вниз, на вал, и, беспомощный, будет там убит. Однако мне кажется, что это было сделано горожанами лишь для того, чтобы во время дозоров не вымокнуть под дождем, ибо крыша не мешает противнику взобраться наверх, а осажденные не смогут отбросить его, разве что заметят, когда тот будет сползать по скату. Довольно сомнительный способ защиты — впустить врага в крепость, чтобы затем разделаться с ним.

Амбразуры подошвенного боя³¹⁰ хороши разве что против сапы³¹¹, а штурмовым лестницам не угрожают, ибо лестницы приставляются выше их.

Не помогут ни уложенные на парапетах балки с насыпанными поверх камнями, ни мощные каменные глыбы: когда против-

ник штурмует стены при помощи лестниц, то, опрокинув вниз балки и камни, его и впрямь можно погубить, — но кто скажет, что сбрасывать со стен в следующий раз, если штурм возобновится? В древности камнями, которые предстояло обрушить на головы врагов, нагружали корзины, именуемые метеллами³¹²; помимо них использовались приспособления, известные под названием «волки»³¹³: благодаря им зацепляли и подтягивали к себе все осадные орудия, применявшиеся против стен: тараны, лестницы, черепахи³¹⁴ и т.д.

В современных крепостях стены не возводят высокими, не укрепляют насыпями, дозорные пути не делают крытыми, а равно не прибегают к прочим изобретениям, которые мы перечислили, — вместо них найдены иные, более надежные средства.

Использованию лестниц препятствует фосссебрея: ведь сперва нужно подняться на нее, а потом снова налаживать лестницы для штурма стен; при этом не обойтись без шума и мешкотни — двух главных помех при внезапных нападениях.

Испытанное препятствие для штурмующих — ров с водой. Чтобы подготовиться к штурму, нужно раздобыть и спустить на воду плавучие средства, закрепить, установить на них лестницы и только затем взбираться наверх, а это вряд ли удастся, если осажденные в крепости следят за противником и намерены дать ему отпор. Когда зимой вода превращается в лед, проку от нее немного; о том, как действовать в этом случае, мы поговорим в главе, посвященной общим принципам защиты от внезапных нападений.

Если ров сухой, то в середине большого рва прокапывают малый — так называемую кюнету, — футов пятнадцати—двадцати в ширину, очень глубокий, желательно до [грунтовых] вод. Чтобы его форсировать, обязательно понадобится мост, — и, пока противник, наводя переправу, теряет время, мы воспользуемся этой задержкой себе во благо и сумеем подготовиться к обороне.

Ров, проходящий по тому месту, где обычно приставляют лестницы, не менее действен, нежели кюнета, — пусть только будет выкопан с таким расчетом, чтобы впереди него, возле самой стены, лестницу можно было приставить разве что отвесно, а за ним, в силу изрядного расстояния, — с большим наклоном.

Круто срезанный контрэскарп вынуждает врага пользоваться одними лестницами, чтобы спуститься в ров, и другими — чтобы из него выбраться.

Прикрытый путь создает ту же помеху, но с меньшим результатом, ибо он неглубок и на него можно спуститься безо всяких лестниц.

Охраняемые внешние постройки — бесспорное препятствие для врага, намеренного использовать для штурма лестницы: не думая, что тот рискнет напасть на крепость, зная, что во внешних постройках находится караул, ибо наверняка будет обнаружен прежде, чем к ним приблизится.

Внезапного нападения не стоит опасаться крепости, подступы к которой охраняются передовым караулом, безразлично, конным или пешим: он никому не даст подойти незаметно даже к внешним постройкам.

Крепостные валы, не одетые кладкой, со временем осыпаются и, таким образом, предоставляют [пологий] подъем; они никогда не бывают довольно высокими, поскольку не держат склона, и штурмовать их легко. Для надежности такие валы обносят штурмфалами, которые мешают эскалде и не позволяют солдатам, бежавшим из гарнизона, съехать вниз по уклону насыпи. Какими должны быть штурмфалы, мы рассказывали выше.

Установке лестниц препятствуют и частоколы, вбитые посередине рва или у подножия вала, равно как и частокол на контрэскарпе. Однако все названные меры — суть заградительные; для сопротивления же нужно держать на фланках в полной готовности орудия, наведенные в сторону фасов и заряженные железным ломом, обрывками цепей и иными предметами, подходящими для стрельбы по штурмовым лестницам. Безусловно, необходимы фейерверки, а именно трут, вязанки хвороста, обмазанные серой, смола, лампионы³¹⁵ и прочие средства, используемые для освещения и поджога. Отменно пригодятся огненные копья, которыми тыкают штурмующих в лицо. Неплохо иметь под рукой пики, алебарды, протазаны, а кроме них — вилы и крюки, чтобы отталкивать и опрокидывать лестницы вместе с теми, кто по ним взбирается.

Для отпора врагу созывают солдат: соблюдается порядок, который мы в целом уже описали применительно к любому случаю

тревоги, так что повторяться нет необходимости. Пусть начальник караула возьмет из ближайших кордегардий столько солдат, сколько сочтет нужным, и тотчас поспешит туда, где раздалась тревога. Однако совсем оголять кордегардии все же не стоит, чтобы не поддаться на хитрость противника, — ведь тревога может оказаться и ложной. Я бы взял с собой в основном тех, кто занимает кордегарию в центре города, возле сборного места, — ибо там в людях меньше нужды; к тому же первые, кто вооружился и приготовился к бою, сходятся именно туда, и за то время, пока они отражают неприятельский натиск, успевают подойти и остальные, так что ни один пост не терпит нехватки в силе. Из солдат, которым предстоит держать оборону, одну половину бросают к атакуемому участку, другую, разделив ее надвое, — на оба фланка, откуда он открывается. Если в сторону атаки обращен лишь один фланк, то треть посылают на него, а две трети — на участок, где пытается прорваться противник. В ближнем бою действует одно лишь правило: кто лучше вооружен, те и должны находиться в первых рядах и теснить врага, как велит долг. Их не след посылать в бой скопом, но отвести часть в резерв, который мог бы сменить утомленных бойцов, — хотя в самом начале боя, пока не подойдет подкрепление, пусть выступают все как есть, ибо число их будет невелико. Задача солдат на фланках — вести огонь из мушкетов и артиллерийских орудий при свете фейерверков, бросаемых в ров.

Овладеть крепостью при помощи штурмовых лестниц вряд ли удастся, если защитники крепости обнаружат врага прежде, чем он взойдет на стену, и успеют дать ему отпор, — и будь у нас надежный караул, такой, как мы описали в предыдущей главе, — враг наверняка с позором отступит.



ГЛАВА XXXVII

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПЕТАРДАМ

Петарды, как правило, применяются одновременно со штурмовыми лестницами: враг атакует в нескольких местах для того, чтобы разобщить силы обороны, встретить наименьшее сопротивление, а прорвавшись на одном участке, поспешить на помощь тем, кто штурмует другой. Ничто не может породить больше страха и смятения, нежели тревога, раздающаяся там и сям, и атаки, которые грозят отовсюду. Поэтому защитникам крепости не след пугаться шума: пусть будут готовы ко всему и делают то, что должны делать.

Петарды используют лишь для подрыва ворот и почти никогда — некрепких стен и решеток, перегораживающих протоки рек, ибо названные участки либо слишком тесны, либо труднодоступны, либо скрывают позади еще какое-либо препятствие, которое нельзя преодолеть; случись такие по контуру крепости, их, во избежание подрыва, усиливают как изнутри, утолщая кладку или подсыпая земли, так и снаружи, огородив несколькими рядами частокола. То же относится и к речным протокам: выше мы объясняли, как их можно укрепить и обезопасить.

О воротах поговорим особо. Перед каждым должна располагаться наружная постройка, которая их прикрывает, — демилюна, теналь, кронверк и т.п., — а лучше две, одна за другой, чтобы на один и тот же вход приходилось побольше ворот и заграждений. Прежде всего, необходима застава перед самым отдаленным участком контрэскарпа, которая должна равным образом преграждать и доступ на прикрытый путь, иначе петарда противнику не понадобится. При входе на мост демилюны можно врыть

частокол, на другом конце моста — устроить подъемный мост, а если демилюна одета кладкой — то еще и ворота с бакулем позади них. На демилюне неплохо разместить кордегардию, обнесенную частоколом, в начале городского моста — еще один бакуль, а за ним — заставу. Иногда посередине моста, ведущего к городским воротам, тоже ставят небольшую кордегардию, которая предназначена для обзора рва, а при отсутствии наружных построек, защищающих ворота, — и для обороны. Затем идет подъемный мост города, за ним — ворота, а еще глубже под сводом вала — герса или опускные брусья. Свод должен быть со сквозным отверстием, чтобы дать выход силе пороха, иначе, разорвавшись меж двух ворот, в замкнутом пространстве, пусть даже довольно просторном, петарда разнесет и те и другие; кроме того, если враги доберутся до этого рубежа, воротный проем, благодаря этому отверстию, очень удобно будет оборонять сверху при помощи мушкетного огня и фейерверков. Чтобы противник не проник дальше, понадобятся еще одни ворота, с опускными брусьями или герсой за ними, а со стороны города — подобие рва, через который ведет подъемный мост, и частокол перед мостом. Еще меж двумя воротами, там, где это удобно, иногда устанавливают фризские кобылы; о том, как они сделаны, мы знаем достаточно. Все эти преграды надежно защитят вход от штурма при помощи петард. Когда ров сухой и велика опасность, что неприятель подступит прямо к воротам, если спустится в него, а затем взберется на городской мост, то между оконечностью фаса демилюны и крепостной оградой можно протянуть частокол, а от него, при желании, — еще один, со рвом впереди, примыкающий к подъемному мосту и продолжающийся по другую сторону моста глухого³¹⁶.

Итак, я считаю, что верное средство против петард — многочисленные заграждения. Чтобы обречь на неудачу весь штурм, ничего лучше не придумаешь: в одночасье и малым трудом их не разрушить, и у тех, кто в крепости, будет довольно времени подготовиться к защите. Но поскольку названные заграждения не везде можно использовать совокупно, то на тех участках, где много ворот не заложишь, прибегают к изобретениям, позволяющим дать врагу решительный отпор, и благодаря таковым превращают единственные ворота в преграду, подобную некоторым из тех,

о которых мы говорили. Чтобы нельзя было приложить петарду, ворота с внешней стороны делают ребристыми либо снабжают длинными остриями; иногда в них просверливают отверстия для стрельбы из мушкета. Кроме того, перед воротами устраивают бакули, ступив на которые петардист падает в ров, и прочие приспособления, позволяющие отогнать или убить его. Не буду рассказывать обо всех средствах, уже нашедших применение, и тех, которые можно изобрести, ибо им несть числа; к тому же их, что ни ночь, приходится настораживать, а коль скоро они будут обнаружены [противником], цена им — ломаный грош. Впрочем, некоторые, наиболее надежные, с которыми враг ничего не сможет поделаться, даже если обнаружит, я описал в своей «Фортификации». Одна — еженощное сооружение из ящиков с камнями или землей, подкатываемых сзади к воротам, стены толщиной футов в десять—двенадцать: когда ворота будут подорваны, эта стена устоит. Другое препятствие — бакули, которые устанавливают наклонно, не давая приложить петарду. Чтобы при подрыве ворот герса или опускные брусья упали сами по себе, нужно дважды обвить веревку, которая их удерживает, вокруг блока, а на конце ее привязать тонкую бечевку, проходящую через кольца на тыльной стороне ворот: стоит подорвать ворота, как бечевка обязательно лопнет, а герса или брусья — рухнут вниз. Приемов подобного рода, равно как и тех, благодаря которым можно избавиться и от петарды, и от петардиста, немало, но я не стану их касаться, а расскажу о порядке, который полагается соблюдать во время штурма с использованием петард.

Всегда надлежит помнить о том, что мы говорили в главе «О тревоге». Это общие правила, обязательные к исполнению при любом нападении или внезапном штурме, и в данном случае губернатор должен действовать так же, как и во время эскалады. Но поскольку эффект петарды куда быстрее, пусть губернатор, едва раздастся взрыв, тотчас поспешит к воротам, взяв с собой солдат, которых сможет собрать [по пути], и тех, кого сочтет подходящими, отправит на фланки и иные участки обороны. Если внешние заграждения, защищающие вход, уязвимы, то перед последними воротами со стороны города понадобится баррикада: ее сооружают из всего, что можно использовать для прикрытия

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

и обороны, — сгодятся снятые до времени герсы и опускные бруссы, а также фризские кобылы и прочие приспособления, которые были прежде заготовлены. Не след забывать о фейерверках, гранатах, огненных горшках и колесах, а равно и других снарядах. В ходе внезапного штурма противник, как правило, не проявляет упорства и, поняв, что будет обнаружен раньше, чем доберется до последних ворот, отступает, поскольку защитники крепости обладают огромным преимуществом в силе: едва ли возможно продолжать штурм, когда множество солдат уже изготовились к обороне. Поэтому нет ничего лучше надежного караула, обязанности которого те же, что и всегда, и обустройства нескольких преград перед входом: пока враг преодолевает эти преграды, будет время собрать силы и выступить ему навстречу. Благодаря же отменному порядку не возникает паники, и крепость остается одинаково сильной со всех сторон. Итак, говорим мы, вот три главных средства против внезапного штурма: первое — повсеместно содержать крепость в боевой готовности, чтобы в нее нельзя было проникнуть ни силой, ни хитростью; второе — завести в ней должные порядки и взыскивать строгого их соблюдения; и последнее — иметь надежный караул, где все солдаты налицо, часовые не спят, дозоры заняты своим делом, каждый вооружен и готов пустить оружие в ход.

Если штурм был настолько силен, что нескольким врагам удалось прорваться и они были взяты в плен, после того как остальных все-таки отбросили, — необязательно давать пленникам кров: с ними можно и покончить. Даже когда помещения для военнопленных и предусмотрены, то предназначаются они для тех, кто взят в открытом бою, внезапное же нападение — все равно что вероломство, поэтому любого, кто окажется в плену, а также горожан, которые сочувствуют противнику либо спешествуют его предприятию тем или иным способом, по закону войны справедливо будет умертвить.



ГЛАВА XXXVIII

КРАТКОЕ ПОВТОРЕНИЕ ВСЕХ ПРАВИЛ, КОТОРЫЕ НАДЛЕЖИТ СОБЛЮДАТЬ В КРЕПОСТИ ВО ИЗБЕЖАНИЕ ВНЕЗАПНОГО НАПАДЕНИЯ

Крепость можно вынудить к сдаче внезапным нападением, осадой или же голодом. Опишем же поподробней, что нам делать в каждом из этих случаев. В настоящей главе речь пойдет о том, какие правила положено блюсти и как поступать, дабы избегнуть внезапного нападения: мы повторим в нескольких словах все, о чем писали в предыдущих главах, и присовокупим кое-что дополнительно.

Перво-наперво следует позаботиться о самой крепости: пусть ее оборонительные постройки будут надежны и фланкируемы со всех сторон, стены — порядочно высоки, ров — довольно широк и глубок. Другие препятствия для внезапного нападения — вода во рву, а также кюнета посреди большого рва, служащая похожей задаче. Немало хлопот доставит противнику контрэскарп, срезанный отвесно либо одетый кладкой: без лестницы по такому обратно не выбраться. Если же враги не собираются отступать, отменно хорош частокол у подножия ограды; его также можно вкопать и в середине рва — либо по всему контуру крепости, либо лишь на тех участках, которые уязвимы для штурма. Той же цели служит частокол по краю эспланады, однако кольев тогда понадобится больше, поскольку контур ее поизрядней. Валы, возведенные из одной лишь земли, без кладки, нужно усилить штурмфалом, так как они быстро осыпаются, предоставляя пологий подъем. Отличная

защита от внезапных нападений — внешние постройки, только стоит обнести их штурмфалами и охранять, особенно те, что преграждают подступы к воротам. Если где в крепости или во внешних постройках осыпался вал, то у подножия осыпи, а лучше — и на ней самой следует вкопать частокол. Брешу надлежит укреплять точно так же или же исправить, восстановив одежду в прежнем виде. Амбразуры нижнего уровня, когда таковые есть, нужно либо заделать, либо углубить перед ними ров, а если они замурованы, но плохо — усилить кладку и подсыпать земли с обратной стороны, чтобы они не поддались ни петарде, ни иному снаряду. Стоки надлежит запереть при помощи крепких решеток снаружи, изнутри и посередине, время от времени проверять, а возникни какое подозрение — выставлять возле них по часовому; протоки рек — перегородить частоколом в несколько рядов, цепями, решетками, брусьями, фризскими кобылами, судами и иными средствами, которые мы описывали, а также обеспечить кордегардиями, как ворота, ибо на этих участках, особенно когда река течет с неприятельской стороны, понадобятся караулы и часовые. Пусть каждый вход в город будет защищен от врага несколькими воротами, подъемными мостами, герсами или опускаемыми брусьями, заставами, частоколами, бакулями, фризскими кобылами и цепями; можно прибегнуть и к тем приемам, что были описаны в главе о петардах, а также в нашей «Фортификации»³¹⁷, на стенах — готовить приспособления, перечисленные нами в качестве средств против эскалад.

Если ров наполнен водой или крепость стоит посреди топи, то зимой каждую ночь полагается вручную разбивать топорами лед или же, прежде чем вода схватится морозом, то и дело пускать по ней небольшие лодки с окованными железом днищами, а лед, который собирается вокруг лодок, — отбрасывать в сторону крепости. Там, где есть шлюзы, воду иногда останавливают, а затем освобождают вновь, и она, вздымаясь и спадая, ломает лед. Когда лед очень толстый, топоры, бывает, гнутся или ломаются, и даже для того, чтобы проделать обычную прорубь, времени уйдет порядочно. Дело пойдет куда быстрее, если работать ручной пилой, постепенно подвигаясь к крепости: диву даешься, сколько отверстий удастся пропилить одному человеку за короткий срок.

Крупные льдины перетаскивают к стенам, чтобы возвести из них подобие парапета, и, если даже вода на очищенных участках замерзнет снова, лед нетрудно будет разбить. Превосходно хороши, особенно на нефланкируемых участках, деревянные кордегардии, выдвинутые в ров. Вот как возводят эти кордегардии: через промежутки в восемь—десять футов вбивают ряд деревянных свай, четыре или шесть, смотря, насколько решено вынести строение, затем — другой, отстоящий от первого на двенадцать—пятнадцать футов; на сваи укладывают балки и брусья, а поверх — доски пола, которые не прибивают гвоздями, дабы пол можно было разбирать, когда понадобится, и метать камни и фейерверки во врагов, подбирающихся снизу. Сами кордегардии строят из оштукатуренных деревянных брусев, выдерживающих мушкетный огонь, со множеством амбразур, и, как правило, покрывают крышей. Схожие по назначению с бастионами, они представляют собой превосходную защиту от внезапных нападений любого рода. Еще, когда установится мороз, отменно послужат частоколы, а для обороны внешних построек — штурмфалы на насыпях и передовые караулы. Кроме того, следует отряжать по окрестностям кавалерийские разъезды, а узнав о приближении врага либо ожидая его, удваивать дозоры и часовых. Таковы правила, которые следует соблюдать в крепостях, окруженных водой, чтобы не подвергнуться, как многие другие, внезапному нападению в холодное время года.

У губернатора в крепости не должно быть домов, примыкающих вплотную к валу, — ведь из них можно подавать сигналы о движении дозоров, и, если кто из горожан стакнется с врагом, измена удастся легко и быстро. Гостиницы возле вала и, тем паче, у кордегардий и ворот — еще опасней: враг может тайком собрать там своих людей, укрыв их в подвалах и на чердаках, а оттуда, пока сам подрывает ворота петардой и прорывается внутрь, — бросить на штурм ближайшей кордегардии. Монастыри же представляют куда большую угрозу, нежели гостиницы, ибо довольно велики и в силу почитания, которое им пристало, нечасто подвергаются обыскам: если подготовлена измена, в них можно укрыть столько оружия и людей, что хватит на целое сражение; проще воспретить их строительство в указанных местах, нежели впоследствии, раз за

разом тревожить обысками, которые могут обернуться ропотом и возмущением.

Защитой от враждебности горожан послужит частокол, опоясывающий кордегардии крутом или же вбитый со стороны входа; я бы предпочел, чтобы этим ограждением были снабжены по крайней мере кордегардии у ворот.

Орудия, что направлены в сторону ворот, всегда положено держать заряженными и наведенными. То же касается и пушек на фланках: пусть будут готовы к стрельбе по тем участкам, откуда можно ждать нападения. В пушки эти закладывают картечь, обрывки цепей, железный лом и тому подобные снаряды, которые способны разбить штурмовые лестницы и нанести урон противнику, подступившему к крепостной ограде.

Также стоит держать наготове фейерверки, прежде всего для освещения. Превосходны лампы, которые выдвигаются за стены и могут опускаться сколь угодно низко: крупное преимущество — видеть врагов как на ладони и палить по ним, когда они не видят нас. Одно это способно вынудить их к отступлению, ибо известно: когда пускают в ход фейерверки, жди и мушкетной стрельбы, а значит, малой кровью не обойтись. Лампы подвешиваются на концы железных балок или деревянных коромысел рядом с будками часовых, в таких местах, которые позволяют ярче освещать ров, но не крепость, ибо предназначены для того, чтобы обнаружить противника, а не самим оказаться у него на виду.

Таковы необходимые приготовления; остается сказать о том, как надлежит действовать и каких порядков придерживаться. Разумеется, нет ничего важнее надежного караула, ибо все названные оборонительные участки, что снаружи, что внутри, что вдоль контура крепости, не стоят и ломаного гроша, если бдительно не охраняются: в свое время мы говорили об этом, так же как и о дозорах, а равно о часовых, которых можно назвать караулом караула или же оком караула. Хорошо вооруженные люди, составляющие патруль, исполняют внутри крепости те же обязанности, что караульные — вовне ее и по контуру стен; те и другие должны в точности соблюдать порядки, описанные нами выше³¹⁸. Караулы за пределами крепости, как пешие, так и конные, наверняка предотвратят внезапное нападение, если только несут службу как

следует, — ибо оповестят о приближении врага раньше, чем тот подступит к крепости вплотную и сможет атаковать ее врасплох, следовательно, у нас хватит времени подготовиться к защите.

Если на стенах заведены колокольчики, не стоит звонить в них именно в тот час, когда мимо движется дозор: это все равно что предупреждать врагов, ибо те, подслушав, в какое время звонят, смогут узнать и в какой кордегардии его принимают.

Чтобы караульные не задумали измену, их нужно отряжать по жребию. Кто хочет, волен таким же образом распределять и часовых на посты, однако большой нужды в том нет.

Иногда очень полезно не только держать караул во внешних постройках, но и объезжать дозором окрестности и даже высылать отряды, которые досаждают противнику и берут пленных, дабы узнать, что делается и замышляется в его стане.

Если жители города настроены к нам враждебно, их нужно, как уже говорилось, разоружить, запретить им устраивать сборища, ходить группами, покидать жилища в ночное время без крайней надобности и без огня. При тревоге горожанам положено сидеть дома и держать окна освещенными, а хозяевам гостиниц — запира́ть приезжих по комнатам и не выпускать, пока тревога не стихнет. Нарушители этого порядка должны быть преданы строгому наказанию.

При открытии и закрытии ворот соблюдаются правила, приведенные нами раньше³¹⁹. Ворота никогда не отпирают по ночам, если только речь не идет о причинах чрезвычайной важности: губернатор не должен отдавать такого приказа, кто бы ни приехал и как бы тот ни был знатен, а коль скоро намерен оказывать эту любезность в силу обычая, пусть заводит на валу другой порядок.

Он должен иметь на содержании одного или двух соглядатаев, а возможно, и больше, смотря насколько велик город: пусть ходят вечерами по гостиницам, наблюдают за постояльцами, подслушивают их разговоры, расспрашивают, если понадобится, интересуются хозяевами — чем те живут, как ведут себя, — а побывав всюду и узнав о чем-нибудь важном, докладывают губернатору. Так заведено в Женеве.

Если крепость не слишком большая, губернатор, будь на то его воля или возникни какое подозрение, может учинить в ней

повальные обыски; ничто не вызывает такого трепета, как сознание, что в крепости тебя стерегут и надзирают за каждым твоим шагом.

Пусть все, кто вступает в крепость, сдают свои пистолеты, аркебузы и прочее огнестрельное оружие, а забирают возле тех ворот, через которые намерены ее покинуть, либо у хозяина гостиницы.

У ворот всех приезжающих опрашивают, записывают имена, паче того — выдают жетон или билет, которые те должны носить с собой, чтобы предъявить при выходе, а если потребуется — и в самом городе. Пусть хозяева гостиниц размещают у себя лишь тех, кто покажет свой жетон, и, записав, в свою очередь, их имена, подданство и состояние, каждый вечер приносят список губернатору. Горожанам запрещено предоставлять кому-либо кров без позволения губернатора.

Повозки, минующие ворота, а также суда, входящие в город по рекам, подлежат досмотру прежде, чем достигнут кордегардии, дабы можно было убедиться, что в них не прячут ни людей, ни оружие.

Нельзя позволять, чтобы [проезжающая] повозка разом перегорала все ворота одного входа, — но блюсти при въезде в город уже описанный нами порядок³²⁰.

Солдатам караула надлежит держаться поодаль от людей, входящих в ворота, не вмешиваться ни в спор, ни в драку и, коль скоро таковые начнутся, взяться за оружие и не покидать кордегардию, что бы ни случилось: пресекать беспорядки — дело офицеров.

Губернатор должен знать, хороши ли его солдаты и офицеры в службе, преданы ли особе государя, а тех, кто нарушит верность, — наказывать или изгонять, соблюдая те правила и предосторожности, о которых мы говорили прежде³²¹. Губернатору, который, допустив непоправимый промах, оправдывается словами «А кто мог подумать?», мы ответим так: человек мудрый и многоопытный, а не поверхностный и недалекий.

При мне была раскрыта одна военная хитрость, к которой прибегли, чтобы совершить внезапное нападение, — столь утонченная, что едва ли додумаешься, и сейчас, в назидание губернаторам, я о ней расскажу. В некую очень важную пограничную

крепость, которую часто затрагивала война, приводили много пленных. Противник устроил так, что в плену оказывались лучшие его солдаты, и подкупил тюремщика: однажды ночью, когда их набралось порядочно, тюремщик должен был раздать всем оружие, а в условленный час — отворить узилище, чтобы они напали на предвратную кордегарию и перебили караул, пока их соратники, уже подступившие извне, подрывают петардой ворота. Замысел был вполне осуществим. Дабы не допустить этого, полагается сажать пленников порознь, подпирать по ночам двери тюрем, забирать ключи либо передавать их майору или другому верному человеку, выставлять вокруг тюрем надежный караул, не давая пленникам общаться с кем-либо, вменить в обязанность патрульным надзор за тюремной охраной, отвести под содержание заключенных здания крепкой постройки, а кордегардии, во избежание таких нападений, оградить частоколом со стороны городских кварталов. Если губернатор всегда начеку, ему нетрудно предусмотреть все, что может произойти, и упредить любую опасность.

Людей, которые пробрались в крепость переодетыми либо под чужой личиной, переменив свои имя и подданство, надлежит вешать без пощады — безразлично, явились ли они шпионить или подали одно лишь подозрение в дурных намерениях: в делах столь серьезных даже тень подозрения равносильна доказательству вины, и правосудию пристало проявлять скорее жестокость, нежели милосердие.

Шествия и ярмарки, по моему мнению, лучше устраивать за пределами городских стен, особенно когда речь идет о приграничном городе или военной крепости без цитадели; если пришлось одобрить проведение таковых на улицах города — усилить караулы и надзирать за происходящим.

Во время больших церемоний, народных гуляний, церковных праздников и прочих торжеств, когда в город стекается много народу, ворота держат на замке, а сверх штатного наряда отправляют в город группы хорошо вооруженных солдат.

Когда замечено, что на дороге у ворот, через которые обычно входили люди, никого нет, подозревают поблизости врага и высылают кавалеристов, дабы разведать, что происходит на этом направлении, и упредить внезапную атаку.

В деревнях близ крепости держат по часовому, пост которого — либо колоколья, либо будка, поднятая на сваи вровень с самыми высокими домами: когда один часовой, заведя войска, будь то пехота или кавалерия, начинает бить в колокол или трубить в рог, все остальные делают то же самое, а если войск много и те подходят все ближе — часовые, не переставая звонить, подают тревогу, чтобы призвать к оружию селян, а явись нужда — и саму крепость или, по крайней мере, призвать к вящей бдительности ее кордегардии и часовых. Дабы узнать, что происходит в округе, днем на подступы к крепости высылают, если понадобится, конные отряды, а ночью — тех, кто несет караул снаружи, и затем принимают от разведчиков донесения о том, что они видели и слышали.

Когда враг то и дело подает беспричинную тревогу, то наверняка не без умысла, и, чтобы не растратить силы впустую, а тем паче не подвергнуться внезапному нападению, мы должны, как уже говорилось, располагать передовыми караулами.

Губернатору нельзя ночевать вне крепости — разве что он получил позволение государя, едет ко двору для доклада или по другим делам либо направляется к месту новой службы. Во всех остальных случаях покидать крепость ему запрещено, тем паче что губернаторов сменяют каждые три года.

Дабы проверить, все ли исполняют свои обязанности надлежащим образом, нет ли в крепости неприятельских шпионов, не прячут ли горожане оружие, а также ради иных причин, которые губернатор сочтет вескими, надлежит, хотя и не слишком часто, устраивать тревоги, а подготавливать их в большой секретности.

Ничто так не совершенствует опыт губернатора, как чтение исторических сочинений: из них он узнает, какие ловушки подготавливали другим и как в подобных случаях уберечься ему самому: когда прочитанное впечатается в память наравне с увиденным, книжная мудрость не уступит практике.

И в стане врага, и в самой крепости у губернатора должны быть осведомители, которые разъяснят его подозрения и донесут обо всем происходящем: на этих людях не след экономить, коль скоро речь идет о жизни и смерти. Буде же кто-нибудь [по собственному почину] явится к нему с доносом о предстоящем

нападении на крепость или о внутреннем заговоре, выгодном для врага, предупредит о зреющей измене или откроет еще что-либо, касающееся государственной службы, нельзя доверять этому человеку безоговорочно, но и пренебрегать его сведениями тоже не стоит, — а, расспросив доносчика по несколько раз обо всех подробностях и о том, что тот предлагает, задуматься, все ли гладко в его ответах, а также кто он, чего добивается, не движет ли им корысть или стремление причинить нам вред, осуществимы ли его замыслы, каковы доказательства сказанному, — и тайно все перепроверить. Если донос касается обороны, пусть губернатор постарается привести крепость в надлежащий порядок, велит укрепить уязвимые участки, усилить гарнизон и прибегнет ко всем предосторожностям, которые обязательны при угрозе нападения. Когда же ему предлагают вылазку, он должен держаться настороже, ибо, даже покарав предателя, которому поверил, не возместит своих потерь: в таком деле опрометчивость недопустима, и, чтобы развеять сомнения, лучше снестись с лазутчиками на неприятельской стороне и убедиться, сходятся ли их сведения с нашими. Если на кого-нибудь в гарнизоне пало обвинение в измене, то, прежде чем рубить сплеча, необходимо разобраться, правдиво ли оно и не взведено ли, чтобы опорочить людей честных и преданных службе, удалить их из крепости и лишить государя добрых слуг. Ябед подобного рода бывает великое множество, однако губернатору не стоит бить тревогу или торопиться с чем-либо, пока он не разберет каждую со всем возможным тщанием и не убедится, насколько она соответствует истине.



ГЛАВА XXXIX

О ПРАВИЛЬНОЙ ОСАДЕ³²² И ЗАЩИТЕ ПРОТИВ НЕЕ

О правильной осаде следовало бы поговорить в той же главе, что и о штурме открытой силой, поскольку военные приготовления в обоих случаях одинаковы, а губернатор не может знать, как именно будет атакован. Если его крепость способна выстоять против штурма, то в ходе правильной осады запас прочности у нее, несомненно, должен быть еще больше: ведь противник осаждает лишь те крепости, которые из-за их мощи не надеется взять приступом. И в том и в другом случае необходимо заготовить провиант и боеприпасы; опять же, неприятель, осаждая крепость некоторое время, довольно часто открывает траншеи³²³ и решается на открытый штурм, ибо считает, что гарнизон уже ослаблен. Итак, все крепости должны быть готовы и к штурму открытой силой, и к правильной осаде, однако некоторые проще атаковать так, а не иначе, и посему мы поговорим, какие крепости можно взять правильной осадой, а какие — нет, а затем точно так же расскажем о тех, что более уязвимы перед штурмом.

Осаждать крепость нет смысла, если она невелика, способна обороняться силами немногочисленного гарнизона и не имеет иного населения, кроме солдат, — ибо даже скромных запасов провианта ей хватит надолго и преимущество в данном случае будет на ее стороне.

Неуязвимы для правильной осады также крепости, которые возведены на скалах посреди моря или на небольших островах и могут принимать помощь откуда угодно.

Затяжная осада не страшна и крепостям, имеющим морские порты, если только осаждающие не запрут вход в порт, чтобы

отрезать крепость от моря, как поступил его светлость кардинал герцог де Ришелье под Ла-Рошелью³²⁴, — ибо подходу помощи не способен помешать даже сильный флот на море, хотя бы путь ее и пролегал через узкий и длинный канал, как некогда при [осаде] Остенде³²⁵.

Длительного обложения избегнет крепость, чьи окрестности временами подтапливаются водами ручьев, рек или моря, так как циркумвалационную линию придется отнести от нее на порядочное расстояние. То же самое можно сказать и о крепости со шлюзами, позволяющими затапливать окружающие ее земли: такая, впрочем, устоит не только против осады, но и против приступа, поскольку в обоих случаях обороняющиеся могут отогнать врага, когда захотят. Схожие преимущества — у крепостей, которые стоят на болотах, пересыхающих за лето, но напивающихся водой к зиме.

Противник наверняка воздержится от осады, когда пути к крепости слишком трудны для подвоза провианта и боеприпасов на осадные позиции, а поблизости находятся города, которые могут доставить осажденным помощь. Он не станет осаждать и ту крепость, что расположена в срединных областях государства, — если только не покорил все остальные на подступах к ней.

Когда у нас мощная действующая армия, а враг не располагает равными или же близкими ей по численности силами для сопровождения конвоев, любая из наших крепостей, даже весьма отдаленная, будет в безопасности и от штурма и, уж тем более, от затяжной осады, ибо армии хватит времени подойти на выручку.

Крепости, о которых мы рассказали, трудно взять правильной осадой, все же остальные могут ей подвергнуться. Уже через несколько дней после того, как враги обложат крепость, губернатор без труда поймет, какая тактика ими избрана: если они возвели циркумвалационную линию, но траншеи не открыли и держатся за ретраншементы, это бесспорно означает, что решена правильная осада и с этого времени готовиться нужно именно к ней. Против дальних подступов всякое оружие, кроме пушек, бесполезно. Из них следует вести густой огонь, ибо он сильно затрудняет действия осаждающих; с самой высокой колокольни примечают, где [у противника] богатые палатки и где собирается больше

народу, и бьют по этим участкам чаще, чем по остальным: так вернее попасть в генерала либо в какую-нибудь знатную особу, гибель которых весьма выгодна. Противнику, таким образом, придется либо нести крупные потери либо отступить подальше, при этом циркумвалационная линия, которую ему предстоит обустроить заново, приобретет большую протяженность и, соответственно, будет слабее охраняться. Это единственная возможность причинить осаждающим вред, и пренебрегать ею не стоит, ибо с противником нужно обходиться по возможности суровей, так же как и он намерен обойтись с нами.

Чтобы выдержать осаду, губернатору понадобится лишь терпение да запасы разного провианта. О провианте надлежит позаботиться прежде, чем крепость подвергнется нападению, так как в дальнейшем на это уже не будет времени. Выше мы рассказывали, чего и сколько необходимо заготовить, а сейчас поговорим, как полагается распределять продукты, дабы подольше на них продержаться.

Прежде чем наступит время, подходящее для осады крепостей, скажем, зимой, губернатор издает приказ, согласно которому все [горожане] обязаны запастись зерном, мукой и иной провизией на полгода, а лучше — на целый год: случись что, пусть ни один не жалуетсЯ, будто застигнут нуждой и умирает с голоду. Засим нужно будет обойти амбары и общие магазины³²⁶ зерна, муки, подвалы с вином, пивом и сидром, подсчитать, где сколько продуктов, и завести подробный список для каждого хранилища. Я бы постарался поставить учет таким образом, чтобы никто, кроме самого губернатора, не знал о действительных запасах провианта: их лучше хранить порознь, в магазинах, отдаленных друг от друга и никому не известных наперечет. Пусть ни единая душа, даже проведав, сколько в крепости магазинов, не сможет сказать, полны они или пусты. Если же понадобится проверить их содержимое, то в каждый отряжается человек, который не видел другие магазины, а отвечает только за свой и не имеет права о нем рассказывать, — так что собрать всех, кому поручена эта обязанность, и вывести у них правду будет нелегко.

Точно так же губернатору полагается проверить частные дома, отметить, у кого и что запасено, потом подвести общий итог

и высчитать, на какой срок осады хватит продуктов и сколько выдавать каждому солдату и горожанину на день. Тем, чьи запасы намного превосходят потребности семьи на время предполагаемой осады, он оставляет лишь хлеб насущный и иногда чуть больше, смотря о какой семье идет речь, излишки же изымает в общие магазины, а не окажись там места — обязывает беречь, предупредив, что при необходимости заберет. При этом нужно объяснить, что хозяева вряд ли останутся при своем и избегнут опасности грабежа и погрома, когда солдаты и гольтыба, доев последнее, вломятся к ним, чтобы отнять и их долю, — и, напротив, хозяйское добро сохранится как нельзя лучше, если перейдет под защиту губернатора, который будет отвечать за него и выдавать всякий раз, когда в том явится нужда. Не след забывать о монастырях, коллегиях и иных общежитиях, поскольку их обитатели запасливее всех и избыток для них — дело обычное. Если не оставить им ничего сверх необходимого, они скорее предпочтут, чтобы крепость пала, а все их сограждане погибли, нежели потерпят убыток и будут, как им кажется, обречены лишениям, — ибо неукоснительно следуют правилу, что своя рубашка ближе к телу³²⁷. Но задача губернатора — распределять продукты таким образом, чтобы в течение осады еды хватало всем поровну, а к тому времени, когда он, паче чаяния, решит сдать крепость, голодал бы каждый, кого ни возьми, — иначе жди волнений.

Иные требуют свозить в общие магазины все зерно, какое найдется, однако это чревато восстанием. Когда один человек, обеспечивший себя заблаговременно, страдает ничуть не меньше другого, который не думал и не заботился о будущем; когда тому, кто ради припасов на случай осады экономил на всем остальном или трудился сверх обычного, приходится терпеть лишения наравне с соседом, ни в чем себе не отказывавшим; когда особа знатная, облеченная властью и полезная для крепости, приравнивается к пустому сброду, — это несправедливо, так что достаточно будет изъятия излишков.

Что же до муки в пекарнях, то я бы не стал отбирать ее запасы, ибо хлеб идет на продажу и пекарни, следовательно, близки по назначению общим магазинам. И гражданское управление лишь выиграет, если люди, у которых есть деньги, найдут, где купить

хлеб, а те, кто работает за еду, — чем себя прокормить. Но было бы неплохо знать, сколько хлеба выпекается, определиться с ценами (если возможно — на долгий срок) и впоследствии повышать их, исходя из обстоятельств. В отличие от горожан, у которых есть имущество, промысел или работа, солдаты довольствуются одной лишь платой за службу, поэтому для солдат губернатор должен обязательно запасти провиант и обеспечивать их хлебом до конца осады, остальным же предоставить возможность покупать его за собственные деньги. Итак, пекарям нужно оставить всю муку, какая у них есть, а у горожан — изымать только то, что они заготовили сверх потребностей своей семьи. Тем же, кто не имеет запасов, следует указать, где они смогут пробавляться, и заставить работать ради своего пропитания. В противном случае всяк будет надеяться лишь на общие магазины, а делать ничего не захочет.

Сухари, как говорилось выше, отменно хороши, так как их можно долго хранить, а готовить на огне или в печи ни к чему. Но когда приходит срок заменять их, непонятно, куда девать остатки, ибо питаться ими народ не приучен, если только речь не идет о приморских крепостях³²⁸.

Просо, сиречь пшено, хранится дольше любых других припасов и никогда не портится. Его можно измолоть в муку и, кроме того, приготовить любым подходящим способом, и я бы основательно обеспечил им все крепости.

В начале осады из города обычно изгоняют тунеядцев, то есть всех, кто не может ни служить, ни участвовать в обороне, ни работать ради общего блага или собственного куска хлеба. Мера эта необходима, чтобы растянуть запасы провианта как можно дольше. Но поскольку под крепостными стенами бедняги обречены страданиям и голодной смерти, то из приграничных крепостей, ожидающих осады, можно заблаговременно, во имя милосердия, выселить тех, кто подлежал бы выдворению, когда она начнется, — тогда им, возможно, удастся найти приют в окрестных местах, у родственников или знакомых. Еще, мне кажется, крепости, расположенные на границе, не стоит заполнять лицами духовного звания; причин тому немало, но главная — в том, что в названных крепостях куда важнее люди, способные приносить пользу. Пусть церковников будет не более, чем требуется для

богослужений, окормления паствы и совершения таинств: ведь лишних в случае осады за ворота не прогонишь, но и в крепости оставлять накладно. При этом обращаться с особами, посвятившими себя Господу, подобает сдержанно и с великим почтением, сообразно их святой миссии.

После начала осады губернатор должен строго следить за дневной выдачей провианта, предназначенного солдатам, блюсти учет и не позволять, чтобы продукты расходовались сверх положенной нормы, — так ему удастся растянуть запасы на долгий срок и никто, пока крепость не окажется на грани поражения, не узнает, насколько они оскудели. Пусть ни с кем не обсуждает, как обстоят дела с провиантом, никогда не посещает магазины лично и постоянно сменяет тех, кто отвечает за выдачу хлеба, чтобы ни один не знал, много его осталось или мало. На несколько дней он может даже лишить их обычного пайка, а потом вернуть его, объяснив, что хотел убедиться, честны ли они и действительно ли тяжело им пришлось без еды, — и, поскольку теперь прекрасно видит, что они преданы государю и отчизне, обязательно велит наградить их, а кое-кого — наказать. Тогда, если провиант и впрямь начнет истощаться, они сочтут, что это еще один повод их проверить, и не осмелятся ни роптать, ни заговаривать о сдаче крепости. Дабы подбодрить их, не стоит скупиться ни на уговоры, ни на обещания скорого подхода помощи, ни на иные посулы, описанные нами прежде. Итак, продукты надлежит расходовать как можно дольше, от солдат и горожан, пока у них есть чем питаться, — требовать стойкости и постараться, чтобы о грядущем голоде они проведали не раньше, чем запас исчерпается, — ибо страх перед бедой терзает больше, чем сама беда, и, зная, что их ждет, они нипочем не захотят держаться до конца.

Врага, осадившего крепость, не пытаются оттолкнуть и не дают ему сражений, так как вылазка заканчивается лишь гибелью тех, кто дерзнет ее предпринять. Тем паче к неприятельским позициям очень трудно подступить: на открытой местности враги, оставаясь в безопасности за своими ретраншементами, замечают атакующих издали и истребляют одного за другим, и если даже кто-нибудь сумеет подобраться вплотную, то, находясь вне досягаемости огневой поддержки из крепости, вряд ли вернется назад

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

живым и невредимым; по ночам же подходы к ретраншементам охраняются передовой конной стражей, и мимо нее не проскользнуть. Следовательно, и в том и в другом случае, не окажись поблизости места для отступления, атакующие обречены потерям. Выступать же против неприятеля лицом к лицу не менее рискованно, чем дожидаться крайних последствий осады, — ведь даже если удастся завладеть одной из квартир, ей на выручку затем подойдут основные силы осаждающих, а это верная смерть безо всякой надежды на спасение.

Обязанности караула будут такими же, как и при штурме открытой силой, о котором нам предстоит поговорить далее, — нужно лишь непременно взять под охрану внешние постройки, как если бы им угрожала атака, поскольку противник, сжимая кольцо вокруг крепости, может внезапно захватить их и использовать к вящему урону осажденных.

Когда запасы сильно истощены и понятно, что провианта надолго не хватит, губернатор оповещает о положении дел государя, дабы узнать его волю: если последует приказ сдаться, пусть подписывает капитуляцию на самых выгодных условиях, какие только можно получить. Не станем распространяться здесь о порядке, который следует соблюдать накануне и после капитуляции: он в точности такой, как и при взятии крепости открытой силой, и о нем рассказ в конце нашего трактата.



ГЛАВА XL

О ШТУРМЕ ОТКРЫТОЙ СИЛОЙ³²⁹ И О ЗАЩИТЕ ПРОТИВ НЕГО

[Начиная рассказ о штурме,] мы исходим из данности, что оборонительные сооружения крепости именно таковы, как говорилось вначале, что она располагает гарнизоном соответствующей численности, обеспечена необходимым оружием и инструментом, а равно запасами провианта, достаточными для пропитания всех, кто в ней есть (об этих запасах мы тоже писали весьма подробно), и, подготовленная должным образом, противостоит противнику, который подводит к ней траншеи, подавляет ее оборону артиллерийским огнем и продельвает [в стенах] бреши при помощи мин.

Первое, что делает армия, намеренная предпринять штурм, — становится лагерем и обносит его полевыми укреплениями. Помещать этому нельзя, и, поскольку противник обустраивает свои квартиры на порядочном отдалении, урон ему удастся нанести разве что стрельбой из пушек, вынуждая отступить от крепости еще дальше, или же кавалерийским налетом, так как вылазки силами пехоты заведомо проигранны, особенно если учесть, что и атаковать, и отступать приходится по открытой местности. Кроме того, велик риск угодить в окружение неприятельской кавалерии, которая наступает, не страшась крепостных орудий: ведь в тесной стычке их огонь одинаково губителен для обеих сторон. Осажденные окажутся даже в худшем положении, ибо за пределами городских стен не в состоянии будут помочь своим отрядам никак иначе, тогда как к осаждающим станут прибывать все новые и новые подкрепления; к тому же людские потери куда ощутимей для осажденных, нежели для осаждающих. И случись, паче

чаяния, что [на первый раз] противника разобьют и оттомят, — какая в том польза? Способна ли одна успешная вылазка помешать ему в обустройстве лагеря и возведении циркумвалационной линии? Вот почему я не советую губернатору предпринимать вылазки силами пехоты в день, когда враг только подошел, — разве что окружающая местность предоставляет довольно преимуществ, чтобы подобраться к неприятельским квартирам под прикрытием и держать уверенную оборону, не опасаясь нападения сзади: в этом случае, завязав стычку, следует постепенно отступать оврагами, ложбинами или иными укромными местами, а в крепости держать наготове орудия и палить по врагу, коль скоро тот вознамерится начать преследование. Заряды беречь не стоит — по крайней мере, если хватает боеприпасов, — ибо в чистом поле под выстрел обязательно кто-нибудь да попадет. На подступах, открытых артиллерийскому огню и находящихся в досягаемости пушек, можно сложить кучи камней, слегка присыпанных землей для маскировки, и, когда враг, подобравшись к этим кучам, решит использовать их как укрытие, дать по ним несколько ядер, которые наверняка причинят ему крупный урон. На подходящих участках неплохо использовать фугасы³³⁰, однако закладывать их там, где противник собирается разбить лагерь, — затея весьма сомнительная, ибо подвести к фугасам огонь как раз в то время, когда над ними окажется много народу, будет нелегко, и порох пропадет зря.

Когда противник открывает траншеи, то самое большее, чего добьются защитники крепости, несмотря на все усилия, — вынудят его отступить шагов на десять подалее от того места, которое он сам выбрал бы для начала работ, и, следовательно, потратить на рытье несколько лишних часов. Помешать открытию траншей и доведению их до самого контрэскарпа уже на третью или четвертую ночь не удастся. Но поскольку сами по себе траншеи не представляют большой опасности, да и крепости не слишком вредят, то сильный отпор оказывать землекопам не стоит: достаточно вести по ним непрерывный огонь из укрытия и временами подавать тревогу, чтобы они думали, будто готовится вылазка, и прекращали работу. Буде же и впрямь явится нужда в вылазке — лучше не отходить от стен слишком далеко.

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

Губернатор не должен тревожиться, видя, что осаждающие проложили траншеи и оказались поблизости за столь короткое время: работа лишь поначалу идет очень быстро, но чем ближе к крепости, тем труднее подвигаться вперед, и даже на вторую неделю им не удастся преодолеть то расстояние, которое прежде они проходили за день.



ГЛАВА ХLI

О КОНТРБАТАРЕЯХ И ИНЫХ СРЕДСТВАХ ОБОРОНЫ, НЕОБХОДИМЫХ В КРЕПОСТИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

После того как противник начал рытье траншей, он обу-
страивает и свои батареи для обрушения парпетов кре-
пости, сиречь подавления тех участков обороны, откуда
осажденные ведут огонь по землекопам, не давая им вести под-
ступы. Губернатору же, со своей стороны, нужно позаботиться о
восстановлении разрушенного: пусть велит по ночам исправлять
те участки, которые враг разнес днем, и защитит себя новыми
парапетами, используя землю, обвалившуюся под обстрелом не-
приятельской артиллерии. Даже если парапеты выйдут некази-
стыми и не слишком ровными — неважно, главное, чтобы они
предоставляли надежную защиту. Но поскольку в конце концов
орудийный огонь разрушает эти постройки до такой степени,
что чинить их нет смысла, поступают по-другому: в толще самого
вала, футах в двадцати от его внешней стороны, прокапывают не-
большой [продольный] ров, футов пять-шесть в глубину и столько
же — в ширину, и устраивают в нем стрелковые позиции для
солдат; стена же земли, оставшаяся спереди, послужит парапетом,
разрушить который куда труднее, нежели первоначальный.

Чтобы выиграть больше времени и преимуществ для подоб-
ного рода работ и еще сильнее осложнить действия осаждающих,
в крепости и возводят контрбатареи, то есть устанавливают на
валу, под защитой парапета, несколько пушек, направленных пря-
мо на батареи противника. Если там, где нужно, парпетов нет,

их нужно насыпать; если они низковаты, их делают повыше, а если слишком слабы — усиливают. Понятно, что парапету перед контрбатареей никак не избежать неприятельских ядер, поэтому его закладывают толщиной футов в двадцать пять. Амбразурам не дают изрядной ширины, ибо артиллерия врага расширит их предостаточно: пусть они только позволяют орудиям свободно бить по батареям. Числом пушек, установленных на контрбатареях, крепость не должна уступать врагу: когда стороны ведут артиллерийскую дуэль, преобладание, безусловно, получит та сторона, у которой больше орудий. Иные, правда, полагают, что осаждающие, которые стреляют снизу вверх, находятся в более выгодном положении, чем защитники крепости, ведущие огонь сверху вниз, — однако, по моему мнению, различие между ними не столь существенно, ибо тем, кто под стенами, в отличие от их противников на стенах, заведомо труднее прикрываться от обстрела. Как только орудия будут приведены в готовность, из них начинают без перерыва палить с самого рассвета, пока вражеские батареи не захлебнутся. Неприятель, вынужденный постоянно вести ответный огонь, не сможет, таким образом, подавить другие участки обороны. На каждую батарею — по контрбатарею: вот поистине великое средство, способное надолго задержать врагов; его можно применить в любой хорошо обустроенной крепости, которая располагает необходимым количеством пушек и обеспечена в изобилии боеприпасами.

Описаны разные виды крепостных контрбатарей. Прежде всего, для защиты орудий и канониров от неприятельских ядер предлагается задавать орудийным площадкам уклон по направлению к крепости, чтобы после выстрела, благодаря силе отдачи, пушки откатывались далеко назад, а уязвимыми оставались разве что на самой огневой позиции, во время стрельбы. Однако из-за пресловутого уклона их очень трудно ставить обратно к амбразурам: понадобятся канаты, пропущенные через блоки на толстых деревянных опорах возле парапета, и люди, которые, стоя у подошвы площадки, тянут эти канаты и таким образом поднимают орудия на батарею. Другой способ — подать контрбатарею поглубже, огородить насыпью толщиной в двадцать — двадцать пять футов, так чтобы до парапета, опоясывающего крепостной вал,

оставалось некоторое расстояние, и открыть в ней против внешних амбразур столько же проемов для стрельбы. Контрбатареи подобного рода, равно как и те, что снабжены парапетом удвоенной толщины, и впрямь пользуются отменной защитой, — но стоит противнику хоть немного изменить местоположение своих орудий, передвинуть их в ту или иную сторону — и контрбатареи бессильны, ибо второй, внешний парапет не позволяет целиться ни правее, ни левее, а только по прямой. Так что время, потраченное на сооружение этой насыпи, куда дороже пользы, которую она может принести.

Когда из-за нехватки земли крепостной вал настолько тонок, что за парапетом не хватает места для орудий и их отката, [враги], явись нужда, вкапывают через три фута массивные бревна такой высоты, на которую решено поднять батарею, поверх них кладут прочный помост, способный выдержать орудия, и скрепляют все сооружение толстыми мощными досками. Батарея такого рода, если возвести ее как следует, весьма действенна, в чем я мог убедиться на практике под Руайяном³³¹, где вместе с другими осаждавшими использовал в качестве кавальера дом крепкой постройки: пушка, которую мы установили на втором этаже, принесла отменную пользу.

Многие особы, заметим к слову, в большинстве случаев ставят свои фантазии выше практических доводов. Кое-кто, например, хулит кавальеры, которые я, тем не менее, нахожу весьма полезными для крепости, ибо враг вынужден либо разрушить их, либо насыпать свои батареи и брустверы траншей более высокими. И то и другое доставляет ему немало хлопот, а нам позволяет выиграть время — главное преимущество осажденных. Пожелай он подавить кавальеры, ему придется перенести огонь на них, а парапеты оставить в покое. К тому же с помощью кавальера проще разворотить неприятельскую батарею и повредить орудия, поскольку земля его, которая успела слежаться, лучше выдерживает обстрел, тогда как свеженасыпанные постройки противника более уязвимы. Я видел, что по кавальерам палили не одну сотню раз — и, тем не менее, взяв крепость, мы нашли их почти в полной целости, — более того, ни одно орудие, располагавшееся на них, не пострадало. Коль скоро противник оставит кавальеры как они

суть, там можно обустроить позиции для мушкетеров, установить мушкеты с крюком либо фальконеты, причиняющие немало вреда траншейному караулу и орудийной прислуге, — так что осаждающим придется увеличивать высоту многих своих построек и, соответственно, закладывать их более массивными также у основания. Дела осаждающих, следовательно, будут подвигаться медленней, а защитники крепости выгадают время, которое им требуется.

Когда противник только открыл траншеи, настает час вылазок и атак кавалерии, если крепость таковой располагает, ибо, стоит промедлить дольше, он подведет подступы совсем близко, и названные предприятия будет значительно труднее осуществить. Кавалерию неплохо бросить против врага, когда тот занят земляными работами, дабы застать врасплох и нанести ему крупный урон, прежде чем он соберет силы. Можно нападать на него с разных сторон, а при окружении — быстро отступать и даже рассредоточиваться. Пехота для этого не годится: в ходе вылазок на дальние подступы ее легко окружить, а при отступлении — истребить. Кавалерийские атаки будут еще более успешны, пока враг не расставил свои пушки.

Вылазку производят следующим порядком: собираются во рву или на прикрытом пути и занимают те участки, которых можно безопасно достичь; если [в окрестностях] есть возвышенности или впадины, не просматривающиеся с неприятельской стороны, — укрывают там мушкетеров, которым предстоит стрелять по врагу, как только тот начнет преследовать отступающих. Прежде чем придет черед кавалерии, стычку с противником завязывают другие мушкетеры, чья задача — раздражить его, выманить из траншей, но, стоит ему поддаться на эту хитрость, наши пехотинцы отступают, а кавалеристы охватывают его с тыла и жестоко бьют. Когда же в погоню рвется неприятельская кавалерия, то наша, если не в силах с нею тягаться, увлекает ее в том направлении, где оставлена засада, ожидающая, пока враг подойдет поближе, чтобы разрядить в него мушкеты. Затем все спешат под прикрытие крепости, которая начинает расстреливать врага из мушкетов и орудий. Артиллерию губернатор должен содержать в полной готовности и выставить у парапетов в виду места вылазки

не только солдат, но и пушки, заряженные и нацеленные в ту сторону, — пусть пальба грохочет, не умолкая, пока внизу никого не останется.

Эти первые вылазки на дальнейшее расстояние, в которых участвует и кавалерия и пехота, сподручней, как мне кажется, предпринимать в светлое время суток, — а те, что намечены подле крепости и силами одной лишь пехоты, — напротив, в ночное время или, по крайней мере, чаще ночью, чем днем, ибо в темноте ни кавалерия, ни мушкетеры засады не смогут воспользоваться преимуществом, о котором мы говорили, и сражаться должным образом. Итак, по моему мнению, более успешными эти вылазки бывают в дневные часы, — однако сие отнюдь не означает, что их нельзя предпринимать также и ночью: все зависит от времени, обстоятельств и намерений губернатора.

В дальнейшем нам еще предстоит подробно поговорить и о вылазках, особенно о тех, которые делают, когда враг подступил к крепости почти вплотную, и обо всех обстоятельствах, каковые надлежит учитывать перед вылазкой, во время вылазки и после нее, — поэтому не станем больше распространяться о предприятиях, призванных всего-навсего задержать ненадолго его работы, да продемонстрировать, что крепость есть кому защищать. Такого рода вылазки не стоит затевать слишком часто, ибо существенной пользы от них мы не получим, а урон понесем изрядный; по большому счету, они лишь позволяют задействовать кавалерию, которая и годится разве что для ближнего боя, а в крепости совершенно бесполезна.

Неприятель, конечно же, выберет для нападения наиболее уязвимые места крепости и, если где бы то ни было ее укрепления не столь надежны, атакует именно тот участок, который нуждается в обустройстве: еще верней в этом можно убедиться, взглянув, с какой стороны он открывает свои траншеи и закладывает батареи. Поэтому защитникам крепости нужно позаботиться об исправлении слабых участков и усилить их, где необходимо, при помощи внешних построек. Возводить таковые начинают ночью, а до ума доводят днем, уже будучи под их прикрытием. Можно заложить демиллюны, тенали, прикрытый путь и тому подобные укрепления — и хотя они вряд ли выйдут такими же

законченными и безупречными по форме, как те, что возводились в дни мира, однако служить будут столь же исправно, и противнику, чтобы ими овладеть, потребуется не меньше усилий. Пусть даже враги совсем близко, нужно продолжать трудиться, невзирая на страх, — ведь когда их траншеи будут завершены, о завершении собственных работ и думать нечего. У обороняющегося — огромное преимущество: ведь за ним — крепость, которая его защищает, и все, кто в ней: ему есть куда отступить и откуда ждать помощи. Да и в сравнении с ретраншементами, которые способны разве что отсрочить капитуляцию, постройки эти предоставляют настоящую защиту, задерживают врага и сковывают его силы. Доводы тому мы уже подробно разбирали в нашей «Фортификации»³³², и рассматривать их нет нужды: здравый смысл вполне убеждает нас, что оборонительные постройки вовне крепости — куда лучше тех, что обустраиваются внутри нее, ибо оказывают противнику большее сопротивление.

Постройкам, необходимым для обороны уязвимых участков, мы не будем давать детальное описание, ибо возведение таковых зависит от времени, обстоятельств, характера местности, а также от лиц, которым поручено управлять крепостью. Человек, хорошо знающий фортификацию, сумеет выбрать и род постройки, и наиболее подходящее для нее место, а благодаря своему опыту — определиться со временем, обстановкой и использованием труда горожан.

Прежде всего следует привести в надлежащее состояние контрэскарп и подготовить его к обороне. Для этого посреди гласиса на протяжении всего участка, которому грозит атака, вкапывают частокол, а оба конца его загибают назад и доводят до самого прикрытого пути, чтобы враг не смог застать врасплох караулы, если ударит с флангов.

Мне доводилось видеть, как защитники крепости уже во время осады спохватывались, что тот или иной участок, оставленный ими без оборонительных построек и защиты, сулит много потерь, а крепости суждено пасть, вскоре после того как он будет захвачен, — и укрепляли его прямо на глазах у врага. Так надлежит поступать во всякой крепости, где обнаружатся упущения подобного рода. Итак, для охраны и защиты этих участков их

прежде укрепляют. Если они находятся на порядочном расстоянии, нужно обеспечить сообщение с ними при помощи крытых ходов, необходимых для движения караула и подачи помощи, а также позаботиться, чтобы защитники укреплений не подверглись нападению с тыла, — ведь в противном случае укрепления эти превратятся в настоящую западню, а те, кого туда пошлют, будут обречены на верную гибель. Кроме того, внешние постройки закладывают с таким расчетом, чтобы противник, овладев ими, не смог использовать их против нас, — то есть открытыми со стороны крепости; если же их огораживают сзади, то лишь простым частоколом. Засим отмечу, что малые редуты вокруг крепостей ни на что не годны, так как не способны оказывать длительное сопротивление — неприятель легко возьмет их и использует как выгодные позиции для защиты своих подступов: уж лучше возвести демиллюны, тенали либо подобные им постройки, в которых он не сможет найти укрытия.

Если требуется укрепить очень важный участок местности, который нельзя взять ни с тыла, ни с флангов, — например, проход в топях, дорогу, ведущую по плотине, либо горную тропу, стесненную обрывами справа и слева, — иногда возводят форты соответствующей величины. Даже когда враг уже встал [вблизи] лагерем, пусть губернатор велит всем солдатам, а равно и горожанам без различия чинов и положения, явиться на работы, разделит на команды и либо сменяет каждый день, либо поручит жителям каждого квартала — а коль скоро речь идет о солдатах, — каждой роте или полку, — возведение своей части форта, чтобы те движимые если не соперничеством, то желанием поскорей избавиться от этого бремени, были более расторопными.

Горожан, как бы строго их ни понуждали, нелегко заставить работать в тех местах, где им угрожает опасность. Зная и видя, что происходит, они не хотят ни воевать, ни трудиться за пределами городских стен, и если пересиливают себя, то лишь в тех случаях, когда ратуют за свою веру или же страшатся крайнего притеснения, а во имя верности государю, ради любви к родине либо защиты своей чести на риск нипочем не пойдут. Они наверняка попросят избавить их от этой обязанности и вызовутся работать в крепости, во рву или в каком-либо ином месте, где будут

защищены. Пусть губернатор объяснит, что радеет об их безопасности, исполнен расположения к ним, но, поскольку работа эта необходима, должен думать и о тех людях, которым предстоит трудиться вместо них, — и готов освободить горожан от работы при условии, что они по собственному почину предложат отблагодарить этих людей и соберут некоторую сумму в качестве оплаты их труда и награды за риск, которому те подвергнутся для спасения крепости и ее населения. Пусть также назовет потребную сумму и позволит горожанам самим раздать ее, — ибо, если препоручит это дело стороннему человеку, они непременно подумают, будто их стремятся обобрать, даже если посредник распорядится деньгами умнее их самих: им легче потратить десять экую, зная, на что пойдут деньги, нежели расстаться с пятью — и переживать, что те кто-нибудь прикарманит. Таким же образом губернатор может поступить, когда горожане уклоняются от работ во внешних постройках.



ГЛАВА XLII

О ВЫЛАЗКАХ

По мере того как враг подступает к крепости, следует умножить и усилия для ее обороны, а поскольку чем ближе беда, тем она опаснее, — использовать всякую возможность, позволяющую отбросить его или задержать. Первые траншеи и подступы он откроет легко, и ему не помешаешь основательно продвинуть их за несколько дней, однако подле контрэскарпа, когда до крепости уже рукой подать, дело идет все трудней, ибо обстрел наносит ему все больший урон, а обороняющиеся могут предпринять успешную вылазку против тех, кто ведет работы.

Для обсуждения неотложных вопросов обороны губернатору следует ежедневно — ведь обстановка меняется что ни день — держать [военный] совет; пусть уделяет особое внимание караулам, требует, чтобы горожане исполняли свой долг на тех постах, что им поручены, проверяет, продвигаются ли необходимые работы, подготавливаются ли планы, которые предстоит исполнить в дальнейшем, и решает, как сорвать намерения врага, едва о них станет известно.

Вылазки суть — основная тактика, благодаря которой можно защищаться от врага, ведущего осадные работы, и таковую непременно следует принять на вооружение, чтобы дать ему отпор и нанести ущерб; если же позволить осаждающим заниматься своим делом без помех, крепость долго не продержится. Все правила и требования, соблюдаемые во время вылазок, — наилучшие из тех, что одобрены опытом, даже более глубоким, нежели мой, с которыми прочие, пожелай я их привести, не идут ни в какое сравнение, — я подробно описывал в своей «Фортификации»³³³.

Большую их часть я повторю в конце, дабы избавить читателя от необходимости перелистывать названную книгу целиком, — ибо они исключительно важны для всякого, кто командует крепостью.

Без вылазок можно обойтись в крепости, чьи окрестности неприступны благодаря рукотворным или же естественным препятствиям, а сама она, при малом населении, располагает порядочными запасами провианта: тем, кто за ее стенами, не страшны ни штурм открытой силой, ни затяжная осада. Таковы крепости, расположенные на высоких горах, скалах в море, среди глубоких болот, и вообще все те, против которых любые осадные работы бессильны.

Коль скоро на совете решена вылазка, следует определить направление, на котором она принесет больше пользы нашей стороне и урона — осаждающим (как правило, со стороны осадных работ и там, откуда грозит наибольшая опасность), и, точно так же, подходящие время и условия. Самый удобный случай для вылазки, если, конечно, его удастся выждать, — когда в том или ином [неприятельском] полку не хватает солдат для караульного наряда либо они не храброго десятка, плохо повинуются, прибыли из нового пополнения и оказались на осаде впервые или несколько дней не сменяются с караула. Про это губернатор может узнать от внедренных во вражеский стан лазутчиков, которые пробираются по ночам в крепость или же бросают в условленное место записки с донесениями о том, что происходит в лагере противника и на осадных позициях.

Так как губернатору обязательно полагается знать, что делается у врагов, и преимущества такой осведомленности весьма велики, присовокуплю попутно, что еще загодя ему надлежит обзавестись в неприятельской армии разведчиками на содержании, которые обо всем ему доносят. Они могут принадлежать как к нашей нации, так и к неприятельской; пусть, подобно другим солдатам, поступят на службу, получают оружие и притворятся, будто преданы своим соратникам, либо проберутся в лагерь [осаждающих] под видом торговцев, коробейников или маркитантов и, если сами не смогут соглядатайствовать и доносить, — подкупят кого-нибудь из солдат. В пограничных крепостях вообще не бывает губернаторов, которые в военное время не завели бы

четверых-пятерых таких осведомителей, дабы получать вести извне, когда крепость уже осаждена. Самый надежный способ передавать донесения — привязывать записки к камням и закидывать по ночам в ров, где верные люди, нарочно дожидаящиеся в определенном месте, подбирают их и относят губернатору. Если лазутчику необходимо попасть в город, пусть ночью отползет от остальных, пока те спят, выберется из траншей там, где никого не будет, обогнет участок, на котором ведутся осадные работы, и только оттуда прокрадется к крепости — при этом нужно, чтобы часовой на условленном посту был предупрежден и пропустил его. Назад лазутчик возвращается той же дорогой, — однако ему не стоит часто ходить туда-сюда, иначе его вскоре схватят.

Мудрый военачальник стремится использовать свои преимущества и выбирает наиболее благоприятный момент. Самое подходящее время [для вылазок] — когда стоит холод, льет дождь или спускается темнота, ибо [неприятельский] солдат, который всю ночь будет зябнуть и мокнуть в траншее, уже наполовину побежден естественными превратностями. Свист ветра, шум дождя и ночной мрак благоприятствуют этому плану, а для врага оборачиваются скорее пагубой, поскольку ему трудней услышать и вовремя заметить атакующих. Если [траншейный] караул состоит из новобранцев, не нюхавших пороху, от него мало проку в случае внезапной атаки, и если его солдатам придется мерзнуть всю ночь, а тем более — возиться с фитилем во время дождя, притом что участники вылазки будут вооружены пистолетами и колесцовыми аркебузами, — противника, вне всякого сомнения, он не защитит.

Вылазку лучше всего начинать за час или два до рассвета, когда солдаты, утомленные долгим ночным бдением, сильнее хотят спать и меньше следят за тем, что происходит, — однако не стоит считать, будто названное время непреложно и ее нельзя предпринять в любой другой час, хотя бы и среди дня, коль скоро это сулит выгоду. На своем мнении я бы хотел настоять лишь по той причине, что днем на открытой местности участники вылазки видны издалека и первых враг перебьет прежде, чем те с ним схватятся, а по отступающим станет вести непрерывный огонь из своих траншей. Некоторые возражают, что ночью многие из тех, кто

совершает вылазку, стремятся уклониться от боя, пользуясь темнотой, и, идя в бой из-под палки, не столько воюют, сколько мутят остальных и сеют беспорядок. Однако то же самое можно сказать и о противнике, и если трусы попадают на одной стороне, то и с другой их наверняка хватает, так что соотношение в данном случае будет одинаковым. Ночь тем более способствует вылазкам, что отступать под ее покровом безопасней, да и прятаться, на худой конец, — проще.

Число солдат — участников вылазки точно определить нельзя, ибо оно всякий раз соотносится с неприятельскими силами и зависит от поставленной задачи. Для наглядности, впрочем, исходя из характеристик крепости, описанных в начале этой книги, приведем следующий пример.

Для вылазки отбирают, прежде всего, сотню лучших солдат из всех полков во главе с капитаном, лейтенантом и двумя-тремя сержантами; вооружение этой сотни — алебарды, протазаны, полупики³³⁴, укороченные шпаги и пистолеты, а первым рядам выдаются также противомушкетные доспехи. В поддержку авангарду³³⁵ отряжают еще двести человек, которые идут следом под командованием двух капитанов, двух лейтенантов и четырех сержантов, вооруженные мушкетами и пиками; у иных вместо фитильных мушкетов — мушкеты и аркебузы с колесцовым замком либо ружья. (В дождь колесцовое оружие выдается всем, ибо от фитиля толку будет мало, и, если ради такого случая запасено порядочное количество мушкетов с ружейным или колесцовым замками, это очевидное преимущество.) Остальные несут гранаты, [огненные] горшки, огненные копья, липкий огонь³³⁶ и прочие фейерверки. Аррьергард³³⁷ составляют из двух-трех сотен, ведомых двумя капитанами, двумя лейтенантами и четырьмя сержантами: кроме оружия он берет с собой стальные гвозди, молоты, пики, лопаты, мешки [с землей], связки хвороста, бочонки, доски и веревки, об использовании которых речь пойдет ниже. Когда вылазку предпринимают в поле за внешними постройками, то в ближайших из них размещают еще две или три сотни солдат с оружием наготове, а тех, кто остается в крепости, — строят для боя в сборных местах. Кавалерии, если она есть, приказывают обогнуть траншеи либо справа, либо слева, в зависимости от их

расположения, и ударить в тыл [траншейному] караулу. Ее разделяют на эскадроны, которым предстоит атаковать то там, то сям, дабы посеять страх и смятение на всей линии работ, а случись, что противник пойдет в контратаку, — завязать с ним тесное сражение и отбросить. Использовать кавалерию можно лишь на подступах к крепости, ибо стоит врагу овладеть контрэскарпом, в лошадях уже не будет надобности, и кавалеристам придется нести службу в пешем строю.

До начала вылазки ее участники должны знать, какая задача перед ними стоит. Если речь идет лишь о том, чтобы потревожить врага и вынудить его приостановить работы, достаточно, чтобы несколько солдат во главе с одним или двумя сержантами подали тревогу, выдвинулись в сторону неприятельских траншей, будто бы намереваясь напасть, — и возвратились обратно, как только в его рядах вспыхнет паника. Когда же предстоит разрушить какую-либо осадную постройку, то отряд, участвующий в вылазке, должен насчитывать такое число солдат, о котором мы только что говорили, располагать необходимым инструментом, а также соблюдать тактику, изложенную ниже.

Итак, прежде участники вылазки знакомятся с планом действий, которого они должны придерживаться, получают пароль, а кроме того — наружный знак, позволяющий отличать друг друга: это может быть светлая рубаша поверх одежды, бумажный крест на шляпе, белый платок либо другой предмет, который легко увидеть и опознать ночью.

Перед вылазкой крепостные орудия, заряженные обрывками цепей и железным ломом, нацеливают против тех участков, где намечена атака и подготавливается отступление; фейерверки, служащие как для освещения, так и для причинения врагу ущерба, держат под рукой, дабы пустить в ход таким образом, как будет сказано впоследствии; мушкетеры занимают позиции за парапетами, готовые в нужный момент открыть огонь.

Те, кого отрядили для вылазки, сходятся на сборном месте, во рву, благо он сухой, на прикрытом пути, либо во внешних постройках, расположенных ближе к неприятельским траншеям, подбираются к противнику крадучись, дабы производить как можно меньше шума, и, если удастся, снимают часовых аванпостов³³⁸.

Противника можно захватить врасплох, подобравшись к нему по дну его же траншей, — например, с той стороны, где они не завершены либо пребывают в беспорядке и не охраняются: при этом один отряд обходит врага и наносит удар сзади, другой атакует по фронту, а третий, когда они уже ведут настоящий бой, подает на соседнем участке ложную тревогу. К этому времени посреди траншей оказывается также кавалерия, и атакующие скопом, разя всех на своем пути, пробиваются к той постройке, которую решено отбить, — и, после того как авангард завладеет ею и займет внутри прочную оборону, остальные, согласно плану вылазки, немедленно разрушают и приводят в негодность окружающие укрепления и засыпают сами траншеи.

Когда цель атаки — батарея, авангард пробивается к ней, валит габионы и заклепывает пушки при помощи каленых стальных гвоздей, вгоняемых в затравку³³⁹ сильными ударами молота. Когда гвоздь больше не идет внутрь, по нему бьют сбоку и, если он хорошо закален, обламывают, как стекло, а затем расплющивают еще двумя-тремя ударами, чтобы обломок нельзя было ухватить и выдернуть. Прежде чем заклепать орудие, нужно убедиться, что оно не заряжено, иначе искра от удара по гвоздю может вызвать выстрел. Следует запастись гвоздями разной толщины, ибо под воздействием силы пороха затравка, бывает, раздается так сильно, что в нее свободно входит большой палец, а иногда и шире. Кто-то заколачивает затравку пульей несколько большего диаметра, иные оборачивают пулю войлоком, однако способы эти не слишком надежны, поскольку орудие можно вскоре расклепать и использовать снова; еще заталкивают внутрь мелкие речные камешки, наподобие гороха, которые, в отличие от гвоздей, нельзя ни откалить, ни высверлить. Если же отверстие затравки настолько велико, что его не загвоздишь, в орудие, точно под калибр, засаживают деревянную пробку, утыканную дюймовыми стальными остриями с таким расчетом, чтобы они позволяли пробке войти, когда она загоняется в ствол, и упирались в металл [ствола], если ее пытаются извлечь. Калибр вымеряют по ядрам, которыми орудие стреляет, — уж их-то в крепости будет предостаточно, — а длину пробки задают фута в полтора-два. Когда такая пробка туго вколочена, удалить ее потом очень

трудно и, следовательно, враг не сумеет воспользоваться орудием. Как-нибудь я приведу одно изобретение³⁴⁰, благодаря которому можно вывести из строя пушки, захваченные врагом, чтобы тот не смог обратить их против нас, — и немедленно пустить таковые в ход, едва они будут отбиты: оно пригодится во время полевого сражения, когда орудия, случается, переходят из рук в руки по несколько раз за день.

Малые орудия, установленные врагом на контрэскарпе или подле него, иногда, если представится возможность, не заклепывают, а перетягивают в крепостной ров при помощи приготовленных веревок, чтобы при случае поднять и вывезти; и пусть даже ров наполнен водой — они уже не будут представлять угрозу для крепости во время осады.

Да позволит читатель описать одну придумку, которую я хотел бы однажды испробовать, буде враг возведет батарею на контрэскарпе (делается это, как правило, для того, чтобы вести обстрел бастионных флангов). Итак, накануне вылазки я бы установил на ближайшем бастионе три-четыре ворота³⁴¹ или кабестана³⁴² с толстыми канатами, отмотал бы канаты до дна рва, а чтобы их нельзя было обрубить, удлинил на несколько туазов железными цепями. На концах я бы прикрепил по крюку, который трудно открыть, если он замкнут, и отрядил в ров нескольких солдат для переноски этих канатов и цепей. Когда участники вылазки будут штурмовать батарею и опрокидывать габионы, солдаты зацепляют пушки крюками, а люди в крепости — запросто затаскивают в ров при помощи кабестанов. Придет час, пушки можно и поднять, но, как бы то ни было, врагу они больше не послужат. Прежде такой прием никогда не применялся, — мне, во всяком случае, дотоле не доводилось ни слышать, ни читать о нем, — однако я считаю, что он вполне осуществим, если оттеснить тех, кто обороняет батарею.

Однако вернусь к вылазкам. Когда батарею нельзя захватить, ее, случается, взрывают, подпалив порох на ней, а также поджигают орудийные лафеты: чтобы они хорошо горели, их обмазывают подходящим липким составом, а сверху бросают несколько просмоленных связок хвороста; габионы — тоже жгут либо валят. Равным образом, огню предадут платформы, прикрытые

ложементы³⁴³ — вообще все, что можно сжечь; траншеи — обрушивают и засыпают, одним словом, уничтожают любые работы, нужные врагу, но губительные для крепости. Если нельзя разрушить все — разрушают, что удастся, но делать это следует как можно быстрее, пока на выручку траншейному караулу не подошли остальные войска, и противник не успел взять атакующих в кольцо, — иначе урона будет куда больше, чем пользы. Во время вылазки чрезмерная напористость вообще ни к чему, ибо чревата изрядными людскими потерями, а для крепости солдаты куда дороже, чем для тех, кто ее осаждает. Дело скорее во внезапности, нежели в силе — если только речь не идет, к примеру, о приморских крепостях с открытым портом, через который можно получить любое подкрепление, или же о крепости в срединных землях, коль скоро та обложена врагом лишь с одного края, а другой находится во власти союзной нам армии, посылающей в помощь осажденным столько сил, сколько потребуется.

Если в ходе вылазки становится ясно, что врагу можно нанести гораздо больший ущерб, чем изначально предполагалось, то те, кто в ней участвует, немедленно посылают губернатору донесение обо всем увиденном, дабы он, благо сочтет нужным продолжать вылазку, дал им передышку и отрядил на подмогу свежих солдат с инструментом и боеприпасами.

Захваченные осадные позиции никогда не удерживают, и долженствующий финал вылазки — отступление с наименьшими потерями, о котором наш рассказ впереди.

Если цель вылазки — отбить демилюну, теньаль или иную внешнюю постройку, занятую врагом, действовать надлежит так же, как мы говорили выше, а после того, как враг изгнан, — засыпать вырытые им ложементы и не мешкая исправить все разрушения при помощи мешков [с землей], бочонков и габионов. Впрочем, для обновления постройки названные средства недостаточны, и враг обязательно попытается овладеть ею снова, — лучше восстановить ее в первоначальном виде, времени на это уходит не больше.

Когда удерживать занятые постройки нет нужды и предстоит их покинуть, действуют следующим образом: авангард, вооруженный так, как было сказано, обороняет постройку, которую занял

вначале, пока остальные [участники вылазки] не отойдут, а затем и сам откатывается обратно в ров, подав крепости сигнал о своем отступлении. После этого заранее нацеленные крепостные пушки и мушкетеры на валу, защищая отступающих, открывают непрерывный огонь по тому участку, который только что был оставлен, — а также по неприятелю, если тот пустится в погоню: пусть стреляют погуше, ибо неприятель тотчас попытается вернуться в потерянные было построики и восстановить разрушенное. Ночью в ход пускают осветительные фейерверки и, когда враги обнаружены, перенацеливают по ним орудия, неустанно бьют из мушкетов, бросают гранаты, бомбы и иные снаряды, дабы причинить еще больший урон, и не останавливаются до тех пор, пока видят кого-либо в досягаемости.

Прежде чем командиров вылазки впустят в крепость после отступления, они обязаны назвать пароль, особенно когда вылазка совершается в ночное время и нельзя узнать входящих в лицо, — иначе в их ряды может затесаться неприятельский лазутчик. Чтобы враги не пробрались в крепость раньше отступающих или вместе с ними, как иногда случается, неплохо завести следующий порядок: пусть полковник или губернатор выберет [для вылазки], скажем, по десятку солдат из каждой роты, а перед отступлением велит капитанам или другим ротным офицерам явиться к воротам, дабы опознавать своих по мере того, как те возвращаются: при этом шпион либо чужак, задумай он проскользнуть в крепость среди суматохи, тотчас будет изобличен.

Тех, кто пытается улизнуть либо вернуться в крепость под предлогом переноски раненых или убитых, посылают обратно в бой, пока длится вылазка: речь идет, прежде всего, о дневных часах, поскольку ночью всякий, кто не желает исполнять свой долг как положено, попросту спрячется и не станет сражаться.

Нужно иметь в виду, что во время крупных вылазок нельзя оголять прочие участки обороны города, дабы не подвергнуться нападению с их стороны. Враги довольно часто делают вид, будто неистово атакуют на одном участке, и, отвлекая на него все силы осажденных, в то же время без лишнего шума подступают к другому и таким образом захватывают крепость, не встречая серьезного сопротивления.

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

Итак, одни вылазки предпринимаются крупными силами, чтобы повредить осадные постройки врага и нанести ему урон. Для других, чья цель — приостановить ведение осадных работ, довольно и нескольких солдат во главе с сержантом: те, как говорилось выше, подают ложную тревогу, громко шумят и отходят, едва заведев вооруженного противника. Такая вылазка нагонит на землекопов страху и заставит тотчас бросить работу: прежде чем они к ней возвратятся, пройдет порядочно времени, а если вздумают пренебречь опасностью — поплатятся, когда на них нападут по-настоящему. Иной раз вылазки совершают из-за отчаянного положения, коль скоро речь идет о жизни или смерти, — и единственное правило в такого рода безнадежных предприятиях, где каждый действует без приказа, на свой страх и риск, — разить врага напрапалу.



ГЛАВА XLIII

О КОНТРМИНАХ

Чтобы подступить поближе к крепости, врагу необходимо овладеть внешними постройками, а в довершение осадных работ — подвести к ней мины. Для противодействия минам в крепости следует заранее обустроить контрмины, поэтому в настоящей главе мы расскажем именно о них, а о защите внешних построек — чуть позже.

Некогда отрывка мин была куда более трудоемкой и несовершенной, нежели теперь. С недавнего времени их прокладывают без особых хлопот, избегая ошибок, известных по опыту, — а поскольку оборонительным средствам не след отставать от наступательных, то и контрмины пристало устраивать иначе, чем прежде.

Обычно мины начинали рыть по ту сторону рва и углублялись под землю довольно основательно, футов на тридцать—сорок; однако большинство из них выходили весьма неудачными и нередко оборачивались во вред тем, кто их прокладывал. Контрмины тогда были такими, как мы описывали³⁴⁴: дабы [заранее] обнаружить врага, ведущего мину, и не дать ему приблизиться, в постройке, подлежащей защите, выкапывали нечто вроде колодца и отводили от него подо рвом минную галерею, которая оканчивалась разрезом, параллельным фасу или фронту постройки. Иногда в толще ограды по всему контуру крепости предусматривали сводчатую полость, высота которой составляла шесть футов, ширина — три, а дно приходилось вровень со рвом, и пробивали отверстия: одни — у самого ее дна, а другие — в своде, против тех, что делаются в верхней части ограды и служат отдушинами. Кое-кто полагает, что благодаря этой полости и отдушинам мина, даже если ее подведут

под ограду, окажется малодейственной, — но мой опыт говорит совсем об обратном: при осаде Монкальво³⁴⁵ в Монферрате взрыв в подкопе, заведенном в пресловутую полость, оказался столь мощным, что от сотрясения рухнул весь фас бастиона. Увидев недавно подобного рода ограду в Катле³⁴⁶, я убедил его преосвященство, что, если заминировать ее по моему способу, взрыв произведет отменный эффект, что и произошло: основная часть фаса была разнесена в пыль, мы ворвались в крепость и овладели ею. Следовательно, проку от таких контрмин — никакого.

Издавна превосходной защитой против мин почитают неширокий ров, проложенный по дну главного рва³⁴⁷ и достигающий грунтовых вод или твердой каменной породы. Преодолевая его во время рытья подкопа, враг и впрямь не сумеет остаться незамеченным, но в наши дни сие изобретение пропадет напрасно, коль скоро он начнет прокладывать мину так, как мы объясним ниже, и, даже если его обнаружат, он все равно подберется к подножию ограды. Прежде бытовала уверенность, и доньне разделяемая многими, будто от мин способна защитить вода во рву, — однако, как и в предыдущем случае, это неправда, в чем можно убедиться из нашего дальнейшего рассказа.

Чтобы определить, роет ли враг подкоп и в каком месте, существует несколько способов, которые применяются еще с древности, — к примеру, палка, воткнутая в землю, костяшки на барабане, ваза с водой и соломинками внутри, бронзовый щит либо большой таз с насыпанными в него горошинами, подвешенные колокольчики и т.п., — но все они бесполезны, ибо, когда с их помощью неприятельский подкоп удастся-таки обнаружить, тот уже порядочно продвинут и готов к закладке пороха, так что времени для наведения контрмины не остается.

Итак, ни пресловутые полости, ни рвы, ни вода, ни прочие ухищрения, о которых говорилось выше, не остановят врага, если вместо того, чтобы углубляться под землю, он засыплет ров (сухой или полный воды — безразлично), возведет на насыпи галерею, подберется под прикрытием галереи вплотную к фасу и начнет рыть мину прямо в бастионе. Поскольку в этом случае прежние методы защиты никуда не годятся, потребовалось изыскать другие. Новейшие авторы утверждают, что единственный и самый

верный метод, благодаря которому неприятельский подкоп будет немедленно предотвращен, — строить бастионы полыми: ведь когда противник ведет мину, вал можно быстро пробить [изнутри] и двинуться навстречу. На этом основании полые бастионы считаются несравненно лучше засыпных. Выскажу попутно и свое мнение: впрямь, большое дело — помешать подкопу; однако по ряду иных причин, которые мы приводили в нашей «Фортификации»³⁴⁸, полый бастион более уязвим. И потом, если мы решили опоясать крепость достаточно глубоким и широким рвом, то нужно куда-то девать вынутую землю, а поскольку она обычно идет на заполнение бастионов, я ума не приложу, на что употребить ее иначе, — разве засыпать какую-нибудь глубокую ложбину, буде таковая найдется. Глупо спорить о том, стоит ли делать что-либо, если не делать этого все равно нельзя. Мне возражат, что в Голландии большинство бастионов — полые, и это правда. Но следует учесть, что засыпными их возвести и не получится — не хватит земли: стоит копнуть фута на два — тотчас покажутся грунтовые воды, а когда яма глубже восьми футов, работу и вовсе впору прекращать, — поэтому голландцам, чтобы заложить даже немудрящий вал, приходится делать ров непомерной ширины. У нас же нет ни нужды, ни возможности оставлять бастионы полыми где бы то ни было — уж лучше усовершенствовать засыпные и убить разом двух зайцев: использовать лишнюю землю и обеспечить бастионам надежную противоминную защиту.

В массиве бастиона, демилюны, тенали либо иной постройки, которую предстоит защитить при помощи контрмины [см. рис. 6], необходимо вырыть яму С, наподобие большого колодца, позволяющую не только без труда спускаться вниз, но и поднимать на поверхность землю при помощи заплочных коробов или ручных тележек, — или же череду касканов³⁴⁹ высотой в пять-шесть футов, один ниже другого, чтобы землекопы, стоя в них, могли передавать друг другу корзины с землей. Колодец должен идти до самого рва и, если тот сухой, спускаться еще на пять-шесть футов ниже, а если наполнен водой — достигать лишь уровня воды. В стенках колодца возле дна прорывают несколько ходов-рукавов, оканчивающихся в толще вала футов за шесть-восемь

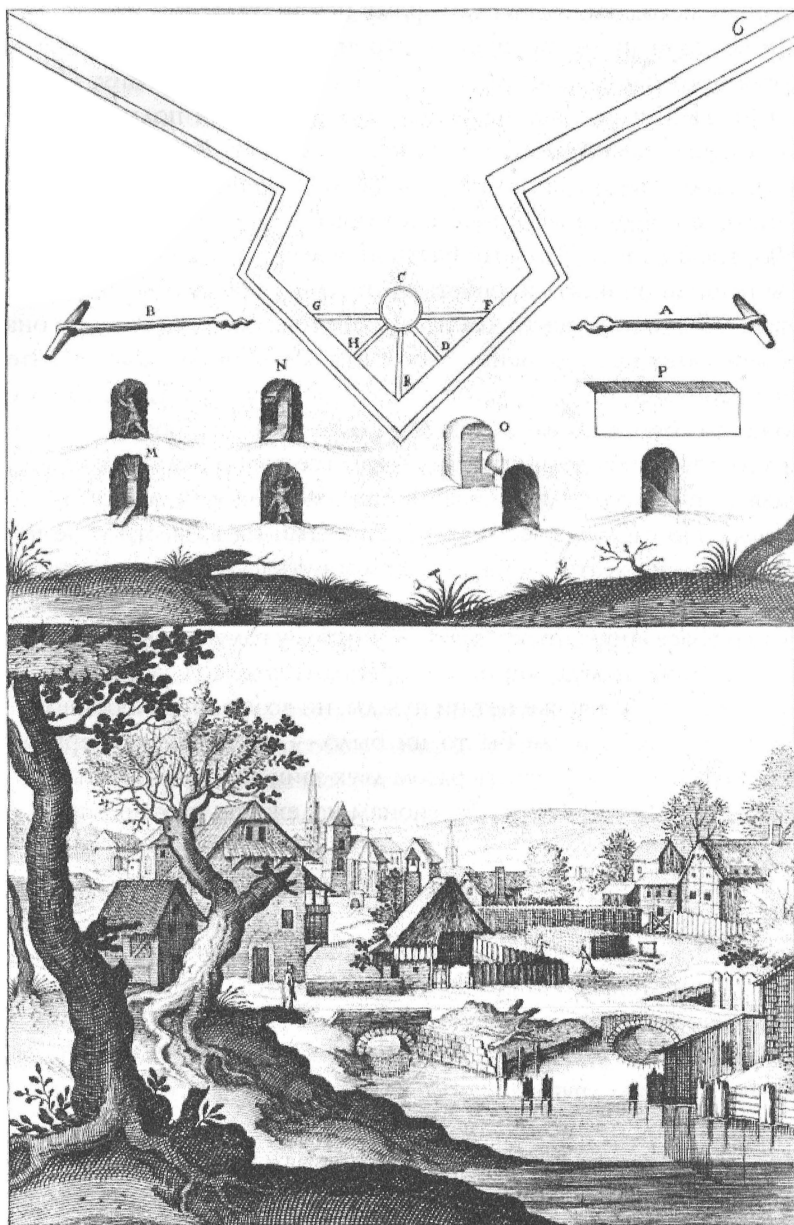


Рисунок 6

до поверхности: один ведет к шпицу *K*, а прочие — к фасам. К каждому фасу можно подвести два или три таких хода (*G*, *H*, *D*, *F*), — и контрмина будет наготове, с какой бы стороны враг ни начал подкоп. Хотелось бы предупредить только, что и колодец, и пресловутые ходы устраивают одновременно с самим бастионом, а затем одевают, дабы они со временем не осыпались.

Когда возникнет необходимость использовать контрмину, сперва узнают место, к которому враг подводит подкоп. Это очень просто: если с противоположного фланка видно направление неприятельской галереи, то и участок, где она должна примкнуть к фасу, можно определить безошибочно. Или же спускаются через колодец в тот рукав, который расположен ближе других к минной галерее³⁵⁰ и месту работ противника, прокладывают изнутри траверс, то есть поперечную выработку шириной в два-три фута и высотой — в пять, идущую параллельно атакуемому фасу, отыскивают, где именно делается подкоп, и пробиваются прямо навстречу врагу. Для этой цели некоторым велят внимательно слушать, с какой стороны он идет, а остальным — держать наготове по стальному щупу восьми-десяти футов длиной³⁵¹, обозначенному [на нашем рисунке буквой] *A*, либо похожему инструменту (*B*), который на одном конце снабжен острием в форме ячменного зерна, откуда и получил свое название³⁵², а на другом — рукояткой, как у щупа. Как только шум, производимый врагом, выдаст место подкопа, этими приспособлениями пронзают землю в разных местах — перед собой, выше, ниже и по сторонам. Если всюду чувствуется плотный однородный грунт, ход углубляют и возобновляют свои попытки до тех пор, пока острие щупа не уйдет в пустоту — это значит, что вы наткнулись на мину; иногда через дыру можно даже увидеть огонь свечи. Когда вражеский подкоп обнаружен и вас отделяют от него лишь пять или шесть футов [земли], быстрее всего вскрыть мину при помощи петарды. Прежде чем будет приложена петарда, нужно определить местонахождение минных горнов³⁵³ противника. Если они под вами, петарду на мадрильной доске устанавливают жерлом вниз, а со стороны казенной части³⁵⁴ заваливают по самый свод крупными камнями или каким-либо иным грузом; иногда в казенную часть упирают вертикально толстый деревянный брус и притискивают

его, как видно на схеме [с буквой] N, к другому, [горизонтальному,] проходящему вдоль свода. Когда враг — сверху, ее обращают жерлом к своду, а [горизонтальный] брус кладут на землю (схема M). Если горн — прямо впереди, то петарду на мадрильной доске с силой вдвигают в заранее вырытый проем примыкающей стены вашего минного хода, возле самого дна, а для вящего смягчения отдачи — закладывают за казенную часть крепкую деревянную плаху (схема O).

Каким бы способом ни устанавливали петарду, нужно убедиться, что массив земли, который предстоит обрушить, не слишком толст и не превышает пяти-шести футов, — иначе от взрыва не будет никакого толку.

Мину, проходящую под землей и не слишком глубоко, можно обнаружить при помощи длинного разреза³⁵⁵ или канавы, которые роют, пока не вскрыется пустота, как на схеме P, однако пользуются такой возможностью, лишь когда подкоп ведется подорвом, — поскольку внутри бастиона либо в конце минного хода вам придется пустить в ход лопату и кирку не иначе как в том месте, где вы услышите врага.

Когда подкоп обнаружен и вскрыт, врагов, как считают некоторые, можно прогнать оттуда с помощью дыма, — однако я не стал бы полагаться на столь несущественное средство, а предпочел бы скорее петарду или бочонок с порохом: не нужно только закладывать слишком мощный заряд, дабы не довершить труды противника собственными руками.

После взрыва петарды мину заваливают землей или выставляют подле нее часовых, чтобы быть наготове, и, пожелай враг возобновить свою работу, пускают в ход фейерверки, гранаты и прочее оружие и гонят его прочь. Если он не смирится с неудачей и решит довести дело до конца, то вряд ли добьется успеха, ибо защитники крепости не дадут ему заложить порох, а зная, где его горны, и имея к ним близкий доступ, — обезвредят их, пока он замуровывает мину; случись же, что мина будет вскрыта уже после того, как ее снарядили, — первым делом обрежут запальный шнур или сосису³⁵⁶.

Даже когда одна мина обезврежена, нужно постоянно слушать в других ходах — ведь противник, после того как его обна-

ружили, может подобраться правее или левее и начать подкоп на новом месте.

Итак, я считаю, что ходы, о которых шла речь, — наилучшая противоминная защита; если проложить их заблаговременно, то, когда враг приступит к подкопу, нам, со своей стороны, почти ничего делать не придется, и мы докопаемся до него быстрее, чем он до нас. Если о них не позаботиться еще до осады и оставить бастионы цельными, мины трудно будет обнаружить и обезвредить: защитники крепости смогут разве что помешать неприятелю перейти ров при помощи галереи, — но об этом мы подробно поговорим чуть позже³⁵⁷.

Противоминная защита, о которой мы рассказывали применительно к бастионам, может быть равным образом использована и во внешних постройках, хотя для последних, из-за малой толщины их вала, она не слишком подходит. Но поскольку эти постройки полагается оборонять не хуже бастиона и, будь они возведены надлежащим образом, враг вряд ли овладеет ими, если не подведет мину, то в иных случаях я бы снабжал их валы и колодурами, доходящими до рва, и даже минным ходом в том или ином направлении, — но обустроил бы таким образом одни лишь фасы: при куртине тенали, скажем, контрмины бесполезны, ибо подкапываться под куртину противник наверняка не станет. В остальном можно держаться того же порядка и следовать тем же рекомендациям, о которых мы говорили выше.



ГЛАВА XLIV

КАК НУЖНО ОБОРОНЯТЬ ВНЕШНИЕ ПОСТРОЙКИ

Окончив рассказ об упреждении, вскрытии и обезвреживании минных подкопов, поговорим, как оборонять внешние постройки, если враг не сумел подвести к ним мину, а пытается штурмовать их при помощи лестниц либо взять правильной осадой³⁵⁸. При этом нужно полагаться на свои караулы, а чтобы быть готовым к штурму или атаке — отряжать во внешние постройки отборных солдат и офицеров, которые обеспечены противомушкетными доспехами и прочим оружием, предназначенным для обороны и отражения противника, а также фейерверками.

Прежде всего хочу предупредить, что в крепости, где рвы наполнены водой, губернатор должен располагать изрядным количеством козел³⁵⁹ разной высоты, а также досками для наведения мостов к внешним постройкам. В иных крепостях, которые мне доводилось видеть, внешние постройки оставались без защиты, ибо до них нельзя было добраться: лодки противник расстреливает, так что переправа и отступление с их помощью крайне опасны. Ни в том, ни в другом случае не помогут даже плечевые фланговые выступы³⁶⁰, за которыми обычно укрывают лодки, когда те не используются. Распространенная ошибка — возводить укрепления подле рва с водой, не задумываясь при этом, как к ним подступиться. Я уже не раз говорил и предупреждал, что, закладывая внешние постройки, необходимо позаботиться о сообщении с ними, а равно о безопасном отступлении их защитников, если те не в силах будут держаться, — а в крепости предусмотреть для этого потайные ходы.

Чем надежней оборона внешних построек, тем лучше защищена вся крепость. Когда враг близок и уже ясно, откуда будет атакована постройка, следует заминировать участок, где он способен закрепиться, после того как взойдет на вал. Но поскольку рытье мины отнимает много времени, можно ограничиться и фугасом, который по мощности не уступает мине, но снаряжается быстрее, потому что не требует ни горна, ни минного рукава. Довольно выкопать яму восьми—десяти квадратных футов площади и восьми—десяти футов глубины (или еще вместительней, если сроки позволяют) и уложить внутрь несколько стофунтовых мешков или бочонков с порохом; я бы уложил побольше, но уменьшил емкость каждого до сорока—пятидесяти фунтов: так их сподручнее распределять по всей яме. Дабы порох не отсырел, мешки полагается просмолить снаружи либо отделить от дна и стенок ямы досками. Вы ведете от мешка к мешку сосису, которая подожжет их все разом, затем заваливаете эти мешки или бочонки рублеными чурбаками, обломками камня, кирпича и прочим осколочным материалом, а когда яма заполнится почти до краев — выравниваете ее слоем земли, чтобы враг, оказавшись на месте, не смог ничего заметить. Сосису же нужно протянуть под землей к ближайшему ретраншементу или укрытию, чтобы пустить огонь в нужное время, а когда враги будут рядом и вы увидите порядочное число солдат возле фугаса — подорвать и сжечь их, причинив огромный урон в силах. Возразят, что противник может вскрыть пресловутые мину или фугас и воспользоваться ими, но это неверно, ибо пронизывать постройку миной снизу доверху никому в голову не придет, и врагу, пожелай он добраться до нашей мины, придется прокладывать свою из-под вала, так что расстояние между той и другой будет отнюдь не маленьким. Тотчас после взрыва необходимо предпринять вылазку, разрушить все, что еще останется от неприятельских работ, прогнать уцелевших врагов и покончить с теми, кто пострадал от ран или был засыпан землей и осколками.

Прежде чем снарядить мину, нужно возвести ретраншементы против тех участков, которые намерен атаковать противник, дабы задержать его и не позволить окопаться в воронке от взрыва. Их не следует ставить слишком близко к атакуемому участку, иначе они будут разрушены взрывом. Ретраншементы всегда

возводят либо в виде входящего угла с взаимно фланкируемыми фасадами, либо тенали, либо другой возможной фигуры подобного же начертания, лишь бы она фланкировала сама себя, — и никогда не насыпают непомерно высокими, чтобы они не мешали крепости простреливать занятые врагом участки. Еще нужно позаботиться о ходах сообщения и о потайных лазах, благодаря которым можно отступить в ров или же в другие ретраншементы, заложенные в тылу для поддержки передовых. Демиллюне хватит одного ретраншемента, которому, как мы говорили, надлежит задать форму входящего угла. На тенали можно укрепиться при горже полубастиона, подвергнувшегося атаке, чуть дальше заложить большой ретраншемент такой же ширины, как сама постройка, и, опять-таки, дать ему начертание входящего угла или тенали, а если постройка сильно выдается в поле — построить для обороны тыла еще один. Позиции нельзя оставлять врагу, не получив, по возможности, чего-либо взамен, а ретраншементы, как бы плохо они ни были возведены, заставят его потерять немало людей и времени.

Когда противник овладел-таки демиллюной или другой постройкой, то, пока он не окопался на ней как следует и его еще можно выдворить, устраивают ночные вылазки, во время которых используются фейерверки, и прибегают к помощи тех, кто остается в крепости: нужно будет разрушить ложементы, начатые врагом, и восстановить постройку как можно лучше. Врага наверняка удастся прогнать, если действовать решительно, ибо, прикрытый с одной лишь стороны, сильно стесненный, он будет пребывать в постоянном страхе и не сможет толком ни защищаться, ни отразить нападение тех храбрецов, что без удержу наступают там и сям в противомушкетных доспехах, с подходящим оружием всякого рода и пользуются поддержкой из крепости, — а крепость перед вылазкой будет непрерывно палить по нему из пушек и мушкетов, дабы лишить его укрытий и привести в смятение еще до того, как он подвергнется атаке. Если позволяет место, можно подвести мину под неприятельские ложементы из-под наших ретраншементов, а после взрыва — произвести вылазку, дабы отбить постройку у врага и восстановить ее укрепления.

Помимо обычного оружия, то есть мушкетов, пик и алебард, для обороны внешних построек понадобятся еще крепкие длин-

ные пики с крюками, а также железные вилы, при помощи которых опрокидывают лестницы и летучие мосты³⁶¹, обыкновенно используемые при штурме, — однако наилучшим вооружением в этом случае я считаю маленькие корабельные петрарии из железа или чугуна³⁶²: они заряжаются с казенной части съёмной каморой, легки в использовании и перемещении, отменно годятся для частой стрельбы и наносят противнику большие потери. Когда постройка захвачена, то [при отступлении] их без труда можно забрать с собой, да и заряжаются они быстро: достаточно лишь вставить с казенной части камору и клин. Снаряд составляют мушкетные пули либо картечь, и хотя петрарии бьют не слишком далеко, однако ничуть не проигрывают из-за этого — ведь во внешних постройках, где защита очень короткая, особая дальность стрельбы и ни к чему. Эти орудия годны для установки в любых местах, и, стоит вовремя пустить их в ход, они причиняют много вреда: если во время массированного штурма дать залп из трех или четырех разом, то самые отчаянные из неприятельских солдат, наступающие в первых рядах, наверняка остановятся и пусть даже не погибнут, но раны получают обязательно и из боя выйдут. Пока одни петрарии стреляют, другие можно перезаряжать и, таким образом, вести огонь безостановочно³⁶³.

Мною была изобретена деревянная пушка, которая, подобно петрариям, заряжается при помощи съёмной каморы, а выстрел производит шестью фунтами мушкетных пуль весом в одну унцию каждая. Я распорядился построить ее и довольно долго испытывал — она показывает превосходные результаты, а кроме того, очень легкая и ее, если понадобится, можно без труда изготавливать в крепостях. Как-нибудь я опишу и ее, и многие другие орудия³⁶⁴.

Перед штурмом петрарии устанавливаются в тех местах, которые позволяют фланкировать участок неприятельской атаки, а когда враг уже проник внутрь постройки и необходимо его выбить, то в ретраншементах. Еще можно нацелить на нее и держать наготове некоторые крепостные орудия, чтобы открыть огонь, едва противник попытается в ней укрепиться, — лишь бы от обстрела не пострадали свои же солдаты, отступившие для обороны за ретраншементы. Удержать постройку ничуть не легче, чем овладеть ею, — ведь она лежит как на ладони, фланкируется

с обеих сторон и открыта обстрелу из крепости, так что враг, заняв ее, нередко вынужден отступать с большими потерями, если не успеет окопаться.

К числу внешних построек относится и контрэскарп. Для его обороны необходим частокол, а также запас кольев, при помощи которых исправляют проломы, проделанные [неприятельскими] пушками. Дабы при контрэскарпе не оставалось нефланкируемых участков, в его начертание местами включают реданы. Защита его зависит от тех, кто удерживает прикрытый путь и фланкирующие реданы, но еще больше — от самой крепости. Фейерверки, отменно полезные при любой обороне, в данном случае используются для сожжения ложементов, которые противник закладывает близ контрэскарпа; огонь на эти ложементы нужно направлять как с названных позиций, так и из крепости. Если ров за контрэскарпом наполнен водой, враг станет форсировать его при помощи галереи, однако этим попыткам можно помешать, если прибегнуть к одному из приемов, о которых мы поговорим позднее, в главе, касающейся обороны рва: все они или, по крайней мере, большинство могут обеспечить оборону не только бастионам, как будет описано ниже, но и внешним постройкам.

Когда ров с водой, защита внешних построек сулит известные трудности. Прежде всего, невозможно использовать во время вылазок кавалерию, которая окажется перед врагом словно на ладони: для нее, очевидно, повсюду понадобятся мосты и ворота, но я не знаю, как уберечь таковые от неприятельских ядер. Кроме того, всякое отступление будет очень опасным: те, кто обороняет прикрытый путь, постоянно рискуют оказаться в западне, так как отступать им некуда и, будучи атакованными, думают не столько о защите, сколько о собственном спасении. В дальнейшем мы объясним, почему сухой ров предпочтительней для обороны, нежели тот, что полон воды³⁶⁵.

Чтобы воспрепятствовать врагу, когда тот возводит осадные постройки и роет траншеи, и вынудить его свернуть работы, необходимо, напомню, то и дело обстреливать землекопов, не давая им передышки, а по ночам освещать поле фейерверками, — ибо для осаждающих нет ничего хуже, чем круглые сутки оставаться на виду и терпеть постоянный огонь.



ГЛАВА XLV

О ПОДАЧЕ ПОМОЩИ

Я мог бы опустить эту главу, ибо не дело губернатора — по-давать помощь крепостям, тем более собственной крепо-сти, которой он никак не сумеет прийти на выручку, раз уж сам в ней находится. Тем не менее, поскольку помощь оборо-няющимся необходима, а губернатору, возможно, все-таки при-дется оказывать ее другим и он лишь выиграет, если будет доско-нально знать все, что относится к защите крепости, — перескажу здесь вкратце основную часть наставлений, которые приводил прежде³⁶⁶.

Крепости, лишенной помощи извне, наверняка недалеко до падения: ведь сколько бы в ней ни было провианта и боеприпа-сов, запасы рано или поздно истощаются, — а солдат, которых вначале было вполне достаточно для обороны, постепенно ста-новится все меньше из-за тягот осады, болезней и ран. Поэтому, когда губернатор видит, что подступает нужда и вскоре чего-то не будет хватать, он должен донести государю о боеспособности крепости, о том, сколько и чего в ней осталось и как долго еще она сможет продержаться, и представить перечень всего необхо-димого, препроводив таковой письменно либо передав на словах с тем человеком, которого пошлет. Однако нужно действовать крайне осмотрительно, дабы самолично не выдать противнику, в чем крепость терпит недостаток: человек, которого предстоит от-править с секретным донесением, должен быть очень надежен, само донесение — крепко запечатано или написано шифром, ко-торый нельзя раскрыть, а пути, ведущие из крепости, — хорошо защищены, хотя последнее условие вряд ли осуществимо при оса-де. Я бы предпочел, чтобы донесение было передано устно, а не

письменно: если посланец и впрямь верный человек, то выдать его может лишь письмо, ничто больше.

Помощь осажденным можно оказывать по-разному, к примеру отвлекая силы противника, опустошая окрестные области и иные занятые им места, препятствуя подвозу провианта в его лагерь и, конечно же, снабжая крепость тем, что ей необходимо. Потребности ее — тройкого свойства: как правило, она нуждается в провианте, каковой суть зерно, мука и хлеб; в боеприпасах, то есть в порохе для мушкетов и пушек, и в пополнении гарнизона; сюда же можно присовокупить одежду, инструмент и иные, менее существенные вещи.

Итак, когда противник укрепился в своем лагере и настолько силен, что нет смысла атаковать квартиры его армии на том или ином участке, дабы прорваться в крепость, — нужно начать действия против его конвоев и прервать осаждающим подвоз провианта. Чтобы успешно бороться с конвоями, следует послать разведку в те места, где их снаряжают, узнать, каково их сопровождение, сколько в нем кавалерии, а сколько — пехоты, когда они отправляются, где должны пройти, куда могут отступить и на какую помощь рассчитывают, а затем, опираясь на полученные сведения, принять собственные меры и выслать навстречу более многочисленное войско, наверняка способное разгромить противника и вынудить к отступлению, — либо взорвать мосты, разрушить дороги, повалить деревья, чтобы нельзя было пройти, а если удастся — внезапно атаковать его где-нибудь по пути из укрепленного укрытия изрядными силами кавалерии и пехоты. Случись, что путь конвоя пролегает по теснине, ее занимают и перегораживают, а подле мест, где врага можно застигнуть врасплох и окружить, устраивают засады. Если враги форсируют реку и в их рядах, как часто бывает, царит беспорядок, а силы разъединены, удар следует немедленно направить против тех частей, которые только что переправились. Когда переправа происходит по мосту — действуют точно так же и стремятся его обрушить либо заранее обустраивают подле него укрепления; подобным образом поступают и с берегами: их обносят укреплениями или обрушивают. Впрочем, порядок, которого надлежит держаться в этих случаях, не относится к теме моей работы, — пусть о нем расскажет кто-нибудь другой.

Если противник слишком силен, чтобы его можно было разбить в открытом бою, и, будучи довольно осторожным, не дает захватить себя врасплох, но при этом получает все необходимое из соседних краев либо имеет доступ к морю, крупной реке или же иному пути, которым беспрепятственно пользуются его конвои, — нужно разорить занятые им области, а для этого бросить на них с разных сторон кавалерию: пусть врывается в деревни, поселения, предместья, отбирает в домах, что можно, а остальное обрекает огню, уничтожает зерно, вытаптывает посевы, уводит в плен всех, кого удастся захватить, и чинит прочую пагубу, обычную в таких случаях. Нельзя допускать лишь осквернения святынь, причинения вреда особам духовного звания и церковному имуществу, насилия над женщинами, убийства безоружных, а также жестокостей и пыток по отношению к пленным, — ибо гнусности сии вопиют пред Господом об отмщении и всем, кто творит их, а равно и позволяет, суждено окончить земной путь без высшего призрения, в чем мы, что ни день, воочию убеждаемся; выроdkов, запятнавших себя такими злодеяниями, следует чуждаться как врагов Бога и людей.

Чтобы пресловутый план сподручнее было исполнить, я бы придал в помощь кавалерии еще и пехоту, вооруженную короткоствольными пушками и петардами: ведь когда кавалерия действует в одиночку, любая канава, изгородь или завал могут преградить ей путь, и те немногие, кто нашел убежище за этими преградами, лишь посмеются над нею, как бы ни были велики ее силы. Да и пехотинцам, окажись они перед укрепленным строением или деревней, обнесенной баррикадами, придется повернуть назад ни с чем. Но будь у нас под рукой какое-нибудь из названных орудий, мы бы заставили народ быть поговорчивей или взяли бы, что нужно, силой — сути дела это не меняет. Что толку шататься среди полей, где искать уже нечего, если селяне со всем своим добром укрылись в деревнях и домах, которые постараются обнести укреплениями? — нужно прийти и все отобрать. Мне возразят, что, если привлечь пехоту и вдобавок взять с собой орудия на лафетах, это замедлит действия войск. Следует, отвечу я, послать по небольшому отряду в каждую из окрестных деревень, а поскольку деревни эти, как правило, расположены в виду друг друга, то,

в случае чего, войска можно легко и быстро объединить снова. Трех-четыре сотен всадников и стольких же пехотинцев хватит, чтобы овладеть любой деревней. Нельзя лишь забывать, что враг может застигнуть их врасплох или окружить, если держит неподалеку свои силы, — но это относится уже к науке полевых сражений, которую мы затронем лишь отчасти, в трактате о малой войне³⁶⁷. Когда набег простирается чуть ли не до самых городских ворот³⁶⁸, население угоняется в плен, сообщение и промыслы прерываются, повсюду слышны стенания, а край приходит в упадок, противник порой снимает осаду, которую надеялся довести до конца. Если сил достаточно, можно еще осадить крепость, занятую врагом: так обычно поступают, когда не удается выручить собственную или перерезать путь [неприятельским] конвоям. Надлежит лишь позаботиться, чтобы ваши ретраншементы³⁶⁹ не подверглись нападению, подвоз провианта не был прерван, — одним словом, чтобы вы не претерпели тех же бед, что уготовили другим, и не понесли урона, который хотели бы причинить сами; в помощь вам — наставления о том, как осаждают крепость, приводившиеся нами дотоле³⁷⁰. Если же вы решили идти на выручку осажденным — действуйте так, как будет сказано ниже, только узнайте сначала, в чем она нуждается, — в пополнении гарнизона, провианте или боеприпасах, поскольку тактика в каждом из этих случаев будет разной.

Легче всего подать крепости помощь живой силой. Вначале набирают и снаряжают будущее пополнение (это должны быть наилучшие воины, особенно офицеры, ибо негоже посылать в крепость тех, кто сражается кое-как и не готов оборонять ее до конца), затем — тех, кому предстоит сопровождать его до назначенного места, оказывать поддержку во время прорыва в крепость или прикрывать при отступлении³⁷¹. Понадобятся также проводники, хорошо знающие край и окольные пути, ибо идти придется огибая квартиры неприятельской кавалерии, постой пехоты, а также все деревни, дома и местности, где можно встретить врага. Двигаться следует, по возможности, незаметно: лучше держаться в лесах, а также среди живых изгородей, кустов, ложбин и виноградников, предоставляющих прикрытие, не показываться на больших дорогах, а, напротив, отдавать предпочтение

пересеченным участкам, недоступным для кавалерии, и чем ближе к крепости, тем старательней обходить охрану, которая выставлена противником. Главное — не потерять проводников, которые должны находиться при каждом подразделении, не нарушать строй и не шуметь, ибо любая из этих оплошностей способна погубить все предприятие. Кроме того, дожидаются, по возможности, ночи потемней и ветреной погоды, когда хуже видно и слышно. Прежде чем подойти к [неприятельскому] лагерю, следует разведать участок для сбора своих войск, который лучше отвечает задаче прорыва, — наиболее защищенный, неохраняемый или вызывающий у противника меньше опасений, нежели остальные: к примеру, возле реки, которую можно преодолеть вброд; среди топей; на возвышенностях, по мнению противной стороны, неприступных; там, где нет ретраншементов, — одним словом, такой, откуда можно предпринять прорыв неожиданно или без серьезного сопротивления. К выбранному месту нужно идти небольшими отрядами, гуськом, стараясь ничем не выдать свое присутствие, пока не соберутся все, а если укрыться от врага все же не удастся — быстро изготовиться и дать отпор его нападению. В это время защитники крепости то и дело подают тревогу, делая вид, словно намерены совершить вылазку то там, то сям, — но настоящую атаку предпринимают на том направлении, откуда подходит помощь, и, потеснив противника с одной стороны, идут навстречу тем, кто пробивается с другой, чтобы, соединившись с ними, отступить обратно в город, а кавалерия, коль скоро она участвует в вылазке, поддерживает отряды, идущие на выручку, грозит врагу с разных сторон, нападает, где только удастся, и, создавая замешательство в его рядах, позволяет подмоге пройти в условленном месте. К позициям врага следует подбираться крадучись, а минув их, мчаться стремглав что есть мочи.

Мало рассказать о тактике прорыва: надобно еще знать, как действовать тем, чей прорыв был отбит. Отряды сопровождения тогда отходят в какое-нибудь укромное место в окрестностях неприятельского лагеря, где назначен сбор для всех, кому не удалось пробиться, либо дожидаются своих отступающих, чтобы отойти вместе с ними. В месте сбора, которое выбирают с таким расчетом, чтобы его легко можно было найти, производят смотр

войскам и определяют пути, по которым можно отступить. Если оно довольно обширно, на всех подступах оставляют кого-нибудь, чтобы указывать дорогу заплутавшим, а нескольких кавалеристов высылают в окрестности — собирать тех, кто встретится. В ночное время отступление не составит труда, ибо противник не решится на дальнейшее преследование, опасаясь засады; к тому же, когда не видно, в какую сторону отступают враги, погоню толком и не снарядить.

После того как подмоге, полностью или частично, удалось пробиться, она направляется к контрэскарпу города. Прежде чем она войдет в крепость, караульные и те, кто встречает ее, требуют назвать пароль и подать знак, о котором было прежде условлено, дабы вместо подмоги не впустить врага. Еще лучше, если кто-нибудь в крепости знаком с офицерами, ведущими подмогу, и сможет опознать их при входе, ибо один-единственный предатель, имеющий пароль и знак, способен погубить всю крепость. Входящим же, в свою очередь, не худо бы требовать отзыв у тех, кто в крепости: ведь если она сдалась, пока подмога находилась в пути, — а тому я и сам не раз был свидетелем, — можно очутиться не в дружеских объятиях, а в окружении врагов.

Если необходимо доставить в крепость порох, то в походе и на подступах к ней соблюдают тот же порядок, о котором мы только что сказали. Дабы не слишком утомлять [пеших] солдат, прежде чем те окажутся на месте прорыва, порох поручают везти кавалерии, которую отряжают им в сопровождение. При приближении к крепости мешки с порохом, каждый вместимостью от пятнадцати—двадцати до тридцати фунтов, кожаные, которые, в отличие от тканых, не берет огонь, передают солдатам, только пикинерам, собрав тех отдельной группой: мушкетеры же несут прочие боеприпасы, сиречь пули, фитиль или иные средства, коль скоро крепость в таковых нуждается. Силы сопровождения при таком виде помощи должны быть более многочисленными, нежели для поддержки солдат, которым предстоит поступить в гарнизон: тех, кто идет с грузом, особенно порохом, потребно избавить от сражения, тем паче что, обремененные своей поклажей, они не смогут ни ускорить шаг, ни дать отпор, коль скоро подвергнутся нападению.

Провиантом крепость обеспечить гораздо сложнее, чем пополнением или боеприпасами, так как он необходим в больших количествах, и поэтому переправлять его неудобнее; если же дать в крепости прибежище всем, кто его принесет, они сами почти все и съедят. В походе, предпринятом для снабжения осажденных провиантом, придерживаются того же порядка, что был изложен нами выше. Муку насыпают в тканые мешки, вмещающие такой же вес, что и пороховые, но большие по размеру, потому что она занимает больше места. Вначале ее везут на подводах, а когда достигнут неприятельских позиций — раздают солдатам, каждому по мешку. Осажденных следует заранее предупредить о времени подхода помощи, дабы они держали наготове грузчиков и лошадей, чтобы принять провиант, как только он будет доставлен, — ибо впускать солдат извне никак нельзя: те сами же и поглотят все, что принесли, так что крепость от этой помощи никак не выиграет. Напротив, при разгрузке провианта следует, если удастся, выдворить из крепости лишние рты, препоручив их защите отрядов сопровождения, а тех, кто не сможет спастись бегством в ходе завязавшегося боя, то бишь женщин, детей, стариков, раненых и больных, усадить на подводы, в которых перевозился провиант.

Для сопровождения провиантского обоза понадобится гораздо больше людей, нежели для остальных видов помощи, — ведь подводы сильно замедляют переходы и отступление, и у противника будет время собрать силы, чтобы его разгромить, — стало быть, численность кавалерии и пехоты надлежит увеличить, имея в виду, что предстоит пробиваться с боями, занимать местности, через которые пролегает путь, и отступать под надежной защитой. Некоторое число войск нужно оставить на самых важных участках, перед отступлением — собираться, по возможности, в каком-нибудь месте неподалеку, а отступать — иной дорогой, нежели та, которой шли прежде, — иначе враг подкараулит нас на обратном пути. Отступление совершается в общем строю: кавалерия — на флангах и в арьергарде; пехота — частью в голове обоза, частью — при кавалерии, дабы оказывать той поддержку в стычках.

Итак, подавая крепости какую бы то ни было помощь, следует неукоснительно соблюдать следующие правила: конвой

снаряжать в строгой тайне; в путь выступать так, чтобы враг об этом не узнал; иметь толковых проводников; в походе не растягиваться, дабы ни одно подразделение не сбилось с дороги; держаться тех мест, что предоставляют естественное укрытие и стесняют действия противника; обходить стороной неприятельские квартиры; выбирать [для прорыва] благоприятное время; к лагерю врага приближаться без особой спешки, а будучи открытыми — действовать стремительно; досконально знать участок, где намечен прорыв; во время прорыва не дать застичь себя врасплох и смешать свои ряды; предупредить осажденных о точном сроке подходе помощи, дабы обе стороны ударили по врагу в тот же час и в том же месте.

До сих пор мы принимали за данность, что располагаем для прорыва подходящим участком — предоставляющим естественное убежище, неукрепленным, неохраняемым либо защищаемым настолько слабо, что шансы занять его весьма высоки. Но когда циркумвализационная линия, где ни подступи, хороша и зорко охраняется, следует держаться иной тактики: о ней мы сейчас и расскажем.

Считается, что на войне наиболее трудны три задачи, при выполнении которых ярче всего проявляются талант и опыт военачальника: первая — сплоченно отступать малыми силами перед превосходящим врагом; вторая — форсировать реку в виду врага, ожидающего на противоположном берегу; и третья, требующая, как мне кажется, самых больших усилий, — выручать крепость, когда та крепко обложена. И впрямь, каковы шансы пробиться за циркумвализационную линию, возведенную по всем правилам, — со рвом шириной в двадцать четыре фута, иногда двойным, с частоколом перед ним, валом, выдерживающим артиллерийский огонь, мощными редутами на расстоянии выстрела от нее, большими фортами на тактически важных участках — и обороняемую с тыла армией? Если вал получится-таки разрушить в каком-нибудь месте, то пробираться через брешь придется гуськом, в то время как противник будет поджидать во всеоружии и под прикрытием: я еще не говорю, какому риску обречены те, кто попытается достичь вала по голому полю, и насколько долго и трудно рыть подступы, притом что завершить их, скорее всего, не

удастся из-за обстрела и вылазок [неприятельской] армии. Но поскольку циркумвальной линия отнюдь не всегда безупречна на всем протяжении, либо армия, занимающая за ней позиции, не столь сильна, либо квартиры [врага] не сообщаются между собой, либо замечены еще какие-нибудь изъяны, внушающие надежду, что предприятие осуществимо, — поговорим же о тактике, которой надлежит держаться, дабы выполнить задуманное: обратимся к тому, в чем я убедился на опыте, а также к примеру великих полководцев и их действиям в подобных случаях.

Прежде всего необходимо произвести разведку ретраншементов противника, боеспособности его армии, прилежащих окрестностей и дорог, которые к нему ведут, и решить, откуда можно подступить с провиантом и пополнением, где назначить место сбора накануне прорыва и во время отступления, когда и какими силами начать предприятие и что еще взять с собой, дабы удовлетворить нужды осажденных, — ибо когда помощь подают таким образом, то крепости доставляют не только пополнение и провиант, но и боеприпасы, инструмент, одежду — вообще все, что ей потребуется, точно так же, как и до осады. Чтобы сопровождать подмогу, подготовленную для крепости, нужна армия — кавалерия, пехота, пушки, — отвечающая и задачам предприятия, и силам врага. Помимо провианта и боеприпасов, предназначенных осажденным, ее саму следует снабдить всем необходимым, — в том числе инструментом и снаряжением для похода — например, мостами³⁷², лодками, плетеными матами³⁷³, орудийными лафетами, которые грузят в обоз³⁷⁴, мантилетами³⁷⁵, используемыми во время наступления и множеством иных вещей, — и придать ей саперов для прокладки и исправления дорог. Не стану распространяться здесь ни о порядке, ни о мерах безопасности, которые полагается соблюдать в походе: это не моя тема, к тому же они сильно разнятся, и, чтобы описать их все, понадобится изрядно времени: главным образом, надлежит принимать во внимание характер местности и силы противника.

Форты, которые враг возвел на пути и обороняет, дабы воспрепятствовать подходу помощи, берут приступом или внезапной атакой, а взяв, сравнивают с землей либо размещают в них гарнизон, — смотря что покажется более подходящим; подле

речных переправ, будь то брод или мост, насыпают укрепления, на тот случай, если придется отступать с боями; таким же образом, при помощи редутов, укрепляют тесные и важные проходы, заняв которые враг может помешать отступлению. Строй армии переменяют в зависимости от характера местности, где пролегает путь.

Нужно обустроить квартиры или место сбора, а для этого выбрать подходящую местность поближе к неприятельскому лагерю и обнести ее ретраншементами, если она не предоставляет естественной защиты. Там же предстоит держать военный совет для выработки плана действий, отдавать необходимые приказы — и оттуда же отряжать разведку, дабы узнать, а потом обстоятельно обсудить сведения о силах противника, коль скоро тот решил обороняться, и о расположении его армии и лагеря. В названном месте под соответствующей охраной оставляют обоз и все, что не понадобится во время предприятия, а кроме того — лиц, от которых в битве мало толку; остальные продолжают путь в боевом порядке и на подступах к крепости каждую ночь палат из пушки, дабы осажденные, зная, что подмога близка, воспрянули духом и были готовы встретить ее и поддержать со своей стороны, когда завяжется сражение. Подойдя к вражеским траншеям³⁷⁶ на расстояние пушечного выстрела, раскидывают лагерь, из которого и предпринимают атаку. Атаковать, я считаю, лучше днем, чем ночью, если только не решено ударить по какой-либо из квартир противника внезапно: тогда нужно будет отвлекать его внимание тревогами на разных участках, а самим в это время навести мосты к тем ретраншементам, которые решено форсировать. Мостов потребуется много, чтобы развернуть широкий фронт, объединить на другой стороне достаточно сил для отражения контратак и не только пробиться через неприятельский стан, но и дать время пройти обозу. Как только основные силы закрепились на занятом участке, они немедленно прокладывают путь для обоза, засыпая траншеи и валя ретраншементы. Такая тактика, отметим, хороша при нападении на квартиры, которые лишены сообщения с остальными войсками и не могут рассчитывать на помощь из-за того, что отрезаны от них рекой, обширными болотами и тому подобными преградами. Кроме того, необходимо, чтобы со

стороны ретраншементов открывалась свободная и удобная дорога, по которой обоз мог бы двигаться в крепость, в то время как его прикрывают с тыла. Осажденным, в свою очередь, предстоит совершить мощную вылазку, и, пока противник отбивается с обеих сторон, обоз и пополнение достигают крепости. Обо всех обстоятельствах, способных осложнить либо облегчить прорыв, не расскажешь: тактику пристало изменять согласно возможностям, а они зависят от мудрости военачальника, который в бою должен предвидеть все.

Если же предстоит атаковать ретраншементы открытой силой, то на батарее, насыпанные в разных местах, устанавливают пушки и палят, стремясь подавить участки обороны и расчистить себе путь, а когда это удалось — начинают штурм. Коль скоро путь расчищен на нескольких участках, то одни я бы велел атаковать для вида, а на другие, те, что подальше, — бросить во множестве хорошо вооруженных солдат, которым нужно будет завалить ров связками прутьев или навести через него мосты для переправы, — ибо главная цель в этом случае — разобщить войска противника, ударить там, где у него меньше сил, прорваться за ретраншементы быстрее, чем он стянет к месту прорыва подкрепления и перегородит проход.

Случись подле лагеря какая-нибудь господствующая высота, откуда он хорошо виден, нужно вкатить туда пушки и вести беспрерывный огонь по неприятельским войскам, которым поручено оборонять циркумвационную линию на участке намеченного прорыва, пока наши штурмуют и преодолевают ее.

Атаковать один из фортов ретраншемента при помощи траншей, обстреливая его при этом из пушек, как обычно поступают при осаде, и забрасывая бомбами, чтобы побыстрее отбить, — способ наиболее рискованный и наименее действенный, ибо на подачу помощи отводится не слишком много времени и возить с собой изрядное количество провианта и боеприпасов отнюдь не легко. Но, заняв какой-нибудь форт, можно одновременно использовать его и против тех, кто будет оборонять ближайшие ретраншементы: удобнее всего это сделать, если он расположен на удалении от главных сил и, тем более, когда удастся отрезать его от подмоги и сообщения с остальной армией. Не так уж трудно

овладеть и фортами малых размеров, ибо от сильного обстрела враг не сможет нигде укрыться и будет вынужден их покинуть.

После того как пополнение и обоз окажутся в крепости, войска, сопровождавшие их, сосредотачиваются, строятся в баталию и отступают в свой лагерь или к тому месту, где все было оставлено и подготовлено для сбора. Что касается тактики, которой надлежит придерживаться в этих случаях, то я не стану говорить о ней, ибо предполагаю описать ее в трактате о малой войне, обещанном мною прежде. Воздержусь я и от рассказа о помощи, подаваемой по морю: это отдельная наука и особый порядок, разнящийся с тем, который соблюдают, когда идут посуху; не окажись поблизости неприятельского флота, преграждающего путь, прийти на выручку приморской крепости довольно легко, а коль скоро сражения с ним не избежать, следует подготовиться и запастись всем необходимым. Ни к чему, на мой взгляд, касаться и помощи, которую доставляют по рекам и через топи, иначе придется пуститься в новые объяснения и сделать эту книгу еще толще. В заключение скажу, что атаковать циркумвალационную линию сподручней всего там, где вал невысок и недостаточно толст, ров узок, постройки не фланкируются; где нет ни форта, ни редута либо таковые слишком далеко отнесены; где те или иные квартиры лишены сообщения с остальной армией; где фронт обороны лагеря теснее, нежели фронт атаки; где к линии можно приблизиться незаметно; где позиции обороняющихся открыты с какой-нибудь высоты; где охрана хуже и где враг не ждет нападения, — то есть на участках более уязвимых в отношении действенности построек или защиты людей: нужно лишь, чтобы от места прорыва в сторону крепости вел путь, удобный для людей и обоза.



ГЛАВА XLVI

О ЗАЩИТЕ КОНТРЭСКАРПА И О РАЗРУШЕНИИ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ГАЛЕРЕЙ, НАВОДИМЫХ ЧЕРЕЗ РОВ

Бытует мнение, что едва внешние постройки взяты — крепость обречена. Поддавшись пресловутому заблуждению, некоторые считают, будто засим в крепости уже нельзя держать оборону, и не знают, за что хвататься, словно бы насели на них — ни охнуть, ни вздохнуть. Принцип этот, из которого выводят общую для всех крепостей аксиому, пришел из Голландии, где практика и впрямь доказывает, что захват внешних построек неминуемо означает падение всей крепости, — однако он неверен для крепостей с хорошо укрепленным центром. Да и сами голландцы отлично понимают, что их крепости сильны именно внешними постройками, а центр, как правило, стоит немногого и если основной рубеж будет взят, то за покорением второстепенного дело не станет. Когда же центр возведен превосходно, со множеством флангов, главным образом прикрытых, то, даже окажись внешние постройки во власти врага, крепость, тем более надежно обороняемая, устоит, как бы на нее ни наседали. Во всяком случае, это подтверждает опыт, явленный миру в нынешних войнах: крепости, которые были правильно возведены и отменно защищались, так и не удалось взять, хотя все их внешние постройки пали за несколько дней.

Пусть губернатор уяснит: все, что он делал до сих пор, — пустяки и лишь с этого момента ему придется защищать свою крепость по-настоящему, не пренебрегая для отражения врага

никакими средствами. Порох беречь незачем — наоборот, нужно палить по траншеям и осадным постройкам дни и ночи напролет, а для освещения тех мест, где ведутся работы, и причинения противнику вящего урона — непрестанно бросать фейерверки. Если враг близко, а крепость обеспечена боеприпасами в тех количествах, которые мы приводили вначале, — нельзя прекращать огонь, пока мушкетеры способны держать оружие. Иногда отдача так сильно разбивает им плечо, что они больше не в силах управляться с мушкетом: на этот случай я бы заготовил во множестве козлы³⁷⁷, которые устроены так, что мушкет можно снимать с них тотчас после выстрела, и снабжены отверстиями и болтами, позволяющими изменять их высоту. Смастерить такие козлы проще простого, а если делать их разных размеров, для любых мест — они послужат еще лучше.

Чтобы форсировать ров, врагу необходимо подавить огнем фланки, а для этого — обустроить батареи на контрэскарпе, у края рва, против того или иного фланка. Выше мы говорили, как разрушать эти батареи и стаскивать пушки в ров³⁷⁸. Пока ров не занят врагом, под батареи довольно легко подвести минный подкоп — не слишком глубокий, ибо подорвать нужно будет всего лишь небольшую насыпь и орудия на ней; если успеть сделать это, врагу наверняка придется потерять еще немало времени. Мину, кроме того, неплохо снарядить и под ближайшим [неприятельским] ложементом и привести в действие, когда в нем будет порядочно народу.

Доведя траншеи до самого рва, враг попытается форсировать его, закрепившись на одном из участков контрэскарпа. Губернатору же предстоит отразить этот натиск, как и любой другой, и задержать противника, коль скоро не удастся остановить его.

По моему мнению, отменный отпор врагу на контрэскарпе дает фоссейбрия: на ней, против участка, где враг намеревается перейти ров, я бы установил короткоствольные орудия, которые итальянцы именуют *saltamartini*³⁷⁹. Они не дают отката, так как лафетом им служит вертикальный деревянный брус, втыкаемый в землю, и сама пушка подвешена на нем таким образом, что при отдаче поворачивается жерлом вверх. Калибр этих орудий —

четыре-пять дюймов, а длина ствола — лишь три или четыре фута; их заряжают картечью и ведут непрерывный огонь по участку прорыва, а пожелай враг переменить место атаки — переносят и орудия. Еще по названному участку можно метать бомбы, а лучше — гранаты, поскольку с бомбами очень трудно управляться, когда предстоит попасть точно в цель или же рядом с ней³⁸⁰; они скорее подойдут для обстрела города, нежели неприятельских позиций перед крепостью, ибо в городе, чья площадь изрядно велика, обязательно в какое-нибудь здание да угодишь, и чем выше ими выстрелить, тем большую мощь они обретают при падении. Поэтому-то я и придумал, как, при необходимости, уменьшать и увеличивать силу мортиры и как метать бомбы, если в крепости нет мортир. Все это будет подробно описано мною в трактате о военных машинах и фейерверках³⁸¹.

Во многих крепостях мне доводилось видеть продольный ход³⁸² в толще ограды, прежде служивший контрминой: дно его находилось вровень со рвом, высота составляла шесть футов, а ширина — четыре или пять. Внутри этого хода я бы держал наготове те самые орудия, о которых только что шла речь, а также фейерверки, бомбы, гранаты и т.д., а когда оборона контрэскарпа будет прорвана — проделал бы амбразуры в кладке одежды против места прорыва и открыл огонь, не давая врагу продвигать осадные работы: враг при этом понесет тяжелые потери, а ответить не сможет, ибо пушки нельзя нацелить так низко. Если в крепости нет ни фоссебреи, ни пресловутого хода, заменой им — кофры³⁸³, проходящие вдоль бастионных фасов. С крепостью кофр сообщается через фланк по небольшой крытой галерее или крытому ровику, выкопанному в большом рву, а в остальном должен быть обустроен так, как мы расскажем чуть позже.

Для расстройства любых осадных работ, ведущихся возле крепости, обычно прибегают к вылазкам. О том, какой порядок надлежит соблюдать при вылазках, мы уже говорили³⁸⁴, и для этого случая изменять его не стоит. Я бы, впрочем, предпринимал вылазки не раньше, чем противник овладеет контрэскарпом и начнет наводить галерею для перехода через ров, — ибо, пока он не преодолел под землей прикрытый путь и не вывел ко рву головы своих траншей, помешать ему мудрено.

Когда будет понятно, на каком участке враги собираются форсировать ров, можно с точностью определить и место, где предстоит нанести им встречный удар, и подготовиться к отпору, — а поскольку самая надежная защита крепости — фланки, то обустроить таковые со всевозможным тщанием. Противник, конечно же, попытается разрушить фланки, и их придется исправлять по ночам, дабы держать в готовности на тот случай, если он станет наводить галерею. Когда крепость не располагает фланками нижнего уровня, наподобие фоссейбреи, их следует заложить, пока враг не подвел свои траншеи вплотную к контрэскарпу и не захватил его, — ибо после этого во рву уже нельзя будет безопасно работать. Фланки эти, насыпаемые прямо на дне рва, от плеча бастиона до куртины, снабжают парапетами толщиной по меньшей мере в двадцать футов и высотой в передней части — не более восьми, в которых проделывают амбразуры, — землю же берут из рва впереди. Фланки такого рода подавить трудно, сами же они наносят крупный урон врагу, пытающемуся перейти ров, — однако я не думаю, что их можно обустраивать при бастионе, лишенном плечевого выступа: из крепости к ним тогда не подступиться, паче того — они будут просматриваться и простреливаться сбоку, то есть со стороны контрэскарпа. Пресловутые фланки, как и любые другие оборонительные постройки во рву, не возведешь также в том случае, если ров наполнен водой.

Помимо названного вида защиты существует еще один, название которому — кофры. Их можно заложить еще до того, как враг обложит крепость или вознамерится перейти ров. Кофры суть — ровики шириной пятнадцать—двадцать футов и глубиной — от шести до восьми, прокопанные поперек большого рва, от края до края, и накрытые сверху досками и землей. Крытая часть, в которой проделывают множество бойниц, должна возвышаться над дном рва не меньше чем на два фута. Кофры, по мнению некоторых, лучше всего закладывать при бастионном шпиге, однако я не нахожу ни малейшей причины для такого их расположения. Прежде всего, непонятно, как обеспечить им сообщение с крепостью: понадобится либо пробить в толще бастиона сквозной ход, либо построить вдоль фланка и фаса [внешнюю] галерею, — которую, впрочем, враги сразу перережут, когда будут

форсировать ров, и кофр, таким образом, окажется бесполезным. Паче того, если они вынудят к отступлению тех, кто держит в нем оборону, то смогут воспользоваться им как собственной осадной галереей. Поэтому я не одобряю, когда кофры устраивают в таких местах, которые неприятель может выбрать для атаки, — например, подле бастионных фасов и шпица. Кое-кто почитает наилучшим делать их перед центром куртины, ибо на этом участке атака чревата для врага крупными потерями, а сам кофр располагается по отношению к крепости гораздо удобнее и способен фланкировать сразу два фаса; он и впрямь будет неплох, но предпочесть, пожалуй, стоит тот, который заложен перед нижним фланком и обороняет противоположный фас всею длиной своей, в отличие от куртинного, который — если только речь не идет о крепости, где защита начинается в центре куртины либо впереди нее³⁸⁵, — смотрит на фасы лишь частью бойниц. Через проход, устроенный за орильоном, легко будет попасть на нижний фланк, а оттуда, со стороны куртины, — достичь и фоссебреи, и кофра.

Кофрам, возвышающимся во рву не более чем на два фута, присущ тот недостаток, что малейший заслон перед бойницами, к примеру мантелет или навал земли, выводит их из боя, ибо препятствует ведению огня.

Напомним, что во рву, полном воды, не удастся заложить ни один из дополнительных видов фланковой защиты — придется обходиться теми фланками, что были заложены изначально, еще при постройке самой крепости, — но такой ров тоже имеет преимущество, о котором мы скажем позднее.

Иной раз противник, подавив фланки, прокапывает для перехода через ров обычную траншею, обороненную со стороны разрушенного фланка разве что противомушкетной насыпью или же бочонками: когда фланки подавлены и разбиты вконец, осажденным пристало надеяться только на мушкетеров. Случись, что эта [импровизированная] галерея непокрыта, я бы взамен парашета, снесенного врагом, выкопал против нее на валу ров для защиты своих солдат, а солдатам приказал то и дело метать вниз камни, кирпичи и прочие обломки, дабы нанести урон тем, кто в траншее, и в конце концов завалить ее до краев; если противник возвел над ней крышу из досок, — бросать сверху осмоленные

и подожженные фашины, горящие колеса и тому подобные приспособления (и хотя бы пресловутая крыша была обита жестью, как, я видел, иногда делают, — огонь не замедлит ее охватить); едва крыша сгорела — опять-таки взяться за камни и обломки, которыми сподручно заполнить траншею. Так без особого труда можно покончить с осадными постройками подобного рода и помешать врагу перейти ров.

Кто наиболее опытен, возводит галерею деревянной, но снаружи, особенно сверху и со стороны фланка, покрывает ее землей, а если ров полон воды — подымает повыше: так повсеместно поступают в Голландии, где рвы с водой. Для разрушения такой галереи используют пушки, которые враг не сможет ни заметить, ни подавить, то есть установленные на верхних и нижних фланках, а равно и на фоссебрее, под прикрытием орильона. Прикрытые фланки — крупное преимущество: случись тому, кто хулит орильоны, но никогда не видел их в деле, оказаться при осаде какой-либо крепости, располагающей ими, или хотя бы прислушаться к бывалым людям, я уверен, он переменит свое мнение и признает, что суждения эти не что иное, как чистое самодурство: в конечном счете, лучший советчик в таких делах — опыт. Против пушек галерея не устоит: ее не удастся возвести настолько прочной, чтобы она выдержала огонь целой батареи крупнокалиберных орудий. После того как ядра соьбют земляное покрытие, пушки нужно будет зарядить кусками железа, битым кирпичом, обрывками цепей и прочим ломом и разнести вдребезги все, что останется. Огонь открывают тотчас, как только враг начинает строить галерею, и не прекращают палить до тех пор, пока та не обратится в руины. Хотя орудия [фланков] и не могут обстреливать галерею по всей длине, однако досягают главной ее части — той, которая ближе к ограде, — и, как мы говорили, неуязвимы для врага. Последнее кажется странным, поскольку, стреляя по прямой, они настолько же действенны, насколько и беззащитны перед огнем с его стороны: это действительно так, разница лишь в том, что на участках, открытых для их собственного огня, орудия не установишь.

Галереи обычно наводят по ночам, поэтому ров необходимо то и дело освещать при помощи фейерверков, а рабочих в нем —

обстреливать из мушкетов и пушек: это наверняка создаст врагу препятствия или надолго задержит.

Галереи в виде траншей глубиной шесть–восемь футов, которые враг прокапывает поперек сухого рва и покрывает сверху досками и землей, разрушить гораздо труднее. Для флангов они недостижимы, ибо пролегают вровень с дном рва, тогда как любая фланговая защита предназначена лишь для поверхности и пушки смогут разве что бить вскользь по их крышам. [В этом случае] артиллерию используют, пока существует такая возможность и пока ее огонь действенен, а затем обращаются к иным средствам. Одни лишь фейерверки повредить такой траншее не способны, ибо поверх досок, уязвимых для огня, она защищена еще и слоем земли. Гранаты не слишком мощны, чтобы ее обрушить, а бомбы едва ли удастся метать прицельно и на столь небольшое расстояние, если, как водится, использовать для этого мортиры. Я бы предпочел заготовить мощные каменные глыбы длиной футов в шесть или сверх того, а шириной — в два или более, уложить их на невысокие четырехколесные тележки, а поверх парапета [ограды] протянуть с уклоном кнаружи пару толстых брусьев, выдающихся за пределы стен и хорошо укрепленных с противоположного конца, чтобы глыба, оказавшись на краю, не увлекла их за собой: если тележку поставить на брусья и скатить по ним, то камень, рухнув вниз, наверняка обрушит галерею ([см. рис. 7.] схема А). С тем же успехом можно воспользоваться [каменной] колонной или ее обломками, но еще лучше — мельничным жерновом, который катится сам, без тележки, — нужно только составить брусья потесней, чтобы он не вихлялся туда-сюда (схема В). Машину эту налаживают и снаряжают по ночам, скрытно, насколько возможно, а во избежание промаха — заранее примечают ей точное место. Меня спросят, как же управляться с такими тяжестями и поднимать их наверх, — я отвечу: всяк мало-мальски толковый человек дойдет до этого без труда. Описанное приспособление применяют раз за разом, пока какой-нибудь из снарядов не достигнет цели, и, когда галерея будет обрушена, пускают в ход фейерверки, например бомбы, которые скатывают вниз по тем же брусьям и в том же самом месте. Для метания бомб можно еще построить род крана, вращающегося вокруг своей оси, довольно

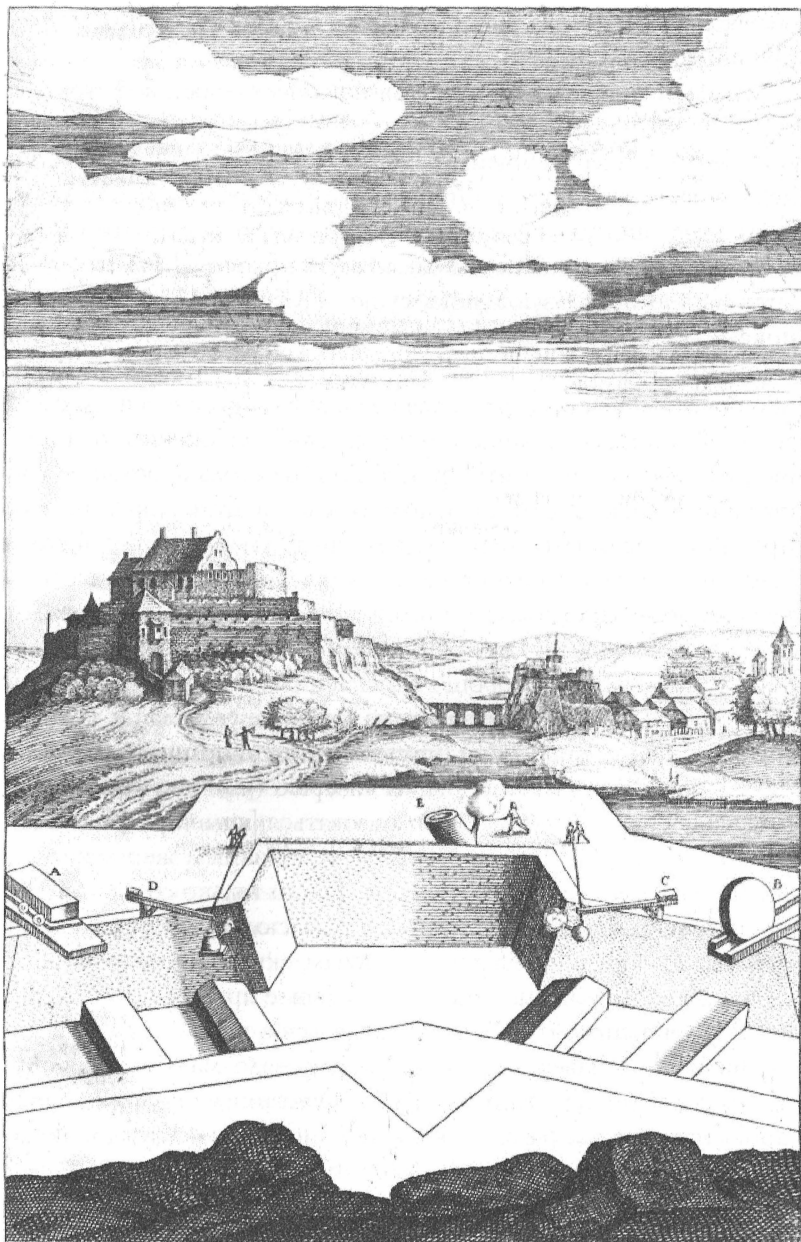


Рисунок 7

низкого, футов пяти или шести, и с пятнадцати-двадцатифутовым плечом, как на схеме С: его устанавливают на дозорном пути, подвешивают на плечо бомбу с зажженным фитилем, затем, при помощи веревки, дабы не попасть под мушкетный огонь противника, разворачивают в сторону рва, пока бомба не окажется прямо над галереей, — и обрезают либо ослабляют конец, который держит бомбу: та летит в ров и разносит галерею на куски. Промажнувшись раз или два, нужно пробовать снова, покуда снаряд не достигнет цели. Таким же образом спускают на галерею и петарды (схема D), но поскольку таковые, в отличие от бомб, разрывающихся наудачу, следует старательно прикладывать в нужном месте, то в действие их приводят посредством сосисы, протянутой с вала, а конец или цепь, на которых петарда подвешена, оставляют в целости, чтобы можно было подтянуть ее обратно наверх (хотя я не вижу в этом необходимости). Если установить петарду как полагается, она непременно все разнесет. После взрыва наступает черед разного рода фейерверков, благодаря которым сжигают остатки [галереи]. Весьма неплохое, на мой взгляд, изобретение, позволяющее прогнать врага из любых его ложементов, — огненные бочонки: их удобно и бросать, и скатывать вниз, горят они долго, огонь распространяют на все, что может заняться, а потушить их трудно, ибо под градом пуль и гранат к ним не подступишься. Бочонки эти, кроме того, опускают сверху на дощатую крышу галереи; когда же галерея покрыта слоем земли — сперва бросают бомбу, а случись, что та лишь обвалит землю, — затем, при помощи бочонков, сжигают и деревянный остов. Вообще, если то и дело метать фейерверки, галерея рано или поздно загорится. Дабы пустить в ход все перечисленные средства, не след дожидаться, пока она будет завершена: тем, кто ее возводит, нельзя давать покоя с самого начала, ибо, преградив врагу путь через ров, вы спасете крепость. Продолжайте во что бы то ни стало, пока неприятельская постройка не будет разрушена до основания, — ведь на возведение новой галереи понадобится время, да и потребными материалами, вроде дерева и железа, осаждающие частенько не располагают. Более того, когда их рабочие, особенно те, кто трудится с риском для жизни, увидят столь упорную и самоотверженную оборону, то упадут духом и уже не отважатся

что-либо делать, и сами войска противника в конце концов будут стеснены не меньше, — а если существует хоть одна возможность повредить противнику, губернатор, дабы не навлечь на себя упреков, не вправе ее упустить.

Коль скоро ни одно из перечисленных приспособлений не помогает либо их не из чего сделать, надлежит прибегнуть к физической силе и вылазкам. Вылазки предпринимают через ход в ближайшем орильоне, минуя фоссембрею, и придерживаются порядка, о котором мы рассказывали в одной из предыдущих глав³⁸⁶. Ров, на мой взгляд, лучше поскорей пересечь и рассредоточиться вдоль контрэскарпа, так как там безопасней, нежели возле бастионного фаса: если враг неглуп, то заранее отрядит на контрэскарп мушкетеров, однако им куда сподручней будет целить в фас, а не себе под ноги. Готовясь к вылазке, ее участники должны взять с собой инструмент разного рода, необходимый для разрушения и сожжения неприятельских ложементов и, конечно же, несколько мощных петард, чтобы покончить с галереей; об оружии я здесь речь не веду, ибо уже рассказал о нем подробно в соответствующей главе.

Для вылазок из крепости, ров которой наполнен водой, непременно понадобятся лодки. Их держат наготове под прикрытием орильона и заранее снабжают противомушкетной защитой: в качестве таковой используются, как я видел, канаты, уложенные тесно один к другому и прибитые к бортам, — они выдерживают пули и не слишком боятся огня. В лодки можно взять короткоствольные орудия для стрельбы по галерее в упор. Еще неплохо погрузить петарды, не забыть о бомбах, фейерверках, а также всяком инструменте, необходимом для выполнения поставленной цели. Отступая на этих лодках, можно не опасаться, что враг начнет преследование, — он способен достать их лишь огнем артиллерии, потому что мушкетная стрельба им не повредит.

После того как вылазка достигла результата и ее участники отступили, ров освещают фейерверками, дабы стрелять не наугад. Фейерверки вообще надлежит пускать в дело каждую ночь, едва неприятель начнет укрепляться на контрэскарпе: его рабочие во рву будут видны как на ладони и сверху по ним можно вести постоянный огонь. На этом, последнем рубеже нужно сопротив-

латься врагу изо всех сил — ибо рано или поздно враг выдохнется, ряды его поредеют, время года, благоприятное для осады, пройдет, а крепость получит помощь. Дело же губернатора — внушать надежду защитникам крепости, убедить их продержаться, суля им все, о чем мы обстоятельно говорили прежде.

Окончу эту главу рассказом об одном изобретении, весьма простом, но чрезвычайно губительном для врага. Нужно изготовить бочку в форме ведра, наподобие пьемонтских бринд, в которых носят вино³⁸⁷, диаметром около пятнадцати дюймов в нижней части, двух футов — в верхней и высотой фута в четыре. Сколачивают ее из клепок толщиной примерно в дюйм и охватывают обручами (схема E); возле дна она должна быть покрепче, нежели обычные ведра. Бочку эту устанавливают в яму точь-в-точь такого же размера, выкопанную на валу с небольшим наклоном кнаружи. На дно бочки укладывают пороховой заряд, выше его, до самых краев, — грудой камней, битого кирпича и других обломков и подводят к ней огонь при помощи трубки, присоединенной к запальному отверстию: каменный град, вызванный взрывом, причинит немалый урон осаждающим в траншеях и открытых ложементах. Эти орудия нельзя использовать более одного раза, однако их выгоднее изготавливать во множестве, ибо это совсем несложно и нет крепости, где не нашлось бы дерева и мастеров, знающих толк в подобной работе.

Нехитрые изобретения [подчас] способны принести крупную пользу, и я поведал здесь об одном из них лишь потому, что видел его в действии и оно показало отменные результаты. Я бы упомянул и о многих других, если бы не почел за благо посвятить им отдельный труд, дабы не увеличивать толщину настоящего, который, по совести, и так кажется мне слишком объемным. Отмечу лишь, что для тех случаев, о которых идет речь, не стоит предлагать конструкции, вызывающие затруднения в материале либо чересчур сложные, — такие следует строить заблаговременно. Никуда не годятся и орудия, неудобные в применении, а равно и те, что составлены из разнородных деталей: чем чаще пускаешь их в дело, тем скорее они сломаются, если раньше не будут уничтожены неприятельским огнем: пусть лучше орудие будет немудреным и в ход идет все, что есть в крепости и что может причинить вред

врагам. Поэтому в мирное время, на досуге, неплохо потрудиться над ним — произвести ряд опытов, не впадая в ошибки, убедиться в правильности письменных расчетов и даже испытать его в виде модели или уменьшенного образца. Как известно, многие машины, особенно большой мощности, отменно проявляют себя как малоразмерные модели, однако, построенные в натуральную величину, ничего не стоят — либо из-за несовершенства материала, неспособного выдержать сильное напряжение, либо из-за пробелов в теории, которая не располагает данными ни о том, в какой пропорции надлежит увеличивать их составляющие при увеличении всей машины, ни к чему приводит различие в качестве материалов: об этом мы имеем лишь самое грубое представление, и я не думаю, что в нашей власти — добиться необходимой точности, как бы на том ни настаивали авторы, держащиеся противоположного мнения³⁸⁸. Еще хуже дело обстоит с огнеметными орудиями, для которых не существует ни образцов, ни определенных правил: действенность их познается только путем долгого опыта, и даже на те, что часто испытывались, нельзя полагаться безусловно. Впрочем, я чересчур задержался на этом вопросе и, чтобы покончить с ним, скажу: для проверки боевых качеств военной машины ее надлежит испытывать.



ГЛАВА XLVII

О РЕТРАНШЕМЕНТАХ

Ретраншементы в крепости — последний рубеж обороны, и его по справедливости можно назвать защитой ради чести, ибо немного сыщется крепостей, от которых враг отступился бы после того, как овладел внешними постройками и бастиянами, единственно из-за сопротивления ретраншементов. Как бы то ни было, губернатора, который не станет защищаться до самого конца, назовут виновником сдачи крепости: терять надежду нельзя никогда, и пусть даже постройки, о которых мы говорим, слабы, но, пока они так или иначе сдерживают противника, может подойти помощь или что-нибудь стрясется в неприятельском стане либо государстве — и то, на что не хватает сил, будет достигнуто упорством. Кто держит оборону до последнего, вызывает уважение: сами враги при виде такой отваги преклоняются перед ней, отдавая должное, — а сложить оружие, когда нельзя более им противостоять, успеется, ведь нападающие никогда не откажутся пойти на мировую с теми, кто так доблестно с ними сражался. Вот почему губернатору надлежит знать, как возводить ретраншементы и оборонять их.

Итак, когда осажденным, невзирая на все усилия, не удалось покончить с неприятельской галереей или воспрепятствовать подрыву мины, им остается лишь отойти за ретраншементы, где еще можно оказывать сопротивление. К постройке ретраншементов надлежит приступить, когда враг форсирует ров и приближается к ограде, ибо в это время становится понятно, на каком участке он намерен предпринять штурм и где нужно их насыпать. Ретраншементы бывают частные и общие³⁸⁹. Частные закладывают напротив штурмуемого участка, в таком месте, где они

не пострадают от взрыва мины, и придают им форму наиболее подходящую для их расположения. Еще лучше насыпать два ретраншемента, один позади другого: пока первый не захвачен, обороняются в нем, а затем отступают во второй, полностью готовый к бою. По начертанию эти ретраншементы должны представлять собой входящий угол, тень, либо, если угодно, иную фигуру, лишь бы она фланкировала сама себя и позволяла простреливать брешь. Толщину им задают с таким расчетом, чтобы они выдерживали орудийный огонь, то есть футов двадцать — двадцать пять, тем паче что, свеженаасыпанные, они менее устойчивы перед ядрами, нежели те, в которых земля успела слежаться. Спереди их обносят рвом, но, когда время не позволяет, роют на валу окоп, а из вынутой земли сооружают насыпь, которая и служит ретраншементом; такого рода укрытия строить куда быстрее, да и защищаться в них, заглубленных в старый вал, можно дольше, нежели в остальных, — но в то же время они лишены преимущества возвышения и не могут господствовать над брешью и простреливать ее целиком. Лучшие ретраншементы получаются из земли, а чтобы та не осыпалась и можно было поскорей завершить работу, насыпь упрочивают связками прутьев — хотя, если земли вдоволь, я бы закладывал этих связок не больше, чем требуется для ее поддержки. Иногда используют габионы, бочки или мешки, которые также набивают землей. Еще в дело идут толстые деревянные бревна, сколоченные наперекрест, но, если противник пустит в ход пушки, оставаться в таких ретраншементах очень опасно. Куда хуже, впрочем, когда для их постройки берут камень либо иной материал, дающий осколки.

Никогда не стоит ограничиваться одним-единственным ретраншементом — за ним непременно нужно возвести другой, чтобы на худой конец было куда отступить и сдаться на капитуляцию, вместо того чтобы заискивать у врага пощады. В тыловых ретраншементах можно точно так же держать оборону и не давать врагу окопаться, но их, если возможно, следует насыпать более высокими, нежели те, что впереди, дабы господствовать над врагом и обстреливать передовые, если враг ими овладеет.

В любом ретраншементе необходимо предусмотреть ходы для отступления, хорошо защищенные и удобно расположенные,

дабы можно было перейти в другой ретраншемент незаметно для противника и без урона.

Когда бастион пологий, никакие ретраншементы на нем не возведешь, и на тот случай, если взрыв обрушит толщу вала, придется разве что насыпать их внизу, у самой подошвы бастиона, где враг, который наверняка овладеет возвышениями руин справа и слева от брешли, сможет видеть эти нижние ретраншементы как на ладони и господствовать над ними; кроме того, из них нельзя будет простреливать превосходящую по высоте осыпь и противник закрепится на ней безо всяких помех.

Если неприятель штурмует бастион со шпица, то ретраншементов можно заложить и побольше, один за другим, как и при обороне фаса. Правда, на бастионах, как мы видим, чаще всего обороняют один лишь ретраншемент, — и отнюдь не потому, что остальные оборонять невозможно, просто осажденные подчас не имеют на это довольно времени, либо потеряли много сил, защищая прочие постройки, либо боятся, как бы враг, занимая ретраншементы один за другим, не перебил весь гарнизон вместо того, чтобы позволить ему сдаться: вот причины, из-за которых чаще всего складывают оружие, едва враг закрепился на бастионе, — хотя капитулировать надлежит не ранее, чем будет обложен последний из ретраншементов. Еще до того как приступить к своим обязанностям, губернатор дает королю слово не сдавать крепость прежде, чем она выдержит три неприятельских штурма, причем направленные отнюдь не на внешние постройки или контрэскарп, а на сам центр. Но и этим ограничиваться не след — нужно держаться изо всех сил, а взыскивать себе лишь чести да уважения среди тех, кому никогда не доводилось защищать крепость.

Общие ретраншементы, сиречь новую крепостную ограду регулярного начертания, закладывают внутри старой, против штурмуемого участка и делают, смотря по времени и обстоятельствам, как можно мощнее. Дома, которые будут препятствовать ее постройке, надлежит снести, а обломки — пустить в дело. Общим ретраншементам придают форму входящего угла, тенали или же, что предпочтительней, снабжают бастионами; впереди прокапывают ров в восемь туазов ширины, а землю из него употребляют на возведение вала и парапета. Парапет должен занимать на валу по

крайней мере двадцать футов, иметь банкет высотой в два фута и шириной — в четыре и подниматься над таковым еще на четыре фута. Ширина оставшейся поверхности вала пусть составляет футов десять—двенадцать, а высота всей постройки — двенадцать—пятнадцать; когда есть возможность обустроить на контрэскарпе прикрытый путь, ретраншемент выйдет еще лучше. Профиль названных ретраншементов — того же начертания, которое было приведено нами выше, в главе о внешних постройках³⁹⁰.

Строительство общих ретраншементов следует начинать заблаговременно, чтобы завершить их к нужному сроку: ведь если труд изряден, а у гарнизона и горожан и без того хлопот выше головы, то быстро никак не управиться: за лопаты берутся, когда увидят, что враг подступает к стенам, — и, пока длится оборона частных ретраншементов, находящихся на переднем крае, доводят до ума и те, что заложены позади них.

Некогда ретраншементам уделяли больше внимания, чем теперь, и, лишь закладывая крепость, уже прикидывали, где бы их обустроить: наилучшей считалась та, в которой их можно было сделать более надежными. Дело в том, что тогда еще не изобрели внешние постройки — по сути, те же ретраншементы, только вынесенные за пределы самой крепости и возведенные гораздо основательней: покуда они сдерживают врага на подступах, у осажденных есть время построить и другие, в центре. Если больше думать о защите ретраншементов, а не внешних построек, легко уподобиться тем, кто, даже не заикнувшись о битве, задается мыслью, как станет спастись при отступлении: именно люди такого склада прокладывали в бастионах полости и возводили полугоржки со сводами, чтобы отделить нижний фланк от верхнего, — однако их изобретения, как показывает опыт, многого не стоят³⁹¹.



ГЛАВА XLVIII

КАК ОТРАЖАТЬ ШТУРМ И ОБОРОНЯТЬ РЕТРАНШЕМЕНТЫ

И вот приходит время найти применение всякой, что ни есть, выдумке, пустить в ход любые средства, явить до конца стойкость и отвагу, ибо единственная цель врага — предпринять штурм и вторгнуться в крепость. Когда враг близко, все приготовления осажденных, как во внешних постройках, так и в самой крепости, направлены лишь на то, чтобы дать отпор штурму: важнее нет ничего, поэтому и дорожиться ничем не стоит. Военные машины и приспособления значат в этом деле немало, но сила и бесстрашие солдат несравненно больше, нежели все остальное. Именно в таких обстоятельствах и узнают храбрых — ведь трусы, если таковые найдутся, наверняка начнут стенать и заговаривать о сдаче. Пусть губернатор ни в коем случае этого не допускает, а всякого, кто возропщет хоть словом, примерно наказывает.

Будет неплохо, если в начале осады губернатор соберет весь гарнизон и обратится к нему с речью: да, враги подступили с сильной армией и предпримут любые усилия, чтобы овладеть крепостью, — однако крепость располагает всем необходимым для обороны, хорошо укреплена, в избытке обеспечена провиантом и боеприпасами, а сам он всецело полагается на мужество тех многих удалцов, которые ее защищают, — ибо они затем и поступили сюда на службу, чтобы, презрев опасность, отличиться благодаря своей доблести, — и убежден, что любой из них без труда докажет государю свою верность и бесстрашие. Что до него, губернатора, то он заверяет, что намерен держаться до конца, не капитулирует, пока будет чем защищаться, — и призывает всех последовать его

примеру, — но, если кто не находит в себе довольно стойкости, чтобы сопротивляться врагу, либо вовсе не хочет подвергать себя риску, пусть объявятся и покинут крепость, от службы их весьма охотно отрешат; остальных же он просит принести торжественную клятву никогда не заговаривать о капитуляции — всяк дерзнувший будет повинен смерти — и велит подписать это воззвание главным начальникам [гарнизона]. Так ему полагается действовать, когда он уверен в своем гарнизоне и гарнизон решительно настроен сражаться. Если же губернатор в ком-либо сомневается, но считает, что те не воспользуются его предложением, — пусть объявит, что поклясться нужно всем, а начальникам — подтвердить общее решение своими подписями: не сдержавшие клятву будут казнены как трусы и предатели. Когда оборонять придется последние рубежи, то есть главную крепостную ограду и ретраншементы на ней, он должен следить и разведывать, не говорит ли кто о сдаче и не подбивает ли остальных сложить оружие, — и, коль скоро такого человека найдут, пусть немедленно велит его повесить.

Примечателен пример одного очень храброго губернатора, который выступил с такими речами перед целым гарнизоном. Когда положение обороняющихся стало отчаянным, губернатор спросил с глазу на глаз каждого капитана и других офицеров, как, по их мнению, надлежит поступить, а найдя тех, кто настаивал на капитуляции, велел им объясниться перед всеми остальными, ночью же послал к ним своих людей, и те повесили их на их же окнах с надписью: «Он предлагал сдаться». Наутро, при виде этого зрелища, ни единая душа уже и словом не заикалась о капитуляции, паче того, не смея больше заговаривать на сей счет, все сошлись в намерении самоотверженно держать оборону.

Когда решено сражаться до конца, следует изыскать для этого любые возможности — обустроить, как полагается, все участки обороны, возвести в нужных местах укрытия для солдат, приготовить все необходимое и распределить караулы сообразно тому, несколько крепок или уязвим тот или иной участок: если он разрушен и подвергается атакам, охранять его большими силами, а если цел и врагу не удалось возвести поблизости осадные постройки, то меньшими.

Прежде всего, поговорим о том, как расставлять караулы, дабы опасные участки не выпадали все время одним и тем же подразделением. Когда крепость осаждена, можно держаться того же порядка, который мы приводили в одной из предыдущих глав³⁹². Губернатору надлежит знать, сколько в крепости полков и рот, какова численность каждого подразделения, и еженедельно требовать свежий доклад о потерях в результате смертей, ранений и болезней. Засим он точно подсчитывает, сколько всего солдат потребуется для караула, и делит полученное число на три, дабы назначить им один день для службы, а два следующих — для отдыха, если же гарнизон невелик — то на два: день — наряд, день — отдых. Сделав это, он распределяет состав каждой из смен по тем участкам вокруг крепостной ограды, что подлежат охране, и, держась той или иной руки, назначает на эти участки капитанов — вначале первого, а следом, одного за другим, и остальных. Скажем, если гарнизон насчитывает шесть тысяч человек, то численность наряда на каждый из трех дней составит две тысячи. Первую из этих двухтысячных смен, а впоследствии и другие я разбиваю по номерам, присвоенным каждому из капитанов, как уже сделано в полках. Когда наряд уже выстроен на сборном месте и готов заступить в караул, сержант-майор велит первому капитану, а за ним и остальным отправляться на свои посты по всей окружности крепости, соблюдая предписанную дистанцию. Заступив в караул на третий день, капитан первого поста по эту руку перейдет на второй пост, а последний — окажется на первом, и таким образом каждый, двигаясь по кругу, побывает и на опасных участках, и на безопасных³⁹³.

Порядок сей хорош лишь в том случае, если в преданности капитанов нет сомнений. Когда же бдительность хотят усилить, опасаясь, как бы кто-нибудь из них, зная пост, где будет находиться в тот или иной день, не изменил губернатору, то караулы наряжают по жребию, как говорилось выше, — и, случись кому из них чаще прочих оборонять брешь или иные уязвимые участки, винить в том придется разве что судьбу. В том случае, если караулу для отдыха отведен лишь один день, заступающую смену можно подразделить на две части: одной поручить охрану атакуемых участков, а другой — остальной крепости; когда же этой смене вновь

придет черед идти в караул, то солдаты, находившиеся дотоле на опасных участках, заступают на другие посты вокруг крепости, а те, которые охраняли неопасные, — на их место.

Таблица 1

10	9	7	5
Picardie	Champ.	Brie.	Norm.
1	1	1	2
2	2	2	2
3	3	3	3
3	3	3	3
3	4	4	4
4	4	4	P4
4	—	—	P
—	—	C	—

Приведенные правила годятся, когда в караул наряжают одно и то же число рот и солдат. Но когда предстоит выставить чрезвычайную охрану или же, смотря по надобности, увеличить либо сократить караулы, то с этим делом довольно трудно управиться, не навлекши на себя чьих-нибудь упреков. Ни один капитан не преминет посетовать, что его солдаты слишком часто ходят в караул либо рота занята в нарядах больше, нежели все остальные, и для сержант-майора жалобы эти — доука неимоверная. Чтобы отвратить ее, можно прибегнуть к двум нижеследующим способам. Нужно знать, сколько в крепости полков и рот: допустим, ее обороняют четыре полка, насчитывающие в целом тридцать одну роту. Разделив количество рот на четыре, я получаю восемь без единицы, черчу четыре клеточки, которые озаглавливаю названиями полков — к примеру, Пикардийского, Шампаньского, Бри и Нормандского, а ниже — колонки: в первых трех — по восемь полей, а в четвертой, принадлежащей Нормандскому полку, — семь, что в сумме составляет тридцать одно [см. табл. 1]. Затем смотрю на число рот в каждом полку: если, скажем, в Пикардийском их десять, отвожу им всю соответствующую колонку целиком,

двум же оставшимся даю место в колонке того полка, где рот меньше восьми, — хотя бы Нормандского, насчитывающего только пять, — и помечаю эти два поля начальной буквой названия Picardie. В Шампаньском полку — девять рот: они тоже занимают свои восемь полей, а последняя идет в колонку полка Бри, состоящего лишь из семи рот. Итак, в первый день необходимо послать в караул три роты: я ставлю в каждое из трех полей, принадлежащих полкам Пикардийскому, Шампаньскому и Бри, по единице, которая обозначает первый день наряда. На второй день отряжаются пять рот — и я пишу двойку в пяти следующих полях, из которых два относятся к Нормандскому полку и по одному — к трем другим. На третий день караул должен включать девять рот, так что следует пометить тройкой очередные девять полей: три — в колонке Пикардийского полка и по два — в остальных. Если в четвертый день для наряда понадобится восемь рот, то три из них призывают из Пикардийского полка, в том числе и ту, что была отнесена к Нормандскому. Так продолжается, пока список не будет пройден до конца, затем его начинают снова, и чем больше в полку рот, тем чаще он бывает в карауле. То же самое можно сделать еще легче, если каждую из колонок разбить по числу рот в том или ином полку, то есть Пикардийскому отвести десять полей, Шампаньскому — девять, Бри — семь, Нормандскому — пять, а затем, как и раньше, отмечать те роты, которым надлежит заступать в караул [см. табл. 2]. Если в первый день нужно отрядить три, я проставляю по единице в колонках полков Пикардийского, Шампаньского и Бри; на второй день, зная, что надлежит заступить пяти ротам, — вписываю в пять следующих полей двойки, Нормандскому — две, а трем другим — по одной. На третий день, когда в наряд идут девять рот, — обозначаю соответствующее число полей тройками, так что на Пикардийский приходится три, а на остальные — по две. На четвертый день назначается шесть рот — ставлю Пикардийскому и Нормандскому по одной четверке, двум другим — по две. На пятый день в караул идут лишь четыре роты: две — из Пикардийского полка, одна — из Шампаньского и одна — из Бри, тогда как Нормандский полк в наряд не заступает вовсе. На шестой день ни Бри³⁹⁴, ни Нормандского в карауле

нет, но из пяти положенных рот Шампаньский дает две, а Пикардийский — три. Так и продолжают, следя, чтобы у одних рот было столько же нарядов и дней отдыха, сколько и у других.

Таблица 2

10	9	7	5
Picardie	Champ.	Brie.	Norm.
1	1	1	2
2	2	2	2
3	3	3	3
3	3	3	3
3	4	4	4
4	4	4	—
5	5	5	—
5	6	—	—
6	6	—	—
6	—	—	—

Эти способы тоже чреваты парой недостатков — во-первых, когда попадают роты столь многочисленные, что одна будет стоять трех из другого полка, а во-вторых, если караул придется наряжать по отделениям. Впрочем, в этих случаях можно прибегнуть к той же самой таблице, только вместо названий полков написать над колонками номера рот, а колонки разбить не по числу рот в полку, а по числу отделений в роте. В остальном поступают точно так же, как мы объяснили, — стало быть, в караул заступят солдаты из каждой роты, как дотеле из каждого полка, и никто из них не будет обременен сверх меры. Такого результата мы можем добиться и иными приемами, о которых в свое время поговорим, — эти же я привел, благо представился случай.

Прежде чем враги пойдут на штурм, им предстоит проделать брешь, такую, чтобы на нее легко было взойти, и прибегнуть для этого либо к обстрелу из пушек, либо к минному подкопу; затем они посылают кого-нибудь проверить, удобно ли

будет ее штурмовать. Противник не должен получить эту весть, а поскольку к этому времени, если он действовал по всем правилам, пушки уже будут подавлены, а оборонительные участки, где можно их разместить, — разрушены, необходимо установить на верху брешли мушкеты с крюком или [упомянутые выше] короткоствольные орудия, дабы стрелять по тем, кто подступит. Даже если какая пушка и уцелела, лучше не пускать ее в дело до начала штурма, когда враг может без труда с ней покончить, а оставить для защиты брешли, побережь на крайний случай.

Когда неприятель проделывает брешь при помощи пушек, то будет стрелять из них только днем, ибо в ночной темноте, как ни старайся, едва ли попадешь в цель. Пусть под покровом ночи [осажденные] постараются починить то, что разрушено, заложить брешь землей, деревом, а если можно, — обнести ее с разных сторон пяти- или шестифутовыми частоколами, врыв их поглубже в землю и снабдив загнутыми вниз железными остриями: такие частоколы остановят врага, когда тот станет подниматься по осыпи, а пожелай он расстрелять их из пушки, ему понадобится много времени, притом что на следующую ночь сломанные колья можно заменить другими.

Если враг палит из орудий столь яростно, что не дает перевести дух, то в дополнение к ретраншементам, которые к этому времени уже должны быть возведены с тыла, на краю брешли при первой же возможности устраивают укрепление, позволяющее защищаться под прикрытием, — с небольшим парпетом, сложенным из мешков и корзин³⁹⁵ с землей, габионов и иных подходящих средств, — а случись, что из-за непрерывного огня возвести таковое не удастся, — занимают рядом с брешью позиции, откуда можно обстреливать ее осыпь, оставаясь недостижимыми для [неприятельской] батареи. На верху осыпи, куда предстоит взойти врагу, либо в передовых ретраншементах, если понятно, что их уже не восстановить, ночью закладывают фугасы, огонь к которым можно в любой час подвести из ретраншементов, расположенных в тылу. Саму же осыпь усеивают множеством [скрученных] гвоздей о четырех остриях, именуемых шострапами³⁹⁶: они тоже станут преградой для врага. Для укладки в проем брешли отменно хороши дощатые щиты, которые сплошь утыканы

навостренными гвоздями, выступающими на четыре пальца; нужно только делать эти щиты толстыми и тяжелыми и закреплять железными цепями, чтобы враг не мог ни сволоочь их вниз, ни перевернуть. Изрядным препятствием для тех, кто хочет взойти на осыпь, послужат также фризские кобылы.

Для отпора первым рядам атакующих, облаченных в противомушкетные доспехи, на край бреша устанавливают мушкеты с крюком, а помимо них — короткоствольные орудия, которые стреляют картечью, и, наипаче, пресловутые петрарии со съемной каморой. Нужно также держать наготове запасные пушки и всякого рода фейерверки — например, бомбы, которые можно скатывать вниз по дощатым желобам, ограниченным с обеих сторон бортами и выдвинутым подальше за осыпь, дабы сами защитники бреша не пострадали от взрыва, — а также гранаты, огненные бочонки, бревна, утыканные шипами и начиненные фейерверками, мортиры для метания многих иных снарядов, а сверх того камнедробилки, запальные свечи и прочие приспособления, о которых речь пойдет в другом месте³⁹⁷. Понадобятся котлы для кипячения масла, большие черпаки на длинных рукоятках, чтобы лить его на врага, кучи камней для метания с руки и все, что, по вашему мнению, способно нанести врагу урон.

Когда же враг, стремясь проделать брешь одним ударом, использует для этого минный подкоп и бросается на штурм тотчас после взрыва, то, чтобы ее заделать или обнести заграждениями, как мы рассказывали, не будет ни времени, ни возможности. Тогда, дабы не уступать без боя, против того места, где видно, что роют мину, нужно заранее насыпать [один за другим] пару-тройку ретраншементов — если один падет, следующий или даже два позади него останутся в целости — либо возвести форт. Что же касается оружия, военных машин и приспособлений, то их, как мы говорили, приводят в готовность и на всякий случай держат подальше от того места, под которое подводят мину, чтобы их не погубил взрыв.

Даже если противник выкопал мину, он все равно не взойдет на стены, покуда не приведет ее в действие. Поэтому незачем держать солдат ни над минным подкопом, ни вокруг него, во всяком случае днем, ибо, пожелай враг что-либо предпринять, это можно

увидеть и издали, — а в ночное время — отряжать одного лишь часового; кордегардия же должна довольно отстоять от места подкопа.

Когда видно, что неприятель постепенно приближается к какому-нибудь участку крепостной ограды при помощи траншей, траверсов и галерей, окапывается поблизости, бьет его из орудий и стремится обрушить при помощи подкопа или взрыва, — можно с уверенностью сказать, что это и есть то место, где он намерен атаковать или, по крайней мере, закрепиться. Есть также признаки, благодаря которым можно узнать, когда именно начнется штурм. Иной раз, прежде чем привести мину в действие, враг, дабы не нанести вящего урона крепости, которой вскоре надеется овладеть, призывает осажденных сдаться, — правда, поступать так пристало, только когда нет сомнений, что крепость так или иначе будет взята, ибо, располагай она презиренной людской силой, призыв сей заставит всех подняться на защиту. Кроме того, в течение всего [назначенного] дня и минувшей ночи он изо всех сил стремится разрушить участки обороны, не давая осажженным ни времени, ни возможности возвести их заново. В день штурма народу в траншеях больше обычного, — а если [из-за брустверов] солдат не видно, то судят по шуму и пикам, каковых, в сравнении с другими днями, из траншей будет торчать преизбыточно; еще на неприятельской стороне царит суета, армия приводится в боевую готовность, весь лагерь приходит в движение, невоюющие и те, кем движет любопытство, толпами собираются на возвышенных местах, чтобы поглазеть на битву, — короче, происходят действия, которые вполне доказывают, что противник вот-вот двинется на приступ. Пусть и лазутчики не забывают о своих обязанностях и заранее доносят в крепость о том, где именно враг намерен предпринять атаку, насколько многочисленны и сильны подразделения, которым предстоит идти на штурм, каковы вооружение, военные машины и приспособления, предназначенные для штурма, каков план действий, и обо всех обстоятельствах, которыми, насколько можно судить, враг не преминет воспользоваться для защиты атакующих.

Так нужно готовиться к отражению штурма, — остается сказать, сколько для этого понадобится солдат, как они должны быть

вооружены, какого порядка надлежит держаться в распределении сил, как применять оборонительные средства, много ли понадобится времени, чтобы привести таковые в действие, а также о прочих вещах, которыми нельзя пренебречь в столь отчаянном положении.

Свои силы я бы расставил следующим образом: одну треть, сиречь основную часть, держал бы в готовности на главном сборном месте, дабы не мешкая послать туда, где понадобится подкрепление, остальные же подразделил еще на четыре части: первые три использовал бы для отражения трех атак, которые противник, по моим предположениям, может предпринять, а четвертую — сосредоточил в крепости по тем участкам, со стороны которых нападения не жду. К примеру, располагая тремя тысячами человек, тысячу я бы отрядил на сборное место, по пятьсот человек противопоставил каждой из атак и последним пятистам отдал приказ занять в крепости остальные посты. Те полутысячные подразделения, которым предстоит отражать атаки, мне бы хотелось распределить вот как: сто человек — на саму брешь, чтобы оборонять ее своим огнем, полторы сотни — к ним в тыл для поддержки и восполнения их рядов, еще полторы — к подножию бастиона либо на вал рядом с брешью, под прикрытие парашета, а последнюю сотню — на фланки или на иные участки, которые открываются в сторону брешли и позволяют ее простреливать. Городское население я бы отрядил на позиции в таком же соотношении, как и тех, кто поставлен для защиты атакуемых участков, но поскольку горожане перед лицом опасности отнюдь не горят желанием рисковать собой, то поручил бы им метать фейерверки, сбрасывать камни, подносить боеприпасы и оказывать сражающимся иную помощь; иногда их отправляют в кордегардии на площадях и улицах — хотя в этом, по моему мнению, очень мало нужды — и посылают в караул по крепости, но только вкупе с солдатами. Что до меня, то в осажденных крепостях я бы нипочем не доверял охрану постов, неважно, атакуются они или нет, одним лишь горожанам, ибо те трусливы; пусть среди них непременно будут удалцы, подбадривающие их, а иногда и заставляющие пересилить трусость. По всему контуру крепости нужно расставить солдат таким образом, чтобы ни один участок крепостной ограды, хотя бы

и тот, которому штурм никоим образом не грозит, не оставался без охраны: ведь если за ним не надзирать, то враги, прознав об этом, могут атаковать его и взять, и, даже если тот считается неприступным в силу естественных причин, велика опасность, что противник, как не раз бывало, вторгнется именно через него. Вот почему охранять такие участки необходимо, правда меньшими силами, о чем мы говорили выше, в главе о караулах³⁹⁸.

А вот как солдаты должны быть вооружены. Каждому подразделению обязательно выдают некоторое количество противомушкетных доспехов. Перед тем как отражать атаку, я бы вооружил этими доспехами, скажем, человек двадцать из передовой сотни и столько же — в тех подразделениях, которые ее поддерживают, на три атаки, соответственно, приготовил бы сто восемьдесят [комплектов], а что останется — передал резерву. Обязательно понадобится такое же количество рондашей — ими вооружают тех, кто без доспехов. Если рондашей нет, пользуются мантилетами, выдерживающими мушкетный огонь, которыми можно вмиг обнести брешь, словно парашетом, — но поскольку им, чтобы противостоять пулям, полагается быть очень толстыми и, соответственно, тяжелыми для переноски, то я бы давал им совсем небольшую ширину, футов шесть или восемь, а высоту — четыре и снабжал отверстиями для стрельбы. Мантилеты составляют стык в стык, дабы обеспечить прикрытие всем, кто держит оборону. Солдатам помимо шпаг неплохо иметь крепкие пики, иные — с крюками, дабы валить наземь или подтягивать к себе тех врагов, которых удастся зацепить. Отменно пригодятся также протазаны и алебарды. Пикинеров расставляют попеременно с мушкетерами, а в некоторых местах устанавливают мушкеты с крюком. Я бы хотел, чтобы из всех мушкетов, которыми обороняют брешь, треть составляли укороченные, длиною фута в два или два с половиной³⁹⁹, а калибром — в дюйм или сверх того, чтобы можно было заряжать их россыпью пуль: резон в том, что при малой дистанции стрельбы и скученности атаки такой рассыпной заряд наносит штурмующим крупный урон. Гарнизонные мушкеты, мушкеты с крюком и короткоствольные орудия служат для стрельбы по атакующим, которые облачены в доспехи, выдерживающие пулю обычного мушкета. Упомянув о гарнизонных

мушкетех, я исхожу из того, что они, в сравнении с полевыми, обладают большей убойной силой, и, следовательно, считаю, что ни один доспех против них не устоит. Пресловутые короткоствольные орудия, а также петрарии, заряжаемые съемными каморами, нужно установить рядом с брешью, в таких местах, где они будут недосыгаемы для неприятельских пушек. То же касается мортир, при помощи которых бросают фейерверки, а равно и всех остальных средств, предназначенных для защиты брешии: их надлежит разместить так, чтобы они были надежно прикрыты, — о том же, как их использовать, мы расскажем позже.

Во время штурма становится очевидным, сколь необходимы и полезны орильоны: благодаря прикрытым фланкам можно вести обстрел галереи из трех запасных орудий — одного на верхнем фланке, другого — на нижнем и третьего — на фоссебрее, — не опасаясь, что противник их подавит, — и пусть этим орудиям открывается лишь фас [противоположного] бастиона, зато и повредить им нельзя, если только не расположить батареи выше их. Когда враг идет на приступ, дабы занять брешь, всяк поймет, какая участь может постигнуть атакующих, окажись они под прицелом этих трех орудий. Орудия, соответственно, нужно держать в полной готовности, запастись для них вдоволь картузов⁴⁰⁰, быстрых в зарядании, а для стрельбы использовать не одни только ядра, но также обрывки цепей, картечь, куски железа и разный лом.

После того как все приготовлено к отражению штурма, каждый участок, которому угрожает приступ, равным образом взят под защиту, а остальная крепость охраняется потребным числом солдат, и, когда по признакам, которые мы называли, становится понятно, что противник намерен привести мину в действие, — всем солдатам приказывают покинуть бастион и держаться чуть в стороне, а после взрыва — занять позиции на краю брешии, прикрывшись мешками, корзинами или бочонками, [наполненными землей], либо мантелетами. Впрочем, спешить с этим и подвергать себя напрасному риску не стоит, ибо противник наверняка нацелит на брешь все свои пушки и примется палить без перерыва, не позволяя обороняющимся укрепиться на ней, — лучше [до поры] обосноваться с обеих сторон брешии или за ретраншементами,

открывающимися прямо на нее. Так как галерея к этому времени уже будет разрушена и завалена обломками ограды, врагу придется преодолевать ров безо всякой защиты. Тогда-то и настает черед тех, кто держит оборону на фланках: пусть откроют огонь, едва атакующие окажутся в досягаемости их мушкетов и орудий. Подступи враг поближе — бой начнут защитники самой брешли, чувствуя его из своих мортир, петрарий, короткоствольных пушек, мушкетов и иного оружия, которое приготовили, а по мере того как он прорывается вперед, стремясь взойти на брешь, — будут осыпать его фейерверками, метать гранаты, скатывать бомбы и прочие снаряды, о которых мы говорили выше. Пусть в неприятеля непрестанно летят камни, брошенные рукою тех, кто находится в тылу под прикрытием. Если же он всходит все выше и выше, путь ему преграждают мантелетами и рондашами, пускают в ход пики и подобное им оружие, кипящее масло, а также прочие средства ближнего боя, то и дело перезаряжают каморы петрарий, — чтобы вся осыпь постоянно находилась под огнем. Мушкетеры, дав залп, отходят назад для перезарядки оружия, а на их место заступают другие, уже готовые стрелять. Если враг напирает по-прежнему, защитникам брешли необходимо дать отдых, а на смену им, дабы выстоять против нового натиска, призвать свежие силы из задних рядов. После отражения первой атаки стоит надеяться на лучшее, полагая, что те, кто в ней участвовали, как раз и были самыми храбрыми воинами, вооруженными лучше остальных. Бude передышки в бою не предвидится, нужно взорвать огненный бочонок либо привести в действие фугас, коль скоро было время его заложить, — например, когда противник пробивал брешь при помощи пушек; отменно послужат бомбы и другие снаряды, которые скатывают с осыпи в толпу [атакующих]. Делать все это надлежит непрерывно и, когда враг отступит, намереваясь возобновить атаку, после того как подавит нашу оборону огнем орудий, — найти укрытие неподалеку от брешли или в ближайших ретраншементах, а затем встретить его точно так же, как и в первый раз. После столь решительного отпора он будет удовлетворен уже тем, что займет осыпь, прикрываясь габионами и деревянными щитами, — тогда по нему, пока он не уберется оттуда, то и дело палят из пушек, установленных на фланках,

а сверху — скатывают или спускают снаряды вроде тех, которые, как мы говорили, предназначены для разрушения галереи. С наступлением ночи брешь заделывают как можно надежней, подъем [осыпи] срезают отвесно, обносят частоколом в несколько рядов, а выше прокапывают ров, выбирая столько земли, сколько понадобится для строительства укрепления, устойчивого перед пушечными ядрами и возводимого, как и полагается для брешки, в виде входящего угла, дабы целиком ее фланкировать. Кроме того, приводят в надлежащее состояние ретраншементы в тылу, ограждают их спереди частоколами и иными препятствиями, которые не дадут врагу приблизиться и сдержат его натиск. Отметим попутно, что фланки прицельного огня, наносящие большой урон ложементам противника на осыпи, куда предпочтительней тех, что дают брежущий огонь.

Поскольку фейерверки — суть главное и самое необходимое средство для защиты брешки, расскажу, как ими пользоваться, дабы избежать несчастных случаев, которые обыкновенно происходят. Пусть те, кому поручено охранять фейерверки, держат их в надежном месте и сами держатся подалеже в укрытии, но, как только придет час, подносят другим, а те — следующим, которые, подступив к краю брешки, бросают фейерверки во врага, а затем быстро возвращаются за новыми. Весьма хороши для обороны брешки гранаты в глиняных горшках, доверху заполненных порохом и обмотанных горящим фитилем: падая, горшок разбивается, и тотчас следует взрыв. Правда, чтобы управляться с ими, требуется порядочная ловкость — ибо, если их уронить, они причинят обороняющимся не меньше урона, нежели, метко брошенные, врагу. В своем труде о военных приспособлениях я рассказываю⁴⁰¹ и о некоторых [других] приемах, благодаря которым граната, упав наземь, немедленно взрывается.

Вынужденные оставить брешь, осажденные отступают в ближайшие ретраншементы, дабы продолжать оборону за ними. В случае чего можно призвать на помощь и подкрепление из крепости, — хотя в это время необходимость в нем вряд ли явится, ибо неприятель, встретив стойкое сопротивление у брешки, а затем, оказавшись перед ретраншементом, возведенным по всем правилам, не рискнет остальными своими солдатами и не пошлет

их беззащитными на штурм хорошо укрепленной постройки, — а дерзни все же сделать это, ровным счетом ничего не выиграет, так как наткнется на частокол, ров, добрые фланки, приспособления всякого рода — и вооруженных людей, готовых защищаться со свежими силами. Чтобы добиться своего, он начнет рыть мину или сапу, — но тогда в одну из ночей, после того как враг возведет ложементы и возобновит атаки, нужно будет совершить вылазку, взяв с собой инструмент и необходимые орудия, и разрушить его постройки, предать их огню: об этом мы уже говорили в главах о вылазках и о подавлении галерей⁴⁰². Обороняя ретраншементы, следует сражаться столь же упорно, как на бреши и во внешних постройках, пользы это принесет куда больше, так как самые отважные [из врагов] после череды ожесточенных атак наверняка погибнут, остальные же, получив отпор, уже не захотят вновь идти на штурм, а принужденные к тому, не предпримут ничего стоящего; армия сильна не числом своим, а храбрецами, и, когда их не осталось, бояться уже нечего — всем прочим можно противостоять без труда.

Губернатор, намеренный во всем поступать как человек достойный, не вправе складывать оружия, пока есть постройки, в которых можно держать оборону; в то время, когда частные ретраншементы сопротивляются натиску врага, пусть возведет общие, дабы впоследствии обороняться еще и в них, даже если они, свеженасыпанные, выйдут не слишком крепкими: ведь и враг уже порядком ослабел, пушки его изломались и раздались из-за непрерывной стрельбы, припасы подошли к концу и вся армия вымотана. Расположение сил и порядок обороны будут при этом такими же самыми, как мы говорили выше. Капитулирует губернатор не иначе как по велению государя, либо когда в крепости нет места или земли для возведения оборонительных построек, либо из-за нужды в живой силе или боеприпасах.



ГЛАВА XLIX

О КАПИТУЛЯЦИИ И СДАЧЕ КРЕПОСТИ

Сперва я решил было обойтись без этой главы, дабы внушить губернаторам, что сдаваться они не должны ни при каких обстоятельствах и менее всего нуждаются в знании этого предмета и наставлениях, которые его касаются. Но поскольку, может статься, даже после достойного сопротивления, оказанного крепостью, государь, в силу тех или иных причин, все-таки вознамерится сдать ее или же она вынуждена будет капитулировать из-за нехватки земли для ретраншементов и мест для их возведения, либо живой силы для их обороны, либо провианта для пропитания, либо боеприпасов, чтобы давать врагу отпор, — я расскажу, что надлежит делать накануне капитуляции и после того, как она заключена.

Крепость никогда не сдают, не оповестив о том государя, если только сам он не приказал губернатору держаться ровно столько времени, сколько понадобится, чтобы привести в готовность какую-нибудь другую крепость, дать возможность отступить армии, дождаться подкрепления и т.д. Если, продержавшись до этого срока, губернатор вздумает сложить оружие хоть на день позже, вместо того чтобы в точности следовать приказу, — значит, он тешит свое удалство, ибо, когда не знаешь, чем обусловлен приказ, оборонять крепость дольше, чем нужно, — все равно что сдать ее преждевременно. Капитулирует губернатор по письменному приказу, который государь собственноручно подписал и скрепил своей печатью.

Обычно предписывается отразить три атаки, однако ограничиваться этим не стоит, а сдерживать натиск врага насколько хва-

тит сил. Когда развязка близка, стремятся втайне послать кого-нибудь к государю, дабы донести ему о положении дел и получить его распоряжения: лучше отряжать нескольких человек, ибо если довериться одному, то попади тот в плен, ответа придется дожидаться долго. При этом нужно проявлять великую осмотрительность, прежде всего — полагаться только на людей исключительно преданных и, кроме того, с хорошо подвешенным языком, которым, окажись они в плену, противник наверняка поверит. В донесении не след писать ничего такого, что враги способны обратить во вред крепости, если перехватят его: будь оно даже надежно зашифровано, всегда найдутся светлые головы, которые сумеют разобрать даже каракули, лишённые, кажется, всякого смысла и не поддающиеся человеческому объяснению. Я бы не стал прибегать к слишком мудреному шифру, а в письме изложил лишь то, что не боюсь открыть неприятельской стороне, остальное же — доверил [на словах] человеку, который его повезет, и взял с этого человека клятву, как бы его ни принуждали, пересказывать разве что содержание письма или говорить что-либо похожее, дабы враг, убедившись, что слова соответствуют написанному, легче поверил и тому и другому и не узнал сведений куда более важных для себя и для крепости. Еще нужно будет непременно удостовериться, что ответ не подложный: ведь противник может подделать письма, хитростью переправить в руки губернатора, а вложить в них приказы или предписания, благодаря которым сможет истребить часть гарнизона или вынудить крепость к капитуляции. Вот почему еще до осады неплохо условиться о какой-нибудь секретной метке, позволяющей отличать настоящие письма от фальшивых.

Отправив государю весть, что стеснен до крайности и не имеет больше сил для обороны, губернатор должен собрать совет всех военачальников, рассказать вначале о плачевном положении, в котором находятся осажденные, о состоянии крепости, о численности солдат и количестве боеприпасов, о нуждах, которые он до настоящего времени замалчивал, но теперь вынужден предать гласности, о том, что защищаться больше нет никакой возможности, — а затем предложить сдаться на капитуляцию, если с их стороны не последует возражений. Видя, что дело хуже некуда, те наверняка согласятся сложить оружие. Тогда губернатор велит

составить письменный акт, который должны будут подписать все [присутствующие], и привести в нем, сверх прочего, меры, предпринимавшиеся для обороны, число людских потерь, подлинный и верный отчет о состоянии крепости, о количестве возведенных ретраншементов и о том, как долго они еще смогут продержаться; еще пусть точно укажет, сколько в крепости солдат, способных держать оружие, сколько больных и раненых, подобным же образом представит опись провианта и боеприпасов, которыми крепость еще располагает, но, главное, донесет о лишениях, заставляющих ее капитулировать. Свидетельство это предстоит скрепить подписями не только офицерам, но и наиболее именитым и занимающим важные должности жителям города. Простым же людям губернатор пусть объявит, что никогда не щадил ни сил, ни жизни, ни своих солдат ради того, чтобы крепость осталась под властью природного и законного государя, и, напомнив о его доброте и справедливости, убедит, что, переменяв повелителя, горожане не должны изменять своим склонностям, потому что вскоре наверняка возвратятся в прежнее подданство.

Когда решено сдать крепость, барабанщику велят бить сигнал «оружие долу»⁴⁰³ и просят перемирия, дабы выслать переговорщиков. Пока длится это перемирие, никто ни с той, ни с другой стороны не должен ни стрелять, ни даже работать. Иногда противник настаивает, чтобы переговоры от имени осажденных вели лица, обладающие должной полнотой полномочий, то есть известные и принадлежащие к высшему военному командованию, которых он возьмет в заложники. Осажденные со своей стороны, прежде чем им позволят отрядить своих представителей в неприятельский лагерь для переговоров с генералами, тоже просят прислать в крепость особ соответствующего положения, дабы оградить парламентаров от посягательств. Мне, впрочем, доводилось видеть, что парламентары из крепости находились в стане противника без обмена заложниками, полагаясь лишь на ручательство генералов, и могли свободно возвратиться обратно в любое время, когда бы ни пожелали.

Подчас осажденные выговаривают себе несколько дней и, если в течение этого срока к ним не подойдет помощь, а неприятель — не овладеет ретраншементами и не вступит в крепость,

обещают сложить оружие и выйти из крепости в назначенный день и час на согласованных условиях, а в подтверждение своего обещания — оставляют заложников. Противник, как правило, довольно охотно соглашается на такие условия, когда речь идет о хорошо обороненной крепости, которую за это время наверняка не выручат, но и взять ее — не возьмешь, пожелай она продолжать сопротивление. Если же отсрочка не получена и к государю послать не удалось, осажденные, прежде чем сдаться, испрашивают позволения известить его о положении крепости и капитулировать по приказу, который он соизволит отдать.

Губернатор, напомним, никогда не должен покидать крепость, какие бы поводы для этого ни нашлись, — капитулировать, поставить в известность государя или лучше рассмотреть условия, которые ему выдвинули, — ибо, поступив так, наверняка причинит крепости вред, а сам подвергнется осуждению и будет наказан. Я видел, что ошибку эту допускают нередко, и в свое время уже приводил ее пример. А вот еще случай, который произошел на моих глазах: враги известили одного губернатора, будто имеют столь сильную армию, что вольны взять его крепость когда угодно, однако предпочитают, чтобы она сдалась сама, и предлагают, если он не верит, самому явиться к ним, взглянуть на лагерь и на все военные приготовления, а случись, что дела будут обстоять хуже или же вовсе против сказанного, — позволят ему беспрепятственно возвратиться. Но стоило ему дать согласие и оказаться в [неприятельском] лагере — его вынудили подписать капитуляцию, чего не произошло бы так скоро, продолжай он защищаться.

Условия капитуляции, на которые можно рассчитывать при наилучшем исходе переговоров, обычно таковы:

— все осажденные сохраняют жизнь и свободу; ни солдатам, ни жителям города не чинят ни обиды, ни насилия, ни оскорблений;

— все, кто пожелает, вправе покинуть крепость вооруженными, под барабанный бой, с развернутыми знаменами, пулями в стволах и фитилями, подожженными с обоих концов, забрать из крепости и везти с собой во время отступления пушки и подводы с артиллерийскими боеприпасами;

— победители обязуются предоставить им лошадей, подводы или лодки в количестве достаточном для перевозки багажа, больных и раненых, а также эскорт, которому предстоит сопровождать отступающих, пока те не достигнут мест, где им ничто не будет угрожать; отступающие же дают заложников, гарантируя безопасность эскорта и возврат повозок и лошадей;

— город запрещено грабить, а тех, кто в нем остался, — притеснять: они могут покинуть его некоторое время спустя, распродав свое добро, когда и как сочтут нужным;

— проступкам всех, кто находится в крепости накануне или во время осады, даруют прощение;

— пленных, взятых в течение осады как с той, так и с другой стороны, — отпускают безо всякого выкупа;

— если [в городе] сосуществуют разные вероисповедания, то их приверженцы вправе держаться каждый своего, иметь свои церкви или моленные дома, священников, проповедников и иных служителей своего культа, а также необходимые предметы для его отправления и совершения обрядов и служб;

— те, кто останется в крепости, признаются истинными подданными государя-завоевателя и пользуются прежними вольностями либо наделяются точно такими же, которые действуют в других его городах;

— завоевателям сдают без утайки оружие, боеприпасы, пушки и все продукты, оставшиеся в общих магазинах.

В капитуляцию можно внести и многие другие пункты, однако сформулировать их, не зная, из-за чего началась та или иная осада, невозможно, ибо условия капитуляции крепости — суть отражение причин войны. Слово «свобода», приведенное в первом пункте, капитуляциям, как правило, несвойственно: я вставил его потому, что [порой] для вящего унижения сдавшегося города всю местную знать отправляют на галеры⁴⁰⁴.

Пункты капитуляции излагают как можно точнее, избегая любых двусмысленностей, и вносят в нее все до единого условия, ибо под именем капитуляции и мира весьма часто кроются начала [новых] войн. Текст составляют таким образом, чтобы в дальнейшем ни один пункт нельзя было перетолковать в ущерб сдающей стороне: случись из-за чего спор, легко можно доказать

свою правоту. Любые разночтения противник, и думать нечего, обратит в свою пользу, и условие, которое позабыли включить в капитуляцию либо изложили не вполне ясно, выполняться наверняка не будет. Некоторые примеры того, как многие обманывались, подписывая подобного рода каверзные капитуляции, и советы, позволяющие этого избежать, я приводил в своей книге «Фортификация»⁴⁰⁵.

На время, пока ведется обсуждение условий и подписывается капитуляция, работы и с той и с другой стороны нужно остановить, но караулы — удвоить, ибо крепости нередко захватывают именно в момент переговоров. В условиях осажденные выговаривают себе день-два, чтобы подготовиться к исходу из крепости. За этот срок губернатор раздает в частные руки оставшийся в магазинах провиант, а если крепость сдалась по недостатку провианта, а пороха еще хватает — велит постепенно сжечь порох или сыпать в воду, хотя я бы предпочел пустить все его запасы на стрельбу и прикончить их разом, дабы врагу досталась лишь пагуба от выстрелов, и только. Еще можно разворотить взрывами пушки, однако дело это непростое, и даже если оно осуществимо, то сопряжено с опасностью. К тому же, стоит врагу провести, чем занимаются осажденные в ходе переговоров, он может, когда капитуляция вступит в силу, пожаловаться, что обманут, и, без сомнения, постарается отыграться на чем-либо более важном или же вовсе не исполнять своих обещаний, оправдываясь, будто не он первый начал ими пренебрегать.

Считается, что, когда крепость сдается из-за нужды в провианте, его остатков должно хватать не менее чем на три дня, иначе враг не обязан соглашаться на капитуляцию⁴⁰⁶.

В день, предшествующий выступлению из крепости, побежденные получают повозки, о которых было условлено, грузят на них свой багаж и все остальное, что надлежит увезти, а утром начинают покидать ее. Первой выходит кавалерия. Если кавалерии много, то одну половину отряжают в авангард, а другую — в хвост обоза. Отворяют обычно лишь одни ворота, а поскольку строй бывает очень длинным и ему понадобится немало времени для выхода, то повозки, на которых перевозят больных, раненых, женщин и остатки багажа, куда сподручней будет отправить

первыми, а не ставить в середину колонны: проще выстроить их, пока собираются войска, и выпустить еще на рассвете. За пределами крепости багаж можно везти в середине колонны, а орудия, которые было позволено забрать с собой, — при войсках; в аррьергарде идут командиры и оставшаяся кавалерия; губернатор покидает крепость последним.

При переходе к месту отступления в авангард ставят часть эскорта и половину собственной кавалерии; за ними следуют половина пехоты и другая часть эскорта, затем — весь багаж и обоз, а замыкают строй прочие войска⁴⁰⁷, орудия, которые взяты из крепости, другая половина кавалерии, офицеры, а также остальной эскорт. Возле границы или на подступах к городу, в который держат путь отступающие, эскорт оставляет их, позволяя идти дальше, а сам возвращается обратно либо ждет возврата предоставленных им повозок и лошадей. Если же он не намерен ждать или не имеет такой возможности, то отступающие должны сами вернуть то, чем пользовались, и потребовать освобождения заложников, данных в обеспечение.

Когда в [осаждаемом] городе расположен замок, поддерживающий и прикрывающий все укрепления и ретраншементы, можно отступить за его стены и сдаться в нем. Даже если он уязвим и заведомо не способен устоять против врага, то для капитуляции всегда подойдет, ибо принять таковую, в каком бы положении ни находились осажденные, враг, безусловно, не откажется. И губернатору куда почетнее и честнее защищаться до конца и сдаться на тяжелых условиях, нежели расчета ради сложить оружие прежде времени. Ведь из-за чего иной не столь опытный губернатор сдается раньше, нежели должно, и допускает ошибку, которая ляжет позором на него самого и на его потомков? Из-за того, что боится, будто враги не простят ему, прими он решение держаться до последнего. Поскольку мы не раз были свидетелями такой ошибки, могу заверить: как бы силен ни был противник, ему удастся завладеть крепостью средних качеств, но отменно обороняемой, отнюдь не сразу, а разве что со временем, следуя порядку и очередности действий, уже описанным нами выше: нужно стать лагерем, насыпать батареи, выкопать траншеи, занять внешние постройки и контрэскарп,

подавить фланки и прочие участки обороны, форсировать ров, подвести и подорвать мину либо проделать брешь при помощи пушек, а проникнув в крепость — захватить ретраншементы, в последнем из которых губернатору будет позволено сдаться на весьма почетных условиях. Того, кто храбро защищался, враги уважают, а государь — жалует.

Если враг, паче чаяния, снимает осаду, то отступать [от крепости] начнет по всем правилам: прежде всего увезет пушки, багаж и обоз и приведет свою армию в боевую готовность. От вылазки в этом случае я бы воздержался, ибо она не даст ничего, кроме потерь. Итог ее окажется тем же самым, если лагерь, где назначен сбор отступающих войск, расположен на порядочном расстоянии от города: участников вылазки попросту окружают и разобьют наголову, а буде поражение это станет очень тяжелым, неприятель может воспользоваться им и снова перейти к осаде. Преследование пристало начинать, когда он отходит в смятении, войска арьергарда разобщены и когда успех вылазки очевиден, — однако не стоит чересчур удаляться от крепости, дабы всегда можно было повернуть назад, явись в том необходимость. Безопасней не преследовать противника вовсе, а удовольствоваться видом его отступления и освобождением крепости, — хотя случись, что обратный путь нашему врагу отрежут сильные войска, идущие ей на выручку, неплохо предпринять вылазку тотчас, едва он выступит им навстречу из лагеря.

Надобно будет добраться до самых траншей, ложементов и батарей, разрушить и сровнять с землей любые постройки, которые противник возвел, чтобы приблизиться к крепости и нанести ей урон, а когда враги покинут лагерь — точно так же занять его и собрать все, что в нем осталось, — например, оружие, орудийные лафеты, а случись, и раздавленные пушки, ядра и разного рода инструменты, которые враг не смог забрать с собой, снимая осаду второпях, посреди зимы или же в дождливое время, когда обозу очень тяжело двигаться по раскисшим дорогам. Больных и раненых, найденных в палатках, врачуют прямо в поле, если только среди них по несчастью не окажется офицер или другое важное лицо, у которого есть чем оплатить лекарства и выкуп, — однако такие случаи весьма редки и происходят, лишь когда враг

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

вынужден отступать в спешке и беспорядочно — к примеру, из-за подхода к осажденным помощи.

Пусть губернатор особо распорядится похоронить умерших, зарыть в землю трупы лошадей и иных животных, а также все нечистоты, оставшиеся в [неприятельском] лагере: смрад от них, как правило, отравляет воздух, порождает чуму и прочие заразные болезни, и если не очистить город и не оздоровить его окрестности, то население, едва избавившись от тягот осады, попросту перемерет.

После того как враг отступил, губернатор без промедления должен распорядиться о восстановлении разрушенных участков обороны и укреплении тех, которые, как он знает, наиболее уязвимы, пополнить гарнизон, обеспечить крепость всем, чего в ней недостает, — оружием, провиантом, боеприпасами и прочими необходимыми вещами, — обустроить ее снаружи и изнутри, как обустроил бы, едва получив свое назначение, и подготовиться к отражению новой осады в точности так, как мы рассказывали.



ГЛАВА L

О МАЛОЙ ВОЙНЕ⁴⁰⁸

В любой из стран за пределами Франции губернаторам возбраняется покидать крепость ради какой-либо надобности, если на то нет особого приказа государя или лиц, его представляющих: дело в том, что от безопасности губернатора может зависеть и безопасность крепости, а таковая куда важней, нежели все преимущества и выгоды от малой войны, которой с наименьшим успехом могут руководить и офицеры [гарнизона]. Однако во Франции губернаторов не заставишь отсиживаться без дела, ибо они пребывают в уверенности, будто нанесут урон своей чести и авторитету, если предоставят воевать своим офицерам, а сами останутся в крепости. И не след удивляться, что одна лишь Франция смотрит на это сквозь пальцы, ибо французам безрассудство и жажда риска присущи более, чем остальным нациям.

Партиями в ходе малой войны обычно руководят губернаторы, а начинается она с приходом зимы, когда войска отступают в гарнизоны и, дабы не проводить дни впустую, стремятся хоть чем-то досадить противнику и выгадать от этого. Предпринимают партии ради многих причин — к примеру, чтобы застигнуть врага, в то время как он, вторгшись в наши пределы, движется походной колонной; чтобы атаковать одну из его квартир, отбить у него деревню или малый форт⁴⁰⁹, где он собирает силы и куда возвращается после своих набегов; чтобы взять трофеи в местах его расквартирования или в полевой стычке; чтобы захватить пленников и добыть языка, могущего рассказать о том, что враг делает и какими силами располагает; чтобы разведать местность, — и для иных надобностей, возникающих то и дело. Поговорим же о каждом из упомянутых нами предприятий, о том, что необходимо

для них подготовить и какой тактики держаться при нападении и после него.

Намереваясь опустошить страну набегами, противник, без сомнения, не обойдется без кавалерии, которой и предстоит их совершать, — но ему непременно понадобится преодолевать лес или реку, ибо во Франции, да и в соседних государствах, немного сыщется дорог, которые избегли бы на своем протяжении того или другого. Как только враги вторгнутся, нужно будет караулить их на дорогах, отрядить в лес пехотную засаду, при выходе из него — выставить кавалерию и бить их человека за человеком, прежде чем они смогут объединить силы и занять оборону. Если же засада решена возле речной переправы, следует укрыться поблизости, за кустами или в оврагах и атаковать неприятеля, когда тот начнет выбираться на противоположный берег; еще неплохо пустить вслед за ним другие силы, чтобы одновременно ударить ему и в голову и в хвост.

Если же он переправился через реку и бросил свою кавалерию по окрестностям, я бы выбрал следующую тактику: велел бы всем крестьянам из тех деревень, которые не обнесены ни рвом, ни заграждениями и не могут противостоять натиску крупных сил кавалерии, покинуть свои дома, забрав все, что можно унести, и найти убежище в зданиях крепкой постройки либо местах, защищенных при помощи рва, — скажем, в крупных селениях или замках, — и вооружил бы каждого добрым ружьем. Во всех деревнях, а паче того — на возвышенностях, с которых открывается вид на окрестности, я бы вкопал деревянные вышки, выставил на них по часовому и повесил колокола: пусть часовой при виде неприятельской кавалерии подаст тревогу соседям, а те, приметив, в какую сторону враг направляется, — и всей остальной округе. В местах мало-мальски укрепленных, например небольших городках, фортах, замках со рвами — короче говоря, таких, которые, будучи обнесены оградой или обрыты крутом, недостижимы для кавалерийской атаки, — я бы расположил свою кавалерию, смотря по ее численности, а также значимости того или иного места, и таким же порядком отрядил пехоту. Едва противник выступил и стало известно, какими силами он располагает, отовсюду надлежит стянуть войска, пока их не наберется достаточно для

нападения, а пустившись с ними в путь — выбирать местности поукромнее, по которым легче идти и где, благодаря тамошним проводникам, можно чувствовать себя уверенно; одну половину войск, если удастся, послать врагам в тыл, дабы незаметно преследовать их, а другую — на какую-нибудь тесную тропу, где им предстоит растянуть строй, или к речной переправе, или в лесную чащу: как только те, кто ждет в засаде близ теснины, укрывшись в какой-либо ложбине, атакуют поравнявшиеся с ними передовые части врага, другие, которые шли за ним по пятам, нападают на него сзади. В лесу пехотную засаду устраивают неподалеку от выхода из чащи, а кавалерийскую — снаружи: стоит врагу приблизиться, пехотинцы открывают по нему стрельбу, а кавалеристы, попытайся он спастись на открытой местности, бьют его, едва он покажется из-за деревьев; случись же, что он вознамерится отступать той же дорогой, которой пришел, его остановят другие части кавалерии, а те, кто дожидался в засаде на противоположной окраине леса, станут преследовать и ударят в тыл. Когда подвернется подходящее место, где можно укрыть и пехоту, и кавалерию, навстречу противнику высылают застрельщиков⁴¹⁰, которые выманивают его на себя пистолетной пальбой, а затем, отступая, увлекают в засаду, где он будет атакован со всех сторон. На реках, как уже говорилось, его берут врасплох во время переправы. Если враги подступят к тому или иному селению, которое намерены захватить прежде, чем к нему подоспеет подмога, лучше напасть на них, когда они примутся за грабеж, ибо в это время им не до порядка и сражаться они не в состоянии.

Если врага не удастся взять ни так, ни этак, то первым делом оповещают соседей, чтобы они начали преследовать его, пользуясь преимуществами местности, а те, кто уже собрал силы, — дожидались в каком-нибудь удобном [для атаки] месте, которое ему предстоит миновать, — например, там, где он будет вынужден растянуть свои войска настолько, что одни части не смогут прийти на выручку другим, в то время как наши, напротив, выступят единой силой и во всеоружии. Кроме того, для засады отменно подойдет любая местность, предоставляющая укрытие пехотинцам, особенно такая, где и к ним не подступишься, и мимо не пройдешь, — надлежит лишь придать в помощь пехоте

кавалеристов, дабы можно было отступить без урона, если сил маловато. Укрытия, о которых было сказано, вполне обеспечат нам безопасность. Паче того, враг, сколь бы ни был он сильнее, и не отважится на нас напасть, ибо прежде должен будет узнать, какими силами располагаем мы сами, изучить окрестности, отыскать все тайные тропы и укромные места, способные сослужить нам службу, и разведать все селения и деревни, которые могут нас выручить. Итак, если следовать этой тактике, противник либо постепенно изматает свои войска в стычках, либо будет вынужден собрать всю армию воедино, что доставит ему в походе серьезные неудобства, прежде всего — из-за нехватки фуража, ибо прокорм армии зависит как раз от небольших отрядов и от того, насколько свободно они смогут действовать в отдалении от нее. Поэтому всякий раз, займись они своим делом, нужно нападать на них и преследовать всюду, где удастся, а затем возвращаться в укрытие.

Нет никого полезнее лазутчиков: они заранее доносят о численности противника, а иногда даже называют дорогу, которую он выбрал, так что, благодаря их донесениям, мы успеем ко всему подготовиться и собрать войска, — иначе, пожелай противник выступить ночью, дабы на рассвете оказаться в том месте, которое решил атаковать, мы узнаем об этом не раньше, чем он сделает свое дело, и не сумеем вовремя его предупредить.

Прежде чем напасть на одну из [неприятельских] квартир, необходимо в точности разведать, что она собой представляет — сколько дорог к ней ведет, какие на них заграждения, как огорожен сам контур, надежны ли караулы и в какой готовности обычно находятся кавалеристы. Чем дальше путь до квартиры, тем легче захватить врага врасплох, ибо тот не ожидает скорого нападения.

Командующий войсками или же тот, кому предстоит руководить партией, ни в коем случае не должен распространяться о своих планах, пока не будет готов выступить [из крепости]. Если это сам губернатор, то, после того как все ворота уже будут заперты, пусть вызовет к себе капитанов кавалерии, которых решил взять с собой, объявит о том, что намерен предпринять, и велит, чтобы те предупредили своих товарищей не подавать во время сбора трубных сигналов. В каждое из подразделений, участвующих

в партии, он должен определить по толковому проводнику, знающему округу как свои пять пальцев и способному, что днем, что ночью, указать самый удобный путь среди тех мест, которыми предстоит идти, а еще одного, вкупе с застрельщиками, — выслать вперед шагов на двести—триста. Войско подразделяют на три-четыре эскадрона или же больше, смотря насколько оно велико: в походе, дабы не заплутать, им надлежит держаться друг от друга не дальше чем на расстоянии слышимости. Позволяя им подтянуться, время от времени делают остановки и зачастую — на неудобных переходах: это ошибка, допускаемая едва ли не постоянно; нужно же, чтобы командующий отрядил кого-нибудь остановить застрельщиков, послал их на поиски по окрестностям, а затем велел возвратиться к нему, дабы можно было снова продолжать путь в прежнем порядке. Во избежание тревоги он должен держаться подальше от деревень и вообще любого жилья, нашего или неприятельского — безразлично; оказавшись в получетверти лье от врага, — сделать остановку, дабы перестроить войска по своему плану, разделить их согласно числу атак, которые решил предпринять, указать позицию для каждого подразделения, отдать приказы, как действовать во время атаки и при вторжении к врагу, а на случай неудачи — определить место для сбора отступающих. Еще нужно придать каждому подразделению одного или двух проводников, дабы те подвели войска обходными путями, незаметно и неслышно для неприятельских ведетов⁴¹¹, прямо к позиции, которую предстоит атаковать. Убедившись, что все подразделения на своих местах, пусть отдаст приказ об атаке, а когда передовые ведеты, попавшиеся на пути, обратятся в бегство, — преследовать их по пятам, дабы ворваться на квартиру одновременно с ними и не дать им возможности предупредить остальных.

В такие партии обычно отрягается одна лишь кавалерия, ибо пехоте покрывать изрядные расстояния не под силу. Тем не менее мы видим, что многие отошли от этой практики: ведь кавалерию остановит любой забор, живая изгородь, плетень или иное немудреное препятствие подобного же рода, непреодолимое для лошади. По мне было бы неплохо, чтобы при войске всегда состояли несколько драгун или конных мушкетеров, которые,

спешившись, могли бы разрушить преграду и расчистить путь. Кроме того, я бы взял с собой четыре очень легкие одноконные тележки, при случае могущие служить и мантелетами, и погрузил в них необходимые орудия и приспособления: на первую — три или четыре петарды, каждая на мадрильной доске и надлежащим образом снаряженная, — а также все, что нужно для их применения; на вторую — маленький мост, о котором речь впереди и который тоже пригодился бы в качестве мантелета; а на двух остальных — [ручные] деревянные тараны для сноса заборов и изгородей и всякий инструмент, такой как серпы, топоры, пики, мотыги, лопаты, пилы и молоты. Все эти средства отменно пригодятся, чтобы быстро разрушать заграждения, наводить переправу через рвы и делать проломы в стенах. Пресловутые деревянные тараны должны быть толщиной в восемь или десять дюймов, длиной — около пятнадцати футов и с тремя-четырьмя поперечинами круглого сечения, за которые, когда понадобится повалить ограду, берутся восемь или более человек. Не слишком массивная ограда окажется на земле уже после нескольких ударов. Пользы от пролома тем больше, что через него можно атаковать врага, не встретив никакого отпора, так как огороженные участки враг охраняет слабее.

Тактика нападения такова: все эскадроны атакуют одновременно с разных сторон, а когда вторгнутся на квартиру — убивают любого, кто окажет сопротивление, не давая врагам опомниться и изготавиться к бою, принуждают их сложить оружие и отбирают лошадей. Затем следует занять все улицы и площади и выставить на выходах охрану, дабы никто не выскользнул. Разобщать силы ни к чему: в то время как эскадроны держатся на улицах и площадях, несколько человек обыскивают дома и берут в плен тех, кого обнаружат, — первым делом неприятельского предводителя и офицеров. Точно так же надлежит проверить церковь и иные здания, где враг мог бы найти прибежище и занять их, выставив прежде надежный караул. На случай, если противник решит атаковать извне, необходимо выслать ведеты на все подступы, чтобы он не застиг нас врасплох, когда мы не готовы сражаться. Но главное — действовать быстро, ибо быстрота — залог успеха любого военного предприятия.

Как только с делом покончено — собирают войска и уводят пленных. Когда пленных много, их разбивают на три или четыре группы и ведут безоружными меж эскадронами, а если кому и дают лошадь, то самую негодную и прежде велят снять шпоры: при этом за каждым из таких пленников должен следовать, не спуская с него глаз, один из наших кавалеристов в полном снаряжении и с пистолетами наготове. Прочие трофеи несут в войсковом строю. Опасаясь погони, используют преимущества местности, по которой пролегает путь, и стремятся узнать, с какой стороны идет неприятель, дабы выбрать для отступления другую дорогу, ибо тем, кто отягощен [трофеями], от боя лучше уклониться. Когда же сражение неизбежно, трофеи и пленных врагов укрывают поодаль в каком-нибудь надежном месте, а для их охраны отряжают один из эскадронов — силою, соразмерной числу пленников: пока одни бьются, другие держат пленных под прицелом, готовые стрелять в любого, кто шевельнется. Еще лучше, явись такая возможность, поскорее отправить пленных и трофеи вперед, в то время как остальные войска сдерживают натиск врага. Без пехоты в этом случае никак не обойтись, поскольку кавалерия, преследуемая кавалерией же, но обремененная пленными, которых не желает бросать, дабы не услужить ни им, ни противнику, и поэтому вынужденная двигаться медленно, с трудом способна на длительное отступление в походном строю, и сражение сулит ей полный разгром. Пехота же задерживает неприятеля, отступает не торопясь, используя естественные укрытия, а в лесу или на каком-нибудь труднопроходимом участке и вовсе перережет ему путь, позволив остальным [войскам] достичь безопасных мест. Кавалерия не может воспринять ни такого темпа, ни таких преимуществ, потому что предназначена лишь для стремительных атак и внезапных нападений.

На тот случай, если предприятие завершится неудачно, назначают место, где войска, после того как встретили отпор, могли бы соединиться либо построиться для отступления. Отступая, держатся прежней дороги или выбирают иную, которую сочтут столь же подходящей. Превыше всего надлежит беречь проводников, ибо в походе это одни из самых важных и полезных людей: когда на хвосте крупные неприятельские силы, один-

единственный проводник, который хорошо знает местность и выбирает кратчайшие и наиболее удобные пути, может спасти целое войско. Если путь ведет через труднопроходимую теснину, у входа в нее оставляют лучших кавалеристов, и, покуда те держат оборону, остальные войска успеют уйти далеко и найдут еще какое-нибудь место, где погоню можно остановить точно так же. Задержав врагов насколько возможно, отряд спешит к основным силам и тем сильнее пришпоривает лошадей, чем быстрее его преследуют. Как бы ни было, погоня наверняка не будет многочисленной, иначе враг не только расстроит свои ряды, но еще и подвергнется большому риску, потому что наши войска будут сохранять боеспособность, а его, прежде чем нас настигнуть, — рассеются и вконец выдохнутся. Вообще говоря, всякий раз, когда враг идет за нами по пятам, пленные и трофеи должны находиться в голове строя, а если понадобится пересечь местность, где с врагом можно столкнуться лоб в лоб, — то в середине. Для разведки всех путей высылают застрельщиков; если известно, где он стоит, и от сражения не уклониться, действуют так, как мы говорили выше.

Перед тем как атаковать деревню, которая обнесена полевыми укреплениями, а также малый форт, церковь или же подобные им постройки, нужно озаботиться некоторыми приготовлениями, без которых, как я думаю, на победу надеяться не стоит, если только не поможет случай либо враг не сложит оружие, движимый страхом, чего почти никогда не бывает. Мне доводилось видеть, что многие из тех, кто брался за такие предприятия на удачу, нисколько в них не преуспели и, отброшенные прочь, терпели постыдное поражение, которое придавало врагу решимость, дотоле невиданную, а у наших — отбивало желание вернуться в бой либо повторить свою попытку где-либо еще. И напротив, имея они орудия и приспособления, о которых мы поведем речь, — обходящиеся почти даром, применяемые где угодно и легкие в перевозке, — удалось бы не только преодолеть преграды, воздвигнутые врагом для обороны, но также защитить и сберечь своих солдат. Однако, прежде чем приступить к рассказу об этих приспособлениях, поговорим о тактике, которой пристало держаться.

Прежде надлежит как можно тщательней произвести разведку окрестностей, отрядив для этого своих наблюдателей, или же прибегнуть к помощи лазутчиков в самом неприятельском стане, дабы разузнать, что он собой представляет, хорошо ли охраняется, какой в нем заведен порядок, много ли там людей, что это за люди и какое время лучше выбрать для нападения. Командующий, как мы уже говорили, никого не должен посвящать в свои планы — разве что перед самым выступлением [из крепости] и при запертых воротах, из опасения, что врагу обо всем донесут. Выступить можно как днем, так и ночью, смотря насколько далеко находится враг и в какой час на него решено напасть; наиболее удобное время, мне кажется, — незадолго до рассвета: в течение оставшейся ночи с делом можно вполне покончить, а наступающий день как нельзя лучше подойдет для сбора трофеев и предотвращения беспорядков⁴¹².

В предприятиях такого рода наряду с кавалерией обязательно должна участвовать и пехота. Мне никогда не понять, каким образом намерены брать ретраншементы те командиры, которые, как я видел, предпринимают партии, имея в своем распоряжении одну лишь кавалерию. Что до меня, то я нахожу это немыслимым и посему предпочел бы, чтобы пехоты насчитывалось столько же, сколько кавалерии, или, по крайней мере, вполовину, а всем пехотинцам раздал ружья, так как использовать фитиль, особенно ночью и в дождь, крайне неудобно. Общее количество войск строго определить нельзя — ведь оно зависит от того, насколько трудна задача, которую предстоит выполнить, и от сопротивления противника. Во время пути, как уже говорилось, вперед высылают проводников и застрельщиков; кавалерия составляет авангард и аррьергард, а пехота — середину строя. Если позволяет местность, кавалеристы занимают фланги или едут не слишком быстро, чтобы пехота поспевала за ними, а войска [в целом] — держали строй и не отрывались друг от друга.

Заграждения, которые способны помешать нападению, — либо ров с бруствером позади, либо стена, баррикада или часток, либо застава с воротами: названные места противник обычно укрепляет именно так. Если идти на штурм с одной лишь живой силой, безо всяких вспомогательных средств, предприятие

завершится плачевно и ничего, кроме потерь, не принесет. Иначе и быть не может: ведь тем, кто атакует, придется наступать изда- лека и по открытой местности, тогда как обороняющиеся, укрыв- шись за бруствером, смогут целить и стрелять по ним, не терпя ни малейшего вреда. Однако, имея под рукой средства, о которых мы сейчас расскажем, избежать этого довольно легко.

Прежде всего я бы заготовил повозки, как колесные, так и прочего рода⁴¹³, изрядно легкие, чтобы их без труда могла тянуть одна лошадь, и способные, при необходимости, двигаться со ско- ростью кавалерии. Еще понадобятся хорошо снаряженные пе- тарды, а для их установки — мадрильные доски, вилы, молоты и иные средства, о которых мы обстоятельно говорили в нашей «Фортификации»⁴¹⁴: их надлежит брать с собой всякий раз, когда известно, что предстоит преодолевать заграждения. Отменно по- служат и деревянные ручные тараны, наподобие тех, которыми пользовались в древности, — с помощью этих таранов валят садо- вые изгороди, разрушают стены из земли и кирпича и вторгаются к противнику с той стороны, откуда он не ждет. При штурме ре- траншементов не обойтись также без серпов, топоров, мотыг, пик и лопат, ибо тот или иной участок, случается, захватывают силами пехоты, а пехотинцы немедленно проделывают в заграждениях про- лом и расширяют его, дабы впустить кавалерию и остальные вой- ска, которым предстоит ударить обороняющимся в тыл. Серпы или топоры идут в ход, когда путь перерезан живой изгородью или поваленными деревьями. Ворота крушат увесистой кувалдой. Если их можно открыть, вырвав замок или засов, как нельзя луч- ше пригодятся крепкие клещи длиной фута в три, а когда взлом не требует особых усилий — то и короче. Кроме того, нелишне будет держать под рукой пилу. Все эти инструменты, скажут мне, груз весьма обременительный, — я отвечу, что весят они не так уж много и хлопот при переноске не доставят; к тому же если развед- ка произведена как следует, то ничего лишнего брать с собой не придется.

Сверх того, я бы позаботился о паре тележек с очень легки- ми колесами и оглоблями и приспособил на каждую по мосту, представляющему собой балки длиной футов в двадцать—два- дцать пять и толщиной дюйма в четыре, из сосны, которая не так

много весит, перекрытые настилом из тонких дощечек или крепких ремней. В походе мост везут на тележке, а придет час — поднимают и перекидывают к тому участку, который предстоит атаковать. Первые три фута [настила] можно снабдить противомушкетной защитой, дабы уберечь людей, которые, перед тем как пустить мост в дело, ставят его при помощи крюка в вертикальное положение. Пользуются мостом вот как: достигнув преграды, которую решено штурмовать, поднимают, давая прикрытие тем, кто толкает тележку и отряжен для атаки, а подступив вплотную — опрокидывают [вперед], дабы атакующие могли пройти по нему. Понадобится этих мостов два или три, смотря по протяженности участка, который решено атаковать, и подступам к нему. Для перевозки каждого моста довольно и одной лошади. Во время наступления его используют как щит и таким образом, прежде чем завязать ближний бой, оказываются с противником, засевшим за ретраншементами, в равных условиях.

Еще в этих предприятиях более чем необходимы мантилеты. Я бы делал их о двух или трех небольших колесах, с парой рукояток, и держал вертикально, дабы они всегда были в готовности. Высоту им надлежит задать в четыре с половиной либо пять футов, ширину — от трех до четырех и проделать отверстия для стрельбы; основную часть, которая защищает от мушкетного огня, я бы настроил легкими досками еще фута на четыре или пять. Прежде чем браться за постройку мантилетов, тщательно подбирают доски, что пойдут на изготовление противомушкетной защиты: многое зависит от породы дерева — чем тверже, тем лучше, — но, как бы то ни было, при толщине менее трех дюймов мушкетную пулю им не выдержать. Испытывать мантилеты надлежит наверняка, дабы избежать просчетов, которые, как я видел, частенько случаются. С собой берут несколько мантилетов, по три на повозке, а случись их использовать — расставляют по фронту с тем, чтобы пустить в ход одновременно; солдаты катят их перед собой, а когда достигнут ретраншемента — приподнимают за рукоятки, опрокидывают вперед, перекрывая неприятельскую стрельбу, и всходят на ретраншемент. Прием этот хорош там, где нет рва. Различные примеры изготовления мантилетов, выдерживающих мушкетный огонь, я приводил в своей «Фортификации»⁴¹⁵.

Иногда мне доводилось видеть, как селяне укрываются в церквях, обороняются там, пока хватает сил, а затем взбираются под самый свод, втягивая за собой и лестницу, пробивают его в нескольких местах и палят во всякого, кто хочет поживиться их добром, спрятанным за стенами. Право войны не позволяет забирать в качестве трофеев то, что посвящено Богу, однако на имущество частных лиц, взятое хоть в церкви, хоть в любом ином месте, запрет сей, кажется, не распространяется, тем паче что святыни, которые пристало всемерно почитать, они оскверняют, обращая в убежища и крепости и находясь внутри с оружием. В этом случае хороши мантилеты, поднятые на двухколесную ось при помощи высоких опор и удерживаемые в таком положении солдатами, которые, укрывшись под ними, могут подобраться куда угодно безо всякого урона для себя. Во время похода эти мантилеты оставляют на колесах, но опоры опускают, повернув на пресловутой оси, дабы вновь поставить вертикально, когда в том явится нужда.

Приведенные мной виды мантилетов и мостов — не более чем пример. В дальнейшем всяк, исходя из собственной смекалки, сможет изобрести тьму разнообразных конструкций. Что же до меня, то покамест я описал именно эти, а в своей книге о военных машинах⁴¹⁶, когда до нее дойдут руки, расскажу и о многих других.

В те предприятия, о которых только что шла речь, я бы всегда брал с собой пару орудий, бросающих двенадцати-пятнадцати-фунтовые ядра, но изрядно коротких, фута в два с половиной — три, и на очень легких лафетах. Чтобы перевозить эти орудия, хватит одной лошади, в крайнем случае — двух. Селянин наверняка придет в ужас при одних лишь звуках артиллерийской стрельбы, но, даже дерзнув сопротивляться, его ретраншементы будут разнесены в пыль, как только мы со своими орудиями подступим к ним на достаточное расстояние. Иногда перед плохонькой баррикадой или ретраншементом нам приходится терять храбрых воинов и даже получать отпор, однако этого можно избежать, если с самого начала пустить в ход артиллерию и с ее помощью выбить противника с его позиций. Для каждого орудия понадобится муниционная повозка⁴¹⁷, ядра и порох. Дабы вести огонь

наверняка, я бы подступил совсем близко к тому месту, которое намерен атаковать, прикрыл свои батареи мантелетами, которые описал выше, а орудия расставил между ними, — и, если допустить, что неприятельские позиции устоят против такого натиска, значит, они и впрямь надежно защищены.

Хотя итог таких предприятий зависит, прежде всего, от числа солдат и их отваги, однако нельзя не признать, что польза от специальных приспособлений также весьма существенна и, коль скоро одно дополняется другим, добиться успеха несравненно легче. Поэтому, беря для перевозки всех названных орудий и инструментов с дюжину лошадей и по меньшей мере двенадцать человек прислуги, я надеюсь получить изрядное преимущество, ибо считаю, что военные машины нанесут врагу больше урона, нежели полсотни кавалеристов. Так как приспособлений этих не счесть, нужно так или иначе соотносить их с характером готовящегося предприятия и брать с собой лишь те, которые могут пригодиться. Во время отступления, когда дорога плохая или велик риск нападения превосходящего врага, их бросают, так же как и остальное снаряжение, затрудняющее путь. И пусть тот, кто берется за дело, приноравливает средства к обстоятельствам, а не наоборот, — ибо лишь ум и смекалка могут подсказать, что нам понадобится и без чего не обойтись.

Овладев станом врага, надлежит отправить нескольких солдат для охраны тех мест, через которые можно сбежать, а на все подступы — выслать ведеты или нарядить аванпосты, дабы неприятельские войска не застигли нас врасплох, если поспешат на выручку своим. Остальные частью пусть держатся вооруженными группами на улицах и площадях, подле тех мест, где можно назначить сбор, а частью — захватывают трофеи и берут пленных. Нынешний обычай предавать всякое захваченное селение огню я нахожу нестерпимым и гнусным. Прежде всего, поступок сей претит законам войны, если только не обусловлен какой-либо серьезной причиной. И потом, какая в нем польза? Разъяренный противник наверняка ответит нам тем же самым, ибо нет ничего проще, нежели пустить по деревням пожар. Из-за этого мы терпим не меньший урон и впоследствии частенько раскаиваемся в содеянном: зло, которое мы хотели причинить врагу, падает на нас

самих. Вот почему я считаю поджоги делом подлым и бесчеловечным и решительно их осуждаю.

Когда трофеев взято, сколько можно, войска вновь собирают и строят в походный порядок так, как говорилось выше. После захвата неприятельской квартиры отступление предпринимают, соблюдая те же правила предосторожности, что и в остальных случаях, то есть путями, обеспечивающими наилучшее укрытие, менее рискованными либо такими, на которых сподручней обороняться, коль скоро враг ринулся в погоню. Если в наших войсках довольно пехоты, отменно подойдет для отступления местность, предоставляющая естественную защиту.

Раз уж я завел разговор, как нужно брать трофеи, расскажу и о том, как их распределяют. Первым делом все трофеи собирают в общий котел. Выкуп за пленных, по мере того как его вносят, идет туда же и подлежит распределению наравне со всем остальным (правда, если речь идет о каком-либо знатном человеке, губернатор сам выплачивает за него некоторую сумму и оставляет пленника за собой, а с полученным выкупом поступает так, как сочтет нужным). Все участники партии — и те, кто добывал трофеи, и те, кто держался на страже с оружием в руках, — должны получить причитающуюся долю. Тем, у кого погибли лошади, я бы выдал других, из числа трофейных, или выплатил их стоимость. Еще я бы позаботился о раненых [воинах], вознаградив их за счет [дохода от] военной добычи, дабы все остальные, воодушевленные этим, участвовали в партиях с большей охотой. Когда партия возвратится в свою крепость, [сержант-]майор составляет списки пленникам, трофейному имуществу, а также [лошадям и вьючным] животным, отбитым у противника. В первый же день он самолично либо через своих помощников продает военную добычу с публичного торгового места, кто предложит наивысшую цену, а один из офицеров, городской актуариус⁴¹⁸ либо специально назначенная комиссия заносят в реестр каждую вещь — кому она досталась и за сколько. Без торгов никто ничего приобретать не вправе. Сержант-майор получает все деньги и взыскивает с покупателей, не заплативших в течение часа.

Порядок распределения денег разнится, смотря по обычаям, принятым в том или ином гарнизоне, или же по щедрости

губернатора, — ибо первым делом губернатор определяет долю в трофеях для себя и своих офицеров: тот, кто поскромней, берет не более десятой части, иные — восьмой, а корыстолюбец не постесняется отхватить и шестую. Независимо, кому идет доход, сержант-майор всегда забирает себе одно су⁴¹⁹ с каждого ливра⁴²⁰, однако он обязан продать трофеи, держа ответ за все проданное, и заплатить своим помощникам. Остальное распределяется частями или же согласно должностям: каждому кавалеристу причитается по одной части, бригадиру⁴²¹ — две, корнету⁴²² — три, лейтенанту⁴²³ — четыре, капитану — шесть. Командующий партией, в силу своих обязанностей — обыкновенно ему пристало ехать во главе [отряда], — неизменно получает по две части сверх положенного. Когда в предприятии участвует и пехота, некоторые требуют давать ей половину от того, что определено кавалерии: рядовым — по полчасти, офицерам — соответственно. Тем не менее так не делается, ибо кавалерист, который должен содержать себя самого, своего коня и, паче того, оплачивать слугу, получает, под стать, и более высокую плату, а значит, вправе иметь куда большую долю [в трофеях]: пехоте надлежит довольствоваться одной третью от доли кавалерии, так что на троих солдат выделяют одну часть и сообразно высчитывают долю офицеров. Жаловаться ни тем ни другим не пристало, и, хотя они говорят, что пехотинец рискует жизнью — самым дорогим, что у него есть, — на равных со всадником, им отвечают так: различие проистекает лишь из характера службы: ведь и рядовой кавалерист подвергается не меньшей опасности, нежели его офицер, однако у офицера оклад все-таки выше, так как зависит от его должности и обязанностей.

О том, как нападать на селения, обнесенные ретраншементами, как захватывать в таких селениях военную добычу и вывозить ее, мы поговорили. Если же решено действовать на открытой местности — ради трофеев или для того, чтобы, взяв кого-нибудь в плен, заполучить языка, а то и просто потребовать выкуп, — нужно выждать, когда по соседству откроется ярмарка или торжище либо когда противнику придет надобность выйти наружу и вывести больше людей и скота, нежели обычно. Как бы то ни было, войска — об этом уже говорилось — собираются в поход

при запертых воротах, путь держат ночью, пока не выйдут к городу, замку или деревне, которых хотят достичь; облюбовав поблизости какую-либо местность, предоставляющую естественное укрытие, — к примеру, лес, овраг или развалины, — устраивают засаду, выставляют на подступах к ней ведеты и тихо ждут до утра. С рассветом ведеты отзывают, а в качестве смотровых постов используют деревья или иные подходящие места, откуда часовые могут далеко видеть, оставаясь при этом незамеченными. Еще до зари к проезжим дорогам отряжают кавалерию — человек восемь или десять на каждый участок, подле которого можно надежно укрыться, — а в отрядах выделяют по одному всаднику в дозор, дабы тот постоянно держал под наблюдением окрестности. Отряды эти подкарауливают путников на дороге, останавливают, берут в плен, отнимают лошадей и скот, который те ведут с собой, заведев скотину на пастбище — угоняют и ее, вообще, не пренебрегают никаким добром, лишь бы его можно было взять и увезти. Если они знают, что дождутся некоего важного человека, ради которого и затевалось все предприятие, то, прежде чем захватят его в плен, случается, беспрепятственно пропускают мимо себя немало народу. То же самое происходит, когда заранее известно о перевозке денег или других ценных вещей. Им не след удаляться от засады слишком далеко, — иначе основные силы не сумеют быстро прийти им на помощь. При виде опасности отряды возвращаются к основным силам, все участники партии строятся [для отступления], смотрят, кого нет на месте, дожидаются их либо посылают сказать, что отступают. При отступлении соблюдают тот же порядок, о котором мы говорили выше.

Наконец, партии предпринимают для разведки [неприятельских] крепостей. Саму разведку можно производить как днем, так и ночью, но пускаться в путь, как бы то ни было, надлежит в ночное время, после закрытия ворот, — это общее правило для всех предприятий такого рода. Посреди дня выступают лишь в том случае, если за ночь до места не добраться, — но тогда ради сохранения тайны задерживают и берут с собой всех, кого ни встретят по дороге. Для ночной разведки надлежит, по возможности, дожидаться ночи не слишком светлой, какая бывает при безоблачном небе и в полнолуние — ибо она едва ли скроет

разведчика, — но и не настолько темной, как во время дождя или плотного тумана, сквозь которые ничего не разглядеть. На расстоянии четверти лье от назначенного места основные силы выбирают подходящие окрестности, делают там остановку и, даже находясь в это время в лесной чаще, немедленно отряжают передовые ведеты — двадцать пять или тридцать кавалеристов, которым предстоит выдвинуться поближе к крепости, но совсем уж близко не подступать — иначе их услышат. Если внешние постройки не охраняются караулами или разъездами, то разведчик, сопровождаемый одним из своих товарищей, самое большее — двумя, спешивается, оставляет им шпоры, дабы свободней двигаться и не наделять шуму, и снимает с себя все светлые вещи, могущие его выдать, — к примеру, колет⁴²⁴, перевязь⁴²⁵ и перья на шляпе (в доспехах, на мой взгляд, разведку производить неудобно, особенно когда предстоит спускаться в ров или всходить на внешние постройки: лучше взять с собой только шпагу да пистолет, а доспехи, если угодно, — оставить при своей лошади). Затем он как можно тише подбирается к крепости, а когда достигнет контрэскарпа, слушает движение дозоров и примечает, где стоят часовые, чтобы, оказавшись против их постов, немного отступить назад и не обнаружить себя. Он обходит контрэскарп кругом, изучая контур крепости, ров, а также все, что надлежит разведать и о чем я писать не намерен, ибо моя задача — дать представление о малой войне, и не более того. Если внешние постройки стоят безо всякой охраны, — пусть, при возможности, взойдет на них и взглянет, каковы они суть и насколько мощны, и, осмотрев их со всех сторон, приступит к разведке самой крепости.

Тому, для кого это дело внове, кажется, будто, оказавшись так близко от неприятельской твердыни, он найдет под ее стенами верную гибель. Уверяю, что ему не грозит ни малейшая опасность: худшее, что может случиться, — что часовой, обнаружив его, выстрелит и подаст тревогу. При этом разведчик, укрывшись в безопасном месте, может еще добрых полчаса слушать шум [тревоги], раздающийся в крепости, лишь после этого, если понадобится, отступить к своим, — ибо и думать нечего, что враги тотчас набросятся на него всем скопом. Такого не должно и не может

быть: ведь у караульных нет ключей [от ворот], да и сам губернатор не позволит открыть ворота, не приведши все силы крепости в боевую готовность; самое большее, что он сможет сделать, — отворить тайные ходы и через них послать кого-нибудь на контрэскарп и к внешним постройкам, да еще распорядиться, чтобы ров и прилегающую местность осветили фейерверками, — но прежде, чем это случится, у разведчика будет порядочно времени для отступления: говорю это нарочно для тех, кто никогда не был в разведке, дабы развеять их страхи.

Если же крепость высылает вовне [конный] патруль, необходимо, чтобы пресловутые двадцать пять — тридцать кавалеристов вкупе с теми, кто идет в разведку, отрядили кого-нибудь из своих пешими к крепости, а сами держались наготове, пока тот не слышит патрульных и не оповестит, откуда они приближаются, затем атаковали их и погнали прямо к сборным местам или к контрэскарпу. Разведчику, а с ним кому-нибудь из всадников предстоит тем временем подъехать ближе к крепости и пуститься вокруг нее, занявшись делом, ради которого все и затевалось. Зазвучит тревога, однако в начавшейся суматохе противник не сможет быстро разобраться, кто суть те люди, которые разъезжают вдоль контрэскарпа, — его собственные патрульные или наши разведчики, а когда разберется и начнет бросать со стен фейерверки, дабы разглядеть, что творится внизу, мы сумеем узнать о крепости почти все. Для этого случая лучше быть в доспехах, ибо с лошадей слезать не придется, а неприятель наверняка откроет пальбу из мушкетов. После того как станет понятно, что он стреляет наверняка, нужно отступать к основным силам, держась наиболее укромных мест, ибо при освещенных рве и контрэскарпе в ход, без сомнения, пойдут и пушки (впрочем, если цель ясно не видна, их выстрелы вряд ли причинят большой урон). Такую разведку пристало поручать человеку толковому, наделенному цепкой памятью, чтобы он не забыл то, что видел, но, главным образом, наделенному умением и природной способностью к разведыванию крепостей, а также основательно сведущему в фортификации.

Когда разведку нужно произвести днем, соблюдают тот же порядок, о котором мы говорили. День для разведки выбира-

ют ясный и безоблачный. Разведчика вместе с двумя-тремя кавалеристами, хорошо управляющимися с лошадьми, отряжают на возвышенности, с которых открывается вид на крепость. Чтобы заранее узнать о грозящей опасности, выставляют часовых с тех сторон, откуда можно просматривать выходы из крепости, и случись, что враги предпримут вылазку, — отзывают разведку к основным силам.

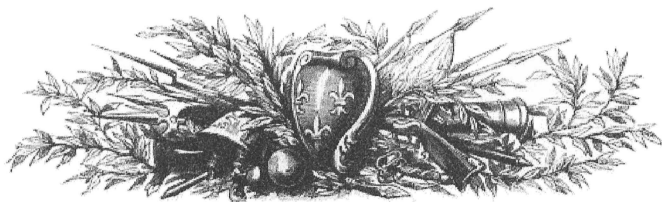
Разведка в дневное и ночное время — для тех, кто умеет пользоваться ее плодами, — немало способствует познанию слагаемых фортификации. Математиков, которые учат составлять планы [осады] и производить разведку крепостей при помощи буссолей, пропорционального циркуля и иных мудреных изобретений, хотелось бы спросить: как они будут настраивать свои инструменты, коль скоро понадобится разведать неприятельскую крепость среди бела дня (ибо ночью это невозможно)? Сомневаюсь, достанет ли у них выдержки наводить стрелку буссоли на север или высчитывать градусы, когда над ухом свистят пули. Любой человек, пусть даже не побывавший на войне, но наделенный здравым смыслом, хорошо знает, что занятия такого рода — не более чем пустая трата времени: ведь если этим разумникам удастся испробовать свои приспособления в виду крепости, то, находясь на том же самом месте, не сложнее будет обмерить ее стены и при помощи веревок либо линейки длиной в туаз. Ни к чему далеко ходить за тем, что лежит под рукой, и предпочитать ненадежные пути многократно испытанным. Я уже объяснял, сколь тщетны подобного рода потуги, и ради наставления повторяю здесь еще раз: большинству изобретений, которые предлагается использовать для военных нужд, на войне грош цена, ибо они суть — плод кабинетных измышлений, а наброски и теория куда как далеки от проб и практики.

Я не стану распространяться обо всех стратагемах⁴²⁶, к которым прибегают во время малой войны, чтобы выманить врага [из укрытий] и захватить врасплох либо завлечь в засаду. Воздержусь и от рассказа о том, как полагается строить и рассредоточивать свои войска, какой порядок надлежит соблюдать в бою, каким образом можно уклониться от сражения и отступить, и еще о множестве уловок и хитростей, которые в названных случаях

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

помогут взять над врагом верх. Я намеревался поговорить и о конвоях, но вижу, что вместо небольшого трактата, сиречь сокращенного изложения обязанностей губернатора крепости, написал целую книгу, и если бы захотел обстоятельно рассмотреть все, что перечислил, то, вероятно, вогнал бы читателей в тоску. Если же они одобряют мое рвение, обещаю посвятить всему недосказанному и другим должностям свои грядущие труды, а этот засим окончу.

К О Н Е Ц



ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹Арман-Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585–1642), — выдающийся французский государственный деятель, первый министр французского короля Людовика XIII, кардинал с 1622 г., фактический правитель Франции в 1624–1642 гг. Покровительствовал де Виллю. Во время борьбы французского правительства с протестантским сепаратизмом и войны с Испанией де Вилль был деятельным участником нескольких военных экспедиций и осад, предпринятых по инициативе Ришелье.

²Губернатор провинции (фр. *gouverneur de la province*) — во Франции при Старом порядке наместник короля, представлявший его власть в какой-либо из административно-территориальных единиц (провинций), в основном совпадавших с историческими французскими областями.

³Королевский лейтенант крепости (фр. *lieutenant de roi de la place*) — заместитель губернатора крепости; назначался, как и сам губернатор, специальным королевским приказом.

⁴Королевский лейтенант провинции (фр. *lieutenant de roi de la province*) — заместитель губернатора провинции.

⁵Офицер короны (фр. *officier de la couronne*) — лицо, занимавшее во Франции при Старом порядке одну из высших военных, судебных или административно-хозяйственных должностей, традиционно восходивших к обязанностям ближайших королевских слуг в период Средневековья. Количество этих должностей, их содержание, объем привилегий и полномочий, связанных с ними, в позднейшем виде сложились в XVI в. Офицерами короны, в частности, являлись: канцлер Франции, главный распорядитель

двора, великий камергер Франции, великий конюший Франции и др.; «военный блок» среди коронных чинов представляли коннетабль Франции (должность окончательно упразднена в 1627 г.), адмирал Франции, маршалы Франции, генерал-полковник пехоты и главный начальник артиллерии.

⁶Маршал (фр. orig. *maréchal de camp*) — здесь, несомненно, имеется в виду главный маршал лагерей и армий короля (фр. *maréchal général des camps et armées du roi*) — высший военный чин во французской армии, сменивший упраздненную в 1627 г. должность коннетабля. Во второй половине 1630-х гг., когда де Виль работал над «Губернатором...», этот чин оставался вакантным.

⁷Военная крепость (фр. *place de guerre*) — у автора: крепость (фактически — цитадель, см. *примеч. 16*), которая, в отличие от старых укрепленных городов — в терминологии автора, «больших городов» (см. *примеч. 8*), — изначально закладывалась в военных целях, т.е. занимала стратегически важное место, являлась, как правило, регулярной, а внутренние постройки в ней располагались строго геометрически — по подобию полевого лагеря. Население таких крепостей составляли преимущественно военнотрудовые ее гарнизоны.

⁸Большой город (фр. orig. *grande ville* или *grande place*) — так автор здесь и далее по тексту называет собственно город, т.е. крупный населенный пункт, который сложился исторически — в отличие от военной крепости (см. *примеч. 7*), имевшей относительно малую площадь и специально возводившейся в стратегических целях.

⁹Генерал (фр. *général*), точнее, генерал армии (фр. *général d'armée*) — здесь: главнокомандующий армией или фронтом, назначавшийся королем из числа наиболее опытных военачальников, как правило маршалов Франции; в мирное время эта должность не существовала.

¹⁰Автор затрагивает политическую ситуацию во Франции во время правления Ришелье: в интересах централизации государства тот вел борьбу с протестантским сепаратизмом, под знамена

которого перешли многие представители французской аристократии — поборники старых феодальных порядков.

¹¹Стены (фр. *murailles*) — здесь автор имеет в виду главную крепостную ограду или главный вал, по которому пролегал путь дозоров, но чаще употребляет слово *muraille* по отношению к одежде вала (см. *примеч.* 158).

¹²Гражданское управление (фр. ориг. *police civile*) — слово «гражданин» в современном его понимании столь отдалено от слова «город», к которому, собственно, и восходит (город — град — гражданин), что термин оригинала *police* вряд ли возможно перевести на русский язык, не погрешив против традиционного восприятия реалий феодальной Франции. Тем не менее слово *police* в том значении, которое имеет в виду автор, напрямую связано с греческим *πολιτικὴ* (городские дела), а через него — со словом *πόλις* (город). Благодаря церковнославянской традиции эта калька была в дальнейшем усвоена и русским языком.

¹³Траншеи (фр. *tranchées*) — земляные выработки в виде длинных ходов, которые осаждающие прокапывали для безопасного приближения к крепости при постепенной атаке. В ходе совершения осадного дела стали подразделяться на параллели, т.е. выработки, проходящие вдоль фронта и недоступные для анфилирующего огня (см. *примеч.* 144) из крепости, и подступы — ходы сообщения между параллелями. В широком смысле под траншеями нередко подразумевали осадные позиции вообще.

¹⁴Вылазки (фр. *sorties*) — боевые действия осажденных вне крепостных укреплений, предпринимаемые, главным образом, для уничтожения осадных построек и батарей противника, нанесения урона его лагерю или же для соединения с войсками, идущими на выручку крепости.

¹⁵О брате Антуана де Вилля Лоране (ум. между 1633 и 1639) известно, что в 1620-х гг. он был капитаном, а впоследствии майором в савойском полку Лорено, шефом которого являлся маркиз Салерано и позднее — принц Томмазо-Франческо Савойя-Кариньянский (1595–1656), участвовал в войне против Испании и Генуи (1625–1626), Войне за мантуанское наследство (1627–1631) и, по-видимому, оставался на савойской службе, даже

когда принц Томмазо-Франческо, вступив в конфликт с Францией, перешел на сторону испанцев (ок. 1632). Тем не менее на титульном листе своей книги «La justice militaire de l'infanterie...», изданной в Париже в 1633 г., Лоран де Виль фигурирует как «королевский мэтрдекан старшего оклада и комиссар роты жандармов его преосвященства монсеньора кардинала де Ришелье, герцога и пэра Франции». Его перу принадлежит также небольшая работа «L'ordre de sépulture du colonel, des chefs, officiers et soldats d'un régiment et de la conservation et distribution de leurs biens...», в которой рассматриваются правила погребения военнослужащих полка, распределения их личного имущества и передачи наследства. Антуан де Виль впервые упоминает о брате в предисловии к книге «Фортификация» (см. примеч. 17), причем из текста можно заключить, что в работе над «Фортификацией» и во многом повторяющим ее «Губернатором...» он опирался, в том числе, на военные познания Лорана: «Уверяю тебя, друг читатель, что не написал ни о чем таком, чего бы не повидали и не испробовали мой брат (сержант-майор полка монсеньора принца Томмазо) или я сам».

¹⁶Цитадель (от ит. *cittadella* — городок) — долговременное, как правило, полностью автономное фортификационное сооружение, находящееся внутри укрепленного города, вдающееся в него либо примыкающее к городским стенам извне, — малая крепость, которую осажденные использовали в качестве последнего рубежа обороны, а завоеватели — как опорный пункт, позволяющий держать покоренных горожан в повиновении даже силами относительно небольшого гарнизона. Фактически цитадель являлась городом в городе, и, если она продолжала держаться, осада не могла быть завершена: случалось, что, овладев городом, противник через некоторое время оставлял его, так как не мог подавить сопротивление цитадели: так произошло, в частности, при взятии австро-германскими войсками турецкой крепости Печ в Венгрии (1664). Ближайшие аналоги цитадели в отечественной фортификационной традиции — детинец, позднее — кремль. В XVI–XVIII вв. цитадели, как и внешний пояс укреплений в городах Европы, возводились по бастионной системе, причем предпочтение — это подтверждает и сам де Виль (глава XV) — отдавалось

начертанию в форме пятиугольника: «...фигура их, — говорится, например, в «Военном словаре» Ф.А. Обера Ла Шене де Буа, — представляет собой либо четырех-, либо пяти-, либо шестиугольник, но пятиугольная пристала им больше, ибо шестиугольник занимает слишком много места, а четырехугольник не предоставляет достаточной внешней защиты, ибо имеет с каждой стороны лишь по два бастиона, углы которых, к тому же, непомерно остры» (ДМР. Т. I. Р. 439). Если позволял рельеф и характер местности, цитадели строились, как правило, на возвышенностях, господствующих над городскими кварталами, а иногда — даже между городом и потенциальным местонахождением неприятельского лагеря. О назначении цитаделей де Вилль подробно говорит в главе XXIX. С цитаделями он сопоставляет и так называемые *places de guette* (см. примеч. 7), т.е. крепости, не предназначавшиеся для проживания гражданского населения, а изначально возводившиеся для военных целей: к таким крепостям вполне применимо определение цитаделей, данное в «Ручном словаре для инженеров...» М. Руже: «Цитадель есть настоящая крепость, имеющая единственно одни военные заведения, не содержащая в себе иных гражданских строений, кроме необходимо нужных для гарнизона, и в коей нет иных жителей, кроме военных» (Руже, с. 329).

¹⁷«Фортификация» (полное название — «*Les fortifications de chevalier Antoine de Ville, contenant la manière de fortifier toute sorte de places tant régulièrement, qu'irrégulièrement en quelle assiette qu'elles soient; comme aussi les ponts, passages entrées de rivières, ports de mer; la construction de toutes sortes de forts et citadelles, les moyen facile de tracer sur le terrain, le tout à la moderne, comme il se pratique dans les meilleures places de l'Europe, démontré et calculé par les sinus et logarithmes*», первое издание — 1628 или 1629 г.) — основное сочинение де Вилля по вопросам строительства, осады и обороны крепостей. Включает три книги: «*Des fortifications*» (четыре части, шестьдесят восемь глав), «*De l'attaque des places*» (две части, сорок глав) и «*De la défense des places*» (две части, двадцать пять глав). «Губернатор...» фактически представляет собой сокращенное, но емкое, свободное от отступлений изложение основных тезисов первой и третьей книг «Фортификации»: целый ряд фрагментов, касающихся

проектирования и строительства крепостей, тактики обороны в крепостях и т.д., приведены в «Губернаторе...» практически дословно. Кроме того, «Губернатор...» включает и часть наглядных схем, ранее начерченных де Виллем для «Фортификации» и позднее воспроизводившихся в ее новых изданиях.

¹⁸Комиссар (фр. *commissaire*) — здесь: назначавшийся королем военный чиновник, наделенный, в зависимости от своего ранга (*commissaire ordinaire des guerres*, *commissaire provinciale des guerres*, *conseiller-commissaire des guerres*) тем или иным объемом инспекционно-надзорных, административных, отчасти фискальных, функций. В обязанности комиссаров, в частности, входили проверка соответствия списочного состава войсковых подразделений фактическому, контроль выплаты солдатам жалования, закупки провианта и боеприпасов, проведение инвентаризации военного имущества и т.д. Как видно из текста, они должны были также участвовать в ревизии крепостей и присутствовать при передаче крепости новому губернатору.

¹⁹Контролер (фр. *contrôleur des guerres*) — согласно «Всеобщему словарю» А. Фюретьера, «офицер, который назначается, чтобы вести учет и контроль во время проверок и смотров, устраиваемых в войсках военными комиссарами» (DU, 1708. Т. I, sans pag.).

²⁰Кордегардия (фр. *corps de garde*) — термин, который обозначает во французском языке либо личный состав караула в караульном помещении, либо, чаще, само караульное помещение (возле ворот, бастиона, губернаторской квартиры и т.д.), служившее одновременно оборонительной постройкой, командным пунктом, местом отдыха часовых свободной смены и контрольной точкой в маршруте дозоров. Кордегардии предназначались также для временного хранения оружия, изъятого у посетителей крепости либо выдаваемого патрульному наряду; при тревоге возле кордегардий собирались войска гарнизона.

²¹Часовые (фр. *sentinelles*) — вооруженные солдаты караула, несущие охрану какого-либо поста; в крепостях отряжались из ближайшей к посту кордегардии (см. *примеч.* 20) и сменялись через каждые два часа.

²²Дозор (фр. *ronde*) — один из видов несения караульной службы в крепостях: ночной обход по крепостному валу с посещением кордегардий и проверкой часовых. Дозоры могли быть как штатными, из состава караулов в кордегардиях, так и чрезвычайными, под личным командованием начальника караула, сержант-майора (см. *примеч.* 276), королевского лейтенанта или самого губернатора крепости. О дозорах — глава XXXI.

²³Караул (фр. *garde*) — здесь: временное вооруженное формирование, пешее или конное, выделяемое из состава гарнизона, реже — из числа жителей города, в наряд по охране крепости или ее внешних построек. Из караульной смены отряжались патрули, дозоры и часовые. Местонахождением подразделений караула в течение смены были кордегардии (см. *примеч.* 20), а для конных дозоров вне крепости — специально определенные сборные места. Начальником караула назначался один из капитанов гарнизона, а командирами подразделений — офицеры рот. Об организации и несении караульной службы в крепостях автор подробно рассказывает в главах XXX–XXXII.

²⁴Контур крепости (фр. *contour de la place*) — здесь: окружность крепостных стен или главного крепостного вала.

²⁵Фигура крепости (фр. *figure de la place*) — условная замкнутая кривая, служащая начертанием границ крепости. В бастионной фортификации фигура крепости представляла собой многоугольник, или полигон (фр. *polygon*), число углов в котором варьировалось в зависимости от размеров и конфигурации площади, которую занимала крепость, и от характера окружающей местности. Фигурой крепости определялся, в свою очередь, выбор крепостного фронта, т.е. сочетания фортификационных построек, предназначенных для самостоятельной обороны одной из ее сторон, и, соответственно, вид, размеры и расположение таковых. В соответствии с позднейшей классификацией, которую де Вилье еще не использует, крепостной фронт мог иметь следующие начертания: бастионное, представлявшее собой отрезок главного вала между капиталиями (см. *примеч.* 174) двух соседних бастионов; полигональное, в виде одного фаса (см. *примеч.* 52), проходящего по стороне полигона, либо двух фасов, образующих

тупой исходящий или входящий угол; тенальное, в виде входящего прямого или относительно тупого угла, или кремальберное, в виде прямого угла, состоящего из фаса и примыкающего к нему короткого фланка (см. *примеч.* 69).

²⁶Лафеты (фр. *affûts*) — станки или ложа, как правило колесные, на которых закреплялись для стрельбы артиллерийские орудия.

²⁷Магазины (фр. *magasins*, orig. *magazins*) — склады провианта, защитного вооружения, боеприпасов, инструмента, военного имущества, а иногда и ручного оружия в укрепленных городах. Места хранения артиллерийских орудий и орудийных лафетов, как правило, назывались арсеналами (фр. *arsenaux*). О магазинах де Виль пишет в главах X и XXXIX.

²⁸Калибр (фр. *calibre*, от лат. *qua libra*, буквально — «сколько фунтов») — диаметр канала ствола артиллерийских орудий и ручного огнестрельного оружия.

²⁹То есть запасы провианта, сделанные частными лицами.

³⁰Ордонансы (фр. *ordonnances*) — здесь: указы и постановления французских королей, имевшие силу законодательных актов; в XVII–XVIII вв. распространялись, как правило, на целые отрасли государственной жизни, а сведенные в кодексы служили источником права в той или иной области.

³¹Главы XXIX, XXXIII, XXXIV и XXXVIII.

³²Шпага (фр. *épée*) — ручное холодное колюще-рубящее оружие с длинным узким обоюдоострым либо однолезвийным клинком (иногда трех-четырёхгранной формы) и, как правило, сложной конфигурацией крестовины эфеса, необходимой для защиты руки и отражения ударов противника; собственно — облегченная модификация меча. Широкое распространение в армиях Западной Европы приобрела в XVI в.

³³Мушкет (фр. *mousquet*) — вид ручного длинноствольного огнестрельного оружия в европейских армиях XVI–XVII вв., вытеснивший менее эффективную аркебузу. Мушкет заряжался с дула, имел калибр до 20–22 мм, оснащался фитильным или, реже, колесцовым замком и, в сравнении с аркебузой, обладал большей

дальностью стрельбы (до 250 м) и убойной силой. Обратной стороной дальноточности и мощности мушкетов XVI — начала XVII в. был их вес (до 9 кг): для стрельбы использовали специальную подставку (сошку), которую в ближнем бою иногда предлагалось применять в качестве холодного оружия. Этимологию слова *mousquet* В. Бехайм в «Энциклопедии оружия» (с. 327) возводит к испанскому *mosquitos* (комары), объясняя ее тем, что стрелки из мушкета, в отличие от своих маломобильных соратников пикинеров, могли относительно свободно маневрировать на поле боя, обстреливать противника с разных сторон, а в случае опасности и при необходимости перезарядить оружие укрывались в пикинерских рядах. В начале XVII в. результатом совершенствования конструкции мушкетов, предназначавшихся для полевых сражений, стало, прежде всего, уменьшение их веса до 6–6,5, а позднее и до 4–4,5 кг и постепенный отказ от сошек, — хотя так называемые крепостные или гарнизонные мушкеты, применявшиеся, главным образом, на стационарных стрелковых позициях, по-прежнему изготавливались утяжеленными и требовали опоры. На дальности мушкетной стрельбы основывались базовые величины бастионной фортификации и принцип заложения внешних построек: де Вилье подробно разбирает этот вопрос в главах XV и XXII.

³⁴Пика (фр. *pique*) — здесь: ручное колющее оружие европейской пехоты в XV — второй половине XVII в., тяжелое копье с длинным, до 5 м, древком. Пика использовалась преимущественно в строю полевой батальи для отражения кавалерийских атак.

³⁵Алебарда (фр. *hallebarde*) — ручное древковое колюще-рубящее оружие, которое представляло собой комбинацию копья и секиры с вытянутым и иногда загнутым в виде крюка обухом; находилось на вооружении европейской пехоты приблизительно с XIII в., использовалось чаще всего против закованной в броню кавалерии. В XVI в. практически вышла из употребления в войсках, но сохранялась в качестве церемониального оружия и атрибута некоторых офицерских и унтер-офицерских должностей вплоть до начала XIX в. Алебардами во французской армии XVII в. были вооружены ротные сержанты, которые использовали ее, в том числе, как ориентир и регулировочный жезл во время движения войск походной колонной.

³⁶Протазан (фр. *pertuisane*) — ручное древковое оружие европейской пехоты XV–XVII вв., род копья, наконечник которого представлял собой широкое и довольно длинное обоюдоострое лезвие и снабжался в нижней части, возле втулки, заостренными выступами-крыльями, направленными вверх или вниз. Исторически восходил к рунке или рогатине, отличаясь от них более прихотливой формой и, как правило, богатой отделкой, так как являлся преимущественно оружием войсковых офицеров и гвардии. В XVII — начале XIX в. — почетное оружие и элемент униформы офицеров.

³⁷Пикинеры (фр. *piqueurs*) — наряду с мушкетерами — род пехоты в европейских армиях Нового времени, воины, вооруженные пиками (см. *примеч.* 34). Действовали, как правило, в сомкнутом многшереножном строю, направляя опущенные пики на врага. Пикинеры составляли основу боевого порядка пехоты в полевом сражении и применялись, главным образом, для отражения кавалерийских атак. «Сомкнутые пики непреодолимы для кавалерии, — писал Р. Монтекукколи (Монтекукколи, кн. I, глава II, с. XXI), — ее атака сдерживается пикинерами на расстоянии двадцати двух футов, отталкивается непрерывным огнем мушкетеров, которые их прикрывают, а также вылазками рондашьеров из задних шеренг». На вооружении пикинеров находилась также шпага (см. *примеч.* 32), которая шла в ход в ближнем бою. Удельный вес пикинерских подразделений в войсках начал снижаться в середине XVII в. в связи с приходом на вооружение пехоты облегченного варианта мушкета (ружья или фузеи), изобретением штыка и крепнущим преобладанием позиционной и осадной войны над полевыми сражениями.

³⁸Мушкетеры (фр. *mousquetaires*) — здесь: армейская пехота, вооруженная мушкетами (см. *примеч.* 33).

³⁹Батальон (фр. *bataillon*) — вообще составная часть баталии, т.е. боевого порядка пехоты; тактическое подразделение пехотного полка, включавшее пикинеров, мушкетеров, иногда — рондашьеров (воинов со щитами), а позднее и grenadier.

⁴⁰Брешь (фр. *brèche*) — пролом в ограде крепости или отдельной оборонительной постройки. Проделывался осаждающими

при помощи артиллерийского обстрела или подрыва пороха в минном подкопе. В «Ручном словаре для инженеров...» приведен следующий способ пробития бреша артиллерийскими орудиями: «Желая произвести пролом, начинают прежде выбивать на стене две перпендикулярные борозды, заключающие в себе часть стены, назначенной для разрушения; потом разбивается она также внизу в 4-х, 5-ти или 6-ти футах над дном рва, для сделания глубокой горизонтальной борозды; когда борозды сии будут довольно глубоки, тогда стреляют сильными залпами в самую стену, то выше, то ниже, пока вся одежда и бруствер не обрушатся в ров...» (Руже, с. 230).

⁴¹Ретраншементы (фр. *retranchements*, от *retrancher* — отрезать, обнести укреплениями) — вообще: укрытия или постройки, куда войска, теснимые врагом, могли отступить с основной позиции, чтобы продолжить оборону; применительно к бастионным крепостям Нового времени — оборонительные сооружения, возводившиеся одновременно с главным валом (или насыпью внешней постройки) либо непосредственно в ходе неприятельской осады на тех участках, где с наибольшей вероятностью можно было ожидать пробития бреша и штурма (обычно на бастионах); подразделялись на общие и частные (см. *примеч.* 389). Иногда функции ретраншементов выполняли кавальеры (см. *примеч.* 74), обнесенные рвом вокруг. В критических обстоятельствах осажденные использовали для строительства ретраншементов подручные средства — обломки дерева, мешки с землей и т.п. Подробно о ретраншементах де Вилье рассказывает в главе XLVII.

⁴²То есть к книге «Фортификация».

⁴³Нация (фр. *nation*, от лат. *natio* — народ) — термин, который в Новое время обозначал не столько этническую общность, сколько принадлежность к тому или иному землячеству или культурной традиции, как в средневековых университетах.

⁴⁴В оригинале эта глава завершается словами: «...nous déduirons après amplement, parlant des surprises», т.е. «подробно разберем впоследствии, приступив к рассказу о внезапных нападениях», однако пресловутый рассказ, затрагивающий и внезапные нападения, и противодействие заговорам, бунтам и восстаниям,

фактически занимает у де Вилля несколько полных глав (XXXIII–XXXVIII), и перевод в данном случае скорректирован для того, чтобы указать на эти главы в примечании, облегчив читателю поиск в тексте по авторским ссылкам — довольно частым, но не всегда определенным.

⁴⁵Геометрический шаг (фр. *pas géométrique*), наряду с обычным шагом (фр. *pas commun*), — единица измерения длины в фортификации. «...Обычный шаг составляет два с половиной королевских фута, геометрический — вдвое больше, то есть пять. Мера расстояния, которую итальянцы называют милей, — это тысяча геометрических шагов, а три тысячи составляют одно из наших французских лье» (DMP. Т. III. Р. 82). Так называемый королевский фут (фр. *pied de roi*) до 1668 г. насчитывал около 0,325 м, соответственно 5 футов — 1,65 м.

⁴⁶Бастион (фр. *bastion*) — фортификационное сооружение, составная часть главной крепостной ограды (главного вала) или некоторых отдельных оборонительных построек. Бастионы представляли собой пятиугольные выступы вала, обращенные двумя передними сторонами (фасадами) — в поле, двумя боковыми (фланками) — друг к другу, а тыльной (горжей) — внутрь крепости; угол, образованный фасадами бастиона, назывался обороняемым или фланкируемым, углы между фланком и фасом — плечевыми. Бастионы дали название бастионной системе укреплений, господствовавшей в европейской фортификации вплоть до конца XIX в., а также бастионному фронту (см. *примеч.* 25). Применение бастионов повысило сопротивляемость крепости артиллерийскому огню: фасады были неудобны для фронтального обстрела, а на фланках, зачастую многоярусных, начали обустраивать стрелковые позиции и устанавливать орудия, чтобы оборонять уязвимое прежде пространство во рву от бастиона до бастиона и подавлять осадные батареи противника. О применении, проектировании, возведении, размерах и форме бастионов см. главы XV–XVIII и XXII–XXIII.

⁴⁷Иррегулярные крепости (фр. *places irrégulières*), по определению самого де Вилля, «суть те, у которых стороны или углы неравны, бастионы или вспомогательные постройки — также

неравны или не подобны и, соответственно, неодинаковы по силе» (*Les fortifications*, t. I, part. III, chap. XLI). Иррегулярными, как правило, являлись оборонительные сооружения, возведенные задолго до распространения позднейших систем фортификации, но затем усовершенствованные при помощи бастионов или вспомогательных построек — или расположенные в такой местности, которая не позволяла задать их контуру симметричное начертание.

⁴⁸Сборное место, также место сбора войск, плацдарм (фр. *place d'armes*) — здесь: пункт сбора войск гарнизона при тревоге, разводе караулов, а также перед вылазкой или во время обороны контрэскарпа. Сборными местами внутри укрепленного города служат обычно центральные площади и округа предвратных кордегардий, а извне — ров и отдельные участки прикрытого пути при исходящих и входящих углах контрэскарпа.

⁴⁹Ратуша (фр. *Hôtel de ville*) — здание муниципального самоуправления в европейских городах, нередко — с набатной башней (фр. *beffroi*); располагалось, как правило, в центре города.

⁵⁰Шпиц (фр. *pointe*, нем. *Spitz*, т.е. острое, крайняя точка) — исходящий угол, образованный фасадами бастиона, то же самое, что обороняемый или фланкируемый угол (фр. *angle flanqué*); в старой отечественной традиции — мыс.

⁵¹Куртина (фр. *courtine*, буквально — «завеса»), в крепостях, возведенных по бастионной системе, — отрезок главного вала (или вала отдельной постройки) между двумя соседними бастионами.

⁵²Фас (фр. *face*) — сторона фортификационного сооружения, обращенная к его фронту; бастионные фасы — стороны бастиона, образующие так называемый обороняемый угол.

⁵³Сержант (фр. *sergent*) — во Франции при Старом порядке первый из низших офицеров пехотной роты (фр. *bas officiers*), категорию которых называли также *haute-payé*, т.е. «старший оклад», так как они получали большее, в сравнении с солдатами, жалованье; в кавалерии сержантам соответствовали квартиреры (фр. *maréchaux des logis*). Сержанты вели списки личного состава рот, руководили распределением боеприпасов и провианта,

отряжали солдат в караул и т.д. Полковые офицеры с аналогичными обязанностями первоначально назывались сержант-майорами (т.е. старшими сержантами, сержантами полка), а затем — просто майорами (о сержант-майорах крепостей *см. примеч. 276*). В роте, как правило, было по два сержанта, их назначение являлось прерогативой капитана. В Вооруженных силах РФ наиболее подходящий эквивалент сержантов старой Франции по званию — прапорщики, а по должности — старшины рот.

⁵⁴Капрал (фр. *saroral*) — низший офицер пехотной роты, командовал отделением, т.е. третьей частью роты (фр. *escouade*, *ср. примеч. 294*), в отечественной дореволюционной традиции — капральством, в караулах — был разводящим, следил за порядком в кордегардии, принимал пароль от дозоров. Приблизительно соответствовал сержанту в современных ВС РФ. Эквивалент капралов в кавалерии — бригадиры (фр. *brigadiers*).

⁵⁵Ланспасад (фр. *lanspessade* или *anspessade*, от ит. *lance spesata* — сломанное копье) — рядовой старшего оклада, старший солдат в пехотной роте, первоначально — кавалерист, потерявший в бою коня и временно переведенный в пехоту с сохранением прежнего, более высокого, нежели пехотное, жалованья. Ланспасады были помощниками капралов и имели некоторые преимущества в службе перед обычными солдатами (в частности, не назначались часовыми). Эквивалентны ефрейторам в современных ВС РФ.

⁵⁶Амьен (фр. *Amiens*) — главный город исторической области Пикардия на севере Франции (департамент Сомма). Первые крепостные укрепления Амьена были заложены в галло-римскую эпоху и впоследствии неоднократно модернизировались или возводились заново. В XVI — первой половине XVII в. Амьен, расположенный на северных рубежах, неподалеку от границы с испанским Артуа, был важным форпостом в ходе франко-испанского противостояния. В 1597 г. французский военный инженер Ж. Эррар де Бар-ле-Дюк (*см. примеч. 192*) по приказу короля Генриха IV начал строить в Амьене пятибастионную цитадель (завершена к 1622 г.). После Пиренейского мира 1659 г., когда главные области Артуа перешли к Франции, городские

укрепления и цитадель потеряли свое значение и больше не усовершенствовались. В 1952 г. два восточных бастиона цитадели, мешавшие прокладке проспекта Генерала де Голля, были скрыты.

⁵⁷Корби (фр. Corbie) — город во Франции, в долине р. Соммы, историческая область Пикардия (департамент Сомма). В период раннего Средневековья входил в домен меровингских королей и был крупным религиозным центром благодаря аббатству, основанному королевой Батильдой (657). Крепостные валы, опоясывающие аббатство Корби и частично сохранившиеся до настоящего времени, были заложены в VIII–IX вв. как защита от норманнских набегов. В первой четверти XVI в. средневековые фортификационные сооружения Корби были обновлены, а спустя несколько десятилетий — усовершенствованы французским военным инженером Ж. Эрраром де Бар-ле-Дюком по правилам бастионной системы. Накануне Тридцатилетней войны Корби, расположенный близ границы с Испанскими Нидерландами, представлял собой компактный, но довольно мощный оборонительный комплекс, примыкающий южной стороной к одному из рукавов Соммы. Летом 1636 г. город был занят испанцами, но отвоеван французской армией после двухмесячной осады, в которой де Вилль принимал личное участие (под его руководством была спроектирована и возведена циркумвალационная линия). Из-за территориальных приращений, полученных Францией по итогам Пиренейского мира, Корби перестал быть приграничной крепостью, и к 1675 г. его укрепления по приказу короля Людовика XIV были скрыты.

⁵⁸Постройки (фр. travaux, pièces, ouvrages, в старой отечественной традиции также — верки, от нем. Werk — здание, строение, итог труда) — обобщенное название оборонительных сооружений крепости. Подразделялись на составляющие главную крепостную ограду (главный вал) и вспомогательные, находящиеся вовне ее (согласно авторской терминологии де Вилля, *intérieures* и *extérieures*). С понятием *extérieures*, у де Вилля в свою очередь тесно смыкается термин «внешние постройки» (фр. *dehors*), который в отечественной специализированной литературе, изначально базировавшейся на прямом заимствовании иностранных фортификационных терминов, к сожалению,

не получил единообразного перевода: *dehors* в силу тесной синонимической близости русских слов-аналогов переводят то как «внешние постройки», то как «наружные постройки». У де Вилля, трактующего *extérieures* как любые постройки за пределами вала, слово *dehors* означает отдельно стоящие и расположенные дальше главного рва (глава XX). В работах позднейших авторов значение этого термина расширилось: под *dehors* стали понимать не только отдельные постройки впереди главного рва — демиллюны, горнверки, кронверки и т.д., — которые представляли собой, по сути, крепости малых размеров (фр. *pièces détachées*), но и вспомогательные оборонительные сооружения в самом рву, а также автономные полевые укрепления, располагавшиеся далеко за гласисом и предназначенные для обороны передовых подступов к крепости (фр. *travaux avancés*). Наиболее полным и учитывающим различие употребления терминов *dehors*, *pièces détachées* и *travaux avancés* представляется определение «Фортификационного словаря» В.Ф. Шперка: «Внешние постройки — крепостные вспомогательные постройки, располагающиеся впереди линии огня главного вала. Разделяются на наружные (между валом и гласисом) и передовые (впереди гласиса)» (Шперк, с. 24).

⁵⁹Центр крепости (фр. *corps de la place*, в старой отечественной традиции — ядро крепости) — комплекс фортификационных сооружений, который составляет собственно крепость (главную крепостную ограду, а также оборонительные постройки внутри нее), либо с примыкающими к ней вспомогательными постройками во рву и непосредственно перед ним, либо без них.

⁶⁰Теналь (фр. *tenaille* — клещи) — наружная оборонительная постройка при бастионном фронте, которая располагалась во рву крепости перед куртиной и имела форму входящего угла (простая теналь), двух соединенных входящих углов (двойная теналь) либо швеллера, обращенного выступами-полубастионами в сторону поля (бастионная теналь). Обеспечивала перекрестную оборону подлежащего участка рва, прикрывала куртину от артиллерийского обстрела, оказывала огневую поддержку бастионам. Определение «теналь» де Вилль прилагает также к горнверкам (см. примеч. 213), а кронверки называет «теналями, дополненными бастионом» (глава XXI); ретраншементы на

главной крепостной ограде он предлагает насыпать в виде теналей (глава XLVII).

⁶¹Демилюна (фр. *demi-lune*, буквально — «полумесяц») — внешняя постройка, первоначально полукруглой формы, затем — в виде исходящего, далеко вдающегося в гласис угла; возводилась впереди рва, по центру бастионного фронта, чтобы ограждать куртину от орудийного обстрела противника, подавлять своим огнем неприятельские батареи, нацеленные на бастионные фланки, и оборонять прикрытый путь (см. *примеч.* 153); имела собственные ров и контрэскарп. В сочетании с теналями (см. *примеч.* 60), располагавшимися, как правило, позади них, демилюны представляли собой мощный фортификационный комплекс, который предоставлял защиту не только куртине, но и бастионам. Демилюны при полигональном фронте чаще назывались рavelинами (ит. *rivellini*); де Виль констатирует тождество этих терминов, однако, рассказывая об укреплении полигонального фронта, тем не менее употребляет исключительно название демилюна. Де Виль считается первым, кто стал размещать демилюны перед куртинами. Подробнее о демилюнах см. главу XXI.

⁶²Участки обороны, оборонительные участки (фр. *défenses*, orig. *défences*, в старой отечественной традиции — обороны) — «есть название, даваемое вообще в фортификации всем частям, защищающим какое-либо укрепление» (Руже, с. 188).

⁶³Пушки (фр. *canons*) — род артиллерийских орудий, отличающихся довольно длинным по отношению к калибру стволом и предназначенных для стрельбы по настильной траектории, т.е. под небольшим углом к горизонту; в употреблении западноевропейских армий — с XIII в. В течение долгого времени пушкой называли любое артиллерийское орудие: в частности, знаменитая московская Царь-пушка, отлитая в последней четверти XVI в., судя по длине ствола, является, скорее, мортирой. Пушки были в основном дульнозарядными, заряжались круглыми железными, чугунными или свинцовыми ядрами, реже — картечью. В условиях политической раздробленности Европы и отдельных ее государств, повсеместного различия мер и весов, а также корпоративной замкнутости оружейных цехов единых стандартов

изготовления пушек долгое время не существовало — напротив, господствовало стремление к уникальности, вплоть до наречения орудий собственными именами: «Василиск», «Дракон», «Аспид», «Пеликан», «Сокол» и т.д. «Орудия, которые находятся в старых арсеналах, — писал Монтекукколи, — являют собой настоящий хаос, не имея единообразия ни по виду, ни по размерам, и едва ли можно подыскать для всех них названия, ибо нет такого гада, зверя или птицы, чье имя не дали бы какому-нибудь орудию. Каждый правитель, каждый военачальник, каждый оружейник стремился ради собственной прихоти изобрести новый калибр и размер...» (Монтекукколи, кн. I, с. XXXIII). Централизованная стандартизация пушек одного и того же вида, продиктованная необходимостью повышения их боевой эффективности, была начата в XVI в. военными реформами императора Священной Римской империи Карла V и основывалась на принципе кратности веса ядра той или иной пушки (и, соответственно, ее калибра) определенному базовому весу. Отправной точкой расчетов служили тактико-технические характеристики орудия, заряжавшегося сорокавосемифунтовым ядром, — так называемой целой пушки или картауна (фр. *canon entière, courtaud*). Эта система распространилась в Германии и Испании, однако Франция приняла другой базовый стандарт. Регламент о «шести французских калибрах», введенный королевским эдиктом 1552 г., устанавливал следующие виды пушек:

Название орудия	Длина ствола (футов, дюймов)	Калибр (дюймов, линий)	Вес ядра (фунтов, унций)	Вес орудия (фунтов)
Пушка (<i>canon</i>)	9–9,6	6,3 (169 мм)	33–33,4	5200– 5400
Большая кулеврина (<i>grande coulevrine</i>)	9–10	4,11 (132 мм)	15,2–15,4	4000– 4200
Кулеврина-батард (<i>culevrine bâtarde</i>)	9	3,10 (103 мм)	7,2–7,3	2500

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Название орудия	Длина ствола (футов, дюймов)	Калибр (дюймов, линий)	Вес ядра (фунтов, унций)	Вес орудия (фунтов)
Средняя кулеврина (coulevrine moyenne)	8	2,9 (74 мм)	2	1200– 1250
Фалькон (faucou)	6,10–6,4	2,4 (63 мм)	1,1	700–760
Фальконет (faucouneau)	6,4	1,10 (49 мм)	0,14	410–420

В конце 30-х — начале 40-х гг. XVII в. по итогам территориальных приращений Франции в ходе Тридцатилетней войны в этот регламент вошли также два «испанских калибра» — производных от сорокавосемифунтовой пушки: испанская полупушка (24 фунта) и испанская четвертная пушка (12 фунтов), тогда как маломощные фалькон и фальконет постепенно стали выходить из употребления. Таким образом, во время работы де Вилля над «Губернатором...» линейка французских пушек выглядела так:

Название орудия	Вес ядра (фунтов, унций)
Французская пушка (canon de France)	33–33,4
Испанская полупушка (demi-canon d'Espagne)	24
Французская полупушка (demi-canon de France), или большая кулеврина	15,2–15,4
Испанская четвертная пушка (quart de canon d'Espagne)	12
Французская четвертная пушка (quart de canon de France), или кулеврина-батард	7,2–7,3
Средняя кулеврина (coulevrine moyenne)	2

Впрочем, табличная стройность была далека от практики. Помимо того, что приведенная классификация довольно неуклюже совмещала в себе две системы, каждая из которых основывалась на собственном весе «эталонного» ядра, она, как некогда регламент о «шести французских калибрах», долгое время сосуществовала с альтернативными вариантами. Так, в целом ряде французских источников XVII–XVIII вв. упоминаются пушки иных калибров (двадцати-, тридцати-, тридцатидвух- и тридцатишестифунтовые), а под одними и теми же названиями нередко фигурируют разные орудия. Например, сам де Вилль, насколько можно судить по тексту, понимает под кулевринами лишь длинноствольные дальнобойные пушки, отличая их от полупушек (хотя французская классификация отождествляет одни с другими), а под фальконетами, как видно из приводимого им диапазона веса ядра, — орудия, близкие кулеврине-батарду. Скорее всего, автор, описывая артиллерийские орудия, все-таки придерживался не французской, а иностранной традиции, в которой целыми признавались именно сорокавосьмифунтовые пушки, и, возможно, неслучайно воздержался от употребления термина *canons entières* применительно к тридцати-тридцатишестифунтовым пушкам — ведь их, согласно избранной им системе, правильнее было бы называть трехчетвертными.

⁶⁴Перечисляются разновидности западноевропейских артиллерийских орудий XV–XVIII вв., относящихся к категории пушек (см. *примеч.* 63). Вес их ядра составлял пропорциональную долю веса ядра так называемой целой пушки. Во Франции XVI–XVIII вв. полупушками (фр. *demi-canons*), или большими кулевринами, считались орудия под ядро 15–16 фунтов, с десятифунтовым стволом, четвертными пушками (фр. *quart de canons*), или кулевринами-батардами, — семи- и восьмифунтовые. В других европейских странах кулевринами назывались удлиненные (до 35–36 калибров) средние пушки, предназначенные для стрельбы на дальние расстояния. Фальконеты — группа малых европейских пушек под ядро от 0,14 до 6 фунтов. Названия кулеврины (фр. *coulévrine*, от *coulévre* — уж) и фальконета (фр. *fausconneau* — соколенок) восходят к средневековому обычаю давать артиллерийским орудиям собственные имена.

⁶⁵Петрарии (фр. *piertiers*, от *pierre* — камень) — старинные артиллерийские орудия, относящиеся к категории мортир (см. *примеч.* 101), — крупнокалиберные и с коротким, обычно не более 4 калибров, стволом; название восприняли от средневековых камнеметных машин. Предназначались для навесной стрельбы, заряжались массивными каменными ядрами, гранатами и бомбами.

⁶⁶Кирасы (фр. *cuirasses*, от фр. *cuire* — «кожа», в значении кожаного доспеха) — защитное снаряжение для туловища, исторически восходящее к полному рыцарскому доспеху, который вышел из употребления в связи с развитием огнестрельного оружия; использовались как пехотой, так и кавалерией (кирасиры — тяжелооруженные кавалеристы XVI — начала XX в.). Кирасы включали нагрудную и наспинную пластины из металла или жесткой кожи, иногда, как в случае с усиленным (противомушкетным) доспехом большого веса, — только нагрудную.

⁶⁷Морион (фр. *morion*, orig. *mouion*; название, по-видимому, происходит от испанского слова того — мавр, араб) — шлем с гребнем и выгнутыми кпереди и кзади полями; использовался преимущественно в пехоте, был принадлежностью защитного снаряжения европейских пикинеров (мушкетерами не использовался, так как широкие жесткие поля мешали целиться); вышел из армейского употребления в первой трети XVII в. в связи с сокращением пикинерских частей, однако еще долгое время удерживался как элемент боевого снаряжения городской милиции, ополчения, а также в церемониальной форме некоторых гвардейских подразделений: до настоящего времени морионы носит папская швейцарская гвардия. — Салад (фр. *salade*, orig. *selade*) — горшковидный шлем с полями и широким вытянутым назатыльником; использовался в европейских армиях вплоть до первой трети XVII в., несколько дольше находился на вооружении гарнизонов и городской милиции.

⁶⁸Рондаш (фр. *rondache*) — здесь: род ручного комбинированного оружия пехоты — щит для ближнего боя, оснащенный доспешной перчаткой, выступающими лезвиями и с вырезанными по краю зубцами, чтобы ломать клинки противника. Рондаши

широко использовались вплоть до второй половины XVII в. В крепостях служили для обороны брешей (см. главу XLVIII).

⁶⁹Фланки (фр. *flancs* — бока), вообще — боковые, по отношению к фронту, стороны фортификационного сооружения; в бастионной системе — стороны бастиона между фасом и куртиной, как правило перпендикулярные линии защиты; в тесном смысле — оборонительные сооружения на флангах бастионов или внешних построек, где устанавливались орудия и обустраивались позиции для стрелков. См. главу XVII.

⁷⁰Миланский замок (в оригинале *château de Milan*) — имеется в виду старинная герцогская резиденция в Милане, так называемый замок Сфорца; возведен в XIV в., в середине XVI в. был встроен в комплекс городских укреплений, обнесен бастионной оградой и превращен в цитадель.

⁷¹Здесь, очевидно, автор имеет в виду крытые участки ограды между башнями старого здания замка Сфорца.

⁷²Компъень (фр. *Compiègne*) — город на северо-востоке Франции, в исторической области Пикардия, современный департамент Уаза, между реками Уаза и Эна; возник в галло-римскую эпоху; в период раннего Средневековья — один из политических и религиозных центров меровингского государства, позднее — важная пограничная крепость. В XVI в. средневековые стены города были основательно модернизированы, а к первой трети XVII в. — укреплены по бастионной системе. После 1678 г. в связи с изменением границ фортификационные сооружения Компъеня утратили оборонительное значение, а в XVIII — начале XIX в. были почти полностью срыты.

⁷³Контрбатареи (фр. *contre-bateries*) — здесь и далее по тексту: орудийные батареи, предназначенные для подавления осадных батарей противника; у некоторых авторов, напротив, — батареи осаждающей армии.

⁷⁴Кавальеры (фр. *cavalier* — всадник) — здесь: вспомогательные фортификационные постройки (насыпи) на главном крепостном валу, предназначенные для увеличения его высоты относительно осадных построек противника и ведения артиллерийского огня с преимуществом дополнительного возвышения; возводились, как

правило, на боевых площадках засыпных бастионов, реже — на куртинах; могли быть круглого, полукруглого и овального начертания, но чаще повторяли форму бастиона и, используемые также в качестве ретраншементов, нередко обносились собственным малым рвом.

⁷⁵Ядро (фр. *balle*) — сферический артиллерийский снаряд из камня или металла. Орудия классифицировались по весу своих ядер (см. *примеч.* 63).

⁷⁶Фунт (фр. *livre*) — мера веса до введения метрической системы. Во Франции при Старом порядке чаще всего применялся парижский фунт, весивший 489,5 г.

⁷⁷Видимо, речь идет о маршале Франции Шарле де Бланшфоре де Креки, командующем французскими войсками в Италии, который 17 марта 1638 г. был убит пушечным ядром в бою за крепость Крема в Ломбардии.

⁷⁸Петрарии со съёмной каморой (фр. *ориг. pierriers à boîte*) — в отличие от собственно петрарий (т.е. мортир) малокалиберные казнозарядные артиллерийские орудия из категории пушек. Заряжались ядрами, щебнем, картечью, мушкетными пулями вроссыпь, использовались в морских и полевых сражениях вплоть до конца XVIII в. — *Boîte* (в современном написании *boîte*), согласно «Военному словарю...» Обера Ла Шене де Буа, — «это цилиндрический вогнутый корпус из железа и бронзы, наполненный порохом, снабженный ручкой и запальным отверстием, ведущим к пороху» (DMR. T. I. P. 224). Более развернутое пояснение мы находим в «Методической энциклопедии» Панкука: «Камора для петрарии — это корпус цилиндрической формы, обыкновенно чугунный, с порохом внутри, служащий для заряжания петрарии: камору вкладывают в специальное отверстие на казенной части ствола и закрепляют чекой, чтобы не выскочила при выстреле» (ЕМ, Marine. T. I. P. 166). Само орудие представляло собой ствол длиной до 20 калибров с открытой сверху казенной частью, который при помощи вилки-вертлюга крепился на легком лафете; камора, напоминая формой пивную кружку, вставлялась перед выстрелом в открытую часть ствола ручкой вверх, а отверстием — к метательному заряду и фиксировалась в таком положении

клином-задвижкой; казенную часть продолжала рукоятка-штырь, использовавшаяся для наведения петрарии на цель.

⁷⁹Контрэскарп (фр. *contrescarpe*, orig. *contr'escarpe*) — строго говоря, передний срез крепостного рва, противоположный эскарпу (см. *примеч.* 161); в более широком смысле — комплекс оборонительных сооружений, располагающихся перед рвом со стороны поля (гласис и прикрытый путь с сопутствующими постройками); выражение «овладеть контрэскарпом» означало «пробиться ко рву».

⁸⁰Аркебузы или мушкеты с крюком (фр. *arquebuses ou mousquets à gros*) — виды ручного огнестрельного оружия, для стрельбы из которых, из-за их большого веса, использовали подставку в виде вилки, козел или крюка, — дальнобойные, почти равнявшиеся по мощности малым артиллерийским орудиям (калибр до 30 мм, общий вес — до 16–20 кг), с фитильным замком. В полевых условиях использовались редко, однако на вооружении гарнизонов состояли еще в последней четверти XVIII в., хотя, как отмечают авторы «Методической энциклопедии», «лишь в каких-нибудь старых крепостях за неимением пушек» (ЕМ, *Arts et métiers mécaniques*. Т. I. Р. 78).

⁸¹Противомушкетные доспехи (фр. *armes à l'épreuve du mousquet*) — комплект доспехов, предоставлявших воину защиту от пуль, выпущенных из обычного (полевого) мушкета.

⁸²Унция (фр. *once*) — дOMETрическая мера веса в европейских странах; во Франции при Старом порядке — шестнадцатая часть фунта, равнялась 30,59 г.

⁸³Парапет (фр. *parapet*), в отечественной терминологии чаще — бруствер (нем. *Brustwehr* — защита груди) — здесь: земляная насыпь на внешнем краю вала фортификационного сооружения или участка обороны, прикрывающая орудийные и стрелковые позиции от огня неприятеля. В предлагаемом переводе парапетом называется оборонительная насыпь на валу или на фланках фортификационной постройки, а бруствером — насыпь, защищающая стрелков в траншеях или окопах.

⁸⁴Бандельера (фр. *bandouliere*) — элемент боевого снаряжения пехоты в XVI — конце XVII в., плечевая перевязь с подвешен-

ными к ней принадлежностями для стрельбы — пороховницей, пенальчиками с отмеренными зарядами пороха, а также сумками с пулями и фитилем.

⁸⁵См. главу XLVIII.

⁸⁶Тесаки (фр. *coutelas*) — колюще-рубящее холодное оружие, длинные боевые ножи.

⁸⁷Колесцовый замок (фр. *rouet*), наряду с фитильным замком, — механизм для производства выстрела в ручном огнестрельном оружии XV–XVII вв., дававший искру, которая воспламеняла порох, путем трения вращающегося колесика с насечкой о кремнь. В отличие от фитильного замка, был более скорострельным, невосприимчивым к сырости, давал меньше осечек и не нуждался в открытом огне, нередко демаскировавшем стрелка. Изобретение колесцового замка приписывают Леонардо да Винчи.

⁸⁸Ружье (фр. *fusil*) — облегченная модификация мушкета с колесцовым или ударным кремневым замком; с 1671 г. — на вооружении регулярной французской армии (первоначально — ее артиллерийских частей).

⁸⁹Дюйм (фр. *pouce*) — во Франции при Старом порядке двенадцатая часть фута, около 2,71 см.

⁹⁰*Pestono* или *pistono* — итальянское название мушкетона (трюмблону) — короткоствольного крупнокалиберного мушкета, иногда с раструбом на дуле: он оснащался колесцовым замком, имел калибр до 2 дюймов и заряжался картечью. Чаще всего состоял на вооружении кавалерии и абордажных команд кораблей.

⁹¹Утверждение, прямо скажем, спорное, если речь идет о железе и его сплавах, тем более что словосочетание «*canons de fonte*» в тексте можно перевести также как «чугунные пушки». Очевидно, автор имеет в виду цельнолитые бронзовые орудия.

⁹²Платформа (фр. *plate-forme*) — здесь: деревянный настил батареи или контрбатареи.

⁹³Во время осады.

⁹⁴В оригинале «*aux planchers*»; французское слово *planchers* вообще означает «полы», «перекрытия», «деревянные настилы»,

однако сомнительно, чтобы снаряжение для стрельбы хранилось прямо на полу, тем более если учесть, что выше автор ратует за экономию полезной площади магазинов. Синтаксическая конструкция данной фразы не позволяет также предположить, что бандельеры подвешивались к потолочным перекрытиям, к тому же при таком способе хранения каждую пришлось бы отряхивать от пыли по отдельности. Вероятно, речь идет о легких вертикальных приспособлениях, на которых можно было развешивать бандельеры в несколько ярусов.

⁹⁵Фитиль (фр. *mèche*) — здесь: волокнистый шнур, пропитанный серой или селитрой; использовался для поджигания пороха при стрельбе из огнестрельного оружия с фитильным замком, а также для дистанционного воспламенения некоторых видов фейерверков и фугасов.

⁹⁶Фейерверки (фр. *feux d'artifice*, буквально — приготовленные, искусственные огни) — здесь: общее название осветительных и боевых пиротехнических средств закладного, метательного или роллерного действия. Наиболее широкое и многообразное применение получили в крепостях.

⁹⁷Квинтал (фр. *quintal*) — во Франции при Старом порядке мера веса, равнявшаяся 100 фунтам (около 49 кг).

⁹⁸Мины (фр. *mines*), также минные галереи, — собственно, подкопы или подземные ходы для обрушения крепостных стен при помощи порохового заряда; впоследствии миной стали называть сам пороховой заряд, закладывавшийся в них.

⁹⁹Гранаты (фр. *grenades*) — здесь: род фейерверков, разрывные осколочные оболочечные снаряды для метания с руки (фр. *grenades à main*) или при помощи артиллерийских орудий; в действие приводились посредством фитиля, поджигавшегося непосредственно перед метанием или выстрелом. Снаряженные составом длительного горения, применялись также для освещения поля боя (в крепостях — рва) в ночное время. Корпус гранаты мог изготавливаться из металла, дерева, глины, толстого картона; иногда, за неимением подходящей оболочки, пороховой заряд помещался в обычную стеклянную бутылку.

¹⁰⁰Бомбы (фр. *bombes*) — здесь: род фейерверков, гранаты большого размера, метание которых производилось при помощи

артиллерийских орудий из категории мортир. Для уничтожения осадных построек противника во рву и подавления неприятельских атак, направленных через ров, де Вилье предлагает также скатывать бомбы по брусьям-направляющим, установленным на валу, или сбрасывать со специального крана (глава XLVI).

¹⁰¹Мортиры (фр. *mortiers*, буквально — «ступки») — здесь: категория крупнокалиберных короткоствольных (обычно не более 2,5–5 калибров) артиллерийских орудий XIV–XIX вв., предназначенных для навесной стрельбы; заряжались массивными каменными и металлическими ядрами, а также бомбами и осветительными снарядами. Осаждающие использовали мортиры для разрушения крепостных стен и городских зданий, а осажденные — для уничтожения осадных построек врага и освещения местности, прилегающей к контрэскарпу.

¹⁰²Москоть (фр. orig. *drogues*) — обобщенное название бытовой и технической химии — масел, красок, воска, смол, кислот, щелочи, древесной золы и т.п.

¹⁰³Галереи (фр. *galeries*) — здесь: наземные крытые ходы, или крытые траншеи, которые осаждающие строили через ров для безопасного приближения к главной крепостной ограде и ее подрыва. Об устройстве и использовании галерей см. главу XLVI.

¹⁰⁴Ложементы (фр. *logements*) — термин, значение которого во французском языке сильно варьируется. Так, применительно к военному делу ложементами могут называться места, предназначенные для ночного отдыха и хозяйственной жизни солдат гарнизона (казармы); помещения полевого лагеря, служащие той же задаче (бивачные палатки); зимние квартиры войсковых подразделений в укрепленных городах; полевые стрелковые позиции, оборудованные бруствером, а иногда и укрытиями от навесного обстрела (окопы); или, как в данном случае, — стрелковые позиции на внешних постройках, гласисе или контрэскарпе, занятые и укрепленные противником (в старой отечественной традиции — засады). Также ложементом называли траншею, со дна которой велся минный подкоп (минный ложемент).

¹⁰⁵Огненные копья (фр. *lances à feu*) — род фейерверков, использовавшихся и в качестве ручного оружия, и для освещения.

Огненное копье представляло собой древко с насаженным на него бумажным или картонным наконечником, «свернутым и склеенным в виде веретена и заключающим в себе горючий состав, который дает очень яркий свет и время от времени выбрасывает искры» (DMP. Т. II. Р. 477).

¹⁰⁶Огненные горшки (фр. pots à feu) — зажигательные снаряды для метания с руки, род гранат. Pot à feu, согласно «Военному словарю» Обера ла Шене де Буа, — «это глиняный горшок, в который кладут гранату и засыпают ее мелким порохом; сверху горшок накрывают куском пергамента или кожи, обвязывают крест-накрест концами фитиля, проводящего огонь, и, взяв за специально предназначенную ручку, бросают туда, где хотят произвести пагубу; падая, горшок раскалывается на куски, порох воспламеняется и поджигает все вокруг» (DMP. Т. III. Р. 189). Точно такое же описание де Вилль дает собственно ручным гранатам.

¹⁰⁷Огненные колеса (фр. cercles à feu) — зажигательные снаряды, представлявшие собой «два или три деревянных круга, связанных вместе латунной проволокой, вокруг которых закреплено много гранат с пистолетными пулями внутри и иных снарядов такого же свойства, а поверху обмотанных паклей и фейерверками: эту машину, поджегши, катят на постройки осаждающих» (DMP. Т. I. Р. 383).

¹⁰⁸Трут (фр. tourteau) — легковоспламеняющийся материал (обычно растительная целлюлоза в той или иной форме), использовавшийся при высеке огня при помощи кремня и кресала.

¹⁰⁹Зажигательные бочонки (фр. barils foudroyants) — род роллерных фейерверков: «суть обычные бочки, наполненные зажигательной смесью, которые скатывают на осадные постройки, дабы сжечь их и вынудить врага отступить от того места, где он намеревался предпринять атаку» (DMP. Т. I. Р. 164).

¹¹⁰Бревна-катки (фр. solives roulantes) — роллерные фейерверки, применявшиеся по принципу огненных колес и зажигательных бочонков.

¹¹¹Раскаленные ядра (фр. balles ardentes) — снаряды для артиллерийских орудий (как правило, мортир), использовавшиеся для поджога осадных построек неприятеля; начиненные ядра

(фр. ориг. *balles chargées*) — разрывные снаряды «круглой либо овальной формы, заполненные тем или иным горючим составом, который трудно потушить. Их бросают при помощи мортир, а нетяжелые — и вручную, как гранаты; служат они для освещения, дабы открыть врага среди ночи и стрелять по нему прицельно, для сжигания фуражных магазинов или зданий атакуемого города» (DMP. Т. I. Р. 149).

¹¹²Железный прибор (фр. *ferrures*) — железные части оружейного лафета.

¹¹³Совки для пороха (фр. ориг. *lanternes [à poudre]*, буквально — «фонари») — артиллерийская принадлежность для засыпания пороха в ствол орудия, «представляющая собой емкость или камору круглого сечения, насаженную на древко или длинную палку» (DMP. Т. II. Р. 480).

¹¹⁴Шуфлы (фр. *chargeoirs*, буквально — «зарядники») — совки для засыпания пороха в артиллерийское орудие или для закладки ядра в ствол, — как правило, с емкостями (каморами) на обоих концах древка.

¹¹⁵Банники (фр. *écouvillons*) — артиллерийская принадлежность, щетки круглого сечения на длинном древке, предназначавшиеся для очистки канала ствола орудия от нагара и остаточных продуктов выстрела.

¹¹⁶Вороты (фр. *guindaux*) — механические приспособления для поднятия тяжестей, лебедки.

¹¹⁷Веревочная снасть (фр. ориг. *martinets*) — слово *martinet*, имеющее во французском языке целый набор значений (стриж, паровой молот, небольшой подсвечник, мутовка, плетъ, гитов, путлище), в данном случае, исходя из контекста, означает именно такелаж для подъема орудий на лафеты.

¹¹⁸Рычаги (фр. *leviers*) — «деревянные или железные инструменты, посредством которых поднимают тяжелые грузы небольшою человеческой силой. Когда рычаг из железа, его называют ломом. Рычаг — первейшее из технических приспособлений. Штурвалы, полиспасты, вороты, кабестаны приводятся в действие благодаря рычажной силе» (DMP. Т. II. Р. 495).

¹¹⁹Канонир (фр. *canonier*) — собственно, пушкарь, «тот, кто нацеливает пушку и стреляет из нее» (DMP. Т. I. Р. 317).

¹²⁰Амбразуры (фр. *embrasures*, далее по тексту также *canonnieres*) — здесь: проемы или отверстия для оружейной стрельбы в парапете. «...Устраиваются тремя футами выше плоскости вала, — уточняет «Военный словарь» Обера Ла Шене де Буа. — Ширина их в толще вала разнится трижды и составляет два с половиной фута со стороны крепости, футом дальше — сокращается на полфута, а снаружи — увеличивается до девяти» (DMP. Т. II. Р. 27). Де Виль, говоря об устройстве фланков, определяет тыльному отверстию амбразуры ширину в 8 футов (глава XVII).

¹²¹Габионы (фр. *gabions*, в отечественной традиции — туры) — «суть корзины пяти-шести футов высоты и четырех — ширины, что внизу, что вверху. Габионы наполняют землей, дабы укрываться за ними от врага, и используют либо как мерлоны для батарей, либо как заграждения ложементов на позициях, либо, наконец, как брустверы на линиях апрошей...» (DMP. Т. II. Р. 285). Приведенную трактовку, определяющую габионы исключительно как приспособления для осады, а не для обороны крепостей, повторяет и «Ручной словарь для инженеров...», называя, впрочем, другие размеры: «Тур есть корзина без дна, совершенно круглая, высота коей обыкновенно от 2½ до 3, а диаметр — 1½ до 2 футов» (Руже, с. 306). Де Виль предлагает использовать габионы, кроме того, для восстановления внешних построек, отбитых у врага, а также поврежденных участков главной крепостной ограды, постройки временных заграждений на осыпи бреша, траверсов на прикрытом пути и возведения ретраншементов. См. главы XXIV, XLII, XLVII и XLVIII.

¹²²Фашины (фр. ориг. *fascines*, далее по тексту также *fagots*) — цилиндрические связки длинных прутьев, предназначавшиеся, в зависимости от обстоятельств, для прокладки гатей в болотистой местности, заполнения рвов осаждаемой крепости, починки разрушенных участков фортификационных сооружений, возведения полевых укреплений и оград; обмазанные горючим составом и начиненные камнем и взрывчатыми веществами, нередко использовались осажденными в качестве роллерных фейерверков.

¹²³Шострапы (фр. *chausse-trapes*, буквально — «ножные уды», в старой отечественной традиции — чеснок, кляпцы, рагульки, подметные каракули) — род полевого военного заграждения в Средние века и Новое время: кованые или скрученные из железного прута «звездочки» с тремя или четырьмя остриями, одно из которых всегда было направлено вверх; разбросанные на пути неприятельской пехоты или кавалерии, ранили ноги солдатам и лошадям. В той или иной конструкции используются до настоящего времени.

¹²⁴Петарды (фр. *pétards*) — здесь: артиллерийские орудия, предназначенные не для метания снарядов, а для осуществления направленного взрыва; с их помощью обрушивали неприятельские подкопы и галереи, взрывали ворота и т.д. Петарды представляли собой короткий, обычно колоколообразный, ствол, из железа, чугуна или бронзы, наполнявшийся порохом и закреплявшийся дулом вниз на поддоне специального станка-ложки — мадрильной доски. Ложка было очень массивным, зачастую усиленным металлическими полосами, имело отверстие, соответствовавшее диаметру дула, и отделялось от ствола петарды пыжом на металлической же крестовине. В некоторых случаях вместо пыжа петарду снаряжали чугунным поддоном с глубокой насечкой, который разлетался при взрыве на острые осколки. Для приведения в действие снаряженную петарду на мадрильной доске прикладывали или подвешивали вплотную к объекту, подлежащему разрушению, с таким расчетом, чтобы сила взрыва шла в одном направлении, и воспламеняли порох в стволе при помощи деревянной трубки, заполненной медленно сгорающим порохом (так называемой запальной свечи). Воины, специальностью которых были прикладывание и подрыв петард, назывались петардирами (фр. *petardiers*). О том, как противостоять петардированию и как использовать петарды для обороны крепости, автор рассказывает в главах XXXV, XXXVII и XLIII.

¹²⁵Мадрильные доски (фр. *madriers*) — специальные ложки, к которым при помощи своих скоб или ушек прикреплялась снаряженная петарда перед взрывом. Изготавливались из массивных деревянных брусьев, нередко оковывались для прочности металлическими полосами, а для подвешивания к воротам осажденной

крепости снабжались крюком или петлей. Чем тяжелее была мадрильная доска и чем плотнее прижата к месту взрыва, тем эффективнее было действие петарды.

¹²⁶Пули, соединенные одна с другой (фр. *balles ramées*), — род боеприпасов, при помощи которых увеличивали поражающую силу выстрела ручного огнестрельного оружия; были эффективны против массированных неприятельских атак. Боеприпасы аналогичной конструкции (так называемые книппели или цепные ядра) предназначались также для артиллерийских орудий, чаще — корабельных.

¹²⁷*Les fortifications*, I. II.

¹²⁸Саперы (фр. *mineurs*) — воины, в обязанности которых входило возведение осадных сооружений, рытье минных и контрминных подкопов, исправление дорог во время следования войск, наведение мостов и понтонов при переправах и т.д.

¹²⁹Контрмины (фр. *contre-mines*) — земляные выработки в толще главной крепостной ограды или насыпи отдельных оборонительных построек, предназначенные для быстрой нейтрализации минных подкопов противника. Могли прокладываться во время осады, непосредственно при обнаружении подкопа, но чаще оборудовались заранее, на этапе возведения оборонительных построек крепости. Представляли собой наклонный центральный ствол с расходящимися от него в разные стороны ходами (рукавами), которые вели изнутри к фасам постройки и при необходимости, для точного выхода к мине, подвергались дополнительному расширению: мина обрушивалась либо взрывом заложенного в один из рукавов контрмины порохового заряда, либо петардированием. Подробнее см. главу XLIII.

¹³⁰Горжа (фр. *gorge*, буквально — «горло», «шея») — вообще, тыльная сторона обособленных («отдельных») фортификационных построек, обычно открытая со стороны крепости; в более узком смысле — обращенная внутрь главной крепостной ограды сторона бастиона.

¹³¹Сетье (фр. *setier*, ориг. *septier*) — мера объема сыпучих продуктов (фр. *mesure de capacité pour les matières sèches*) во Франции

при Старом порядке; парижский хлебный сетье, о котором идет речь, состоял из двенадцати буасо (ведер) и равнялся около 152 л.

¹³²Пинта (фр. pinte) — здесь: мера объема жидкости (фр. *mesure de capacité pour les liquides*) во Франции при Старом порядке; парижская пинта равнялась в первой половине XVII в. около 0,95 л.

¹³³Мюид (фр. muid) — здесь: мера объема жидкости во Франции при Старом порядке; парижский мюид равнялся в первой половине XVII в. около 268 л.

¹³⁴Сидр (фр. cidre) — слабоалкогольный напиток из яблок.

¹³⁵Винный уксус (фр. vinaigre) служил основой некоторых пищевых приправ, использовался как антисептическое, гигиеническое, а некоторых случаях, например во время эпидемий, — и как профилактическое средство. При помощи уксуса, благодаря его антикоррозионному эффекту, охлаждали стволы пушек и прочищали каналы стволов после выстрела.

¹³⁶Акведук (фр. aqueduc, от лат. aqua — вода и ducto — вести) — водовод в виде подземного канала или моста.

¹³⁷Общие магазины (фр. orig. *magazins publics*) — здесь: городские склады провианта для снабжения горожан во время осады (в отличие от продуктовых запасов, сделанных частными лицами для личного потребления).

¹³⁸Конные или ручные жернова (фр. *moulins à chevaux ou à bras*) — вращающиеся приспособления для помола зерна — каменные, реже деревянные, массивные круги, приводившиеся в действие либо конной тягой, либо вручную (зернотерки).

¹³⁹Фураж (фр. fourage) — растительный корм для животных, в данном случае кавалерийских лошадей.

¹⁴⁰Пикотен (фр. picotin) — мера объема сыпучих тел в старой Франции, применявшаяся только к овсу как корму для лошадей; парижский пикотен составлял четвертую часть буасо (т.е. ведра) и равнялся приблизительно 3 л. Соответствует старой русской четверти.

¹⁴¹Не вполне понятно почему, возможно, речь идет о снабжении корабельных команд.

¹⁴²Лагерь (фр. camp) — полевое расположение войск; подразделялся на квартиры (фр. quartiers) войсковых подразделений; при осаде устраивался на расстоянии безопасном в случае орудийного обстрела из крепости.

¹⁴³Подступы (фр. approches от *approcher* — приближаться) — здесь: траншеи, при помощи которых осаждающие приближались к крепости; в более позднем смысле, относящемся к высокому периоду развития осадной войны, — ходы сообщения, прорытые перпендикулярно фронту крепости. Де Вилль еще не делает различия между словами *tranchées* и *approches* и употребляет их как синонимы.

¹⁴⁴Анфилировать (фр. *enfiler*, буквально — «пронизывать») — вести сквозной или продольный огонь.

¹⁴⁵Фланкировать (фр. *flanquer*) — здесь и далее по тексту: оказывать огневое прикрытие сбоку. Фланкирующий участок (фр. *lieu flaque*), в крепости — орудийная или стрелковая позиция, прикрывающая своим огнем тот или иной сектор обороны (фр. *lieu flaque*).

¹⁴⁶Ров (фр. *fossé*) — одно из основных фортификационных сооружений, глубокая земляная выработка, опоясывающая снаружи главную крепостную ограду (главный вал) или отдельную оборонительную постройку. Землю, вынутую во время прокладки рва, использовали для сооружения вала. Иногда при возведении крепостей, особенно в болотистых и сильно обводненных местностях, предусматривалась возможность наполнения рва водой, чтобы затруднить противнику переход через него. О размерах ровов см. главу XX.

¹⁴⁷Кронверк (фр. *ouvrage à couronne*, буквально — «постройка в виде короны») — внешняя отдельно стоящая оборонительная постройка с двумя бастионными фронтами. Кронверк представлял собой бастион с правой и левой куртинами, каждая из которых оканчивалась полубастионом, и возводился на подступах к главной крепостной ограде — перед бастионом, куртиной или даже демилуной для углубления передовой обороны, прикрытия ворот и т.д. Ров кронверка соединялся с главным рвом, благодаря чему кронверк мог эффективно использоваться как сборное

место для вылазок. Иногда кронверки располагались один перед другим, а их фронты — усиливались демиллионами. В более позднее время возводились кронверки с двумя целыми бастионами и, соответственно, тремя фронтами. Де Виль определяет кронверк как «теналь, дополненную бастионом» (глава XXI).

¹⁴⁸Штурмфал (фр. fraise) — частокол, врытый наклонно или горизонтально либо в срез эскарпа, либо во внешнюю отлогость вала фортификационной постройки и затруднявший противнику штурм.

¹⁴⁹Частокол (фр. palissade) — военное заграждение, изгородь из врытых почти вплотную друг к другу толстых кольев, нередко заостренных вверху. «Одни частоколы вкапываются вертикально, другие — с наклоном к земле в сторону противника, дабы веревки, которые тот накидывает, чтобы их повалить, не захватывали колья, а соскальзывали. Устанавливаются частоколы на берме у подножия бастиона, при горжах демиллон и прочих внешних построек, на дне рва, но прежде всего — близ парапета прикрытого пути. ...Колья должны стоять так тесно, чтобы между ними можно было просунуть разве что ствол мушкета. Форсируют частоколы, либо подкапывая их, либо взрывая гранатами, либо расстреливая из пушек, либо сжигая при помощи просмоленных фашин» (ДМР. Т. III. Р. 66).

¹⁵⁰Полубастионы (фр. demi-bastions), реже — эполементы (от фр. épaule — плечо) — фортификационные сооружения, имевшие, в отличие от целого бастиона, только один фланк и один фас. Закладывались на тех участках главной крепостной ограды, где по тем или иным причинам нельзя было возвести целый бастион, являлись элементами конструкции теналей, горнверков и кронверков.

¹⁵¹Гласис (фр. glacis, от лат. glatia — отлогость) — заградительная фортификационная постройка — насыпь перед рвом, отлого спускавшаяся в поле; предоставляла преимущество возвышения стрелковым позициям на прикрытом пути. Гребень гласиса служил парапетом (бруствером) прикрытого пути.

¹⁵²Банкет (фр. banquette, буквально — «скамейка», «приступок») — здесь: вспомогательная насыпь в виде невысокой ступени,

проходившая вдоль тыльной стороны парапета фортификационного сооружения и облегчавшая стоявшим на ней стрелкам стрельбу через парпет. О размерах banquetов см. главы XIX–XXI.

¹⁵³Прикрытый путь (фр. *chemin couvert*, здесь и иногда по тексту также *corridor*) — опоясывающая центр крепости оборонительная позиция между гласисом и контрэскарпом; позволяла войскам передвигаться вдоль контрэскарпа и служила сборным местом накануне вылазок. Со стороны поля прикрывалась гребнем гласиса, а дополнительно — частоколом.

¹⁵⁴Подъемы (фр. *montées*) — здесь: пологие земляные насыпи, которые позволяли обороняющимся всходить на прикрытый путь со дна рва. Могли представлять собой пониженный участок прикрытого пути либо примыкать к контрэскарпу. В более широком смысле — вообще отлогости, ведущие на верх фортификационного сооружения — главной крепостной ограда, тенали, демилюны, контргарда и т.д. Термин «аппарели» (фр. *appareils*), обозначавший аналогичные постройки, вошел в употребление гораздо позднее, не ранее XVIII в., и, прежде всего, прилагался к тем из них, которые облегчали установку артиллерийских орудий на возвышенных позициях или обеспечивали сообщение с заглубленными фортификационными сооружениями (окопами, траншеями) в условиях полевой войны.

¹⁵⁵Линия защиты (фр. *ligne de défense*, orig. *ligne de défense*), также линия фланкирования, у некоторых авторов — просто защита (фр. *défense*) — расстояние между фланкирующим участком и максимально удаленным от него фланкируемым. В крепостях, возведенных по бастионной системе, так назывался, прежде всего, условный отрезок, начинавшийся от шпица бастиона и продлевавший фас до той точки на куртине, где должен был располагаться прямой (бастионный) или косой (куртинный) фланк. Соответственно различали бреющую линию защиты (фр. *ligne de défense rasante*), т.е. позволявшую фланку вести огонь вдоль всего противолежащего фаса, и прицельную (фр. *ligne de défense fichante*), при которой фас можно было обстреливать с куртины под тем или иным углом. Линия защиты всегда соотносилась с дальностью мушкетного выстрела и служила одним из ключевых

измерений (наряду со стороной полигона), задающих начертание фортификации (см. главу XIV).

¹⁵⁶Орильон (фр. orillon, буквально — «ушко») — заградительный выступ при плечевом угле бастиона — следствие особой конфигурации бастионного фланка, при которой треть площади фланка, предназначенная для установки артиллерийских орудий, заглублялась в полугоржу (см. *примеч.* 157) и несколько понижалась по отношению к двум другим третям, которые, в свою очередь, отводились под стрелковые позиции. Орильон эффективно прикрывал контрбатарею от обстрела с поля. Закругленный выступ де Вилль называет собственно орильоном, а прямоугольный — плечом (фр. épaule).

¹⁵⁷Полугоржа (фр. demi-gorge), в начертании бастиона — отрезок стороны полигона между углом, образуемым фланком и куртиной, и углом полигона, либо, в бастионах, расположенных на прямой линии, — отрезок горжи по правую или левую сторону относительно капители (см. *примеч.* 174).

¹⁵⁸Одежда (фр. revêtement) — облицовка отлогостей земляных фортификационных сооружений каменной кладкой, дерном или переплетенными прутьями, предотвращающая осыпание и проседание земли. Применительно к одежде главной крепостной ограды де Вилль использует исключительно термин murailles, т.е. «стены», подразумевая каменную кладку. См. главу XIX.

¹⁵⁹Берма (фр. berme, жарг. pas de souris, буквально — «мышинный шажок»), в фортификационном сооружении — горизонтальный уступ между земляной насыпью и рвом, ограждающий ров от осыпей и падения обломков во время артиллерийского обстрела. Иногда для технической надежности и усиления обороны дополнительно огораживалась частоколом.

¹⁶⁰Туаз (фр. toise) — старинная французская мера длины антропометрического происхождения, расстояние между концами пальцев разведенных в стороны рук, эквивалент русской сажени. Туаз включал 6 футов и равнялся в первой половине XVII в. около 1,95 м.

¹⁶¹Эскарп (фр. escarpe) — срез рва со стороны главного вала крепости или отдельной оборонительной постройки. Паралет

над эскарпом (эскарпная стенка) оборонял так называемый дозорный путь (фр. *chemin des rondes*) и, подобно берме, предотвращал осыпание земли вала и обрушение обломков его одежды на фоссебрею (см. *примеч.* 194), если таковая была, или непосредственно в ров.

¹⁶²Входы (фр. *entrées*) — обороняемые доступы в крепость, чередой пролегающие через ее предвратные постройки и заграждения.

¹⁶³Траверс (фр. *traverse* — поперечина), вообще — любое заградительное сооружение, препятствующее афилирующему огню. Траверсами, в частности, назывались перпендикулярные фронту насыпи на прикрытом пути, поперечные заграждения горжи в сомкнутых внешних постройках и т.д. Термин «траверс» автор употребляет также в отношении горизонтальных подземных ходов, отрывавшихся перпендикулярно рукам контрмин для расширения участка поиска неприятельского подкопа.

¹⁶⁴Форт (фр. *fort*) — сомкнутая передовая фортификационная постройка (как правило, бастионированная), предназначенная для обороны ключевых подступов к крепости; род цитадели, в старой отечественной традиции — крепостца (см.: Руже, с. 321). Здесь, очевидно, имеются в виду постройки, внутри которых находились ворота — приспособления для натягивания через акваторию порта заградительных цепей.

¹⁶⁵Герсы (фр. *herse*) — опускаемые решетки в проеме крепостных ворот, приводившиеся в движение системой воротов и противовесов. Со временем уступили в крепостях место опускаемым брусам как более эффективному заграждению.

¹⁶⁶Опускаемые брусья (фр. *orgues*, буквально — «органы») — заградительное инженерное приспособление в воротном проеме крепости: «суть длинные и массивные деревянные брусья, которые подвешиваются поверх городских ворот на небольшом расстоянии один от другого, каждый на своей веревке, таким образом, чтобы при внезапной атаке врага они, отпущенные, падали бы отвесно в проем ворот и перегораживали таковой» (ДМР. Т. III. Р. 47–48). Механизм опускаемых брусей подробно описан де Виллем в «Фортификации» (I. III, part. II, chap. IX; pl. L, fig. 7);

там же отмечено их преимущество перед герсами: опускные брусья, в отличие от цельносоставной герсы, нельзя было во время падения остановить при помощи упора, так как тот, в лучшем случае, не позволил бы упасть лишь одному или двум брусьям.

¹⁶⁷Реданы (фр. redents — зубцы) — здесь: фортификационные сооружения в составе главной крепостной ограды или оборонительного комплекса при контрэскарпе. По начертанию, в отличие от бастионов, имевших фланки, представляли собой простой исходящий угол, образованный двумя фасадами.

¹⁶⁸Фортификационные сооружения или постройки за пределами вала (фр. ориг. les parties ou fortifications extérieures) — имеются в виду внешние постройки, расположенные во рву и непосредственно за ним.

¹⁶⁹Косая оборона (фр. défense oblique, ориг. défense oblique) — оборона косоприцельным огнем; здесь, скорее всего, имеется в виду оборона со стороны куртинных флангов, — в отличие от прямой обороны (фр. défense droite), обеспечиваемой фланками бастионов (ср. примеч. 155).

¹⁷⁰Главы XIV–XXIV.

¹⁷¹Les fortifications, l. I, part. I, chap. XVIII.

¹⁷²Автор описывает бастионный фронт (ср. примеч. 25).

¹⁷³Полигон (фр. polygone, от гр. πολύγωνος) — многоугольник; полиплевр (фр. polypleure, от гр. πολύπλευρος) — многореберник.

¹⁷⁴Капиталь (фр. capitale), в старой отечественной традиции иногда — капитальная линия, вообще — условная биссектриса исходящих и входящих углов, служившая для начертания фигуры фортификационных сооружений и правильного сопряжения ее составляющих; в более тесном смысле — биссектриса обороняемого угла бастиона; в крепостях регулярного начертания проходила из центра вписанной окружности через угол полигона, обороняемый угол бастиона и геометрический центр построек, располагавшихся перед бастионом.

¹⁷⁵Эспланада (фр. esplanade), вообще — открытое, простиравшееся на мушкетный выстрел пространство перед цитаделью или постройками главной крепостной ограды, которое не позволяло

противнику приблизиться незамеченным. Автор здесь и далее по тексту называет эспланадой гласис (см. *примеч.* 151). «Военный словарь...» Обера да Шене де Буа (середина XVIII в.), повторяя это последнее определение, отмечает, что «в данном смысле слово сие начинает устаревать и используется все больше для обозначения незастроенного пространства от гласиса цитадели до первых городских домов» (DMP. Т. II. Р. 88).

¹⁷⁶Синус (фр. *sinus*) — одна из тригонометрических функций.

¹⁷⁷Логарифм (фр. *logarithme*, ориг. *logarifme*) — показатель степени, в которую нужно возвести ее основание для получения искомого числа.

¹⁷⁸Буссоль (фр. *boussole*) — угломерный прибор для геодезической съемки местности.

¹⁷⁹Пропорциональный циркуль (фр. *compas de proportion*) — инструмент для масштабирования.

¹⁸⁰*Les fortifications*, I. I, part. I, chap. XVIII.

¹⁸¹Крепости королевских размеров (фр. *places des mesures royales*), или, сокращенно, королевские крепости (фр. *places royales*), т.е. особенно большие, с максимально длинной линией защиты. Этот термин де Вилль употребляет в отношении крепостей, в которых полугоржа составляла 30 туазов, а сторона фигуры — 180 (*Les fortifications*, I. I, part. I, chap. XIX). Термин впоследствии был заимствован другими авторами.

¹⁸²Лукка (ит. *Лусса*, фр. *Lusques*, ориг. *Luques*) — старинный город на северо-западе Италии, центр одноименной современной провинции в регионе Тоскана. Бастионные укрепления Лукки (ит. *mura di Lucca*), возведенные в конце XVI — первой половине XVII в. и превосходно сохранившиеся до настоящего времени, — один из ярчайших примеров применения в фортификации так называемой итальянской системы.

¹⁸³Ливорно (ит. *Livorno*, фр. *Livourne*, ориг. *Ligourne*) — город на северо-западном побережье Италии, центр одноименной провинции в регионе Тоскана. Крепость Ливорно, реконструированная в соответствии с бастионной системой в XVI–XVII вв., в плане представляла собой почти правильный октагон, примы-

кавший к порту, а со стороны моря защищенный трехбастионным фортom.

¹⁸⁴Урбанов форт (фр. ориг. fort Urbain, ит. forte Urbano) — малая крепость (четырехбастионная цитадель, усиленная демилюнами) близ города Кастельфранко (современная итальянская провинция Эмилия-Романья), которая была построена в конце 20-х — первой половине 30-х гг. XVII в. инженером Джузеппе Буратти по приказу папы Урбана VIII для обороны границ Папского государства.

¹⁸⁵Пальманова (ит. и фр. Palmanova) — город в Северной Италии, провинция Удине, близ современной границы со Словенией. Был построен венецианцами в 1593–1623 гг. как военная крепость (см. примеч. 7), представлявшая собой правильный эннеагон (девятиугольник). Укрепления Пальмановы, представляющие собой классический пример итальянской бастионной системы, превосходно сохранились до настоящего времени.

¹⁸⁶Казале (ит. Casale, фр. ориг. Casal), точнее, Казале-Монферратo, — город в Северной Италии, на р. По, современная провинция Алессандрия, столица прежнего маркграфства Монферрат. На рубеже XVI–XVII вв. был укреплен по итальянской системе фортификации правителями Монферрата из дома Гонзага, играл важную стратегическую роль в ходе Войны за мантуанское наследство (1628–1631) и впоследствии, в течение долгого времени, особенно при французах, к которым перешел в 1681 г., считался одной из самых неприступных крепостей Европы. В ходе войны Аугсбургской лиги (1688–1697) Казале по политическим соображениям был сдан французами савойскому герцогу (1695), который распорядился срыть городские укрепления до основания.

¹⁸⁷Орудийная площадка (фр. ориг. place basse, дословно — «низкое место») — место для установки артиллерийских орудий на бастионном фланке.

¹⁸⁸Косой фланк (фр. flanc oblique) — «участок куртины, открывающийся в сторону противоположного бастионного фаса и позволяющий вести по нему косоприцельный огонь. Такого рода фланки встречаются лишь в тех крепостях, где сосуществуют обе

линии защиты — и бреюющая, и прицельная, ибо косой фланк — не что иное, как интервал между двумя этими линиями. Когда оборона, предоставляемая косым фланком, идет сильно под углом и выстрелы с него, дабы досягать фаса, который надлежит им оборонять, могут производиться разве что наискось, фланк сей признают бесполезным» (DMP. Т. II. Р. 218).

¹⁸⁹Прямой фланк (фр. *flanc droite*) — фланкирующий участок на бастионе, между фасом и куртиной.

¹⁹⁰Мерлон (фр. *merlon*, буквально — «простенок») — здесь: участок парапета фланка между двумя орудийными амбразурами.

¹⁹¹*Les fortifications*, I. I, part. I, chap. XXI и далее.

¹⁹²Эррар (фр. *Errard*, ориг. *Erard*) — Жан Эррар де Бар-ле-Дюк (ок. 1554–1610) — лотарингский математик и военный инженер, первый теоретик бастионной фортификации во Франции, автор фундаментального труда «*La fortification démontrée et reduite en art...*» (1594). Принципы Эррара во многом определили концепцию фортификации, которой придерживался де Виль.

¹⁹³Точнее говоря, на рисунке представлен вид их парапетов.

¹⁹⁴Фоссебрея (фр. *fausse-braie*, ориг. *fausse braye*, т.е. «ложная насыпь») — наружная постройка со стрелковыми позициями для обороны рва, «прикрытый путь, проходящий надо всем эскарпом, то есть по краю рва со стороны крепости» (DMP. Т. II. Р. 200); была характерна для голландской системы фортификации. При орудийном обстреле вала парапет фоссебреи (собственно, та самая «ложная насыпь»), помимо своего основного предназначения, не позволял земле и обломкам каменной кладки осыпаться в ров. О фоссебрее см. главу XX.

¹⁹⁵Кофр (фр. *coffre*, буквально — «сундук», «ящик») — «малая земляная выработка, прокапываемая поперек сухого рва на всю его ширину и покрываемая сверху бревнами, которые возвышаются над дном рва на два фута: возвышение это служит парапетом и снабжается амбразурами. Кофры устраиваются в свободное время войсками, находящимися в крепости, и предназначены для ведения огня по осаждающим, когда те предпринимают попытку перейти ров» (DMP. Т. I. Р. 447).

¹⁹⁶Глава XLVI.

¹⁹⁷Пифагорейцы (фр. pythagoriens, ориг. pytagoriens) — последователи учения Пифагора Самосского (570–490 до н. э.), древнегреческого философа и математика, считавшие, в частности, что все сущее определяется математическими законами и что любая вещь может быть выражена через то или иное число.

¹⁹⁸Маролуа (фр. Marolois, лат. Marolis), Самюзель (1572 — до 1627) — нидерландский математик и военный инженер французского происхождения; наряду с Эрраром де Бар-ле-Дюком и Симоном Стевином — основоположник теории бастионной фортификации, один из родоначальников так называемой голландской системы, автор трудов «Fortification ou architecture militaire...» (1615) и «Géométrie, contenant la théorie et pratique d'icelle, nécessaire à la fortification» (1616). По проекту Маролуа в начале XVII в. был укреплен город Куворден (современная нидерландская провинция Дренте): укрепления, частично сохранившиеся до настоящего времени, представляют собой правильный семиугольник с включенной в него пятибастионной цитаделью.

¹⁹⁹Речь идет об институте статхаудеров (штатгальтеров) в Республике Соединенных провинций (Нидерландах). Статхаудером (т.е. наместником, согласно традиции, воспринятой Нидерландами от отношений с их прежней метрополией — габсбургской Испанией) назывался выборный глава провинции, которому принадлежала и гражданская, и военная власть. Начиная с последней четверти XVI в. статхаудерами большинства нидерландских провинций избирались представители Оттонианской линии династии Нассау.

²⁰⁰Спинола Дориа (ит. и фр. Spinola Doria), Амброджио, маркиз де Лос Бальбазес (1569–1630) — выдающийся военачальник периода Тридцатилетней войны, потомок аристократической семьи из Генуи. С 1602 г. — на испанской службе, в 1604 г. вынудил к сдаче крепость Остенде, которая оборонялась до этого свыше трех лет, и был назначен командующим испанскими войсками во Фландрии. Благодаря успешным осадам нидерландских крепостей приобрел известность как мастер осадной войны; в 1625 г.,

после десятимесячной осады взял крепость Бреда в Брабанте. Умер, осаждая крепость Казале (Пьемонт) в ходе Войны за мантуанское наследство.

²⁰¹Вероятно, речь идет, прежде всего, о неудачной осаде французской армией города Доля, прежней столицы графства Франш-Конте, которое во время Тридцатилетней войны стало объектом экспансии Франции: испанский гарнизон и горожане Доля стойко отражали натиск осаждающих в течение почти четырех месяцев (май–август 1636 г.), вплоть до подхода к ним на выручку имперских и лотарингских войск.

²⁰²Les fortifications, I. I, part. I, chap. XXIII.

²⁰³Эффективность прямоугольных бастионов против огня батарей, ведущегося под прямым углом к бастионному фасу, де Вильль доказывает в книге «Фортификация» тригонометрическими построениями (Les fortifications, I. I, part. I, chap. XXIII, pl. 8, fig. 2).

²⁰⁴Евклид (др.-гр. Εὐκλείδης) — древнегреческий математик, основатель математической школы в Александрии; автор геометрического трактата «Начала» (гр. Στοιχεῖα).

²⁰⁵Иррациональности (фр. irrationnels, от лат. irrationalis — непостижимый, нелогичный) — одно из понятий евклидовой геометрии, геометрические величины (отрезки), которые не соизмеримы с заданной величиной ни линейно, ни в степени. Квадратичные иррациональности рассматриваются в X главе евклидовых «Начал».

²⁰⁶Медиаль (фр. médiale, от лат. medialis — средний), в евклидовой геометрии — сторона квадрата, равновеликого иррациональному прямоугольнику.

²⁰⁷Контрфорсы (фр. contreforts, ориг. contre-forts, буквально — «противосилы») — здесь: вдающиеся глубоко в толщу вала вертикальные выступы (ребра) его каменной одежды, которыми дополнительно усиливали кладку от напора земли. По высоте равнялись одежде вала и возводились через определенные промежутки вдоль всей его окружности.

²⁰⁸Рукава контрмин (фр. ориг. allées) — ходы, ведущие от центрального ствола контрмины к наружным поверхностям фасов обороняемой постройки.

²⁰⁹Les fortifications, l. I, part. I, chap. XXIX. Практику использования в качестве контрмин сводчатых полостей в толще вала де Виль критикует и в «Губернаторе...» (глава XLIII).

²¹⁰Les fortifications, l. I, part. I, chap. XIX.

²¹¹Ibid., chap. XXXI.

²¹²Оригинальное название этой главы — «Des parties extérieures de la place», т.е. «О внешних составляющих крепости», не вполне соответствует принятой в настоящем переводе терминологии и приведено в соответствие с ней (*см. примеч. 58*).

²¹³Горнверк (фр. ouvrage à cornes, т.е. постройка в виде рогов, ориг. cornes, буквально — «рога») — внешние постройки, фронт которых представлял собой куртину с двумя полубастионами по краям. В отличие от теналей, с которыми их сравнивает де Виль, применение горнверков было значительно шире: горнверки, как правило превосходившие тенали по размерам, возводились перед бастионными шпицами, демилюнами и кронверками, служили для углубления обороны бастионного фронта и нередко использовались в качестве предмостовых укреплений.

²¹⁴Имеются в виду кофры, которые обустроивались на дне рва (*см. примеч. 195*).

²¹⁵Les fortifications, l. I, part. II, chap. XXXVII.

²¹⁶Сборное место на контрэскарпе.

²¹⁷Кюнета (ит. cunetta) — «малый ров, выкопанный посередине сухого рва, обыкновенно на такую глубину, пока не покажется вода. Сей малый ров проходит по всей длине большого, дабы еще больше затруднить противнику форсирование обоих» (ДМР. Т. I. Р. 567). В пояснениях к предлагаемой ниже схеме профиля де Виль приводит французское название кюнеты — cuvette.

²¹⁸Les fortifications, l. I, part. II, chap. XXXVIII.

²¹⁹Кювета (фр. cuvette) — французское название кюнеты (*см. примеч. 217*).

²²⁰Равелины (фр. ravelins, ит. rivellini) — при бастионном фронте то же, что демилюны.

²²¹Иными словами, не повторять очертания плечевых углов, образованных усечением фасов, чтобы ров демиллюны свободно афилировался соседними бастионами.

²²²Какую крепость имеет в виду де Вилль, неизвестно.

²²³Западня — в оригинальном тексте *coupe-gorge*, буквально — «горлорезка».

²²⁴Платформа (фр. *plate-forme*) — здесь: вспомогательная оборонительная постройка того или иного начертания, которую закладывали при ограде иррегулярных крепостей для коррекции длины или направления линии защиты.

²²⁵Там, где цитадели примыкают к главному валу или вдаются в него.

²²⁶Барщинная отработка (фр. *corvée*) — безвозмездный труд крестьян в пользу феодала, от которого они держали свои наделы.

²²⁷Контрибуция (фр. *contribution*) — возмещение (в той или иной форме), которое по итогам войны возлагалось победителями на побежденных.

²²⁸Глава XII.

²²⁹Редут (фр. *redoute*) — сомкнутое, как правило четырехугольное, полевое укрепление, предназначенное для круговой обороны, согласно терминологии «Военного словаря...» Обера ла Шене де Буа, — «малый форт» (фр. *petit fort*). Редуты возводились на стратегически важных подступах к крепости, а осаждающим служили в качестве опорных пунктов циркумвальной и контрвальной линий и для огневого прикрытия траншей во время вылазок осажденного гарнизона. «Протяженность каждого из их фасов может составлять от восьми до двадцати туазов; толщина парапета, снабженного двумя или тремя банкеттами... — от восьми до девяти футов; ров, что в ширину, что в глубину, насчитывает примерно столько же» (DMP. Т. III. Р. 273).

²³⁰Глава XII.

²³¹Речь, по-видимому, идет о частоколах, не позволяющих противнику подобраться к воротам непосредственно через ров, минуя череду предвратных заграждений (см. гл. XII, XXXVII).

²³²Фр. *tirer en fichant*; см. *примеч.* 155.

²³³См. главу XXXVII.

²³⁴Застава (фр. *barrière*) — здесь: предвратное или предмостовое (реже — дорожное или уличное) заграждение против кавалерии. Представляла собой «толстые четырех- или пятифутовые колья, вкопанные на расстоянии десяти футов один от другого и перехваченные поперечинами» (DMP. T. I. P. 166).

²³⁵Глухой мост (фр. *pont dormant*, буквально — «спящий мост») — неподвижный стационарный мост для постоянного перехода через реку или крепостной ров.

²³⁶Подъемный мост (фр. *pont-levis*) — инженерное оборонительное сооружение, которое в опущенном состоянии служило мостом через крепостной ров, а в поднятом вертикально — затвором ворот. С нижней стороны нередко снабжался частыми рядами железных штырей, препятствовавших, при вертикальном положении моста, приложению петарды.

²³⁷Бакуль (фр. *pont à bascule*, orig. *bascule*) — здесь: род двух-составного разводного моста на противовесах, одна из частей которого иногда служила затвором ворот. Относительно подробное описание бакуля дошло до нас из доработанного варианта сочинения «*L'art universel des fortifications...*» (1674) Жана Дю Брея (Сильвера де Битанвьё), который, как можно судить по тексту, во многом опирался на работы де Вилля: «Бывают еще такие мосты, которые раскрываются надвое, как ворота или, точнее говоря, как створки люка, ведущего в погреб, одна из которых заходит на другую» (AUF. P. 88). Сам де Вилль приводит одну из конструкций бакуля в «Фортификации» (I. III, part. II, chap. IX; pl. L, fig. 8); он также объясняет, как использовать его для защиты от петардирования (см. главу XXXVII), и доказывает тактическое преимущество бакуля, расположенного в отдалении от ворот, т.е. в середине или на противоположном конце ведущего к ним глухого моста: «Если к такому бакулю приложить петарду, она не причинит ни малейшего вреда воротам, но будь он ближе к ним, — способна разнести и ту и другую преграды разом» (*Les fortifications*, I. I, part. IV, chap. LXVI). В широком смысле название *pont à bascule* могло прилагаться к любому подъемному мосту, приводившемуся в действие при помощи противовесов.

²³⁸Фризские кобылы (фр. *chevaux de frises*, в отечественной традиции — рогатки) — военные заграждения, представлявшие собой толстый деревянный брус с чередой пробитых сквозь него крест-накрест заостренных кольев. В крепостях использовались перед воротами и входами на мост, а также для обороны брешей.

²³⁹Эстакада (фр. *estacade*) — военное заграждение: частокол поперек течения реки или при входе в порт со стороны моря.

²⁴⁰Мачтовое дерево (фр. *mât de navire*, orig. *mas de navire*) — род опускного или вращающегося в горизонтальной плоскости заградительного бруса (шлагбаума).

²⁴¹Фламандцы (фр. orig. *flamans*, самоназв. *vlamingen*) — германоязычное коренное население северных территорий исторической области Фландрия (см. *примеч.* 243); близки голландцам.

²⁴²Римская империя — античное государство на территории Европы, Передней Азии и средиземноморского побережья Африки, ядром которого являлись земли Италии, а главной столицей — город Рим.

²⁴³Фландрия (фр. *Flandre*, голл. *Vlaanderen*) — историческая область на территории современных Бельгии, Нидерландов и, частично, Франции; некогда — самостоятельное графство в составе Священной Римской империи, владение герцогов Бургундских, впоследствии — одна из наиболее крупных провинций Нидерландов, с 1556 г. — под властью испанских Габсбургов. Французы в XVI–XVII вв. под названием Фландрия нередко подразумевали Испанские Нидерланды вообще, и похвала де Вилля, таким образом, могла быть адресована статхаудеру Испанских Нидерландов кардиналу-инфанту Фердинанду Австрийскому (1609–1641), победителю при Нёрдлингене (см. *примеч.* 244).

²⁴⁴Очевидно, имеется в виду поражение объединенной армией католического (габсбургского) лагеря во главе с венгерским королем — будущим германо-римским императором Фердинандом III, и статхаудером Испанских Нидерландов кардиналом-инфантом Фердинандом шведско-германских протестантских сил под стенами города Нёрдлингена в Баварии (сентябрь 1634 г.). Итогами этого поражения стали развал коалиции протестантских германских княжеств, созданной под эгидой Швеции, вос-

становление власти Габсбургов в Южной Германии и подписание Пражского мирного договора 1635 г., знаменовавшего завершение так называемого «шведского периода» Тридцатилетней войны. В войсках Габсбургов во время битвы под Нёрдлингеном преобладали наемники из Миланского герцогства и других государств Италии.

²⁴⁵Наиболее известные европейские военачальники и флотоводцы XVI–XVII вв. — уроженцы Италии: генуэзцы Андреа Дориа (1466–1560) и Амброджио Спинола (*см. примеч. 200*), флорентинцы Пьетро Строцци (1510–1558) и Оттавио Пикколомини (1599–1656), фриулец Джироламо Коллоредо (1582–1638), моденец Раймундо Монтекукколи (1609–1680) и др.

²⁴⁶Брессанцы, также брессаны (фр. *bressans*) — уроженцы исторической области Бресс между реками Сона и Эн (в настоящее время — в составе французских департаментов Сона-и-Луара и Эн), которая в течение нескольких столетий принадлежала правителям Савойи — Пьемонта, но в 1601 г. по итогам неудачной для савойского герцога Карла-Эммануила войны с Францией была уступлена, наряду с прилегающими к ней восточнее территориями Жекса, Бюже и Вальромэ, французскому королю Генриху IV. Тем не менее брессанцев де Вилье причисляет к итальянцам, невзирая даже на то, что области Бресса были преимущественно франкоговорящими.

²⁴⁷В Тридцатилетнюю войну на стороне стран антигабсбургского блока Франция официально вступила в 1635 г., а до этого в течение нескольких лет оказывала им активную экономическую и дипломатическую поддержку.

²⁴⁸Карл-Эммануил Савойский (фр. *ориг. Charles Emanuël de Savoie*) (1562–1630) — герцог Савойи и князь Пьемонта в 1580–1630 гг. В ходе начавшихся во Франции религиозных войн выступал сторонником Католической лиги и ее союзников испанцев, предпринял несколько завоевательных походов в восточнофранцузские области, по итогам — неудачных, и был вынужден к территориальным уступкам (*см. примеч. 246*) в обмен на признание в составе своих владений маркизата Салуццо. В 1602 г. пытался овладеть Женевой — столицей кальвинистов, с 1628 г. участвовал

в Войне за мантуанское наследство (некоторое время — как союзник французов). Снискал ставу отважного воина, талантливого полководца и дипломата. Де Виль в течение нескольких лет служил в войсках Карла-Эммануила и был пожалован им в кавалеры савойского ордена Свв. Маврикия и Лазаря.

²⁴⁹Пистоль (фр. *pistole*) — испанская золотая монета, двойной эскудо (ок. 6,2 г), имевшая хождение в ряде европейских стран в XVI–XVIII вв. Собственно название *pistole* представляет собой искаженное слово *piastola*, восходящее, в свою очередь, к итальянскому *piatra*, буквально — «плитка»: так называли в Италии XVI в. угловатые, грубо отчеканенные испанские песо. Во Франции золотой пистоль приобрел особое значение в связи с девальвацией экю. В ходе денежной реформы 1640-х гг. французская монета, отчеканенная по образцу пистоля, получила название луидора.

²⁵⁰Склавоны (фр. ориг. *esclavons*, от гр. *σκληρὸν*) — обобщенное название южных славян, населявших, в том числе, владения Венеции на восточном побережье Адриатического моря (Далмацию и Истрию), но, вопреки утверждению автора, не имевших никакого отношения к далматинцам, или далматам, — иллирийскому племенному союзу, который господствовал в прилегающих к Адриатике областях Балкан (главным образом, на территории современной Хорватии) в IV–III в. до н. э. и был покорен римлянами к концу I в. до н. э.

²⁵¹В 1630–1635 гг. де Виль состоял на службе Венецианской республики и как военный инженер руководил, в частности, сооружением укреплений города Пулы (Истрия, современная Хорватия), в то время принадлежавшего венецианцам.

²⁵²Кермеш (фр. ориг. *kermes*) — название ярмарочных гуляний у некоторых европейских народов, в том числе южных славян.

²⁵³Брадва (фр. ориг. *bradva*) — название топора в некоторых южнославянских языках (болгарском, сербскохорватском, словенском).

²⁵⁴Санджаки (фр. ориг. *sangiacs*), точнее, санджак-беи, — наместники военно-административных округов в Османской империи, входивших в состав провинции (вилайета).

²⁵⁵Янычары (фр. ориг. janissaires) — привилегированное военно-служилое сословие в османской Турции XIV–XIX вв., составлявшее основу ее пехоты и личную гвардию султана. Первоначально к поступлению в янычары готовили только обращенных в ислам христианских юношей из покоренных турками европейских земель. В дальнейшем, когда янычарские полки приобрели репутацию элитных войсковых частей, доступ в них был открыт и другим категориям подданных султана, в том числе мусульманской знати. На протяжении нескольких веков янычары как сословие играли важную роль в политической и экономической жизни Турции.

²⁵⁶Зопир (фр. Zopyre, гр. Ζῶπυρος) — согласно Геродоту (см. примеч. 257), — знатный перс, который под видом перебежчика проник в осажденный персидским царем Дарием Вавилон и отворил войскам Дария городские ворота (ок. 522 до н. э.). Чтобы вавилоняне поверили ему, Зопир, притворившись жертвой Дария, отрезал себе нос и уши, исхлестался бичом и остриг волосы (Геродот, III, 153–158).

²⁵⁷«История» (фр. Histoire, гр. Ἱστορία) — сочинение древнегреческого историка Геродота Галикарнасского (ок. 484–425 до н. э.); состоит из девяти книг, названных по именам муз: «Клио», «Евтерпа», «Талия», «Мельпомена» и т.д.

²⁵⁸Смотровые (фр. monte, буквально — «смотр») — здесь: денежное содержание, которое выплачивалось гарнизону, исходя из его списочной численности, определявшейся по итогам проверки на ежемесячных войсковых смотрах.

²⁵⁹В европейских наемных армиях XVI–XVIII вв. предоставление командирами заведомо неверных данных о списочной численности своего подразделения ради присвоения оклада отсутствующих в строю солдат было широко распространенным, а в некоторых странах (например, в Швеции) даже отчасти узаконенным злоупотреблением. При очных проверках (смотрах) личного состава капитаны, полковники или командующие гарнизонами, чтобы скрыть свой обман, либо ставили в строй переодетых слуг, лакеев, рабочих — так называемых пасволантов (фр. passe-volants, в вольном переводе — «ходящие туда-сюда», также soldats prêtés — одолженные солдаты, и fagots — чучела,

буквально — «вязанки хвороста»), либо пополняли ряды горожанами из местного ополчения и солдатами нестроевой службы, т.е. представителями категории *demi-raue* (буквально — «половинный оклад»), содержать которых полагалось частично за счет государственных средств, а частично — за счет губернатора или муниципального бюджета. В обычной практике крепостей *demi-raues* из числа ополченцев в лучшем случае могли рассчитывать лишь на деньги из городской казны, а нестроевые солдаты (как правило, выздоравливающие после ранений) — на гарнизонный котел или неоплачиваемый отпуск.

²⁶⁰Ополченцы (фр. *milice*, в данном случае — *garde*, охрана) — здесь: иррегулярные войсковые формирования, набиравшиеся в военное время из местных жителей для усиления гарнизона крепости; выполняли в основном функции вспомогательной охраны.

²⁶¹Ассамблея (фр. *assemblée*) — здесь: собрание городского самоуправления.

²⁶²Оружие, предназначенное для ополчения (фр. orig. *armes publiques*, буквально — «общее оружие») — в отличие от личного оружия горожан, о котором речь шла выше, — то, что хранилось в городских арсеналах для нужд ополченцев.

²⁶³Патруль (фр. *patrouille*) — здесь: один из видов несения караульной службы в крепостях, ночной обход городских кварталов для поддержания порядка и пресечения враждебных действий; мог производиться как военными гарнизона, так и силами городского ополчения (см. главу XXX).

²⁶⁴Редюит (фр. *réduit* — убежище) — вообще: оборонительная постройка в тылу передовых позиций либо малая постройка внутри крепости или внешней постройки, куда обороняющиеся, теснимые противником, могли отступить для продолжения боя; в данном случае — синоним цитадели.

²⁶⁵Показательно, что, рассказывая о тактике занятия городов в ходе войны, автор, как видно из этой фразы, подразумевает войну с Испанией.

²⁶⁶В оригинале автор употребил устаревший французский фразеологизм *à main sauve*, который можно перевести как «под спасительной дланью», «без риска для жизни».

²⁶⁷См. главу XXXII.

²⁶⁸Ансэнь (фр. *enseigne* — знаменосец, прапорщик) — во французской армии XVI–XVIII вв. младший из субалтерн-офицеров пехотной роты (после лейтенанта и, в некоторых случаях, секунд-лейтенанта). Обязанностью ансэня по должности было ношение ротного знамени. В кавалерии ансэню соответствовал корнет.

²⁶⁹В армии Франции при Старом порядке моральный и правовой статус офицеров и генералов, равных между собой в чине, исторически дифференцировался по принципу выслуги (фр. *ancienneté*), т.е. зависел от стажа их службы или же ранга подразделения, в котором они служили. Стаж службы, как правило, отсчитывался с даты получения королевского патента на чин, а если офицер по той или иной причине сразу не приступил к исполнению своих обязанностей — то со дня прибытия в подразделение или принятия командования. Со временем закрепилось правило, что в кавалерии преимущество офицеров одного и того же чина из разных подразделений определяется личной выслугой, а в пехоте — статусом полка: «К примеру, — пишет Л. де Гайя, — полковник Пикардийского полка, прослуживший лишь один день, признается выше по положению, нежели полковник Шампаньского, который состоит в должности целых двадцать лет, — ибо Пикардийский полк — старше всех остальных полков» (Gay, *part. II, chap. VI*). Выслуга была неотъемлемым слагаемым офицерских полномочий, тесно связывалась с должностью в армейской иерархии и играла решающую роль при продвижении в карьере.

²⁷⁰Циркумвалационная линия (фр. *ligne de circonvallation*, от лат. *circumvallo* — обложить, обнести валом) — комплекс полевых укреплений, возводившихся осаждающей армией вокруг крепости позади своих позиций и лагеря для отражения войск, идущих на выручку осажденным.

²⁷¹Губернаторский наряд (фр. *ориг. rolle du gouverneur*) — здесь: утвержденная губернатором крепости численность караула для того или иного поста.

²⁷²Капот (фр. *capote*) — род верхней одежды, накидка с капюшоном.

²⁷³Прованс (фр. Provence) — историческая область в Южной Франции, на побережье Средиземного моря.

²⁷⁴Казакин (фр. casaque), согласно «Словарю французского языка» С.-П. Ришле (1680), — «верхняя одежда подлиннее жю-стокора, которую накидывают на плечи, как плащ».

²⁷⁵«Если на стенах заведены колокольчики, не стоит звонить в них непременно в тот час, когда мимо движется дозор: это все равно что предупреждать врагов, ибо те, подслушав, в какое время звонят, смогут узнать и в какой кордегардии его принимают» (глава XXXVIII).

²⁷⁶Майор (фр. majot), точнее, сержант-майор — офицер, отвечавший в полку за формирование тактических подразделений (батальонов), организацию караульной службы, составление походной колонны, подготовку лагеря к приему войск, проведение смотров и проверок личного состава, снабжение боеприпасами и т.п. Первоначально должность майора возлагалась на одного из капитанов в полку, в дальнейшем стала штатной и не связанной с владением собственной ротой. В полковом штате майор подчинялся командиру полка или его заместителю, тактически — майору бригады (т.е. соединения полков) или, в некоторых случаях, напрямую генерал-майору армии. В непосредственном тактическом подчинении майора находились сержанты (в кавалерии — квартирьеры), исполнявшие аналогичные обязанности в ротах (эскадронах). Майор крепости (фр. major de la place или major de ville) имел более узкий круг обязанностей (они касались преимущественно караульной службы, комплектования гарнизона и учета личного состава), однако по объему полномочий, распространявшихся на все полки гарнизона, превосходил обычного майора, был третьим лицом в военной администрации города, состоял в непосредственном подчинении губернатора, а в его отсутствие — королевского лейтенанта и по особому приказу короля мог их замещать.

²⁷⁷Мэтрдекан (фр. maître de camp, ориг. maistre de camp) — командир кавалерийского полка в армии Франции при Старом порядке, эквивалентный полковнику в пехоте; применительно к крепостям, удельный вес кавалерийских подразделений

в которых был, как правило, невелик, — начальник кавалерии гарнизона.

²⁷⁸Жетон (фр. orig. *méteau*) — согласно «Словарю...» С.-П. Ришле, «знак, предназначенный для того, чтобы люди, которым он вручен, были допущены куда-либо или могли подтвердить, что они там были».

²⁷⁹Ниже автор пересказывает фрагмент «Всеобщей истории» древнегреческого автора Полибия (VI, 34).

²⁸⁰Инсигниями (фр. orig. *enseignes*, буквально — «знамена», от лат. *insignia* — знак, отличие; в переносном смысле — войсковое подразделение) де Виль обобщенно называет пехотные и кавалерийские подразделения римлян (у Полибия собственно — манипулы и турмы), организационно соотносившиеся с позднейшими западноевропейскими ротами.

²⁸¹Трибун (фр. *tribun*, лат. *tribunus*) — в период Римской республики один из шести поочередно сменявших друг друга в должности командующих легионом.

²⁸²Автор упоминает о командном составе манипулы — подразделения древнеримского легиона, которую сравнивает с современной ему пехотной ротой: согласно проводимой им параллели, первый центурион в манипуле соответствовал капитану, второй — лейтенанту, вексиллярый — ансэню (прапорщику), тергидуктор — сержанту, декурион — капралу, квинквинарий — ланспасаду. Слово «тергидуктор» (лат. *tergiductor* — замыкающий) — калька с греческого *οὐραγός*: урагами, в частности, назывались младшие командиры в лохосах, т.е. аналогах рот у древних греков. Пересказывая Полибия, де Виль также употребляет по отношению к этим командирам термин-кальку *serre-file* (буквально — замыкающий ряда).

²⁸³Для какого она поста.

²⁸⁴Первый бригадир (фр. orig. *premier brigadier*) — согласно терминологии, к которой прибегает де Виль, пересказывая Полибия, — офицер, командующий соединением кавалерийских рот — эскадроном (фактически — старший из капитанов эскадрона). Название этого чина автор интерпретирует согласно различиям, существовавшим в названиях современных ему

пехотных и кавалерийских должностей; у Полибия, между тем, говорится о «первом центурионе» (лат. *primus pilus*) — командующем когортой, древнеримским эквивалентом батальона, т.е. тактическим подразделением пехоты: дело в том, что кавалерия у римлян являлась вспомогательным родом войск и в полевых сражениях предназначалась, главным образом, для прикрытия флангов.

²⁸⁵В данном случае, употребляя название *serge-file* (ср. *примеч. 282*), автор подразумевает квартирьера (фр. *maréchal de logis*) — младшего офицера кавалерийской роты, соответствующего сержанту в пехоте.

²⁸⁶Крыло (фр. *aile*) — де Вилль имеет в виду алу (лат. *ala* — крыло) — тактическое подразделение кавалерии у древних римлян, организационно соответствовавшее позднему европейскому эскадрону (название связано с тем, что кавалерия обычно защищала фланги пехотного строя). Римская ала подразделялась на турмы — аналог кавалерийских рот.

²⁸⁷Триарии (фр. *triaries*) — испытанные пехотинцы-ветераны в армии Древнего Рима, имевшие наибольший стаж службы; в легионе составляли первые, самые привилегированные манипулы (пилус). Первый центурион пилуса (т.е. старший командир первой манипулы триариев) возглавлял одно из тактических подразделений легиона — когорту.

²⁸⁸У Полибия — «центуриона»; де Вилль в данном случае употребляет название *chef de file* и подразумевает, по-видимому, не командира всего подразделения, а офицера, эквивалентного ротному сержанту, который непосредственно отвечал за наряд часовых.

²⁸⁹Помощники майора (фр. *aides-major*) — офицеры в полках или гарнизонах крепостей, содействовавшие майору в выполнении его обязанностей либо замещавшие майора во время его отсутствия.

²⁹⁰Речь идет о так называемом сержантском круге, т.е. построении сержантов гарнизона для получения от майора приказов и нового пароля. Вот как описывает это построение Луи де Гайя в «Военной науке...»: «По прибытии майора сержанты становятся

ся с ним в круг — справа налево, согласно преимуществу своих рот, — все с непокрытыми головами и алебардами в руках. Майор, остающийся в головном уборе, объявляет им приказы о том, что предстоит сделать сверх обычного; пароль он называет на ухо первому сержанту справа, тот — передает шепотом следующему и так далее, пока последний в круге не повторит его майору, дабы стало ясно, что пароль не искажен» (Gaya, part. II, chap. XIV).

²⁹¹Билет (фр. billet) — здесь: документ, удостоверяющий личность офицера и его право производить дозор.

²⁹²Les fortifications, l. III, part. I, chap. IV. Дозор первой смены подавал часовым заранее согласованный условный сигнал, по которому его можно было узнать, и тут же сообщал им другой, для следующего дозора; самого пароля часовые не знали и, таким образом, могли беспрепятственно пропустить лишь дозорных конкретного обхода, никого больше.

²⁹³Речь идет о Робере де Сен-Дели, бароне д'Экуре: будучи начальником кавалерии в гарнизоне Амьена, он был уличен в намерении сдать испанцам крепости Амьен и Дуллан и обезглавлен как изменник 11 сентября 1638 г.

²⁹⁴Отделение (фр. escouade, ориг. esquadre) — подразделение пехотной роты под командованием капрала, включавшее треть ее личного состава; соответствует современному взводу. В старой отечественной традиции — капральство.

²⁹⁵Барабанный сигнал «под спуск знамени» — в оригинальном французском тексте — dernier.

²⁹⁶Во избежание ложной тревоги.

²⁹⁷Вратные регистры (фр. registres des portes) — списки лиц, вошедших в крепость; составлялись караульным нарядом у ворот.

²⁹⁸Лье (фр. lieue) — старинная французская мера расстояния. Парижское лье в первой половине XVII в. равнялось 3,248 км.

²⁹⁹Les fortifications, l. III, part. I, chap. VII.

³⁰⁰Согласно «Словарю французского языка» С.-П. Ришле, мэр (фр. maire) — «это первое должностное лицо, или магистрат, в гражданском управлении какого-либо города или местечка»; эшеваны (фр. ориг. échevins) — «должностные лица, которые

избраны жителями города для попечения о хозяйственных и гражданских делах».

³⁰¹Глава XLVIII.

³⁰²Мнимая измена — фр. ориг. *contre-trahison*, буквально — «встречная измена».

³⁰³Конвой (фр. *convoy*, ориг. *convoy*) — «это подмога войсками, деньгами, боеприпасами и провиантом, доставляемая в крепость или полевой лагерь» (DMP. T. I. P. 522).

³⁰⁴Фр. ориг. *porter les armes chez lui*, буквально — «принести оружие к нему», т.е. к губернатору.

³⁰⁵Наблюдатели — фр. ориг. *ceux qui sont au guet*, буквально — «те, кто на посту», «те, кто начеку».

³⁰⁶Вышка — фр. ориг. *clocher*, т.е. колокольня, каланча.

³⁰⁷Эскалада (фр. *escalade*, от *escalader* — взбираться и *escalier* — лестница) — штурм крепостной ограды при помощи приставных лестниц. Для современного любителя военной истории слово «эскалада» связывается, прежде всего, с одноименным народным праздником, который ежегодно устраивается в Женеве в память об отражении штурма города савойскими войсками в декабре 1602 г.

³⁰⁸*Les fortifications*, l. III, part. I, chap. VIII.

³⁰⁹Проем амбразуры (фр. *créneau*) — расстояние между двумя зубцами на парапете крепостной ограды в крепостях, возведенных до применения бастионной системы.

³¹⁰Амбразуры подошвенного боя (фр. ориг. *les créneaux avancées persés par dessous*, буквально — «навесные амбразуры, пробитые понизу») — в старых крепостях отверстия для стрельбы, сделанные в толще крепостной ограды не выше человеческого роста и предназначавшиеся для уничтожения живой силы противника во рву и противодействия осадным работам. «Навесными» (фр. *avancées*, буквально — «выдвинутыми») автор называет их, очевидно, по аналогии с амбразурами верхнего уровня, которые для удобства стрельбы в ров или сбрасывания камней закладывались либо с большим углом наклона, либо, благодаря особой конструкции парапета, нависавшего над стеной, строго вертикальными.

³¹¹Сапа (фр. *sape*, orig. *sappe*, от *saper* — мотыжить) — род подземного хода или траншеи, которые осаждающие прокладывали и использовали для приближения к главной крепостной ограде. В зависимости от способа прокладки различали несколько видов сап — двойную (фр. *sape double*), в виде двух параллельных ходов; летучую (фр. *sape volante*), при отрытии которой вынутый грунт сразу засыпался в корзины (габионы), устанавливавшиеся затем на краю выработки вместо бруствера; тихую (фр. *sape peine*), когда грунт по мере продвижения выработки выносили в тыл, и др.

³¹²Метеллы (фр. orig. *metellas*, от гр. *μέταλλος*, в русской традиции — металлы). Здесь и ниже автор обращается к труду древнеримского писателя Вегеция, чей труд «Краткое изложение военного дела» был широко распространен и часто цитировался теоретиками Нового времени: «Должно принять все меры к тому, чтобы множество неприятельских стрелков, прогнав с верха укреплений уstraшенных защитников и подставив лестницы, не взобрались на стены. ...Плетутся из древесины корзины — их называют “металла”, наполняют их камнями, ставят между двумя зубцами стен с таким расчетом, что, если враг станет подниматься по лестницам и чуть-чуть их коснется, он высыпет себе на голову эти камни» (Вегеций, IV, 6).

³¹³Фр. orig. *lours*. «...Некоторые [осажденные. — Я. С.], привязав канатами железные ножницы или щипцы (*forfex*) с острыми зубьями — они называют это “волком” (*lupus*) — и захватив ими таран, или переворачивают его или так поднимают, что он не может уже бить» (Вегеций, IV, 23).

³¹⁴Черепахи (фр. orig. *tortuës*) — осадные машины древности. «Черепаха делается из деревянных балок и досок; чтобы она не горела, она покрывается свежей шкурой, киликийским из козьей шерсти ковром или сшитым из кусков покрывалом. Под этой крышей находится шест, к концу которого прикрепляется загнутый железный крюк...; его назначение — вырывать из стены камни; иногда его головная часть одевается железом, и тогда он называется тараном или потому, что он имеет твердый “лоб”, которым он разрушает стены, или потому, что по примеру баранов он

отскакивает назад, чтобы ударить с тем большей силой и стремительностью. Черепаха же получила свое название от сходства с подлинной черепахой, которая то высовывает, то прячет голову: подобно ей, и это сооружение то прячет, то вновь выдвигает «таран», чтобы тем сильнее ударить» (Вегеций, IV, 14).

³¹⁵Лампион (фр. *lampion*) — согласно одному из изданий «Словаря французского языка...» П. Ришле, «железная емкость, которая наполняется смолой и варом и поджигается, чтобы светить по ночам на парাপете осажденной крепости» (Richelet, 1759, т. II, р. 494).

³¹⁶Предложение перегораживать ров частоколами, как кажется, идет вразрез с принципом сквозной простреливаемости рва, заявленным в главе XII.

³¹⁷Глава XXXVII, *Les fortifications*, l. III, part. I.

³¹⁸Главы XXX–XXXI.

³¹⁹Глава XXXII.

³²⁰Глава XXXII.

³²¹Главы XXXIII–XXXIV.

³²²Правильная осада (фр. ориг. *long siège*, буквально — «долгая осада») — военная операция по взятию крепости путем затяжной блокады. Термин «правильная осада», принятый в русском языке, — дословный перевод французского *siège réglé*.

³²³Открыть траншеи (фр. ориг. *faire des tranchées d'approches*, у других авторов — *ouvrir les tranchées, commencer les tranchées* и т.д.) — означало начать осадные работы, приступить к осаде открытой силой (*ср. примеч. 13*).

³²⁴Во время осады гугенотов в приморской крепости Ла-Рошель (1627–1628), поддерживавшейся с моря английским флотом, кардинал Ришелье, который лично руководил действиями правительственных войск, распорядился построить дамбу в акватории городского порта, чтобы перекрыть осажденным доставку провианта и подкреплений. В октябре 1628 г. Ла-Рошель сдалась.

³²⁵Осада Остенде в Западной Фландрии (1601–1604) — эпизод войны за независимость Республики Соединенных провинций

Нидерландов от испанского владычества. Длительному сопротивлению осажденных способствовало сообщение этой крепости с Северным морем через огибавший ее с востока судоходный канал Гейле: по этому каналу, который испанцы тщетно пытались перекрыть, и его рукаву под названием Ньеве-Хавен нидерландские и английские корабли снабжали Остенде провиантом и свежими войсками.

³²⁶Общие магазины (фр. ориг. *magazins publics*) — см. *примеч. 137*.

³²⁷Фр. ориг. *charité bien ordonnée commence par soi-même* — поговорка, которая в дословном переводе означает — «истинная любовь к ближнему начинается с самого себя».

³²⁸См. *примеч. 141*.

³²⁹Штурм открытой силой (фр. ориг. *siège par force*, буквально — «осада посредством силы») — военная операция по взятию крепости приступом при помощи осадных работ, сооружений и технических приспособлений.

³³⁰Фугас (фр. ориг. *fougade*) — здесь: пороховой заряд, который закладывали в землю на небольшую глубину для внезапного поражения живой силы противника, «малый минный горн в виде колодца шириной около восьми-десяти футов и глубиной в десять или двенадцать, заполненный бочонками или мешками с порохом: его устраивают под тем местом, где хотят устроить взрыв, снарядив, засыпают землей, а огонь к нему подводят при помощи сосисы, идущей к какому-либо другому месту» (DMP. Т. II. Р. 258).

³³¹Руайян (фр. *Royan*) — город-порт во Франции, на побережье Бискайского залива, при эстуарии Жиронда, современный департамент Приморская Шаранта. Был обнесен укреплениями еще в Средние века. Во время Столетней войны — английская военно-морская база. В ходе религиозных войн наряду с соседней Ла-Рошеллю — оплот гугенотов, подвергся осаде правительственными войсками и сдался спустя неделю (май 1622 г.); де Вилье принимал в этой осаде личное участие.

³³²*Les fortifications*, l. I, part. III, chap. LI-LIII; l. III, part. II, chap. XVIII и др.

³³³Les fortifications, I. III, part. II, chap. XV.

³³⁴Полупики (фр. demi-piques) — укороченные и облегченные пики, предназначенные для боя в движении.

³³⁵Авангард (фр. avant-garde) — здесь: передовые, ударные отряды атакующих в ходе вылазки.

³³⁶Липкий огонь (фр. feu gluant) — род фейерверка, воспламеняемый липкий состав.

³³⁷Аррьергард (фр. arrière-garde) — здесь: отряды, которые в ходе вылазки наступают в тылу передовых.

³³⁸Часовые аванпостов (фр. ориг. sentinelles avancées) — охрана на передовых постах, выставаемая для упреждения внезапного нападения врага.

³³⁹Затравка (фр. lumière, буквально — «свет») — здесь: отверстие, через которое воспламеняли порох в стволе артиллерийского орудия.

³⁴⁰В «Губернаторе...» об этом изобретении ничего не говорится.

³⁴¹Ворот (фр. ориг. tour) — здесь: простейший механизм для подъема или перемещения тяжестей путем приложения вращательного усилия. Классическим примером ворота данного типа может служить колодезный ворот.

³⁴²Кабестан (фр. cabestan, ориг. sapestan) — ворот, обычно вертикальный, для подъема или перемещения тяжестей; чаще всего используется в морском деле и строительстве.

³⁴³Прикрытые ложементы (фр. ориг. logements couverts, в старой отечественной традиции — ложементы атаки) — здесь: боевые позиции, обустроенные противником на занятых им внешних постройках крепости или на контрэскарпе.

³⁴⁴Les fortifications, I. II, part. II, chap. XXXII; I. III, part. II, chap. XVII.

³⁴⁵Монкальво (ит. Moncalvo, фр. ориг. Moncal) — город в Северной Италии, провинция Асти, древняя столица маркграфства Монферрат. Впоследствии принадлежал мантуанским герцогам. При вступлении Франции в Тридцатилетнюю войну и открытии военных действий против испанцев в Италии подвергся

осаде французско-савойскими войсками и был взят после непродолжительной осады (1635).

³⁴⁶Катле (фр. Le Catelet, ориг. Catelet) — город в исторической Пикардии, современный французский департамент Эн. Возник вокруг крепости, заложенной в 1520 г. французским королем Франциском I. В ходе Тридцатилетней войны, будучи, наряду с соседним Эсденом, важным форпостом на границе с Испанскими Нидерландами, был оккупирован испанцами (1636), но вновь перешел к Франции в результате успешной осады под руководством маршала де Л'Опиталя (Дюайе), продолжавшейся немногим более двух недель (конец августа — начало сентября 1638 г.). Любопытно, что маркиз де Монгла, описывая осаду Катле в своих «Мемуарах», дает прямо противоположную оценку эффективности пресловутых полостей и утверждает, что «от первой мины [проделанной минером в бастионе. — Я. С.] толку было немного, ибо *казематы*, обустроенные в четырех бастионах этой крепости, ослабили взрыв (фр. *donnerent évent à la mine*, буквально — «дали мине воздуха»). Тогда, дабы поправить дело, были протянуты минные горны и, благодаря им, проделаны бреши, вполне достаточные для штурма» (Montglat, p. 204–205).

³⁴⁷То есть кюнету, см. *примеч. 217*.

³⁴⁸*Les fortifications*, l. I, part. I, chap. XXX; в частности, де Вилль ставит в изъязн пустым бастионам невозможность обустроить на них ярусные фланки и эффективные ретраншементы.

³⁴⁹Касканы (фр. *cascanes*, *mine à cascanes*) — способ отрывки мин и контрмин, впервые описанный де Виллем и, возможно, им же изобретенный (во всяком случае, он называет его *les cascanes à notre mode*). «Мину удобнее рыть по новому способу — в виде касканов: для этого, как и раньше, отрывают спуск, со дна его отводят горизонтальную выработку (фр. *taillade*), а ее — заглубляют колодцем высотой не более как в рост человека. На дне этого первого колодца, отступив немного вбок, роют другой, такой же высоты, — и так все остальные, пока не будет достигнута нужная глубина: землекопы, таким образом, могут передавать друг другу корзины с вынутой землей довольно быстро и без особого труда. Колодцам надлежит быть обычной ширины, дабы

внутри помещались и работали четыре человека, — но, подразумевается, лишь первым, так как следующие нужно делать позже» (*Les fortifications*, l. II, part. II, chap. XXXII; илл. — pl. XLVII, fig. 2). Далее, рассказывая о контрминах, автор пишет: «... Упомянутый колодезь вы можете выкопать точно так же, как мы рассказывали в главе “О минах”, то есть в виде касканов по шесть футов высоты, один обок другого, наподобие ступеней, чтобы можно было передавать землю в корзинах из рук в руки» (*Ibid.*, l. III, part. II, chap. XVII). Этимология названия *cascanes*, по мнению П.-Ж. де Мезеруа, автора книги «*La tactique discutée, et réduite à ses véritables loix...*», связана со словом *cascades*, означаящим «пороги» (р. 300); он же указывает, что де Вилль был первым, кто описал этот способ рытья мин. В русский язык термин «касканы» вошел благодаря инженерному словарю в сочинении Н.Г. Курганова «Морской инженер» (СПб., 1777): «Касканы суть колодезцы один глубже другога, коих осаждающие делают в ретраншементе валганга для отыску подкопа или вкапываясь под ров» (Курганов, с. 317).

³⁵⁰Минная галерея (фр. ориг. *galerie*) — длинный подкоп с минным горном в голове, подводившийся под оборонительные сооружения крепости для их последующего подрыва. *Ср. примеч. 98.*

³⁵¹Не слишком понятно, как управляться со щупом такой длины в поперечной подземной выработке, ширина которой составляет, согласно рекомендациям автора, всего лишь 2–3 фута, а высота — 5. Возможно, траверс, о котором идет речь, выкапывался не в виде перпендикулярного штрека, а представлял собой трапециеобразное расширение рукава контрмины, и минер, используя щуп, мог при необходимости отступать назад по этому рукаву.

³⁵²Название *grain d'orge* (ячменное зерно) прилагалось вообще к целому ряду инструментов, использовавшихся каменотесами, землекопами, кузнецами и столярами, — бурам, молотам, топорам и др.

³⁵³Минный горн (фр. *fourneau*, буквально — «печь») — камера в голове минной галереи или одного из ее рукавов, предназначав-

шаяся для закладки пороха в мину. Минным горном автор называет также яму для закладки фугасного заряда.

³⁵⁴Казенная часть (фр. ориг. culasse) — задняя часть орудийного ствола.

³⁵⁵В оригинале использовано слово *taillade*, подразумевающее в данном случае открытую земляную выработку, проходящую параллельно атакуемому фасу и, следовательно, под тем или иным углом к минной галерее.

³⁵⁶Сосиса (фр. saucisse) — запальное приспособление для подрыва мин, «длинный рукав из просмоленной холстины, свернутый, сшитый и начиненный по всей длине порохом и в таком виде протягиваемый от минного горна или камеры до того места, где находится инженер, готовый поджечь его и привести минный горн в действие. Диаметр сосисы может доходить до двух дюймов. Обычно к каждому горну подводят две сосисы, и случись, что одна придет в негодность, другая ее заменит» (DMР. Т. III. Р. 353).

³⁵⁷Глава XLVI.

³⁵⁸Фр. ориг. *prendre pied à pied*, буквально — «взять постепенно»; автор имеет в виду поэтапный штурм, при котором противник всходит на вал, подавляет сопротивление защитников постройки, овладевает ретраншементами и, наконец, всей постройкой.

³⁵⁹Козлы (фр. *chevalets*) — здесь: стойки из деревянных брусьев, которые в крепостях служили опорами для наведения временных мостов через ров, заполненный водой.

³⁶⁰Плечевые фланговые выступы (фр. ориг. *épaules aux flancs*) — орильоны прямоугольной формы (см. *примеч.* 156).

³⁶¹Летучий мост (фр. *pont volant*) — «сочленение двух малых мостов, приспособленных один над другим таким образом, что нижний можно выдвинуть вперед при помощи нескольких веревок, что пропущены через блоки на конце верхнего, и дотянуть до того места, к которому хотят навести переправу. Когда эти два моста выдвинуты стык в стык, длина их не должна превышать пяти-шести туазов, иначе они переломятся, — следовательно,

пользуются ими лишь при штурме тех построек или оборонительных позиций, чей ров довольно узок» (DM, P. 319–320).

³⁶²Петрарии со съемной каморой (см. примеч. 78).

³⁶³Фр. orig. faire une perpétuelle scoretrie. Французское слово scoretrie, означающее стрельбу, — устаревшее; в словарях конца XVII–XVIII вв. оно уже не фигурирует.

³⁶⁴Замысел книги об оружии, военной технике и фейерверках, о котором де Вилль несколько раз упоминает в «Губернаторе...», по-видимому, так и остался нереализованным или, во всяком случае, не был доведен до конца: эта книга так и не увидела свет.

³⁶⁵Глава XLVI.

³⁶⁶Les fortifications, l. III, part. II, chap. XIX.

³⁶⁷Малая война (фр. orig. parties de guerre, в позднейших источниках — petite guerre) — военные предприятия, носившие характер набегов и диверсий и производившиеся мобильными отрядами, в том числе иррегулярными (партизанскими), — в отличие от действий главных сил противоборствующих армий. Де Вилль посвятил малой войне последнюю главу «Губернатора...», анонсированную в заглавии книги как «Трактат о малой войне» (фр. orig. Traité des parties de guerre).

³⁶⁸Имеются в виду города, ресурсами и военной поддержкой которых пользуется неприятель.

³⁶⁹Ретраншементы (фр. retranchements) — здесь и далее по тексту настоящей главы: укрепления циркумвальной линии.

³⁷⁰Les fortifications, l. II.

³⁷¹Когда прорыв не удался.

³⁷²Мосты (фр. ponts) — здесь: мобильные приспособления для наведения переправы через реки во время похода или через ров циркумвальной линии.

³⁷³Плетеные маты (фр. claies, orig. clayes) — «суть щиты из туго переплетенных древесных ветвей, предназначенные для прикрытия траверсов и ложементов, а насыпанные землей, — для защиты от фейерверков и камней, которые может сбрасывать враг; если нужно преодолеть ров, из которого только что спустили воду,

эти маты кидают поверх топкой грязи, остающейся на дне, дабы проложить твердый путь» (DM. P. 101–102).

³⁷⁴Фр. orig. *affûts pour le charroi*, буквально — «лафеты для обоза». Очевидно, имеются в виду запасные орудийные лафеты или лафеты, которые либо вовсе не снабжались колесами (как, например, станки некоторых мортир), либо не могли использоваться для перевозки орудий на дальние расстояния или по пересеченной местности.

³⁷⁵Мантелеты (фр. *mantelets*) — передвижные дощатые щиты на катках или колесах, использовавшиеся для прикрытия от неприятельского огня во время постепенного занятия простреливаемых противником плацдармов или рытья подступов к осажденной крепости; наиболее эффективные изготавливались в виде входящего угла или швеллера и дополнительно обивались стальными листами. «Мантелеты должны быть пяти футов в высоту и трех — в ширину. Толщина их иной раз составляет два или три щита, скрепленных между собой железными перемычками» (DM. P. 264–265).

³⁷⁶Граншей (фр. *tranchées*) — здесь: рвы циркумвальной линии.

³⁷⁷Козлы (фр. *chevalets*) — здесь: подставки для стрельбы из мушкета.

³⁷⁸Глава XLII.

³⁷⁹В итальянском языке слово *saltamartino* означает, в частности, игрушку-попрыгунчика, ваньку-встаньку; согласно «Итальянскому военному словарю» Д. Грасси — «прозвание артиллерийского орудия из рода фальконов, находившегося в употреблении в XVI и XVII вв., с весом ядра от одного до четырех фунтов» (Grassi, v. IV, p. 17).

³⁸⁰Потому что гранаты метали рукой, а тяжеловесные бомбы заряжали в мортиры, которые предназначались для навесной стрельбы и не были рассчитаны на поражение цели прямой наводкой.

³⁸¹Никаких данных об этом сочинении, кроме упоминаний самого де Вилля, до нас не дошло: оно либо не было написано, либо не увидело свет. *Ср. примеч. 364.*

³⁸²Продольный ход (фр. ориг. *allée*) — помещение в виде сводчатой галереи, обустроенное внутри крепостной ограды по всему ее контуру и предназначавшееся как для ее контрминирования, так и для обустройства стрелковых позиций подошвенного боя; предшественник позднейших казематов. *Ср. примеч. 346.*

³⁸³Кофр — *см. примеч. 195.*

³⁸⁴Глава XLII.

³⁸⁵То есть о фортификации такого начертания, где бастионные фасы либо могут эффективно обороняться огнем с косых флангов, заложенных близко к центру куртины, либо, за неимением последних, фланкируются внешней постройкой, которая возведена во рву перед куртиной.

³⁸⁶Глава XLII.

³⁸⁷Бринда, или брента (пьем. *brinda*, ит. *brenta* — бочка), — название емкости и дOMETрической меры для жидкостей в итальянских государствах и некоторых кантонах Швейцарии. В Северной Италии равнялась 56,1 л.

³⁸⁸По поводу условий сохранения экспериментальным образом полезных качеств малой модели де Вилль в 1633 г. полемизировал с Галилеем, и эта отповедь, по-видимому, продолжение полемики. *См.: Vérin, p. 313–316.*

³⁸⁹Согласно определению, данному в «Фортификации» А. Теляковского, частные ретраншементы (фр. *retranchements particuliers*) «располагаются только за теми частями вала, в которых неприятель может произвести пролом», а общие (фр. *retranchements généraux*) «составляют одну непрерывную внутреннюю ограду» (Теляковский, ч. II, с. 143). Наиболее подробное описание частных и общих ретраншементов в крепостях XVII в., снабженное наглядной схемой, — Mallet, t. III, p. 260–262.

³⁹⁰Глава XXI.

³⁹¹Возможно, этот пассаж — отголосок полемики об эффективности казематов, т.е. огневых позиций в толще вала, ставившейся в XVII в. под сомнение многими военными инженерами, в том числе и де Виллем.

³⁹²Глава XXX.

³⁹³Описание порядка круговой очередности караулов, как и ряд других фрагментов текста «Губернатора...», практически дословно заимствовано автором из его же «Фортификации» (*Les fortifications*, I. III, part. II, chap. XXII).

³⁹⁴В оригинале опечатка: *Picardie*.

³⁹⁵В оригинале опечатка: *rapiers* (бумаги) вместо *paniers* (корзины).

³⁹⁶Шострапы — *см. примеч. 123*.

³⁹⁷В оригинальном тексте наряду с камнедробилками (фр. *espinars*) и запальными свечами (фр. *brûlons*) фигурируют и другие технические средства, названия которых — *sautereaux*, *flames* и *taupes*, — несомненно, являются профессиональными жаргонизмами. Правильный перевод этих жаргонизмов представляет серьезную трудность: в словарях французского языка, даже изданных в XVII–XVIII вв., соответствующие значения либо отсутствуют вообще, либо не относятся к области, о которой идет речь, — в лучшем случае, насколько можно судить, характеризуют принцип действия этих приспособлений. Так, *flame* (в современной французской орфографии *flamme*) означает «пламя», «факел», «знамя», *taupe* — «крот» (очевидно, подразумевается некое устройство для рытья земли), а *sautereau* (однокоренное с глаголом *sauter* — прыгать, скакать) — «кузнечик», «лангуст», «клаве-синный толкачик» и даже, согласно Ришле, «артиллерийское орудие, не утяжеленное с казенной части и поэтому менее точное в стрельбе, нежели остальные» (*Richelet*, 1759, t. III, p. 542). В тексте русского перевода эти слова за невозможностью их корректного объяснения были опущены.

³⁹⁸Глава XXX.

³⁹⁹Мушкетоны — *см. примеч. 90*.

⁴⁰⁰Картуз (фр. *cartouche*) — здесь: заранее отмеренный и заключенный в оболочку пороховой заряд для артиллерийских орудий.

⁴⁰¹*См. примеч. 364, 381*.

⁴⁰²Глава XLVI.

⁴⁰³Фр. *chamade* — барабанный бой, призывающий к перемирию и объявляющий готовность вступить в переговоры о капитуляции. Термин-калька «шамад» или «шамада» (с несколькими вариантами написания) неоднократно встречается в отечественных военных источниках и справочной литературе XVIII в., в дальнейшем выходит из употребления.

⁴⁰⁴Ссылка гребцами на военные и торговые гребные суда — галеры — была в XVII в. основным видом каторги.

⁴⁰⁵*Les fortifications*, I. III, part. II, chap. XXIV.

⁴⁰⁶Эта норма военного права, как свидетельствуют источники, действовала во Франции еще в конце XVIII в.; ее, в частности, приводит «Методическая энциклопедия» Панкука со следующим уточнением: «Но случись осаждающим в неведении нужд крепости подписать капитуляцию, будет несправедливо обращать гарнизон в военнопленных, когда эти нужды откроются» (ЕМ, *Jurisprudence*. Т. II, Р. 263).

⁴⁰⁷Как видно из текста, имеется в виду пехота.

⁴⁰⁸Дословный перевод названия этой главы — «*Des parties de guerre*», т.е. «О военных партиях». Непривычный для современного читателя в данном контексте, но широко распространенный в русской военной литературе XVIII–XIX вв. термин-калька «партия» означает диверсионно-разведывательный рейд по местностям, занятым противником; этимологически связанное с этим термином слово «партизан» (буквально — сторонник, участник партии) довольно близко, хотя и не тождественно тому содержанию, которые мы вкладываем в него сегодня. Употребляя слово *parties*, автор подразумевает, в сущности, не только отдельные рейды, но и основанную на них форму военных действий — так называемую малую войну (фр. *petite guerre*), чем и обусловлен предлагаемый вариант русского перевода. Малая война, под которой чаще всего подразумевали краткосрочные диверсионные действия немногочисленных и, как правило, мобильных (кавалерийских) отрядов, не терявших связи с основными силами, зародилась на фоне трудностей снабжения крупных полевых армий в зимний период как средство нарушения коммуникаций и уничтожения тыловых баз противника. Относительную определенность понятие «малая война» приобрело

рело, по-видимому, в первой половине XVII в., однако в специальную литературу вошло не ранее середины XVIII в.; де Вилль еще не использует его ни в «Фортификации», ни в «Губернаторе...».

⁴⁰⁹Малый форт (фр. orig. petit fort, чаще fortin) — полевое замкнутое, как правило, бастионированное укрепление (иногда в составе циркумвальной линии), предназначенное для круговой обороны; использовалось также как сборное место.

⁴¹⁰Застрельщики (фр. orig. avant-coureurs) — здесь: воины, которым поручалась передовая разведка путей движения войск в походе и боевые действия, призванные дезориентировать противника во время неожиданных стычек с ним.

⁴¹¹Ведет (фр. vedette) — разъезд конных часовых в полевой армии.

⁴¹²Видимо, подразумевается восстановление боеготовности войск по окончании сбора трофеев.

⁴¹³Фр. orig. tant roues que du reste; очевидно, имеются в виду сани либо волокуши для переправы грузов по снегу или через топкие места.

⁴¹⁴Les fortifications, l. II, part. I, chap. V.

⁴¹⁵Les fortifications, l. II, part. II, chap. XXX.

⁴¹⁶См. *примеч.* 364, 381.

⁴¹⁷Муниционная повозка (фр. chariot de munitions) — транспортное средство для перевозки боеприпасов в походе.

⁴¹⁸Актуариус (фр. orig. greffier, буквально — «писец») — здесь: чиновник городской администрации, ведавший делопроизводством, счетами и перепиской.

⁴¹⁹Су, или соль (фр. sou, sol), — старинная французская денежно-счетная единица, равнявшаяся 12 денье и двадцатой части ливра (см. *примеч.* 420). Монетой, нарицательно эквивалентной су, в первой половине XVII в. был серебряный дузен (чеканился до 1658 г.).

⁴²⁰Ливр (фр. livre, от лат. libra — фунт) — денежно-счетная единица Французского королевства в XIII — конце XVIII в., привязанная к золоту; равнялась 20 су и 240 денье. До 1667 г. формально различали парижский ливр и турецкий ливр, стоимость которых

разнилась примерно на четверть. Монетным эквивалентом ливра являлись золотой (в XIV–XV вв.), а впоследствии серебряный (в последней четверти XVI в.) франк. В первой трети XVII в. официальное золотое содержание ливра составляло 0,862 г, чеканились серебряные монеты в полфранка.

⁴²¹Бригадир (фр. brigadier) — здесь: низший офицер в кавалерийской роте; соответствовал капралу в пехоте.

⁴²²Корнет (фр. cornette, от ит. corno — рог, войсковая труба) — в армии Франции при Старом порядке — младший из субалтерн-офицеров кавалерийской роты, эквивалентный ансэну в пехоте; приблизительно соответствует младшему лейтенанту или лейтенанту в современных ВС РФ.

⁴²³Лейтенант (фр. lieutenant — буквально «держущий место», «замещающий») — в армии Франции при Старом порядке первый субалтерн-офицер пехотной или кавалерийской роты, заместитель капитана.

⁴²⁴Колет (фр. colet) — короткая куртка, обычно кожаная, распространенный предмет военной одежды в XVI–XVII вв.

⁴²⁵Перевязь (фр. écharpe, ориг. escharpe) — здесь: предмет военной одежды XVI–XVII вв., широкий ремень через плечо, использовавшийся для ношения шпаги.

⁴²⁶Стратегемы (фр. stratagemes, гр. στρατηγήματα) — военные хитрости.



ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *De Ville, A.* De la charge des gouverneurs des places par messier Antoine de Ville, chevalier. Paris: éd. Matthieu Guillemot, 1639.

2. *De Ville, A.* Les fortifications de chevalier Antoine de Ville, contenant la maniere de fortifier toute sorte de places tant régulièrement, qu'irrégulièrement en quelle assiette qu'elles soient; comme aussi les ponts, passages entrées de rivières, ports de mer; la construction de toutes sortes de forts et citadelles, les moyen facile de tracer sur le terrain, le tout à la moderne, comme il se pratique dans les meilleures places de l'Europe, démontré et calculé par les sinus et logarithmes. Lyon: éd. Irenée Barlet, 1628.

3. *De Ville, A.* Le siège de Hesdin, par messier Antoine de Ville, chevalier. Lyon: éd. Jean Caffin et François Plaignard, 1639.

4. *Aubert de La Chesnaye des Bois, F.-A.* Dictionnaire militaire ou recueil alphabetique de tous les termes propres à l'art de la guerre. Paris: éd. Gissey, Bordelet, 1742. **DM.**

5. *Aubert de La Chesnaye des Bois, F.-A.* Dictionnaire militaire portatif, contenant tous les termes propres à la guerre. Paris: éd. Duchesne, Gissey, la veuve Bordelet, la veuve David, 1758. T. I–III. **DMP.**

6. *Augoyat, A.-M.* Aperçu historique sur les fortifications, les ingénieurs et sur le corps de génie en France. Paris: éd. C. Tanera, J. Dumaine, 1860. T. I.

7. Biographie toulousaine. Paris: éd. L.G. Michaud, 1823. T. II.

8. Biographie universelle ancienne et moderne. Paris: éd. L.G. Michaud, 1814. T. XI.

9. *Bitainvieu, S.* L'art universel des fortifications françoises, hol-
landoises, espagnoles, italiennes et composées. Paris: éd. Jacques Du
Brueil, 1674. **AUF.**

10. *Bruant, Y.* Les traités d'architecture militaire français à
la fin du XVI-e siècle et au début du XVIIe siècle, dans Les traités
d'architecture de la Renaissance // Actes du colloque tenu à Tours
du 1er au 11 juillet 1981 / études réunies par Jean Guillaume. Paris:
éd. Picard, 1988.

11. *Chesnel, P.-F.A.* Dictionnaire des armées de terre et de mer,
encyclopédie militaire et maritime. Paris: éd. Armand le Chevalier,
1862–1864. T. I–II.

12. *Courtin, E.M.P.* Encyclopédie moderne, ou Dictionnaire
abrégé des hommes et des choses. Bruxelles: éd. T. Lejeune, 1828.
T. VI.

13. *Daire, L.-F.* Histoire de la ville d'Amiens depuis son origine
jusqu' à présent. Paris: éd. la veuve de Delaguette, 1757. T. I–II.

14. *De Gaya, L.* L'art de la guerre et la manière dont on la fait
aujourd'hui en France, avec une nouvelle méthode d'exercer et de
conduire les troupes. Paris: éd. Etienne Michallet, 1689.

15. Dictionnaire militaire, encyclopédie des sciences militaires
par un comité d'officiers de toutes armes. Paris; Nancy: éd. Librairie
militaire Berger-Levrault et C^{ie}, 1898–1910. T. I–II.

16. Encyclopédie méthodique. Arts et métiers mécaniques. Paris:
éd. par Pankcoucke, Plomteux, 1782. T. I; Jurisprudence. Paris: éd.
par Pankcoucke, Plomteux, 1783. T. II; Marine. Paris; Liege: éd. par
Pankcoucke, Plomteux, Clousier, 1783. T. I. **EM.**

17. *Errard de Bar-le-Duc, J.* La fortification démontrée et réduite
en art, sans éd. Paris, 1604.

18. *Feller, F.-X., Weiss, C.* Biographie universelle ou Dictionnaire
historique. Lille; Besançon: éd. J. Leroux, Jouby et Cie, Gaume freres,
1848. T. III.

19. *Furetière, A.* Dictionnaire universel contenant généralement
tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes de
toutes les sciences et des arts. La Haye; Rotterdam: éd. Arnout et
Reinier Leers, 1690. T. I–III.

20. *Furetière, A.* Dictionnaire universel contenant généralement
tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes de

toutes les sciences et des arts. Rotterdam: éd. H. Basnage de Beauval, 1708. T. I—III. **DU.**

21. Grande Encyclopédie, sous la direction M. Berthelot etc. Paris: éd. H. Lamirault et C^{ie}, sans date [1886–1902, T. I—XXXI]. T. XIV.

22. *Grassi, G.* Dizionario militare italiano. Torino: ed. Societa Tipografico-libreria, 1833. T. I—IV.

23. *Joli de Maizeroi, P.* La tactique discutée et réduite à ses véritables loix. Paris: éd. Claude-Antoine Jombert, 1773.

24. *Le Blond, G.* Elements de fortifications à l'usage des jeunes officiers. Paris: éd. C.-A. Jombert, 1742.

25. *Mallet, A.M.* Les travaux de Mars ou l'art de la guerre. Paris: éd. Jean Henault et Claude Barbin, 1671. T. I—III.

26. *Montglat, F.* Memoires de François de Paule de Clermont, marquis de Montglat, en Collection des memoires relatifs à l'histoire de France. Paris: éd. M. Petitot, 1825. T. XLIX.

27. *Pernot, J.-F.* La guerre et l'infrastructure de l'État moderne: Antoine de Ville, ingénieur du roi (1596?–1656?), la pensée d'un technicien au service de la mobilisation totale du royaume // Revue d'histoire moderne et contemporaine. [№] 34. 1984, juillet-septembre.

28. *Pernot, J.-F.* L'école française de fortifications // Warmoes, I., Sanger, V. Vauban, Bâtitseur du Roi-Soleil. Paris: éd. Somogy, 2007.

29. *Pernot, J.-F.* Un aspect peu connu de l'œuvre d'Antoine de Ville, ingénieur du roi (1596?–1656?). Approches d'un type de documents: les gravures des traités de fortifications // Revue historique des armées, 1978.

30. *Richelet, P.* Dictionnaire de langue française, ancienne et moderne. Lyon: éd. les Freres Duplain, 1759.

31. *Richelet, P.* Dictionnaire français, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue française. Geneve: éd. Jan Hermen Widerhold, 1680.

32. *Vérin, H.* Galilée et Antoine de Ville: un courrier sur l'idée de matière // Largo Campo di Philosophare: Eurosposium Galileo / J. Montesinos & Carlos Solis. Madrid: éd. Orotavia, 2001.

33. *Бехайм, В.* Энциклопедия оружия / пер. А.А. Девель, В.В. Демидова и др. СПб.: Санкт-Петербург Оркестр, 1995.

34. *Вегезий, Флавий Ренат.* Краткое изложение военного дела / пер. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории. М., 1940. № 1.

35. Военная энциклопедия: [В 18 т.]. СПб.: изд. Товарищества И.Д. Сытина, 1911–1915.

36. *Геродот*. История в девяти книгах / пер. Ф.Г. Мищенко. М.: издание А.Г. Кузнецова, 1885–1886. Т. I–II.

37. *Губайдулин, А.М.* Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2003.

38. *Епишкин, Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010.

39. *Курганов, Н.Г.* Книга морской инженер, то есть теория и практика о укреплении напольных и приморских мест: о защите флотов во укрепленных гаванях и о бывших знатнейших атаках многих портов, с присовокуплением науки о перспективе, о напасти и обороне разных крепостей и словаря инженерного. СПб., 1777.

40. *Кюи, Ц.* Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897.

41. *Монтекукколи, Р.* Записки Монтекукколи, генералиссимуса императорских войск, или Общие принципы военного искусства / пер. Я.С. Семченкова. Montreal: Accent Graphics Communication, 2012.

42. *Полибий*. Всеобщая история в сорока книгах / пер. Ф.Г. Мищенко. М.: издание А.Г. Кузнецова, 1890–1899. Т. I–III.

43. *Руже, М.* Ручной словарь для инженеров, заключающий в себе все части фортификации и иных наук, принадлежащих сему искусству, расположенный по алфавитному порядку русских букв / Переведен на русский язык кол. асс. К. Красовским. СПб.: Военная типография Главного Штаба Его Императорского Величества, 1829.

44. *Теляковский, А.З.* Фортификация: [В 2 ч.]. Ч. II: Долговременная фортификация. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1855.

45. *Шперк, В.Ф.* Фортификационный словарь. М.: ВИА, 1946.

46. Энциклопедия военных и морских наук / глав. ред. Г.А. Леер. СПб., 1883–1897. Т. I–VIII.

СОДЕРЖАНИЕ



НАСТАВЛЕНИЕ БУДУЩЕМУ ГУБЕРНАТОРУ. ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.....	7
Военный инженер его высокопреосвященства...	
Предисловие переводчика	10
Его высокопреосвященству монсеньору кардиналу герцогу де Ришелье	21
К читателю.....	22
Глава I. О выборе губернатора и качествах, которыми ему надлежит обладать	25
Глава II. Об обязанностях губернатора и о том, что ему полагается знать в целом.....	33
Глава III. Что должен сделать губернатор, вступая в крепость	35
Глава IV. О том, какие порядки губернатор должен завести в крепости, дабы управлять горожанами	38
Глава V. Каким военным упражнениям губернатор должен учить солдат гарнизона.....	41
Глава VI. О бдительности, которую должен проявлять губернатор по отношению к своим солдатам и их командирам	43
Глава VII. Сколько солдат нужно в крепости	46
Глава VIII. О вооружении, необходимом для крепости	50
Глава IX. Как губернатор должен заботиться о хранении вооружения.....	56

ГЛАВА X. О боеприпасах, необходимых в крепости	58
ГЛАВА XI. О провианте, необходимом в крепости	64
ГЛАВА XII. Как губернатору определить недостатки крепости	67
ГЛАВА XIII. Почему губернатор, которому предстоит исправлять недостатки крепости, должен знать фортификацию	79
ГЛАВА XIV. В чем заключаются основные принципы фортификации	81
ГЛАВА XV. О начертании фортификации и о линии защиты	86
ГЛАВА XVI. О горжах и полугоржах	95
ГЛАВА XVII. О фланках	98
ГЛАВА XVIII. О шпиге, то есть фланкируемом угле бастиона, и о бастионных фасах	109
ГЛАВА XIX. О прочих внутренних составляющих крепости	115
ГЛАВА XX. О постройках вонне крепостного вала	120
ГЛАВА XXI. О других постройках вонне вала, которые именуются внешними	124
ГЛАВА XXII. Об иррегулярной фортификации	132
ГЛАВА XXIII. Как возводить внешние постройки при иррегулярных крепостях	139
ГЛАВА XXIV. О том, как надлежит исправлять недостатки крепости	147
ГЛАВА XXV. Об особенностях отправления губернаторской власти в различных городах	155
ГЛАВА XXVI. О том, как надлежит командовать солдатами в зависимости от их нации	157

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА XXVII. О том, почему в крепости нельзя принимать неприятельских перебежчиков.....	167
ГЛАВА XXVIII. О выплате жалованья солдатам	169
ГЛАВА XXIX. Об управлении населением города	173
ГЛАВА XXX. О ночном карауле	183
ГЛАВА XXXI. О часовых и дозорах	190
ГЛАВА XXXII. Как полагается заступать в наряд и сменяться; об открывании и запираании ворот и о дневном карауле	203
ГЛАВА XXXIII. Как губернатору надлежит упреждать и смирять бунты.....	213
ГЛАВА XXXIV. О предотвращении измены, восстания и заговора и о средствах против них	219
ГЛАВА XXXV. О тревоге	231
ГЛАВА XXXVI. О том, как защищаться от эскалад.....	237
ГЛАВА XXXVII. О противодействии петардам	242
ГЛАВА XXXVIII. Краткое повторение всех правил, которые надлежит соблюдать в крепости во избежание внезапного нападения	246
ГЛАВА XXXIX. О правильной осаде и защите против нее	255
ГЛАВА XL. О штурме открытой силой и о защите против него.....	262
ГЛАВА XLI. О контрбатареях и иных средствах обороны, необходимых в крепости и за ее пределами.....	265
ГЛАВА XLII. О вылазках.....	273
ГЛАВА XLIII. О контрминах	283
ГЛАВА XLIV. Как нужно оборонять внешние постройки	290

КАВАЛЕР АНТУАН ДЕ ВИЛЛЬ

ГЛАВА XLV. О подаче помощи	295
ГЛАВА XLVI. О защите контрэскарпа и о разрушении неприятельских галерей, наводимых через ров	307
ГЛАВА XLVII. О ретраншементах	319
ГЛАВА XLVIII. Как отражать штурм и оборонять ретраншементы	323
ГЛАВА XLIX. О капитуляции и сдаче крепости	338
ГЛАВА L. О малой войне	347
Примечания и комментарии	367
Источники и литература	439

Научное издание

ОБЯЗАННОСТИ ГУБЕРНАТОРА КРЕПОСТИ

мессира Антуана де Вилля, кавалера, —
книга, содержащая всякого рода правила,
которые надлежит соблюдать, дабы обеспечить крепость
всем необходимым для поддержания боеспособности,
а равно обороны и отражения
любых нападений; общепонятное руководство
к выявлению и устранению всех недостатков крепости;
краткое изложение фортификации с изъяснением
достоинств таковой, а также знаний,
которыми должен обладать дворянин и человек,
облеченный командованием, дабы судить о крепости
и нести в ней службу, а сверх того трактат
о малой войне

*Перевод с французского
Я.С. Семченкова*

Без возрастных ограничений

Редактор Д.Н. Бакун
Корректор М. Смирнова
Оригинал-макет Л. Жиляевой

Подписано в печать 07.06.2016 г.
Формат 60×90/16
Тираж 300 экз. Заказ № 3194

Грифон
111141, Москва, Электродная ул., 36
Тел.: 8-499-740-45-62
www.grifon-m.ru

Ян Семченков (род. в 1969 г.) – писатель, переводчик с французского и немецкого языков. Переводит и адаптирует для отечественного читателя редкие источники по военной истории Нового времени, мемуарную и справочную литературу XVI–XVIII вв., специализированные сочинения по военному делу, военной архонтологии, оружию, фортификации, вексиллологии. Живет и работает в Москве.



Кавалер **Антуан де Вилль** (ок. 1596 – ок. 1656) – выдающийся французский военный инженер, один из первых теоретиков бастионной фортификации, участник религиозных войн во Франции и Тридцатилетней войны. Его книга «Обязанности губернатора крепости» (1639) посвящена проектированию, строительству и усовершенствованию крепостей в соответствии с бастионной системой, а также управлению крепостями, стратегии и тактике их обороны, минному делу, организации гарнизонной и караульной службы и многим другим аспектам осадной войны.

На русский язык книга переведена впервые. Снабженная основательным справочным аппаратом, она, без сомнения, вызовет интерес не только у тех, кто занимается историей крепостей, но и у всех любителей военной истории.

ISBN 978-5-98862-292-5



9 785988 622925